

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

400 ЛЕТ ОКОНЧАНИЯ СМУТЫ
И ВОЦАРЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

**Материалы всероссийской конференции
Кострома, 2–3 марта 2013 года**

Редакторы: *Н. А. Невская, Г. Д. Неганова*
Техническое редактирование *Е. В. Фотиной*
Компьютерная верстка *И. М. Ивановой*

Подписано в печать 21.06.2013.

Формат 70x108/16.

Уч.-изд. л. 24,1.

Усл.-печ. л. 26,6.

Тираж 150 экз.

Изд. № 78.

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14

Министерство образования и науки Российской Федерации
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Администрация Костромской области
Благотворительный фонд Святителя Василия Великого

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

400 ЛЕТ ОКОНЧАНИЯ СМУТЫ
И ВОЦАРЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

**Материалы всероссийской конференции
Кострома, 2–3 марта 2013 года**

Кострома
КГУ им. Н. А. Некрасова
2013

УДК 947
ББК 63.3(2)45я431
63.3(2)5я431
Р 695

Печатается по решению организационного комитета
конференции и редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия

А. М. Белов, В. Р. Веселов, А. Г. Кирпичник,
А. Р. Наумов, Н. М. Рассадин, А. Д. Шипилов

Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии
Р 695 Романовых : материалы всерос. конф., Кострома, 2–3 марта 2013 года /
сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова,
2013. – 303 с.

ISBN 978-5-7591-1386-7

В сборник вошли материалы шестых Романовских чтений, состоявшихся
в Костроме 2–3 марта 2013 г. Конференция объединила усилия ученых историков,
философов, школьных педагогов и служителей Русской православной церкви
в исследовании проблем российской государственности и провинциальной жизни.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, краеведам,
студентам и всем интересующимся историей России.

УДК 947
ББК 63.3(2)45я431
63.3(2)5я431

ISBN 978-5-7591-1386-7

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013
© А. Д. Шипилов, составление, 2013

Козлова В. В. Проблемы взаимоотношений государственной власти и земского самоуправления во второй половине XIX – начале XX в. в отечественной историографии	263
Горохова О. В. Костромской Александринский детский приют (1895–1918).....	266
Сидоров Д. В. Проект реформирования учреждений уездной полиции в 80-е гг. XIX в. (на материалах документов Фонда сенатора Н. Н. Селифонтова)	270
Камыгина Г. А. Подготовка квалифицированных ювелиров в художественно-ремесленных учебных мастерских с. Красное и г. Ростов Великий	273
Аманов С. Ф. Роль костромских научных обществ в развитии дореволюционной археологии Костромского края	276
Бушуев И. А. Преступность как фактор повседневной жизни Костромы в 1905–1907 гг.	279
Сулоев И. Н. Политическое мировосприятие крестьян Верхнего Поволжья в 1905 г. (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	284
Гулин А. О. Деятельность губернских и городских органов власти в начальный период Первой мировой войны (на материалах Костромской губернии)	288
Сведения об авторах	293

ВСТУПЛЕНИЕ

В ваших руках сборник VI Романовских чтений, подготовленных к 400-летию окончания Смутного времени, началу возрождения российской государственности и воцарения новой царской династии Романовых.

Шесть лет подряд, с 2008 года, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова совместно с администрацией Костромской области и местными историко-культурными и иными учреждениями проводил представительные научные форумы, объединившие ученых-историков, культурологов, политологов, этнографов, археологов, архивистов, музееведов, историков Церкви и др. Романовские чтения, начавшиеся как довольно камерное провинциальное мероприятие, превратились в авторитетную Всероссийскую научно-практическую конференцию с участием ведущих ученых столичных академических институтов, российских университетов, известных политических и общественных деятелей. При этом госуниверситет им. Н. А. Некрасова всегда выполнял роль главного инициатора, организатора и координатора этих научных форумов. Подобную роль университет оставляет за собой и на будущее.

Организаторы Романовских чтений, несмотря на их название, не ставили своей задачей ограничиться узкой тематикой истории царской династии Романовых, а попытались связать ее со всей 300-летней многогранной историей России XVII – начала XX века: политической, экономической, социальной, культурной и др. За 6 лет проведения Романовских чтений они собрали более чем 3-тысячную аудиторию, с докладами и сообщениями выступили около 500 участников. Чтения имели тематическую направленность: история российской государственности, взаимоотношения центральной власти с провинцией, история русской культуры, судьбы российских земель и др.

В юбилейный сборник 2013 года вошли статьи, посвященные исследованию самодержавия как исторической формы российской государственности, изучению русского национального самосознания, традиций исторического регионоведения XVII – начала XX века. Научное собрание пришло к выводу, что, благодаря грандиозным преобразованиям Петра I и Екатерины II, исторической победы страны в правление Александра I над наполеоновской Францией в 1812–1814 годах,

Россия становится одним из признанных мировых лидеров и выступает гарантом стабильного развития Европы. Важным направлением исторических исследований стало возрождение интереса к истории Русской православной церкви. Среди проблем, к которым обратились участники Чтений, были следующие: взаимоотношения государства и церкви, обращение к истории не только как к эмпирическому, но и как к духовно-нравственному опыту, восстановлению в российском сознании когда-то отвергнутых, попранных и забытых вековых традиций. В целом, деятели Церкви, ученые, представители общественности отметили, что в начале XXI века Россия вновь заявила миру о своей исторической причастности к традициям православно-христианской цивилизационной идентичности. Составной частью Чтений стал традиционный интерес к местной истории в целом и Костромского края в частности. Отражением этого интереса стали статьи участников Чтений по проблемам реформирования местного управления и самоуправления, налогообложения, помещичьего дворянства, крестьянства, предпринимательства на закате императорской России.

Юбилейный 2013 год не последний в организации и проведении Романовских чтений. Доказав свою научную состоятельность, Всероссийская научно-практическая конференция «Романовские чтения» продолжит свою работу в будущем, поставив в центр внимания исследование многообразных проблем истории российской провинции.

Редколлегия

РАЗДЕЛ III

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

Шпилов А. Д. Теоретические подходы к проблеме регионоведческого изучения России в XVIII – начале XX в.	195
Цыганова А. В. Женское образование как ресурс развития российской провинции второй половины XIX – начала XX в. (на примере Тверской губернии)	205
Федорова А. А. Сакральное пространство провинциального города в дореволюционной России: формирование и функции	208
Голубева И. В., Дворецкая Е. С. Из истории развития текстильного производства в г. Костроме во второй половине XIX – начале XX в.	212
Зябликов А. В. Романовские торжества 1913 г. в мемуарах князя В. А. Друцкого-Соколинского	221
Рогов И. В., Чугунов Е. А. Костромской край в контексте 400-летия окончания Смутного времени и возрождения российской государственности	225
Митров А. Г. Казаки на юбилее дома Романовых в Костроме в 1913 г. ...	230
Звягина И. В. Местная периодическая печать о Михаиле Романове в Перми: проблемы изучения	234
Волков Д. А. Кострома – колыбель дома Романовых: из опыта нравственно-патриотического воспитания детей с ограниченными возможностями Романовского реабилитационного центра	237
Комиссаров П. А. Костромская духовная консистория в социокультурной среде губернии в конце XIX – начале XX в.	238
Еремеева В. Л. Участие Костромского и Ярославского губстаткомитетов в проведении первой всеобщей переписи населения Российской империи	242
Новиков А. В. Социальные и межведомственные противоречия в России рубежа XIX–XX вв. через призму деятельности Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия	246
Резепин П. П. Почетный президент Костромского общества охотников конского бега Великий князь Дмитрий Константинович	253
Прислонов Н. Н. Крестьянские промыслы конца XIX – начала XX в. как локомотивы регионального развития (на примере сапожного промысла с. Кимры в Тверской губернии)	257

Шульгин В. Н. Русская мысль XIX–XX вв. о народности в политике	129
Баранов А. Н. Проблемы развития российского государства в трудах отечественных либералов	134
Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. Костромской ювелирный промысел: от массового производства ювелирной «мелочовки» в дореволюционной России к туристическому бренду современной Костромской области.....	140
Нигметзянов Т. И. Отечественная и зарубежная историография Улуса Джучи	144
Шипилов А. Д. К вопросу об актуальности регионоведческого изучения России в XVIII–XX вв.	146
Богомаз А. П. Женщина-преступница в общественном мнении во второй половине XIX – начале XX в.	149
Павленко А. А. Романовы и царские изографы XVII в.	153
Титова Н. А. Русско-болгарские церковные связи во второй половине XIX – первой половине XX в.	155
Миловидова Н. В. М. Е. Салтыков-Щедрин как энциклопедист русской жизни	158
Соболева О. Ю., Панкратова О. Б. Общественное сознание провинциальной интеллигенции на рубеже XIX–XX веков (на примере деятельности общественных организаций Костромской губернии)	164
Белихов А. Б. Развитие путей сообщения в Костромской губернии на рубеже XIX–XX вв.	168
Голованова О. И. Памятник 300-летию дома Романовых в контексте развития монументальной скульптуры второй половины XIX – начала XX в.	173
Лазарев А. С. Деятельность Костромской земской интеллигенции по реорганизации системы начального образования в российской империи в конце XIX – начале XX в.	177
Казначеева Т. А. Изучение иностранных языков в царской семье	180
Днянов К. С. Греко-западнорусское «просветительство» как фактор развития культурного диалога России и Запада в XVII в.	184
Гулин А. О. Патриотические настроения в провинциальном обществе, вызванные началом Первой мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	187
Шаваринская С. Р. Военная проблематика в творческом диалоге Достоевского и Толстого второй половины 1870-х гг.	191

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д. М. Володихин

Москва

М. Ф. РОМАНОВ И ДРУГИЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ НА РУССКИЙ ПРЕСТОЛ В 1613 ГОДУ: ГЕНЕАЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

В ноябре 1612 года земское ополчение последний раз отбросило поляков от Москвы. Начало зимы 1612/13 года прошло в хлопотах, связанных с созывом. Люди съезжались медленно, люди съезжались трудно. Земский собор открылся лишь в начале января 1613 года. Его заседания проходили в Успенском соборе Кремля. Земские представители выдвинули больше дюжины кандидатур нового монарха.

Легче всего оказалось «отвести» предложение, относившееся к польскому правящему дому. Весьма скоро ушел из поля зрения собравшихся королевич Владислав. Позднее пропал из обсуждения герцог Карл-Филипп, сын шведского короля.

Идея самозванчества потускнела в глазах всей земли. Царь должен быть истинный. По крови и по Божественному изволению. Все прочие варианты несут неминуемое зло. Поэтому быстро отказались от Марины Мнишек и ее сына «воренка», – а значит, и от мира с атаманом Заруцким, поддерживавшим их силою казачьих сабель. Марина Мнишек в 1605 году была возведена Лжедмитрием I на высоту русской царицы, но раз «государя», приведенного самозванческой интригой на трон, признали ложным, то и царица его – ложная.

Отказ от этих кандидатур был единодушно высказан на Соборе и прозвучал в грамотах, рассылавшихся от имени его участников по городам и землям: «И мы, со всего собору и всяких чинов выборные люди, о государском обирании многое время говорили и мыслили, чтобы литовсково и свейсково короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не християньской веры греческого закона на Владимирское и на Московское государство не обирати и Маринки и сына ее на государство не хотети... А обирати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росийсково царствия государя из московских родов, ково Бог даст»¹.

Заруцкий обладал сильной армией, активно действовавшей на юге России. Лишь после долгих военных действий он сам, Марина Мнишек и «воренок» окажутся в плену. За упорные претензии на русский престол им придется расплатиться жизнью.

Собор склонился к тому, чтобы выбрать кого-то из высшей русской аристократии. По разным источникам известны лица, предложенные участниками Собора для избрания на царство.

Наиболее длинный список претендентов содержит «Повесть о Земском соборе». Вот как в ней изложено все дело избрания: «Князи ж и бояра московские мысляще на Россию царя из вельмож боярских и избравше семь вельмож боярских: первый князь Федор Иванович Мстиславской, второй князь Иван Михайлович Воротынской, третьей князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой, четвертой Иван Никитин Романов, пятый князь Иван Борисович Черкасской, шестый Федор Иванович Шереметев, седьмой князь Дмитрий Михайлович Пожарской, осмый причитается князь Петр Иванович Пронской, но да ис тех по Божии воли да хто будет царь и да жеребеют... А с казаки совету бояра не имеючи, но особь от них. А ожидаючи бояра, чтобы казаки из Москвы вон отъехали, втаи мысляще. Казаки же о том к бояром никакже не глаголете, в молчании пребывая, но токмо ждуще у бояра, кто от них прославится царь быти»². Позднее казаки все же назовут своего кандидата или, вернее, кандидата, подсказанного им частью московского боярства: «Атаман же казачий глагола на соборе: “Князи и бояра и все московские вельможи, но не по Божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на России... Феодору Никитичю Романову. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович...”». И многолетствовали ему, государю»³.

«Повесть о Земском соборе» в общих чертах передает обстановку, сложившуюся при избрании нового государя. Правда, в ней названы далеко не все претенденты. Другие источники сообщают, что среди кандидатов, предлагавшихся на русский престол, звучали также имена князя Д. М. Черкасского, популярного у казаков и к тому же весьма знатного аристократа; князя Ивана Васильевича Голицына – не менее родовитого вельможи; князя Ивана Ивановича Шуйского, томившегося в польском плену. Возможно, участники Собора называли и других кандидатов, но они не пользовались популярностью, а потому имена их не дошли до нашего времени.

Претендентом номер один являлся князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Ему принадлежало формальное первенство в земской освободительной армии. Но он проиграл. Одна из повестей о Смутном времени рассказывает: «Князь же Дмитрий Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющесе его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачьей». А когда монарший венец окончательно ушел от Дмитрия Тимофеевича, он тяжело переживал свое поражение: «Лицо у него ту с кручины почерне, и [он] паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»⁴. Почему же так вышло? Видимо, Дмитрий Тимофеевич

Архипова Т. Г. Из истории попыток реформирования госаппарата России второй четверти XIX в.	57
Сенин А. С. Попытки централизации управления вооруженными силами России в годы Первой мировой войны	61
Артамонова Л. М. Празднование 300-летия дома Романовых в Самаре	65
Качур Н. А. Образ Екатерины Великой в российской культурной памяти	70
Андреева В. Г. Образ императора в публицистике и художественных произведениях Л. Н. Толстого	77
Мальцев Р. Ю. Партии предпринимателей в политической жизни провинции в начале XX в.	81
Чуракова О. В. Женщины дома Романовых: помощь фронту в период Первой мировой войны	85
Дружнева Н. А. Из истории строительства Романовского музея	88
Молибога Н. А., Овчинникова М. Б. Верность долгу, вере и чести (страницы жизни великаго князя Сергея Александровича Романова)	94
Кашинская О. А. Эпоха Павла I как культурный ландшафт	99
Тарнягина Е. А. Трансформация представлений о личности Николая II в постсоветской историографии	102
Устинов А. В. Образ царевны Софьи Алексеевны в романе Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол»	106

РАЗДЕЛ II

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Леонтьева Т. Г., Беговатов Д. А. Православное духовенство в контексте российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.)	110
Веселов В. Р. Юбилейные даты и некоторые уроки истории	114
Лебедева О. А. Паломнические места Костромской земли	117
Зайцев А. В. Дискурсивно-диалоговое происхождение Дома Романовых и социокультурный тренд монологизации власти и общества	119
Кокшаров А. С. К реконструкции торговой площади Нерехты XIX в.	112
Белова А. В. Повседневность российских дворянок: светская жизнь и религиозные ценности	125

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Володихин Д. М. М. Ф. Романов и другие претенденты на русский престол в 1613 году: генеалогия и политика	5
Белов А. М. Русский народ в становлении, развитии и защите Отечества	9
Решетников Л. П. Воцарение Романовых – новая историческая миссия	15
Соболев В. С. Великий князь Константин Николаевич – сподвижник царя-реформатора Александра II	17

РАЗДЕЛ I

САМОДЕРЖАВИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Репников А. В. Тема укрепления российской государственности в работах русских консервативных мыслителей конца XIX – начала XX вв. и ее актуальность в наше время	23
Карнишина Н. Г. Образ верховной власти России конца 1870 – начала 1880-х гг. глазами корреспондентов «Московских ведомостей»	27
Карнишин В. Ю. За фасадом торжеств: общественная жизнь российской провинции	31
Скрипкина Е. В. Царь Алексей Михайлович и церковный собор 1660 г. (к вопросу о приоритете властей)	35
Рожкова Н. И. Взаимоотношения русских и поляков в XVII веке. Проблема стереотипов	39
Минаков А. С., Воробьев А. В. Династия Романовых и Орловский край.....	43
Рябинцев С. В. Урожайность крестьянских хозяйств Костромской губернии (по данным «Приложений к всеподданнейшим отчетам костромского губернатора» за 1890–1914 гг.)	48
Смирнов Ю. Н. Роль Николая I в создании Самарской губернии	53

оказался в странном положении: *он никому не был до конца своим, хотя и до конца чужим его тоже никто не мыслил.*

Свой для казаков? Не вполне. Ведь князь возвысился прежде всего как глава дворянской части первого ополчения. Дворянской, а не казачьей. Свой для дворян? Но их он не сумел защитить от казачьего буйства и, наверное, в их глазах выглядел как предатель своего круга, заигрывающий с социально чуждой стихией. Свой для аристократии? Да, верно! Однако молодой вельможа в аристократической среде был всего лишь одним из «игроков» – не самым знатным, не самым опытным по части интриг, не самым авторитетным из царедворцев. Трубецкой играл в свою пользу и достаточного для победы числа союзников не нашёл.

Отчасти предводителя земцев подвело одно неприятное обстоятельство. Шуйские, Мстиславские, Романовы, Черкасские, Глинские, Сабуровы и некоторые другие роды знатнейших людей царства соединены были с династией московских Рюриковичей-Калитичей брачными узами. А Трубецкие – нет! Ни одного брака, прямо связывающего Трубецких с Московским монаршим домом, заключено не было.

Из прочих претендентов особого внимания заслуживает князь Федор Иванович Мстиславский. Он происходил из Гедиминовичей, притом знатность его абсолютно превосходила всех прочих князей-Гедиминовичей, выставлявшихся на выборах: Голицыных и Трубецких. Мстиславские брачно были связаны и с московскими Рюриковичами. Один из предков Федора Ивановича женился на родной внучке Ивана Великого! А сам Федор Иванович в начале XVII столетия считался самым знатным аристократом во всей России. Если бы при выборах на русский трон главную роль играла кровь, т. е. высота происхождения, Федор Иванович безусловно победил бы. Но знатность имела значение всего лишь *одного из* факторов, которые брали в расчет участники Собора. Не единственного. Ее, разумеется, учитывали. Недостаток знатности отвел от престола нескольких кандидатов, в частности князя Д. М. Пожарского, Ф. И. Шереметева, а также И. Н. Романова⁵. Однако *позиция и действия претендентов на протяжении Смуты имели не меньшее значение.*

Князь Пронский, высокородный Рюрикович, – не замечен ни в большом добре, ни в большом зле. Смута как будто прошла мимо него, взрослого человека. Он вел себя пассивно. Князь Черкасский показал себя скверным полководцем. Но все это маленькие грехи. А вот князь Мстиславский открыл полякам ворота Кремля. Он возглавлял Семибоярщину, и именно он привел Россию к униженному положению. Дать ему царское звание после этого означало ни во что поставить подвиг земского ополчения.

Михаил Федорович связан с прежними царями-Рюриковичами, но *не кровно*. Сестра его деда, Анастасия Романовна, стала первой женой Ивана IV. Правда, сам дед, Никита Романович, женился на Евдокии Александровне Горбатой-Шуйской. Князья Горбатые-Шуйские являлись высокородными Рюриковичами, потомками великих князей из Суздальско-Нижегородского дома. Но все же к истинным Рюриковичам Романовы оказались в лучшем

случае «прислонены». А для титулованных потомков Рюрика и Гедимины естественнее было бы покоряться монарху, теснее связанному с одним из великих царственных домов.

Михаила Федоровича выдвигала на престол сильнейшая аристократическая партия. Что такое Романовы? Ветвь древнего боярского семейства Захарьиных-Юрьевых. В их жилах вовсе не текло царской крови, они всегда являлись слугами московских государей. И вместе с ними роль таких же слуг, не имеющих царской крови в артериях и венах, играли многочисленные старинные роды московского боярства – Салтыковы, Сабуровы, Пушкины, Шереметевы, Шеины, Морозовы, Плещеевы, Вельяминовы, Бутурлины. Все эти роды и множество других, не столь именитых, составляли социально близкую Романовым среду. Они-то, как видно, в нужный час собрали деньги для казаков, мобилизовали собственных бойцов, проявили дипломатические способности и нажали на недовольных, где надо... Князья боролись разрозненно, всяк за себя. Нетитулованная же знать выставила всего два рода на выборы, а когда Шереметевы решили поддержать Романовых, вся ее мощь сконцентрировалась в единой точке. Общими усилиями наладили связи с властями Троице-Сергиева монастыря, богатейшими купцами и казачеством. Троицкие власти предоставили сторонникам Михаила Федоровича свое московское подворье обители для совещаний. Купцы дали средства на ведение «предвыборной кампании». Казачьи атаманы обеспечили военную силу, поддержавшую эту «партию».

Наконец, Михаил Федорович, чистый от всех грехов Смуты, стоял намного выше столпов Семибоярщины, «тушинских бояр» и откровенных слуг польской власти. А они составляли большинство среди выдвинутых кандидатур.

Итак, Михаил Федорович победил по трем главным причинам: во-первых, за ним стояла самая сильная аристократическая коалиция; во-вторых, его поддержала Церковь; в-третьих, и главное, страна возрождалась из руин, из грязи, из пепелищ. Она начинала жить с чистого листа. И в такой ситуации лучшим оказался тот царь, которого никто не имел оснований упрекнуть в неблагоприятных деяниях смутных лет. Михаил Федорович был чист. Чистота его внушала добрую надежду.

Примечания

¹ Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189–190.

² Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 95.

³ Там же. С. 96.

⁴ *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.

⁵ Иван Никитич Романов приходился дядей Михаилу Федоровичу Романову. Но Михаил Федорович был сыном старшего из братьев Никитичей – Федора, во иночестве Филарета, а Иван Никитич – пятым из сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, праародителя Романовых. И это по местническим счетам резко снижало уровень его знатности.

Цыганова А. В., ассистент кафедры социально-культурного сервиса исторического факультета, Тверской государственной университет

Чуракова О. В., кандидат исторических наук, доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Чугунов Е. А., директор Департамента культуры Костромской области, кандидат исторических наук, профессор, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Шаваринская С. Р., аспирантка кафедры литературы, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Шипилов А. Д., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Шульгин В. Н., доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

Павленко А. А., кандидат исторических наук, доцент, МАТИ – РГТУ им. К. Э. Циолковского, Москва

Репников А. В., доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российской академии театрального искусства (ГИТИС)

Рожкова Н. И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва

Решетников Л. П., кандидат исторических наук, директор Российского института стратегических исследований, Москва

Рябинцев С. В., заместитель директора, главный хранитель Костромского государственного историко-архитектурного художественного музея-заповедника

Рогов И. В., начальник отдела музейной и выставочной деятельности Департамента культуры Костромской области

Резепин П. П., менеджер по туризму ЗАО «Имэкс-Т», г. Кострома

Сидоров Д. В., кандидат исторических наук, Государственный архив Костромской области

Смирнов Ю. Н., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой документоведения, декан исторического факультета, Самарский государственный университет

Сулоев И. Н., старший научный сотрудник КГИАХМЗ, заведующий научно-методическим кабинетом имени А. А. Зиновьева, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Соболева О. Ю., кандидат исторических наук, доцент, Рыбинская государственная авиационная академия

Соболев В. С., доктор исторических наук, профессор, Институт истории и естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург

Скрипкина Е. В., кандидат исторических наук, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского, г. Омск

Сенин А. С., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный государственный университет, Москва

Тарнягина Е. А., студентка 5 курса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Титова Н. А., магистрант, Тверской государственный университет

Устинов А. В., аспирант кафедры литературы, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Федорова А. А., магистрант, Тверской государственный университет

А. М. Белов

г. Кострома

РУССКИЙ НАРОД В СТАНОВЛЕНИИ, РАЗВИТИИ И ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Важнейшие деяния предшествующих Романовым правителей России – великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича, царя Ивана Грозного, а также учреждение патриаршества в 1589 году в правление царя Федора Ивановича подняли на новую высоту Российскую державу, реально заявили об историческом месте России в ряду других крупных европейских держав. Однако одним из мировых лидеров, реально повлиявших на судьбы многих стран и народов мира, Россия становится в XVIII – начале XIX века, благодаря грандиозным преобразованиям Петра Великого и Екатерины Великой, а также одержанной исторической победы православной Империи царя Александра I над могучей империей Наполеона и освобождение Европы из-под владычества узурпатора.

Между тем, в отечественной историографии, на наш взгляд, особенно в XX веке явно не хватает общего взгляда на роль русского народа в становлении, развитии и защите Отечества по совершенно разным причинам. Это происходило в результате преклонения либо давления над историками идеологических установок, как правило, растворявших понятие «народ» в классовых и сословных категориях. Либо обращение к специальным проблемам, коротким и насыщенным историческими событиями, либо, как это было в исследованиях атеистических времен, априори определивших, например, роль РПЦ как сугубо консервативную, а еще чаще корыстную силу, только и собирающую церковную десятину. Многими, в том числе выдающимися, историками распространялся сугубо критический взгляд на историю России и ее народа. По этому поводу есть интересное суждение великого русского писателя Л. Н. Толстого вскоре после окончания романа «Война и мир»: «Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость... неумение ничего сделать. Читаешь эту историю и... приходишь к замечанию, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?.. Кто и как кормил хлебом весь народ?.. Кто хранил святыни религиозную?.. История хочет описать жизнь народа – миллиона людей. Но тот, кто... понял период жизни не только народа, но одного человека... тот знает как много для этого нужно. Нужно знание всех подробностей жизни... нужна любовь. Любви нет и не нужно, говорят. Напротив, нужно доказывать прогресс, что прежде все было хуже»¹.

Конечно, в кратком обзоре невозможно объять необъятное, но хотелось попытаться напомнить некоторые вехи нашей истории, выявить причины, влиявшие на развитие и становление Русского государства, условия, в которых жили наши предки, хранившие, развивавшие и защищавшие Отечество как Православную, Христианскую державу.

Отгалкиваясь от последних слов, хотелось бы напомнить, что Древняя Русь на своем пути превращения в Россию формировалась и развивалась как православное христианское государство, испытывающее мощное влияние (религиозное, культурное, политическое) со стороны одного из крупнейших государств средневекового мира – православной Византии – Царства ромеев – Второго Рима. При этом отметим, что в своем культурном, политическом и экономическом развитии Византия намного превосходила Западную Европу периода IX–X веков, что делает оправданным и понятным выбор веры державным правителем Киевской Руси Владимиром Святославовичем в X веке. Между тем распространение православия на Руси было далеко не одномоментным актом, и христианство являлось первоначально религией знати, постепенно и горожан, только к концу XIV века христианская вера выходит за пределы городов и, по примеру гениального Сергия Радонежского, проникает в народную толщу, одновременно продвигая русскую земледельческую культуру все дальше на север, пока не достигает своих пределов на границе современных Костромской и Вологодской областей. Между тем, многим россиянам знакомы имена последователей Троицкого игумена в Костромском крае – Авраамия Чухломского, Макария Унженского, Паисия Галичского, Пахомия Нерехтского.

Как свидетельствует В. О. Ключевский, начиная «с XIV в., мы замечаем важную перемену в способе распространения монастырей, и именно на севере»². С XIV века начинается до сих малоизвестное на юге быстрое продвижение пустынных монастырей на северо-восток. Пустынными называли монастыри, возникавшие вдалеке от городов, в пустынной незаселенной местности, как правило, среди глухих лесов. Причем в XIV веке их число сравнялось с городскими (42 и 42), а в XV веке превзошло (57 и 27). В результате к моменту восшествия династии Романовых на престол в пределах Московской Руси было 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастырей³. И если городские монастыри были более «мирскими», то есть жили нуждами повседневной жизни людей, то другие, подобно основанной Сергием Радонежским Троицкой обители, были более самобытными, основывались людьми, которые отрекались от мира, уходили в пустыню, там становились руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ними изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Основатели монастыря уходили в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, что в миру, среди людской молвы, было невозможно. Строгость жизни, слава подвигов привлекала сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков (кто вкладывал средства для развития монастыря), но и простых людей, селившихся вокруг богатевшей обители как религиозной и хозяйственной своей опоры. Они рубили окрестный лес, ставили деревни (починки), расчищали нивы, засеивали поля. Таким образом, монастырская колонизация встречалась с людской, земледельческой, служила ей невольной путеводительницей. Среди братии оказывался ученик основателя, тяготившийся этим уже неиноческим шумом и богатством и, верный духу своего учителя, он с его же благословения уходил от него в новую нетронутую пустынь, и тем же порядком возвышалась новая лесная обитель.

Карнишин В. Ю., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории, Пензенский государственный университет

Кашинская О. А., специалист по учебно-методической работе кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени, Историко-архивный институт РГГУ, Москва

Казначеева Т. А., кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Качур Н. А., магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Лебедева О. А., доцент кафедры истории России, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Лазарев А. В., аспирант кафедры истории России, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Леонтьева Т. Г., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Тверской государственный университет

Мальцев Р. Ю., заместитель генерального директора Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Миловидова Н. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Минаков А. С., доктор исторических наук, профессор, директор БУКОО «Орловский краеведческий музей», г. Орел

Митров А. Г., кандидат исторических наук, начальник штаба, Восточное окружное казачье общество войскового казачьего общества «Центральное казачье войско»

Молибога Н. А., и. о. начальницы Марфо-Мариинской обители, Москва

Новиков А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова

Нигметзянов Т. И., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Овчинникова М. Б., сотрудник Музея истории главного военного клинического госпиталя имени Н. Н. Бурденко, Москва

Панкратова О. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

Прислонов Н. Н., старший преподаватель, доцент, Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

Гулин А. О., аспирант кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Голубева И. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Голованова О. И., кандидат искусствоведения, доцент, Военная академия войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома

Горохова О. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома

Диянов К. С., аспирант кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет

Дворецкая Е. С., студентка 5 курса, исторического факультета, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Дружнева Н. А., заместитель генерального директора Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Еремеева В. Л., аспирант кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Зайцев А. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Зябликов А. В., доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии, Костромской государственной технологический университет

Звягина И. В., студентка 1 курса, Пермская государственная сельскохозяйственная академия

Иванцов Д. С. кандидат культурологии, руководитель проекта «Музей ювелирного искусства» ювелирного центра «Аметист»

Козлова В. В., аспирант кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Камыгина Г. А., старший преподаватель кафедры ТХОМ, ХПИ и ТС, Костромской государственной технологический университет

Комиссаров П. А., аспирант кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Кокшаров А. С., кандидат архитектуры, завкафедрой архитектурного проектирования, Костромская государственная сельскохозяйственная академия

Карнишина Н. Г., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой «Государственно-правовые дисциплины», Пензенский государственный университет

Монастыри определяли нравственную сторону жизни не только монахов, но и селившихся простых людей. Так христианство захватывало все стороны жизни: с рождения человек подлежал крещению и наречению именем ангела, который сопровождал и охранял его всю жизнь. Вступление в супружескую жизнь церковь освящала венчанием, наконец, по кончине – люди опять-таки в храме отпевались. Так приходская жизнь становилась неотъемлемой частью жизни простого народа. С благословения священника, часто с молебна начиналось любое новое деяние. Определенные уточнения вносила и суровая природа северо-востока, когда к земледельческому труду люди приступали вскоре после Светлого Христова воскресенья, соответственно торжественно отмечался праздник урожая на Покров (14 октября). Повседневная жизнь простых людей также каждый день начиналась и заканчивалась молитвой. Так, постепенно, добровольно, не насильственно христианство формировало все стороны жизни людей. Вместе с христианством на Руси появилось и наиболее многочисленное сословие – крестьяне, что этимологически восходит к христианству и буквально означает «житель Русской земли»⁴. Христианскими крестьянами этнически становились не только представители славянства, но и многочисленные представители других народов: меря, мурома, чудь, татары. Между тем, построение жизни в соответствии с православием стало стержневым элементом формирования национального самосознания в качестве коллективного субъекта. Как следствие, обладание даром соответности, совести в земном, историко-топографическом измерении издавна именуется *народом*. Так православие оказало решающее воздействие на формирование русского народа, его совести и самосознания.

Между тем, как известно, монастыри шли все дальше на север: Кирилл, Ферапонт, Зосима и Савватий основывают не только Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и Соловецкий монастыри, но и определяют формы выживания людей в условиях сурового Севера. Известно, что Ермак Тимофеевич положил начало освоения русским народом Сибири. Его продолжатели – уже при Михаиле и Алексее Романовых – в середине XVII века дошли до Тихого океана. Казак В. Поярков, промышленный человек Е. Хабаров, сотни других пересекли не менее десятка градусов январских изотерм с температурами от – 15° до – 25° и ниже, а вскоре дошли до областей с температурами – 50 °С. Как следствие, движение русского народа по тайге «от Онежского озера до Охотского моря оказывало и оказывает на него огромное влияние»⁵. Кроме этого, русские, пройдя насквозь тайгу от Онеги до Охоты, сделали ее территорией своего развития и постоянного освоения. Русские переселенцы и администрация в основной своей массе легко устанавливали плодотворные контакты с народами Сибири и Дальнего востока. Конфликты с русскими, если они и возникали на первых порах, например у бурят и якутов, быстро улаживались и не имели тяжелых последствий в виде национальной розни. Единственным практическим следствием русского присутствия для аборигенов стал ясак, то есть уплата небольшой дани (1–2 соболя в год), который инородцами понимался как подарок, дань вежливости русскому царю. При огромных пушных ресурсах Сибири дань

была ничтожной, и в то же время, попав в списки «ясачных», местный житель получал от русских царей твердые гарантии защиты жизни и имущества. Важно и то, что с установлением власти московского царя образ жизни местного населения Сибири никак не изменился, потому что никто не пытался его сломать и сделать из аборигенов русских. Таким образом, включение в Московское царство огромных территорий на востоке осуществлялось не за счет истребления присоединяемых народов или насилия над верой и традициями туземцев, а за счет добровольного перехода народов под руку московского царя. Следовательно, колонизация Сибири русскими не была похожа на истребление североамериканских индейцев англосаксами, на работорговлю, осуществлявшуюся французскими, португальскими колонистами и т. п.

Вместе с тем, борьба на западе и юге, в отличие от присоединения востока, обрела иные формы. Восстановление порушенного здания российской государственности выдвинуло в повестку дня задачу возвращения древнерусского наследства, земель, входивших когда-то в состав Киевской Руси. В правление Алексей Михайловича успешно разрешаются проблемы внешней политики на западном направлении. В результате тяжелой войны с Польшей был возвращен Смоленск, в состав России входит левобережная Украина и Киев. Еще более решительные перемены происходят при Петре Великом. Он строит новую столицу Санкт-Петербург, одерживает победу в Северной войне над Швецией, в результате чего страна обретает новые провинции на западе в Прибалтике. Благодаря преобразованиям Петра в государственном устройстве в 1721 году, российское царство трансформируется в Империю. В правление Екатерины II Россия прирастает новыми землями на западе, на юге в состав империи входят новороссийские причерноморские земли и Крым. В XIX веке в правление Александра I, Николая I, Александра II Россия присоединяет Финляндию, Кавказ и Среднюю Азию. Вместе с тем, несмотря на завоевательные действия, российские самодержцы остаются верными традициям на западе, как и на востоке: не вторгаться в образ жизни покоренных народов и не творить насилия над их верованиями. В отошедших России частях Польши, Прибалтики местное дворянство сохранило свои поместья, а представители прибалтийской знати имели, как минимум, не меньшие права в государственной и воинской службе, чем русские дворяне. Тем не менее, при всем вхождении в состав России католических народов (литовцы и поляки), лютеранских (немцы и др. прибалтийские народы), мусульман (татары и многочисленные народы Кавказа) российские цари строили государственную жизнь на основе традиций православной веры. Это давало им не только ощущение справедливости (русское православное население составляло в середине XIX века свыше 70 % всех подданных), но и нравственную опору в народе в годы тяжелых испытаний иноземных вторжений.

Русский народ становился главным препятствием на пути иноземных войск, вторгавшихся в пределы России, во все века своей истории, в том числе, в годы правления Романовых XVII–XX веков. При этом руководящим мотивом для народа выступала защита веры, Отечества, православных государей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Л. М., доктор исторических наук, профессор, директор социально-гуманитарного института, зав. кафедрой истории Отечества, ФГБОУ ВПО «Самарская государственная академия культуры и искусств»

Архинова Т. Г., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, декан факультета документоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Андреева В. Г., кандидат филологических наук, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Аманов С. Ф., студент 4 курса исторического факультета, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Белов А. М., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, декан исторического факультета, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Белихов А. Б., кандидат технических наук, доцент кафедры теоретической физики, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Бушуев И. А., аспирант кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Беговатов Д. А., аспирант, Тверской государственной университет

Богомаз А. П., аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Тверской государственной университет

Белова А. В., доктор исторических наук, доцент, завкафедрой всеобщей истории исторического факультета, Тверской государственной университет

Баранов А. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Волков Д. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Веселов В. Р., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Володихин Д. М., доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Воробьев А. В., издатель, генеральный директор Издательского дома «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»), г. Орел

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГАОО – Государственный архив Орловской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАТО* – Государственный архив Тверской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
КГВ – Костромские губернские ведомости
КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – полное собрание русских летописей
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Костромской области
ЦДНИЯО – Центр документации новейшей истории Ярославской области
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости

Эти факты известны с первых дней правления Романовых, когда простой крестьянин Иван Сусанин положил жизнь за спасение Михаила Романова и новой возрождающейся России. Не менее страшные времена переживала Россия и в 1812 году после вторжения полчищ Наполеона. Отечественная война 1812 года стала не только военно-политическим столкновением, но и противостоянием православной России и безбожной Франции. Наполеоновская армия, осквернявшая русские святыни, воспринималась современниками как темная сила, а ее предводитель сравнивался со ставленником Антихриста. В борьбе с полчищами Наполеона императором Александром I привлекается Русская православная церковь. Уже в 1806–1807 годах начинается первая волна антинаполеоновских идеологических действий. Суть их – объяснить армии и народу смысл и цели неизбежной войны, сплотить на борьбу с врагом, а также попытаться внести неуверенность и разброд в ряды армии противника. В литературе недавнего времени при указании фактов о народной борьбе не говорилось о том, кто был инициатором создания народных ополчений. Между тем 30 ноября 1806 года император Александр I в высочайшем манифесте «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений и милиции»⁶, называя причины войны, отметил властолюбие и алчность правительства Франции, несшего угрозу опустошения всей Европе. Александр выражал надежду, что русский народ, движимый любовью к Отечеству, поддержит меры по защите Родины, предпринимаемые властью. Наконец, специальным указом к Святейшему синоду от 6 декабря 1806 года император поручил объяснить народу важность этого ополчения для спасения Отечества. С особой силой пропаганда зазвучала с началом Отечественной войны 1812 года.

Важную роль в повсеместном укреплении веры в справедливость борьбы стало решение императора не заключать мира и не вступать в переговоры с противником до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Ни отступления, ни поражения первых месяцев вторжения, ни оставление Москвы не изменили решимости императора бороться с врагом. Несколько мирных предложений французов были проигнорированы. Эти стойкость и бескомпромиссность стали, в конечном счете, важнейшей составляющей будущей победы России. Активно включилась в борьбу с врагом и Православная церковь. Священнослужители не только призывали прихожан к защите храмов, но и сами зачастую в Смоленской, Калужской, Московских губерниях организовывали отряды самообороны. Между тем, французы подтверждали обоснованность призывов на борьбу с наполеоновскими полчищами. С момента вступления в пределы России французы принялись грабить православные храмы и монастыри, часто переходя к прямому осквернению: кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в конюшни. В результате в центральных губерниях было разорено более половины всех церквей на оккупированных землях⁷. Богохульные действия вызвали взрыв негодования, приводили к расширению народного движения, которое во многом обрело характер борьбы за православную веру. Поэтому вполне естественная победа над Наполеоном была воспринята русским народом как результат

Божественного промысла, избравшего своим орудием Россию. Император Александр, испытавший сам в 1812 году сильнейшее религиозное чувство, 25 декабря 1812 года по случаю изгнания неприятеля из пределов Отечества возвестил: «Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, и у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. И тогда познаем в великом деле сей промысел Божий»⁸. В ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года Александр I постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество, получившее официальное наименование Рождество Спасителя Нашего Иисуса Христа и избавление церкви и державы российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык. Александр I в ознаменовании победы в войне с Наполеоном объявил в Манифесте о намерении соорудить Храм Христа Спасителя «в ознаменовании благодарности... к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»⁹.

Победа Православной России в Отечественной войне 1812 года обращает русский народ к своим национальным корням, способствует расцвету русской национальной культуры в самых разнообразных областях. Всемирное признание получает А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Рождаются русская национальная музыкальная школа творчеством М. И. Глинки, П. И. Чайковского, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского и др. Появляются великолепные произведения отечественных историков – Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, выдающиеся достижения зодчих не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и провинциальных городов, таких как Кострома.

За всю историю человечество знало только три (иногда называют четыре) периода такого культурного расцвета. Это эпоха книг пророков в Библейские дни, эпоха классической Греции, западноевропейское Возрождение и Русский XIX век. Так обращение к своим корням способствует расцвету русской национальной культуры, превращению России в признанный центр мирового значения.

Примечания

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 21: Дневники, 1847–1894. М., 1985. С. 265–266.

² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 233.

³ Там же.

⁴ Кожин В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М., 1997. С. 58.

⁵ Письмо П. Савицкого Л. Н. Гумилеву // Ритмы Евразии: эпохи цивилизации. М., 1993. С. 209–210.

⁶ Полное собрание Законов Российской Империи – 1. Т. 29. № 22374.

⁷ Мельникова Л. В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 156–186.

⁸ Собрание Высочайших Манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам... 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 97–98.

⁹ ПСЗРИ-1. Т. 32. № 25296.

определило, наконец, размер доплаты к месячному продовольственному пайку на детей в возрасте до 5 лет в сумме 1 руб. 25 коп., что в целом по губернии составило примерно 100 тыс. руб. в год¹⁴. Эта сумма и была определена к расходу из капитала обязательного страхования.

Особо хочется отметить тот факт, что Чрезвычайное собрание уже сто лет назад декларировало актуальный и сегодня тезис о так называемой «адресной финансовой помощи», заявив, что «...обследователь в сознании всей трудности беспристрастно отделить в общей крестьянской среде нужду от сравнительного достатка, чаще всего бывает склонен не делать в этом отношении строгого различия и в массе относит просителей к числу нуждающихся. Земство должно... принять меры к обнаружению особо нуждающихся семейств»¹⁵.

Нельзя не сказать, что собрание завершилось, как, впрочем, и все собрания, заседания и прочие организационные мероприятия того времени, принятием текста всеподданнейшей телеграммы в адрес Императора. «Государь! Земство Твоей Родины, – говорилось в телеграмме, – в великие исторические дни, переживаемые теперь всей Россией... спешит высказать, что все силы, все имущество и самую жизнь по первому Твоему слову готово положить на защиту целостности, достоинства, чести и славы дорогой родины»¹⁶.

Анализ проведенных мероприятий показал, что губернские и городские власти, руководствуясь в своих действиях общегосударственными и местными законодательными актами, смогли обеспечить проведение обязательных для начала войны действий на высоком организационном и патриотическом уровне, обеспечив порядок и спокойствие в жизни населения Костромской губернии.

Примечания

¹ Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

² Авдеев В. А. Пролог исторической трагедии. Русская мобилизация в июле 1914 года // Военно-исторический журн. 1994. № 7. С. 45.

³ Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 16 июля 1914 года // Костромские губернские ведомости (КГВ). 1914. № 29. 26 июля.

⁴ Высочайший Манифест // КГВ. 1914. 25 июля. Прибавление к № 28.

⁵ ГАКО. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 690. Л. 23–24.

⁶ КГВ. 1914. № 30. 2 авг.

⁷ КГВ. 1914. № 32. 14 авг.

⁸ Журналы Костромской городской думы за 1914 год. Кострома, 1915. С. 211–215.

⁹ Подсчитано нами по данным Журнала Костромской городской думы за 1914 год. С. 216–217.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Постановления Костромского чрезвычайного губернского земского собрания 28 июля 1914 года. Кострома, 1914. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Из земской и общественной жизни // Известия Костромского губернского земства. 1914. Вып. 8. С. 42.

¹⁵ Постановления Костромского чрезвычайного губернского земского собрания 28 июля 1914 года. С. 8–9.

¹⁶ Там же. С. 17.

выдать по 50 коп. на человека. В соответствии с циркуляром костромского губернатора № 2701 от 19 июля 1914 года было образовано «Городское попечительство для обследования на местах личного состава семейств, призванных на военную службу». Этому же органу было поручено выработать и представить на утверждение думы нормы выдачи пособий семьям служащих городских властных структур, призванных на военную службу⁸.

Следующим действием законодательной городской власти стало проведение экстренного собрания Костромской городской думы 30 июля 1914 года. Главным вопросом, обсуждавшимся депутатами, был вопрос об организации врачебно-санитарной помощи раненым воинам. По состоянию на 30 июля, первоочередные действия городских властей были направлены на оборудование и открытие лечебных учреждений для раненых общим количеством 220 коек⁹. Как показали дальнейшие события, приведенная цифра оказалась гораздо ниже фактической.

Также в ходе экстренного собрания был решен вопрос о выделении 5 тыс. руб. на расходы, связанные с проведенной и предстоящими мобилизациями: аренду помещений, оборудование и снабжение сборных пунктов для мобилизованных, устройство навесов, очагов и прочих приспособлений в местах формирования запасных полков и маршевых рот.

В заключение дума рассмотрела вопрос о создании под председательством супруги костромского губернатора губернской организации по сбору пожертвований на нужды Красного Креста¹⁰.

С участием губернатора 28 июля состоялось Чрезвычайное губернское земское собрание, выступая на котором глава губернии определил круг вопросов, требующих первоочередного обсуждения и решения: об обеспечении семейств призванных воинов и о помощи семьям запасных в деле уборки урожая и сева озимых, о недопущении чрезмерного роста цен на предметы первой необходимости, о сокращении расходов на работы по благоустройству населенных пунктов, которые не имеют срочного характера и связи с начавшейся войной.

Кратко охарактеризовав роль земских органов в решении первоочередных хозяйственных и социальных задач, губернатор особо подчеркнул, что «...земские люди Костромской губернии всегда знали, что им нужно делать, как 300 лет тому назад в годину Смуты, так и в Отечественную войну»¹¹, и выразил уверенность, что «...и в этот момент они с честью выполняют свой долг»¹².

По итогам обсуждения вопроса о помощи семьям призванных на войну работников губернского и уездных земств Чрезвычайное губернское собрание постановило, что обеспечение названных семей будет производиться за счет средств губернского земства с 1 августа 1914 года из расчета половины должностного оклада, получавшегося призванным, плюс 10 % оклада на каждого иждивенца – ребенка или родственника, но в сумме не более полного оклада призванного работника¹³.

Наиболее острая дискуссия разгорелась при обсуждении размера пособий от земства семьям нижних чинов, призванных по мобилизации на действительную военную службу. Сложность определения суммы пособия заключалась в том, что участники собрания располагали лишь примерными данными о количестве будущих призванных, а значит, и о числе призываемых. Взяв за основу расчеты, выполненные 10 лет назад, в ходе Русско-японской войны, собрание

Л. П. Решетников

Москва

ВОЦАРЕНИЕ РОМАНОВЫХ – НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ

Исходя из ценностей сегодняшнего дня мы не можем осмыслить историю, понять, что поколения до 1917 г. – это были другие люди. Они жили в Боге, Русь, Россия жила в Боге. Недаром идеал – Святая Русь.

Когда отступали от этого идеала, наступало Смутное время. Смута наступала в головах и сердцах. Идеал начинал выглядеть смутно.

Русь возникла как христианское государство. Дом Рюриковичей получил историческое задание, историческое предназначение – создать Русское государство. Он с этой задачей справился: преодолел феодальную раздробленность, сформулировал доктрину Москвы как Третьего Рима, основал Самодержавное царство. Это было Божье задание, так его понимали Рюриковичи, и они его выполнили.

Царь Иоанн Васильевич Грозный, эта грандиозная личность, уже предчувствовал, можно сказать, прозревал новое задание, еще полностью не осмысленное, но уже беспокоившее его ум и сердце. В определенном смысле Иоанн Грозный опережал свое время, опережал своих современников, прежде всего элиту Московского царства. Элита, добившись закрепления своего положения, улучшения материальной его стороны, постепенно втянулась в решение задач другого уровня – обеспечение личного благосостояния, личных амбиций. Это плохо сочеталось с идеалами Святой Руси, со служением Богу. Апостасийные тенденции все более охватывали правящий класс, проникая отсюда в народ, соблазняя и развращая его. Маловерие, а иногда отход от Бога привели к потере понимания исторических задач, исторической миссии, Божьей Воли о России. Трагедия Иоанна Грозного заключалась в том, что он видел продолжение развития исторической миссии России, но повести за собой правящий класс не мог, так как тот эту миссию выполнять не хотел, замкнувшись на своих узкоэгоистических интересах.

Русское общество конца XV– начала XVI в. оказалось неспособным осознать вызовы времени, прежде всего по духовно-нравственным причинам. Мы часто говорим, что большую роль в преодолении Смуты и освобождении Москвы от польских интервентов сыграл Святитель Гермоген – этот необыкновенный человек, Святой Патриарх. Но не знаем или не обращаем внимания на то, о чем он писал в своих грамотах к народу из польской темницы. Он не призывал идти освобождать святой Кремль, не призывал народ на борьбу с захватчиками, не требовал мести и праведного гнева. Нет, послания Патриарха полны совсем иных настроений. Вот что говорилось в его «грамотах»: *«Вы отпали от Бога, от правды и Апостольской Церкви. Я плачу, помилуйте свои души. Забыли вы обеты Православной веры вашей, в которой родились, крестились, воспитались, возросли. Посмотрите, как Отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается и вопиет к Богу кровь невинных»*. Вдумаемся в эти слова: в них глубочайший анализ, объяснение главных причин, почему страна и народ оказались в таком ужасном положении.

Патриарху вторил Козьма Минин: *«Мужие, братие, вы видите и оцущаете, в какой великой беде все государство ныне находится и какой страх впредь, что легко можем в вечное рабство поляков, шведов впасть. Паче же ко утеснению и разорению законов Руси и Веры Православной церкви утеснению и разорению предлежат. А причина тому не иная, как от великой зависти и безумия, в начале между главными государственными управителями, произошедшая злоба и ненависть, которые, забыв страх Божий, верность к Отечеству и свою честь и славу предков своих, един другого гоня, неприятелей Отечества в помощь призвали, чужестранных государей. Иные же различных воров, холопей и всяких бездельников, царями и царевичами именовав, яко государям крест целуют».*

Именно эти призывы к духовному нравственному возрождению проняли простых людей, а не призывы: «бей, оккупантов!», при которых, как многие считали, можно вполне хорошо устроить свою жизнь.

Духовно-нравственные причины породили клятвopеcтyплeниe боярства, изменившего присяге царю Феодору Борисовичу Годунову. Эта измена привела к его злодейскому убийству и воцарению Лжедмитрия I, которому боярство вновь присягнуло, совершив по сути святотатство. Нивелирование духовных ценностей, значения царской власти, позволяло правящей элите с легкостью возводить царей на престол и с той же легкостью их свергать. Интересы России при этом совершенно не учитывались. В Москве Семибоярщина присягала польскому королевичу католику Владиславу, в Новгороде бояре присягали шведскому королю. Шло нравственное разложение национальной элиты, а вслед за ней элементы этого же разложения стали проникать и в народ. Надо было пройти до последней черты, за которой уже было исчезновение Русского православного государства, чтобы в этих страданиях народ наконец-то услышал Божий глас через своих верных чад: Святителя Гермогена, архимандрита Авраамия Палицына и монахов Троице-Сергеевой лавры, гражданина Минина, князя Пожарского – и пришел к покаянию, всенародному покаянию. А покаяние – это переосмысление содеянного. Это крайне важно, только это дает силу, новую энергию. Смута преодолевалась в сердцах и умах. И только после этого – изгнание захватчиков и понимание, что нужно делать для устройства государственной жизни: следование не своей воле, не своим амбициям, не своим желаниям, а Воле Божьей, Божьему Промыслу. Эта Воля была услышана в Костроме. Для нашей истории важнейшее, переломное событие – это не просто избрание новой Династии, а согласие народа на несение нового Креста, на выполнение совершенно новой задачи: создание великой православной Империи как цивилизационной альтернативы апостасийной, рационалистической западной гибельной цивилизации.

Господь поставил России новую задачу – нести свет Христов всему миру. Поэтому Царь – отрок, духовно чистый, не запятнавший себя братоубийственной усобицей, борьбой за власть, клятвopеcтyплeниями. В Костроме произошел исторический акт принятия Романовыми и всем русским народом грандиозной исторической задачи. Это Романовы (само имя новой династии несло в себе мистическую смысловую нагрузку, говорившей о ее историческом предназначении: воплощении идеи Третьего Рима в жизнь) хорошо понимали. Посмотрите, с каким религиозным рвением первые государи Михаил Федорович

Тотальный характер начавшейся войны потребовал от провинциальных органов власти принятия самых энергичных мер по поддержанию хозяйственного и общественного порядка в регионе. Решение таких задач, как призыв в армию запасных чинов, организация помощи семьям призванных, борьба с ростом цен на услуги и товары повседневного спроса, развертывание и обеспечение бесперебойного функционирования лечебных учреждений и многих других могло быть найдено только в случае тесного взаимодействия губернатора, его аппарата и органов местного самоуправления.

В числе первоочередных вопросов, вставших перед губернскими властями, была организация выполнения Высочайшего Указа, который требовал «Призвать на действительную службу согласно действующему мобилизационному расписанию 1910 года нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения... Призвать офицерских и классных чинов запаса армии и флота... врачей, ветеринаров и фармацевтов запаса армии и числящихся в первом разряде ополчения...»³.

Разноска мобилизационных предписаний и повесток призываемым в армию была начата по распоряжению губернского по воинской повинности присутствия в ночь с 18 на 19 июля, а 20 июля был подписан Высочайший Манифест об объявлении войны⁴. Сведения о количестве призванных в ходе первого мобилизационного сбора в Государственном архиве Костромской области не сохранились, а что касается последующей мобилизации ратников ополчения I разряда, то в июле 1914 года был призван 2 201 человек из числа не проходивших и 1 128 человек из числа проходивших ряды войск⁵.

Во исполнение циркулярных указаний Министерства внутренних дел в течение последней декады июля 1914 года губернатором – главноначальствующим Костромской губернии – был издан целый ряд обязательных для выполнения постановлений. Они предусматривали повышение ответственности за противоправные действия в военное время посредством передачи уголовных дел из общей подсудности к производству военных судов, запрещение распространения ложных слухов и сообщений, повышения цен на съестные припасы и предметы первой необходимости, продажу всякого рода алкогольной продукции, обязательную явку в полицию всех германских и австрийских подданных, начиная с 16-летнего возраста, проживающих в пределах Костромской губернии⁶. 4 августа губернатор подписал постановление, запрещающее распитие и хранение спиртных напитков. За нарушение всех перечисленных постановлений предусматривалось заключение в тюрьму на срок 3 месяца или штраф в сумме 3 тыс. руб.⁷

21 июля 1914 года Костромская городская дума собралась на чрезвычайное собрание. В порядке рассмотрения вопросов повестки дня ею были приняты постановления о приостановке работ по благоустройству города и отказе в начинании новых работ, которые могли быть отложены до более благоприятного времени. Также было принято решение об организации торжественных проводов отправляющихся на фронт Пултусского и Юрьевецкого пехотных полков, в ходе которых городской управе было поручено подарить полковым офицерам по нагрудному образку иконы Федоровской Божией Матери, а нижним чинам

- ² Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955. С. 15.
³ ГАЯО. Ф.73. Оп.9. Д.281. Л.191.
⁴ ГАРФ. Ф.102. ООДП. Оп.233. 1905. Д.20. Ч.51. Л.2.
⁵ ПСЗ-3. Т. XXV. № 25853.
⁶ Костромской листок. 1905. 3 июля.
⁷ *Иерусалимский Ю. Ю., Невинцын Р. А.* Становление либеральной печати в конце XIX – начале XX века (на материалах «Северного края»). Ярославль, 2008. С. 203.
⁸ *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. М., 2010. С. 703.
⁹ Там же. С. 35.
¹⁰ *Карпов Н.* Крестьянское движение в революции 1905 г. в документах. Л., 1926. С. 68.
¹¹ Там же. С. 78.
¹² Костромской листок. 1906. 6 янв.
¹³ Там же.
¹⁴ Костромской листок. 1906. 15 янв.
¹⁵ ГАИО. Ф. 349. Оп. 1 Д. 526. Л. 2.
¹⁶ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–14.
¹⁷ Конституционно-демократическая партия. Сведения о местных губернских и уездных группах и комитетах Конституционно-демократической партии (Исправленных по 30 декабря 1905 г.). С. 2.
¹⁸ Вестник Партии народной свободы. 1906. № 1. 22 февр. Стб. 52.
¹⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 229. Л. 6.
²⁰ *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1987. С. 309.
²¹ Подсчитано автором на основе: Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000; Костромской листок. 1905. 30 окт., 2 нояб., 6 нояб., 7 нояб., 4 дек., 18 дек.; 1906. 1 янв., 13 янв.; Костромские епархиальные ведомости. 1905. Февраль; Костромской голос. 1906. 21 февр., 22 февр.; Костромская газета. 1906. 4 мая; Костромская жизнь. 1906. 8 янв.
²² Карты Ярославской губернии. URL: <http://www.raremaps.ru/vse/yaroslavskaya-guberniya.html> (дата обращения: 15 дек. 2012).
²³ Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000.

А. О. Гулин

г. Кострома

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ И ГОРОДСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
 В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
 (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В пятницу 18 июля¹ 1914 года на территории Российской империи началась «...общая мобилизация всех наших сил»². На следующий день германским послом министру иностранных дел России была вручена нота с объявлением войны, и страна на долгие 3,5 года погрузилась в пучину кровавой бойни, вошедшей в историю человечества под названием «Первая мировая война».

и Алексей Михайлович выполняли эту задачу. С этим религиозным духовным видением творили и другие российские цари и императоры: и увлекавшийся некоторыми идеями протестантизма Петр Великий, и любившая отеческие православные традиции Елизавета Петровна, и все другие. Мы любим порассуждать, какой царь не то или не так сделал или недоделал. Думаю, неважно: все они были люди конкретной исторической обстановки, решали конкретные тяжелые проблемы. Конечно, они ошибались. Но кто мы такие, чтобы ставить себя на один уровень с государями Дома Романовых, перед которыми стояли грандиозные задачи, судьбоносные решения. Не будем уподобляться политическим пигмеям.

В марте 1613 г. в Костроме Дом Романовых получил в наследство небольшое разоренное государство. Вдумайтесь, несколько областей центральной России, фактически лишенных выхода к морям, охваченных уголовным террором и нарождающимся религиозным расколом. А через 300 лет это была величайшая Империя, простиравшаяся от Варшавы до Владивостока, от Земли Императора Николая II до Кушки. И дело не только в границах и территориях. Мы живем в государстве, которое создано под их водительством, мы живем в городах, ими воздвигнутых, мы передвигаемся по дорогам, проложенным и построенным в свое все еще большинство в их правление. Мы с гордостью называем всемирно известные имена Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова, Толстого, которые смогли стать как явление только в Романовской Империи. Мы с упорством, достойным лучшего применения, последние почти 100 лет пытаемся разрушить великое государство, созданное под водительством Романовых. Разрушили безумными экспериментами силового навязывания красной модели, а затем либеральной и достигли здесь результатов, и сократились чуть ли не вдвое, и народ вымирает разными способами. Но в то же время посмотрите, какая мощная конструкция была создана водительством Дома Романовых. Мы не только еще живы, но рождается новая жизнь, опять жизнь с Богом.

Господь еще поставит перед русским народом новую грандиозную историческую миссию, как он поставил ее 400 лет назад в Костроме: через покаяние, через жизнь во Христе противостоять богоборчеству и неоязычеству и вернуться на великую дорогу наших предков – дорогу Святой Руси.

В. С. Соболев

Санкт-Петербург

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ – СПОДВИЖНИК
 ЦАРЯ-РЕФОРМАТОРА АЛЕКСАНДРА II**

Великий князь Константин Николаевич, младший брат императора Александра II, был крупнейшим государственным деятелем эпохи Великих реформ. Родился он 9 сентября 1827 г. Великий князь являлся кадровым морским офицером, кроме того, он был широко образованным и умным человеком, увлекался литературой, прекрасно разбирался в музыке и живописи.

Восшествие на престол императора Александра II (19. 02 . 1855) по времени совпало с очень трудным моментом истории страны. Шла Крымская война, весьма неудачная для России, показавшая всю глубину кризиса, ее поразившего. Известны последние слова, сказанные перед смертью императором Николаем I наследнику престола: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот». Великий князь Константин Николаевич так же, как его старший брат император Александр II, был твердо убежден в необходимости коренного реформирования России.

Техническая отсталость страны явственно отразилась на состоянии ее Военно-морского флота, большая часть которого оказалась уничтожена в ходе Крымской войны. В первые же дни царствования Александра II великий князь Константин Николаевич был назначен Управляющим Морским министерством и возглавил трудную работу по реформированию флота. С первых же шагов на своем нелегком поприще он объявил открытую войну всемогущей бюрократической рутине, ее официальной лживой отчетности. В марте 1855 г. по инициативе Константина Николаевича была организована ревизия состояния дел во всех морских учебных заведениях. Основу двух проверяющих комиссий составили тогда профессора Петербургского университета, то есть представители другого ведомства. Современники назвали этот поступок нового Морского министра «беспримерным шагом в летописях русской бюрократии»¹. Несколько позднее появился знаменитый приказ великого князя по Морскому ведомству, в котором он требовал от своих подчиненных, «чтобы они в отчетах своих не лгали, уверяя, по обыкновению, что все обстоит благополучно». Крупный чиновник, академик А. В. Никитенко записал тогда в своем известном «Дневнике» по этому поводу следующее: «Ходит в рукописи по рукам замечательный приказ великого князя Константина Николаевича, отданный им по своему ведомству. Приказ говорит о том, чтобы начальство в отчетах своих не лгало. Это произвело большой шум в Петербурге. Министрам и всем, подающим отчеты, приказ очень не нравится. В сущности же это прекрасное дело»².

Константину Николаевичу пришлось в самые короткие сроки в условиях военного времени (Крымская война закончилась только в марте 1856 г.) организовывать работу по укреплению флота. Так, неотложные меры требовались по защите морских рубежей России на Балтике. Здесь Морским министром были проявлены энергия и смелость государственного деятеля-реформатора. Впервые в истории России государственные заказы на постройку боевых кораблей были размещены не на казенных, а на частных предприятиях. Напомним, что к началу Крымской войны Военно-морской флот состоял в основном из парусных кораблей. Флот предстояло возродить, строить на паровой тяге, с новым вооружением и броней. Уже к концу 1855 г. на Балтике были спущены на воду несколько новых винтовых канонерских лодок. К весне 1856 г. было построено 20 канонерских лодок и 14 корветов, полным ходом шло строительство крупных кораблей – фрегатов³. Таким образом, России, потерпевшей до этого поражение на море в Крымской войне, удалось быстро восстановить статус великой морской державы. Уже в начале 1860 г. из Кронштадта к берегам

государственные учреждения приговоров и наказов. Во второй половине 1905 г. крестьянами Костромской губернии составлено и отправлено в различные государственные учреждения 23 послания: 2 – «Верноподданнических адреса» (1 168 чел.), 2 – Всероссийскому Крестьянскому союзу (488 чел.), 1 – Костромскому губернскому собранию (1 060), 4 – РСДРП (8 059), 8 – будущей Государственной думе (1 951), 2 – правительству (964), 4 – адресат неизвестен (2 369). «Приговорное движение» охватило около 23 915 крестьян. Это составляло около 1,8 % крестьян всей губернии²¹.

Крестьяне Ярославской губернии направили всего три приговора: один в ВКС и два в будущую Государственную думу. Все приговоры составлены крестьянами Пошехонского уезда. В Пошехонском уезде 20 волостей, следовательно, 15 % крестьян уезда принимало участие в «приговорном движении». Всего волостей в губернии было 166, таким образом, 2 % волостей губернии участвовало в «приговорном движении». В Пошехонском уезде проживало в 1897 г. около 114369 чел.²², следовательно, в «приговорном движении» принимало участие около 17 155 крестьян или 1,8 % крестьян губернии²³. Таким образом, в течение первой половины 1905 г. на политическое мировосприятие крестьян оказывал влияние ряд факторов, под воздействием которых оно изменялось.

В первой половине 1905 г. на политическое мировосприятие сельского населения отсутствовало целенаправленное влияние общественно-политических сил. Государство недооценило роль крестьянства в революционном движении, поэтому не выстроило специальную политику, направленную на формирование политического мировосприятия сельского населения. Учреждение Государственной думы, Октябрьский манифест привели к усиленному влиянию на политическое мировосприятие крестьян политических партий, поэтому во второй половине оно начинает трансформироваться.

Появляется политически активное ядро сельского населения, которое создает политические организации в форме групп, союзов, причем в Костромской губернии образуются социал-демократические и кадетские группы, в Ярославской – кадетские. В обеих губерниях создаются отделения ВКС и принимаются решения об участии в выборах в Государственную думу. В приговорном движении принимает участие 1,8 % сельского населения губерний.

В итоге можно заключить, что в Костромской губернии крестьянское политически активное ядро придерживалось леволиберальных и революционных взглядов, а в Ярославской оно было умереннолиберальным.

Примечания

¹ Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Самара, 2007; Она же. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Уварова Н. А. Мировосприятие Нижегородского и Ярославского крестьянства в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2004.

В середине 1905 г. начинается профессиональная самоорганизация крестьян. В мае 1905 г. образуется Всероссийский Крестьянский союз⁹, на который оказывает влияние леворадикальная интеллигенция. С 29 июля по 1 августа 1905 г. прошел 1-й съезд Всероссийского Крестьянского союза, который принял решение о созыве Учредительного собрания¹⁰. С 6 по 10 ноября 1905 г. в Москве проходил 2-й съезд ВКС. В завершение съезд постановил бойкотировать выборы в Государственную думу¹¹. Следовательно, под влиянием революционной интеллигенции съезд поддерживает тактику социал-демократов и эсеров бойкота Государственной думы. Стоит обратить внимание, что съезды проходят в период становления либеральных партий, и агитации социал-демократам и эсерам не было альтернативы.

Несмотря на это, в изучаемых губерниях сельские жители на собраниях местных отделов ВКС выступали с другими требованиями. Так, 27–28 ноября 1905 г. в Ветлуге прошел уездный съезд Всероссийского Крестьянского союза¹². Делегаты съезда выдвинули предложение передать землю в «государственную собственность, которая остается в пользовании тех, кто ее обрабатывает»¹³. Для проведения успешных выборов в Государственную думу съезд постановил организовать Ветлужский крестьянский предвыборный комитет и совет из четырех человек¹⁴. Таким образом, вопреки постановлению 2-го съезда Всероссийского Крестьянского союза о бойкоте Государственной думы, на съезде получила идея поддержки и участия в выборах в Государственную думу. Следовательно, крестьяне не приняли революционный способ решения земельного вопроса, а были настроены на мирный, правовой способ решения аграрной проблемы.

Под воздействием нарастающего революционного движения 17 октября 1905 г. выходит Октябрьский манифест, который способствовал политической самоорганизации либеральной интеллигенции. Поэтому вскоре образуется Конституционно-демократическая партия (12–18 октября 1905 г.) и Союз 17 октября (октябрь 1905 г.). В связи с учреждением Государственной думы в августе 1905 г., в Костромской и Ярославской губерниях во второй половине 1905 г. образуются уездные группы РСДРП. В конце октября 1905 г. организуется Варнавинская группа Костромского комитета РСДРП с численностью 13 человек, из которых 30 % составляли крестьяне¹⁵. В Ярославской губернии осенью 1906 г. действовала Ростовская группа РСДРП, которая состояла из 7 человек, из них 28 % составляли крестьяне¹⁶. Таким образом, часть крестьян уже имела революционное политическое мировосприятие.

После образования Конституционно-демократической партии начинается новый этап вовлечения сельских жителей в политические партии. В Костромской губернии в ноябре – декабре регистрируются группы в Костромском, Нерехтском¹⁷, Ветлужском¹⁸ и Юрьевецком¹⁹ уездах. В Ярославской губернии в ноябре – декабре 1905 г. создаются комитеты в Ярославле, Рыбинске и Угличе²⁰. Следовательно, крестьяне увидели организацию, предлагающую мирный способ решения земельного вопроса, отвечающую их интересам.

Следствием агитации политических партий и изменения политического мировосприятия сельского населения стала посылка крестьянами в различные

Китая вышла эскадра боевых кораблей в составе четырех корветов – «Боярин», «Воевода», «Гридень», «Рында» – и нескольких винтовых клиперов⁴. Перед эскадрой была поставлена задача обеспечить военное присутствие России в период войны Англии и Франции с Китаем (боевые действия тогда развернулись в непосредственной близости от дальневосточных рубежей России). Командиром этой эскадры был назначен контр-адмирал И. Ф. Лихачев. Позднее к эскадре присоединился и ее флагманский корабль, 60-пушечный винтовой фрегат «Светлана», прибывший из Средиземного моря. В 1863 г. Россией было отправлено 2 эскадры боевых винтовых кораблей к берегам США с целью оказания поддержки федеральному правительству в Гражданской войне с Югом за отмену рабства. Эскадра под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского прибыла на рейд Нью-Йорка, а отряд кораблей под командованием контр-адмирала А. А. Попова бросил якоря на рейде Сан-Франциско.

Морское ведомство, возглавлявшееся либералом-реформатором великим князем Константином Николаевичем со второй половины 1850-х гг., стало своеобразным центром преобразовательного движения в России. А ведомственный журнал «Морской сборник» стал одним из самых живых и популярных центральных органов печати в стране. Достаточно вспомнить, что именно на его страницах впервые был опубликован цикл знаменитых статей Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» о необходимости реформы образования, ряд статей известного юриста П. Н. Глебова о необходимости судебной реформы и многое другое. Особое значение для истории Государства Российского имеет решительное и самое деятельное участие великого князя Константина Николаевича в проведении Крестьянской реформы. По повелению императора Александра II, подготовка этой реформы была начата заблаговременно. Для этой цели в январе 1857 г. был создан специальный Комитет, первоначально он получил следующее официальное наименование: «Комитет, высочайше утвержденный для пересмотра постановлений и предположений о крепостных людях», а в феврале 1858 г. он был переименован в «Главный Комитет по крестьянскому делу»⁵. В состав Комитета входил ряд самых высших сановников, в частности, в обязательном порядке входили министры внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ.

Известно, что замысел Александра II об освобождении крестьян был враждебно встречен большинством высших чиновников, приближенных императора, а также и большинством членов Государственного совета. Здесь уместным будет вспомнить, что за годы царствования Николая I императором 6 раз создавались специальные Комитеты, которые призваны были рассмотреть вопрос об отмене крепостного права. Все 6 раз высшей российской бюрократии удавалось «похоронить» крестьянский вопрос⁶. При этом противниками реформы наиболее часто употреблялись доводы «о необходимости осмотрительности и осторожности в столь важном государственном деле» и о «неготовности к этому самих крестьян». И на сей раз в созданном Александром II Крестьянском комитете противники отмены крепостного права составляли большинство. Именно поэтому император в июле 1857 г. назначил великого

князя Константина Николаевича членом этого Комитета. Уже в августе 1857 г. состоялись 3 заседания Комитета, на которых Константин Николаевич «не замедлил со всей решительностью поставить вопрос о немедленной отмене крепостного права». Заметим, что борьба с противниками отмены крепостного права в Комитете затянулась на многие месяцы. Великий князь стал лидером группы высших чиновников – убежденных сторонников отмены крепостного права. К числу самых решительных и последовательных его сподвижников относились следующие государственные деятели: министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской, товарищ министра внутренних дел Николай Александрович Миллютин, управляющий Министерством народного просвещения Александр Васильевич Головин, председатель Редакционной комиссии Крестьянского комитета Яков Иванович Ростовцев и др.⁷ Соответственно, организационно оформилось и руководящее ядро противников реформы в него, в частности, входили министр юстиции Виктор Никитич Панин, министр государственных имуществ Михаил Николаевич Муравьев, председатель департамента законов Государственного совета Павел Павлович Гагарин и др.

Безусловно, решающим фактором в этой полемике стало то обстоятельство, что группу Константина Николаевича решительно поддерживал сам император. Уже 20 ноября 1857 г. последовал высочайший рескрипт литовскому дворянству, в котором говорилось об «улучшении быта крестьян» и о «постепенном уничтожении крепостной зависимости»⁸. Несколько позднее подобные рескрипты были направлены во все губернии и в соответствии с ними повсеместно были созданы губернские Крестьянские комитеты.

Противники реформы оказывали активное сопротивление ее подготовке. Так, порождались и всячески распространялись слухи о крестьянских выступлениях, о недовольстве крепостных и пр. Для прекращения распространения ложных слухов МВД своим специальным циркуляром от 3 февраля 1858 г. предписало во всех местных газетах, губернских ведомостях, регулярно публиковать известия о ходе подготовки реформы. Это стало небывалым до сего времени примером гласности в деятельности государственной власти. И как только надежда на освобождение получила конкретную форму в виде официальных сообщений правительства, все кривотолки и волнения резко сократились.

В связи с этим в начале 1860 г. полуофициальная газета «Северная пчела» в своей редакционной статье написала «о величавом спокойствии народной массы при разрешении государственных вопросов, поднятых в последние четыре года»⁹. Действительно, крестьянские массы до конца подготовки реформы оказали замечательную нравственную выдержку, немало огорчив консерваторов из крепостнического лагеря, рассчитывавших использовать народные волнения в интересах недопущения Крестьянской реформы.

Следует заметить, что ход подготовки реформы по-настоящему волновал тогда лучшие умы России. Это отражено в сохранившейся переписке между различными представителями российской элиты. Так, бывший декабрист, член Калужского крестьянского комитета Евгений Петрович Оболенский в своем письме

революционных партий к сельскому населению в провинции образуются уездные группы. В изучаемых губерниях в начале революции действовал Северный комитет РСДРП, из которого 4 июля 1905 г. выделяются самостоятельные группы: Костромская и Ярославская. В связи с этим систематическая агитация среди сельского населения начинается во второй половине 1905 г., когда во исполнение постановления Третьего съезда в уездах губернии начали создаваться уездные группы РСДРП (Варнавинская группа РСДРП). Эсеровские организации создаются в губерниях в разное время. В Ярославской губернии группа эсеров воссоздается С. Г. Хренковой в мае 1905 г.³ Агитация эсеров ограничивалась распространением листовок и прокламаций. В Костромской губернии это происходит позднее – осенью 1905 г.⁴ Таким образом, в Костромской и Ярославской губерниях агитация леворадикальными партиями среди сельского населения начинается во второй половине 1905 г., причем преимущественно социал-демократическая.

Одновременно правительство, понимая значение и роль крестьян в революционном движении, стремится установить диалог с сельским населением. Уже 18 февраля 1905 г. издается царский указ, предоставляющий право всем «частным лицам и учреждениям» подавать петиции на «высочайшее имя»⁵. Согласно указу, сельские жители могли направлять в правительство «приговоры и указы», просьбы, резолюции, отражающие свои чаяния. Таким образом, крестьяне получали надежду на решение своих проблем.

В Костромской и Ярославской губерниях местные власти также стремились воздействовать на крестьян. Так, в первой половине 1905 г. купец В. М. Чулков для всех деревень Красносельской волости выписал по одному экземпляру газеты «День», которая была наиболее популярным и дешевым органом «черной сотни»⁶. Таким образом, распространяя газеты, местные власти стремились давать крестьянам альтернативную информацию о происходящих в стране событиях. В Ярославской губернии в конце декабря 1905 г. из-за резкой оценки событий 9 декабря 1905 г. закрывается газета «Северный край»⁷. Таким образом власти боролись с проникновением в сельскую местность оппозиционных периодических изданий. В связи с нарастанием революционного движения правительство издает 6 августа 1905 г. манифест об учреждении Государственной думы. При обсуждении закона в правительстве преобладало мнение, что «крестьянство представляет собою консервативный оплот государства» и поэтому «выборный закон должен быть основан главным образом на крестьянстве»⁸. Таким образом, в представлениях власти крестьянство оставалось традиционным и консервативным. Следовательно, правительство имело ложное представление о сельском населении, которое составляло 90 % империи. Исходя из этого, оно проводило ошибочную политику в отношении крестьянства. Таким образом, в течении первой половины 1905 г. на сельское население не было массового влияния со стороны общественно-политических сил. Основные политические партии в этот период находились в стадии становления (кадеты, октябристы) или пересматривали свои воззрения на крестьянство (социал-демократы и эсеры) и никакого серьезного влияния на крестьян не оказывали. Следовательно, правительство в первой половине 1905 г. упустило инициативу во влиянии на сельское население.

⁷ См.: Костромские губернские ведомости. 1905. 8 янв. Ч. офиц. С. 2.; 29 янв. Ч. офиц.

С. 2.; 9 марта. Ч. офиц. С. 2. и т. д.

⁸ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12782. Л. 23 об.

⁹ Там же. Д. 12782. Л. 96 об.

¹⁰ Там же. Д. 12782. Л. 151–151 об.

¹¹ Там же. Д. 12782. Л. 23 об.

¹² Там же. Д. 12782. Л. 47 об.

¹³ Там же. Д. 12783. Л. 52 об.

¹⁴ Там же. Д. 12783. Л. 54.

¹⁵ Там же. Д. 12784. Л. 72 об.

¹⁶ Там же. Д. 12784. Л. 107 об.

¹⁷ Там же. Д. 12785. Л. 30.

¹⁸ Там же. Д. 12785. Л. 145.

¹⁹ Там же. Д. 12784. Л. 143 об.–144.

²⁰ Там же. Д. 12782. Л. 126 об.

²¹ Там же. Д. 12784. Л. 74.

²² Там же. Д. 12785. Л. 65.

²³ Русское слово. 1906. 17 февр.

²⁴ Русское слово. 1906. 21 нояб.

И. Н. Сулов

г. Кострома

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ КРЕСТЬЯН
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1905 Г.
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ
И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Проблема изменения политического мировосприятия крестьянства под воздействием революционных потрясений 1905–1907 гг. недостаточно изучена как на общероссийском, так и на региональном уровне¹. В настоящей статье ставится задача – на основе различных источников изучить политическое мировосприятие сельского населения в 1905 г., когда под воздействием революционных потрясений начинает изменяться общественно-политический строй России.

Начавшаяся революция заставила существовавшие на тот момент политические партии (эсеры и социал-демократы) пересмотреть свои взгляды на крестьянство. Поэтому уже 12–27 апреля 1905 г. на Третьем съезде РСДРП принимается новая резолюция в отношении сельского населения, в которой ставится задача очищения крестьянского движения «от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян»². Следовательно, социал-демократы стремятся изменить политическое мировосприятие крестьянства от монархического к оппозиционно-революционному. В отличие от социал-демократов, эсеры в течение первого года революции не пересматривают свои программные положения в отношении крестьянства. Вслед за изменением отношения

от 8 марта 1859 г. к председателю Редакционной комиссии Я. И. Ростовцеву довольно эмоционально отмечал следующее: «И на народ наш, и на дворянство мундирное и немундирное крепостное право на века наложило свою печать нравственного искажения. И те, и другие, вступая на новую почву, облагораются взаимно. И как чудно, любезный друг, отвечает народ на вызов Государя к свободе гражданской. Каким-то чудным внушением, свыше вдохновенным, народ отрешляется»¹⁰. Энергичная полемика вокруг подготовки Крестьянской реформы обострилась после того, как началось обсуждение порядка послереформенного «поземельного устройства крестьян». В самый разгар этого противостояния лагерь сподвижников Константина Николаевича был ослаблен внезапной кончиной председателя Редакционной комиссии Крестьянского комитета Я. И. Ростовцева, последовавшей в феврале 1860 г. А. В. Никитенко в своем «Дневнике» по этому поводу оставил следующую запись: «Это известие поразило как громом всех друзей свободы и улучшений... Нельзя не признаться, что с Ростовцевым погубило для нас много прекрасного. Это общее убеждение. Враги добра и мысли, видимо, поднимают головы. Бедное мое отечество»¹¹.

В этих создавшихся сложных условиях император Александр II сделал решительный шаг, и великий князь Константин Николаевич в сентябре 1860 г. был назначен председателем Главного Комитета по крестьянскому делу. Он утверждал, что необходимо «освобождение крестьян не иначе как с наделом». По его мнению, основу размеров этого надела, должны были составлять размеры дореформенных наделов крестьян.

Однако на этот счет существовали и другие мнения. Так, по предложению В. Н. Панина наделы должны были быть уменьшены на одну треть. М. Н. Муравьев предлагал отобрать у крестьян больше половины земли. А П. П. Гагарин предлагал сократить эти наделы на три четверти¹². Константину Николаевичу удалось отстоять свою точку зрения лишь частично. К сожалению, эгоизм и корыстные интересы большей части правящей российской элиты делали ее глухой ко всем доводам разума и противоречили государственным интересам. Ряд важных вопросов поземельного устройства крестьян так и не был разрешен, остались серьезные противоречия в аграрном секторе страны. Именно они и стали впоследствии одной из главных причин нарастания революционного движения в России.

В течение осени 1860 г. все основные документы по Крестьянской реформе были рассмотрены Главным Комитетом и представлены в Общее собрание Государственного совета. 28 января 1861 г. состоялось историческое заседание Общего собрания Государственного совета по принятию нового закона о Крестьянской реформе. По воспоминаниям современников, вступительная речь Александра II была необычайно твердой и повелительной. Он, между прочим, сказал следующее: «Дело об освобождении крестьян, по важности своей, я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие ее силы и могущества... Моя неперемнная воля – чтобы дело это теперь же было кончено»¹³. 19 февраля 1861 г. Александром II были подписаны освободительный Манифест, «Положение о крестьянах» и журнал

заседания Государственного совета от 28 января 1861 г. Одним росчерком пера 23 миллиона жителей Российской империи получили личную свободу. (Это гусиное перо хранится в Историческом музее в Москве.) Приведем только одну замечательную фразу из окончания текста Манифеста: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Великий день обнародования исторического Манифеста состоялся 5 марта 1861 г. В Петербурге в церквях с амвона была прочитана благая весть о свободе, афиши с текстом Манифеста были повсеместно расклеены по столице. (В Костроме объявление воли произошло 9 марта 1861 г.).

В заключение отметим, что исключительные заслуги великого князя Константина Николаевича в деле подготовки Крестьянской реформы были официально признаны в высочайшем рескрипте, данном императором на его имя в день подписания Манифеста. В этом рескрипте, в частности, говорилось следующее: «Я и по влечению сердца и по долгу моему желаю в этот самый достопамятный для России день изъявить Вам мою живейшую и глубокую признательность за точное, скорое, вполне моей воле и моим ожиданиям соответствующее окончание сего важного Государственного дела»¹⁴.

Крестьянская реформа стала решающим фактором эпохи Великих реформ. Вслед за ней царю-реформатору при поддержке своих сподвижников удалось подготовить и провести еще ряд выдающихся реформ – государственного управления, армии, судебную, образования, финансов, городского и земского самоуправления и др. Реформа, в результате которой было освобождено 23 миллиона крестьян, стала величайшим событием истории России XIX столетия.

Примечания

- ¹ Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. 9-е изд. СПб., 1905. С. 623.
- ² Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1826–1857. М., 1955. С. 426.
- ³ Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 95–96.
- ⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 26.
- ⁵ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. Т. 1. С. 1–3.
- ⁶ Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 629.
- ⁷ Управленческая элита Российской империи. История министерств, 1802–1917. СПб., 2008. С. 272–273.
- ⁸ Головин А. В. Указ. соч. С. 127, 319.
- ⁹ Северная пчела. 1860. 1 янв. С. 1.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 1459. Л. 13–15 об.
- ¹¹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2: 1858–1865. М., 1955. С. 108.
- ¹² Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 638.
- ¹³ Правительственный вестник. 1893. 18 апр. С. 1–2.
- ¹⁴ Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 627.

низванное и разбойное по своей сути нападение на судебное учреждение не slo за собой несомненный политический подтекст.

Итак, анализируя преступность Костромы в 1905–1907 гг., можно сделать вывод, губернский центр в данный хронологический период был довольно-таки криминогенной средой. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, постепенный процесс упадка имевшегося социально-политического строя создавал иллюзию слабости полицейского аппарата и карающих органов и, следовательно, мнимой безнаказанности за совершенное преступление. Во-вторых, смена системы ценностей, которую повлекла трансформация мировоззрения всех слоев населения, усилила степень маргинализации общества. В-третьих, усталость населения от неопределенности в собственном будущем вела к попыткам найти более простые способы заработка, среди которых прослеживаются и явно криминальные. В-четвертых, многие преступления несли в себе явно революционный оттенок (попытки освобождения политических арестантов, нападения на государственные учреждения и т. д.), что было обусловлено веянием времени. Смесь криминала и политики – одна из традиционных черт преступности данного времени.

Какими же методами действовали преступники? Для вскрытия замков и проникновения в запертый дом или сарай использовались отмычки. Железные решетки на окнах магазинов и торговых лавок также не были эффективным средством защиты от злоумышленников – они просто спиливались. Однако стоит заметить, что ряд актов воровства совершался из незапертых квартир и сараев, что в значительной степени облегчало ремесло злоумышленников. Порой встречались случаи преступлений, совершенных с особой жестокостью, когда для нанесения телесных повреждений различной степени тяжести в ход шли всевозможные подручные средства – ножи, топоры, молотки и др.

Несмотря на все противодействие преступности со стороны местной власти, предотвратить или совершенно исключить данный фактор из бытовой жизни провинциального губернского центра было априори невозможно. Поэтому он должен непременно рассматриваться в контексте изучения истории повседневности с учетом всех особенностей общественно-политической и экономической обстановки анализируемого времени и пространства.

Примечания

- ¹ Калтинская О. Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravorggu.ru/2010_20/10kalpinskaya_10.shtml (дата обращения: 10 дек. 2012).
- ² Лядов А. О. Уголовный сыск в царской России (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1997.
- ³ Калтинская О. Е. Указ. соч.
- ⁴ Новожилова Л. Н. На страже «благочиния, добронравия и порядка». Правоохранительные органы Костромы в конце XIX – начале XX в. // Краеведческие записки. Вып. VI. Кострома: ГУК КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь», 2003. С. 93–97.
- ⁵ Костромские губернские ведомости. 1905. 5 февр. Ч. офиц. С. 3.
- ⁶ Чумаков С. М. Воспоминания костромича // Губернский дом. 1992. № 1. С. 35.

повреждения зачастую наносились умышленно¹⁷. При этом в ход шли не только кулаки, но и топоры, молотки, ножи и прочий инструмент¹⁸. Весьма распространенной причиной для причинения физического вреда были бытовые конфликты.

Если говорить о преступлениях, совершенных с особенной жестокостью, то стоит признать, что они встречались периодически, но все же нечасто¹⁹. Сведения о преступлениях сексуального характера в ведомостях о происшествиях также встречаются редко. В ночь на 25 февраля 1905 г. на улице Полянской насилию со стороны крестьянина А. Сироткина подверглась 21-летняя крестьянка Серафима Дементьева. Спутник злоумышленника костромской мещанин И. Буров покушался на изнасилование ее подруги, также из крестьян, 20-летней Варвары Красновой²⁰. Как мы уже отмечали выше, преступления подобного характера совершались из иных мотивов, не связанных с корыстью.

Были в Костроме в 1905–1907 гг. и фальшивомонетки, которые в основном происходили из крестьянской и мещанской среды. Весьма прибыльным делом считалось конокрадство. За одну украденную лошадь злоумышленники могли выручить от 80 до 100 руб., в то время как кражи имущества из жилых домов не могли принести подобный доход, что уже отмечалось выше. Лошадей воровали преимущественно тогда, когда владельцы оставляли их на улице и отправлялись в лавку или в трактир.

Православные ценности и идеалы, которые должны были оградить потенциальных преступников от неверных поступков, порой не имели ровным счетом никакого эффекта. Церкви и монастыри, как это ни печально, в 1905–1907 гг. довольно часто становились местами преступлений. Воровали имевшиеся в церквях деньги, иконы, воск, свечи и прочие предметы церковного обихода. Например, в ночь на 25 июня 1905 г. были взломаны дверные замки в костромской Предтеченской церкви, после чего была совершена весьма крупная кража. Были похищены деньги (около 31 руб.), различные церковные документы и свидетельства (стоимостью более 1 500 руб.), а также церковная утварь (стоимостью более чем в 500 руб.)²¹. Между 15 и 17 августа 1905 г. из церкви Иоанна Златоуста, дверь которой не была заперта, было украдено оглавление с алмазной звездой, яхонтом и стразами с иконы Тихвинской Божией Матери, стоимостью в 450 руб.²² Подобных примеров можно привести множество. Судя по стоимости награбленного, кражи из церквей были более выгодным видом преступного промысла, нежели кражи из лавок, магазинов, а также частных квартир и домов.

К некоторым проявлениям революционной активности настолько был прирешан сильный криминальный элемент, что разделить эти два явления довольно-таки трудно. Например, 1 марта 1906 г. попытка освобождения больного политического арестанта по фамилии Вульпе из богадельни Костромской губернской больницы закончилась кровопролитием. Городовой, охранявший учреждение, получил пулевое ранение в грудь, а один из призреваемых там стариков погиб, будучи раненым случайной пулей²³. 4 декабря 1906 г. пятеро вооруженных мужчин совершили нападение на здание окружного суда, однако сторож успел сообщить о данном акте полиции, и нападавшие скрылись. По версии следствия, нападавшие хотели похитить политические дела²⁴. Явно орга-

РАЗДЕЛ I

САМОДЕРЖАВИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. В. Репников

Москва

ТЕМА УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ РУССКИХ КОНСЕРВАТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕЕ АКТУАЛЬНОСТЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

В России консерватизм был явлением, во многом родственным западноевропейскому, поскольку его представители разделяли основные ценности, характерные для их единомышленников на Западе, но вместе с тем, идейное влияние западноевропейских консерваторов в России было относительно невелико¹. Специфика отечественного консерватизма обусловлена тем, что он представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой первоначально был либерализм Александра I, западническая направленность русского дворянства и наполеоновская агрессия против Российской империи. Эти явления и события воспринимались как угрозы, ведущие к разрушению устоев традиционного общества.

Отношение консерваторов к последующей политической и экономической модернизации было настороженным, что вытекало 1) из мировоззренческих установок, в значительной степени базировавшихся на религиозном (православном) миропонимании; 2) из негативного взгляда на процесс капитализации в целом. Отстаивая эволюционный путь развития, М. О. Меньшиков обращал внимание на то, что «прогресс в благородном понимании этого слова есть *здоровое* (так в тексте. – *А.Р.*) развитие – стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя не есть прогресс. Все живое растет очень медленно. Никакие органы не создаются по команде преобразователей. Только то прогрессивно, что жизненно и что дает наибольшее количество блага. Эволюция в природе вообще идет стихийным, а не катастрофическим путем: чрезвычайно осторожным нащупыванием

условий и медленным их синтезом. Вот почему истинный национализм враждебен кровавым революциям... Ставя идеалом своим полноту народного счастья, национализм не может отрицать реформ, но лишь при условии, если они назрели и действительно сообразуются с народной волей»². Прогресс в консервативной трактовке есть именно здоровое развитие, а стало быть, радикальная ломка государственного строя – это не прогресс, а истинный консерватизм враждебен революциям и любым формам экстремизма.

Для консерваторов большое значение имело наличие идеи, объединяющей власть и народ. Современный исследователь А. С. Панарин отмечает: «Либеральная политология полна попыток оскотить феномен власти, лишив ее той таинственной энергетики, которая обеспечивает реальные ответы жизни на импульсы, идущие от власти, сообщает ей притягательность, силу и вдохновение. Власть пытаются изобразить в сугубо институциональном ключе – как заведенный механизм, работающий независимо от человеческой воли, страстей и дерзаний. Но это профанация подлинного феномена власти»³.

В начале XX века перед консерваторами стояла задача разработать политико-правовую модель самодержавной власти, но этот процесс так и не был завершен, когда общество уже отвернулось от консерватизма в сторону более радикальных концепций. Тогда соединить консерватизм и модернизацию не удалось, и все закончилось революцией.

Вопрос о существовании единой консервативной модели или же моделей остается дискуссионным. Правильнее говорить о наличии в дореволюционной России ряда проектов, выдвигаемых консервативными мыслителями. В разных странах и в разные эпохи консерватизм различен, и нецелесообразно автоматически записывать в союзники всех, кто когда-либо и где-либо называл себя консерваторами. Эволюция идей и личностей показывает, что вряд ли возможно раз и навсегда дать понятию «консерватизм» окончательное определение.

Начиная с 1990-х годов в научном и политическом мире России значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям. Особую актуальность обращению к концепциям вековой давности придают попытки популяризации дореволюционной консервативно-монархической традиции. Они были предприняты Н. С. Михалковым, но заметного успеха не имели, так и не оформившись в серьезный проект. Что касается широких слоев населения, то, как отмечал еще в 2000 году эксперт фонда Карнеги А. Рябов, «...все усилия, имевшие целью выстроить новую политическую мифологию на образе дореволюционной России, и связанная с этим кампания вокруг Николая II оказались абсолютно безрезультатными. В обществе не нашлось слоев, способных такую мифологию воспринять»⁴. Исследователь А. М. Руткевич считает, что «традиция консервативной мысли была у нас пресечена, а потому всякая реконструкция оказывается субъективной»⁵. Об этом пишет и современный историк В. С. Коновалов, отмечающий, что «при характеристике монархического лагеря, как, пожалуй, никакого другого,

обнаружить сообщения о том, что в совершенных кражах подозревались женщины, в основном крестьянки, мещанки, порой проститутки. Однако на преступный путь вставали и представительницы других сословий. Так, например, в краже кожаных сапог (стоимостью 4 руб.), совершенной 12 февраля 1905 г. на Мшанской улице, была заподозрена дочь священника Н. Вознесенская⁹.

Воровали даже в общественных банях¹⁰, а на улицах и толкучих рынках действовали карманники, добычей которых чаще всего становились деньги и карманные часы. Кражи осуществлялись и из саней, оставленных рядом с магазинами или питейными заведениями. В данных случаях очень часто воровали предметы гардероба, в особенности ценные – шубы, полушубки, пальто¹¹. С лошадей, запряженных в сани, могли увести ременные шлеи, упряжи и др.¹² Встречались случаи, когда воровалось даже белье, сушившееся на улицах.

Более дерзкие и опытные преступники совершали кражи из магазинов и лавок. Подобные преступления совершались преимущественно в темное время суток и приносили гораздо больший доход, нежели кражи из частных домов или квартир. Предметами краж становились не только деньги, но и ценные товары. Преступники действовали чаще всего группами, прибегая к взлому замков или действуя более примитивно – разбивая окна и витрины.

Большинство краж не могло принести преступникам большой доход, так как самими потерпевшими их ущерб оценивался от 3 до 15 руб. Поэтому воры шли на преступления повторно, чтобы обеспечить для себя более приемлемый доход.

Порой не обходилось без жертв. В некоторых случаях попытки воровства сопровождались покушениями на убийство и убийствами. Первое упоминание о подобном случае в ведомостях происшествий по Костроме за 1905 г. относится к документу за вторую половину апреля. В ночь на 24 апреля в доме Захарова, располагавшемся на улице Полянской, чухломской крестьянин Ф. Абрамов совершил попытку убийства крестьянской жены Н. С. Ивановой, нанеся ей тяжелые раны головы и всего тела посредством топора. Целью данного преступления стала попытка кражи 300 руб.¹³ А 25 апреля из квартиры крестьянина А. Соколова на улице Царевской была совершена кража 6 серебряных чайных ложек (стоимостью 5 руб. 70 коп.). Двое преступников, которые также были выходцами из крестьянского сословия, были застигнуты на месте преступления. Один из злоумышленников нанес потерпевшему Соколову 11 ударов долотом по голове¹⁴.

Горожане могли быть подвергнуты грабежу и на городских улицах. Чаще всего злоумышленники силой и угрозами заставляли отдать им деньги, часы, ювелирные украшения и ценные предметы гардероба. Ограбить могли не только взрослых костромичей, но и детей. 22 июня в районе Маленького бульварчика крестьянка А. Иванова и две ее подруги вытащили из ушей семилетней мещанской дочери С. Ляскиной золотые сережки¹⁵. Зачастую жертвами грабежа становились люди, находившиеся на улице в нетрезвом состоянии¹⁶.

Ряд преступлений нельзя было отнести к разряду регулярных, однако подобные проявления все же встречались. Порой на костромских улицах, в том числе и на центральных, в силу различных причин, начинались драки, встречались случаи неосторожного обращения с оружием. Но при этом раны и телесные

возглавлялось полицмейстером, в его состав входили: заведующий канцелярскими делами секретарь, частные приставы (двое) и их помощники, городовые. За жизнью рабочих наблюдали фабричные полицейские надзиратели. В 1906 г. на 400 человек городского населения предполагался 1 городской. Содержанием и перемещением арестантов заведовал арестантский стол канцелярии полицмейстера. В последнее десятилетие XIX в. возрастает количество дел о политической неблагонадежности некоторых лиц, а с начала XX в. увеличивается оборот политических дел. Уголовными делами и работой с агентурной сетью заведовало сыскное отделение. Органом политического сыска было жандармское управление, которое, кроме того, занималось динамикой общественных настроений, надзором за работой государственных учреждений, поисками беглых преступников, подавлением волнений и приведением в исполнение судебных приговоров⁴. Арестованные и осужденные лица, преступившие закон, содержались за счет государства. В Костромском уезде в 1905 г. продовольственное суточное назначение на одного арестанта составляло 6 коп.⁵

Полиции приходилось изыскивать силы для борьбы сразу на двух фронтах – для пресечения действий организованной преступности и для борьбы с революционной крамолой. В 1905 г. полиция предпринимала попытки изыскать ресурсы для открытия в Костроме специального сыскного отделения для борьбы с революционерами, но необходимых средств не имелось. «Для скорейшего ассигнования было организовано, как потом говорили, не без соответствующего руководства заинтересованных, нападение на ехавшего на свою дачу за Волгой фабриканта Зотова, – вспоминает С. М. Чумаков. – Вскоре просимые средства были найдены, и сыскное отделение начало свою работу при помощи платных провокаторов из черносотенцев под непосредственным управлением последними председателя союза мелкого торговца Русина»⁶.

С чем же приходилось бороться представителям закона в период Первой русской революции? На страницах «Костромских губернских ведомостей» публиковался список дел, назначенных на рассмотрение в Костромском окружном суде в рамках той или иной судебной сессии (с участием присяжных). Среди подсудимых чаще всего встречались представители крестьянского и мещанского сословий, а самыми часто встречающимися преступлениями были грабежи, кражи, нанесение телесных повреждений в результате бытовых конфликтов, проживание под поддельными или чужими документами. Более редко встречались упоминания об осуждении лиц, виновных в фальшивомонетничестве, побеге или попытках побега из арестантских отделений, убийствах, изнасилованиях и др.⁷

Наиболее распространенными видами преступлений были кражи, предметами которых становились не только деньги. Преступники пытались украсть все, что «плохо лежало», например одежду, бытовую утварь, драгоценности, продукты питания. Ворованные вещи сбывались так называемым скупщикам краденого, многие из которых были евреями⁸.

Распространенный стереотип, соответственно которому образ нарушителя закона чаще всего имел «мужское лицо», не всегда соответствовал действительности. Периодически в сводках о происшествиях по городу за 1905–1907 гг. можно

мышление историков сковывают не столько прежние идеологические стереотипы, сколько пока еще вседвоящее желание подогнать под одну общую оценку любые сложные, противоречивые, многомерные явления»⁶. К тому же идеализация императорской России часто вызывает у исследователей раздражение, ведь если мы обратимся к первоисточникам (в первую очередь, к архивным материалам, книгам, статьям, дневникам и эпистолярному наследию самих консерваторов), то увидим, что в их среде росли эсхатологические предчувствия⁷.

Российские интеллектуалы не первый год обсуждают применимость «консервативного проекта» к реалиям современной России. О том, что это не просто отвлеченные рассуждения свидетельствует и тот факт, что на консерватизм обратили внимание властные структуры. В 2008 году Б. В. Грызлов в своем выступлении на X съезде «Единой России» обозначил, что «идеология “Единой России” – российский консерватизм»⁸; затем появился «Консервативный манифест» Н. С. Михалкова; начал свою работу «Изборский клуб» и т. д.

С другой стороны, остепененные историки, философы и филологи, некоторые из которых проявляли интерес к консерватизму еще в советское время, не торопятся принять участие в дебатах, активно занимаясь публикаторской и исследовательской деятельностью. Со своей точки зрения они правы, поскольку политическая мода проходит, а вот академичное ПСС К. Н. Леонтьева останется. Будут востребованы собрание сочинений М. Н. Каткова в 6 томах, собрание сочинений И. А. Ильина и 30 томов собрания сочинений В. В. Розанова. На профессиональных исследователей споры о «современности» или «архаичности» консерватизма особо не влияют. Обращение к консерватизму происходит в нескольких плоскостях. С одной стороны, это «круглые столы», глянцево-брошюрные издания, газета «Консерватор» и петербургский журнал «Консерватор» (оба издания канули в Лету) и т. д. С другой стороны, это менее заметная кропотливая работа по выявлению и публикации источников, написанию биографий, заполнению многочисленных «белых пятен». Ученые, словно саперы, исследуют территорию. Уже можно издавать ПСС К. Н. Леонтьева и собрание сочинений М. Н. Каткова, но М. О. Меньшиков еще нежелателен (в 1997 году мизерным тиражом вышла первая и до сих пор единственная монография сотрудника ИНИОН РАН П. И. Шлемина, посвященная взглядам Меньшикова). Зато почувствовавшие читательский спрос издательства переиздают уже и третьеразрядных черносотенных публицистов, которых при жизни-то мало кто читал. Переиздают, искажая их тексты, с минимальными комментариями и грубейшими ошибками в предисловиях. В этой связи независимо от симпатий или антипатий к тем или иным деятелям прошлого приходилось слышать мнение, что пока профессиональные исследователи спорят, книжный рынок захватывают/захватили те, кто заполнил его изданными с одинаковой небрежностью книгами и «правых», и «левых».

Положительным примером, когда в одной серии удалось объединить работы самых разных мыслителей прошлого, пригласив для их подготовки группу

профессиональных ученых, стало, на наш взгляд, издание в 2010 году 118-томной Библиотеки отечественной общественной мысли, куда наряду с работами консерваторов (К. П. Победоносцев, Н. Я. Данилевский, С. Ф. Шарапов, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, А. С. Шишков, М. М. Щербатов и др.) вошли труды либеральных мыслителей (Т. Н. Грановский, Б. Н. Чичерин, Вл. С. Соловьев, П. Н. Миллюков), сторонников революционного переустройства (П. Н. Ткачев, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин). Это издание стало лауреатом национального литературного конкурса «Книга года» (2010 г.), организованного Роспечатью, и было удостоено звания «Книга года» и гран-при конкурса. Издательство РОССПЭН показало, что профессионалы, могут и должны работать вместе⁹.

В начале XXI века мы стоим перед «вечным» вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных принципов, что напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы «традиция и модернизация». Русский консерватизм, конечно, не является единственным спасением от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону «правых» и «левых» крайностей. Ошибочно полагать, что рецепты, данные консерваторами применительно к конкретной ситуации царствования Александра III и Николая II, можно использовать для лечения «болезней» XXI века. Другая крайность – объявить все консервативное наследие архаикой, недостойной изучения и уважения. Полагаю, что есть «золотая середина» и мы должны *sine ira et studio* изучать то наследие, которое нам досталось.

Примечания

¹ См.: Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2010.

² Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 312.

³ Панарин А. С. Помимо левых и правых: новые горизонты российского центризма // Политический центризм в России. М., 1999. С. 31.

⁴ Есть ли будущее у российских консерваторов? // Независимая газета. 2000. 12 янв.

⁵ Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М.; СПб., 1999. С. 16.

⁶ Аграрный вопрос в России в начале XX столетия: обзор. М., 1996. С. 42.

⁷ См.: Дневник Л. А. Тихомирова, 1915–1917 гг. / руководитель проекта, сост., автор предисл., коммент. и примеч. А. В. Репников. М., 2008.

⁸ Центр социально-консервативной политики. М., 2009. Вып. 9 (Российский консерватизм – идеология партии «Единая Россия»). С. 78–80; Библиотека «Единой России». Кн. 1: Идеи. М., 2003; Кн. 2: Люди. М., 2003; Кн. 3: Действия. М., 2003 (переиздано в 2010 г.); Шувалов Ю. Е., Посадский А. В. Российский консерватизм: ценностные основания и стратегии развития. М., 2010; Современный российский консерватизм: сб. ст. М., 2011 и т. д.

⁹ Когда весной 2012 г. один центральный российский телеканал готовил цикл документальных передач об эпохе И.В. Сталина, обращаясь за консультациями к людям из разных идеологических «лагерей», они, зачастую советовали привлечь к проекту и своих оппонентов, высоко оценивая их профессиональный уровень.

И. А. Бушуев

г. Кострома

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КОСТРОМЫ В 1905–1907 ГГ.

Время социально-политических катаклизмов и неустойчивости имеющихся форм и тенденций общественной жизни не только на местном, но и на общегосударственном уровне приводит к активизации деятельности и наращиванию масс криминальных кругов.

Историки и юристы, занимающиеся изучением проблемы отечественной организованной преступности, сошлись на мнении, что колыбелью возникновения данного явления стала дореволюционная Россия. Как отмечает О. Е. Калпинская, «собственно преступный мир в дореволюционной России развивался характерными для всего мира путями»¹. В данном утверждении говорится о преступности как организованном, профессиональном явлении. Однако мелкая преступность и одиночные акты нарушения закона имели место с незапамятных времен. По мнению А. О. Лядова, эти незапамятные времена начинаются «...одновременно с возникновением частной собственности»². Данный вывод вполне справедлив, так как человеку имманентно присуще стремление к накоплению материальных благ, в том числе и через незаконное присвоение чужой собственности. Те виды нарушения закона, которые не связаны с корыстными целями (например, преступления на сексуальной почве или почве мести), могут быть трактованы как акты нарушения закона, обусловленные физиологической и психологической природой человека.

При анализе особенностей преступности в начале XX в. необходимо отделить понятия «преступление» и «преступность». Преступность – это более общее понятие, которое включает в себя всю совокупность преступлений, совершаемых лицами, различающимися по полу, возрасту, происхождению, социальному статусу и т. д.

Преступное сообщество определяется как весьма консервативное явление, именно этим можно объяснить его устойчивость, сплоченность, закоренелость. «К концу XIX века преступный мир приобрел черты стройной организации»³, – отмечает О. Е. Калпинская. Ослабление позиций центральной и местной власти вкупе с отвлечением сил полицейских и карательных органов позволило провинциальным преступникам активизировать собственную деятельность и, под гром революционных процессов, весьма успешно нарушать закон.

Соотношение сил полиции и представителей преступного мира напрямую влияло на общую криминальную картину в провинциальных губернских центрах в период Первой русской революции. В начале XX в. функции надзора за правопорядком в Костроме выполняли полицейское городское управление, губернское жандармское управление и сыскное отделение, которые в свою очередь подчинялись губернатору (на местном уровне) и Департаменту полиции МВД (на общегосударственном уровне). Полицейское городское управление

обряде и хронологии эпохи. Исследователь датировал погребальные насыпи концом IX–XII в. Известный костромской археолог А. А. Спицын определял дату костромских курганов XI–XIII вв. Большинство исследователей, в их числе Н. М. Бекаревич и Д. Н. Анучин, признавали финскую основу костромских курганов. Однако, выступая на историко-археологическом съезде в г. Костроме, А. А. Спицын утверждал, что в основе древностей курганной костромской культуры лежат вещи Владимирских курганов и, возможно, они принадлежат сильно русифицированным финнам.

Наметившийся в первое десятилетие XX в. кризис в комиссии негативно повлиял на ее деятельность. Преемником дела археологии КУАК было КНОИМК, созданное 5 мая 1912 г. Принцип работы двух обществ различался. В отличие от КУАК, КНО активно сотрудничало с местными учебными заведениями, привлекая к своей работе молодых студентов. Еще одним отличием в работе стало создание уездных представительств КНО, которые в дальнейшем занимались археологическим изучением своего уезда. На первых порах деятельности общества принимается большое количество фондов из КУАК, раскопки в первые годы существования общества почти не проводятся, но создается археологическая комиссия, которая разрабатывает планы раскопок местности⁶. При КНО была создана историко-археологическая комиссия. Содержание и рамки работы комиссии определялись объемом задач археологии и истории в отношении Костромского края. Задачи комиссии – изучение быта и культуры народов, населяющих Костромской край в доисторические времена; изучение материалов, касающихся истории края; устройство историко-археологической библиотеки. За период 1914–1918 гг. В. И. Смирнов обследовал более 20 стоянок и поселений в приустьевом течении р. Кострома. На базе полученного материала исследователь впервые для Костромского края составил стратиграфически обоснованную культурно-хронологическую шкалу для памятников археологии.

За период деятельности этих двух научных обществ была проделана огромная работа. Так, большинство курганных погребений на территории Костромского края было исследовано именно в этот период. Зная специфику и методику археологических исследований дореволюционного периода и имея огромный археологический материал, полученный в тот период, можно заполнить белые пятна в этнографической и археологической истории Костромского края.

Примечания

¹ Журнал заседания КГУАГ 12 июня 1885 г. Кострома. С. 4.

² Журнал заседания КГУАГ 12 июня 1892 г. Кострома, 1893. С. 3.

³ Археология Костромского края / под ред. А. Е. Леонова. Кострома, 1997. С. 11.

⁴ *Рождественский А. Н.* Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии. Кострома, 1909. С. 12.

⁵ *Сизинцева Л. И.* Костромские древности на IV Областном археологическом съезде // Губернский дом. 1998. № 5. С. 42.

⁶ Отчет о деятельности КНО за 1912 г. Кострома, 1913. С. 43.

Н. Г. Карнишина

г. Пенза

ОБРАЗ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ КОНЦА 1870 – НАЧАЛА 1880-Х ГГ. ГЛАЗАМИ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Подвижки в общественном сознании, произошедшие в 1860–1870-х гг., привели часть общества, недовольную непоследовательным ходом реформ, к критике исполнителя – администрации и, как следствие, к взваливанию на ее плечи всех ошибок и промахов во внутренней политике страны.

С конца 1870-х гг. усилились нападки со стороны печати, прежде всего столичной, на высшую бюрократию. Так, в статье М. Н. Пашкова в «Московских ведомостях» от 21 февраля 1880 г. звучала резкая критика в адрес чиновничества Российской империи: «Слово “чиновник” многими произносится с презрением, как бездушное. Под ним разумеется какой-то паразит, думающий только о своих выгодах и отличиях. “Бюрократия” самими чиновниками, считающими себя за просвещенных, произносится брезгливо. Правительство в настоящее время может успешно выполнять свою задачу только строгой дисциплиной сверху донизу в своих собственных рядах»¹.

К концу 1870-х гг. для общественных деятелей, пытавшихся понять и оценить происходящее в стране, становился очевидным все углубляющийся разрыв между администрацией всех уровней в центре и на местах и населением империи. Реформы, направленные на преодоление этого разрыва, еще более углубили его, представив проводника инноваций – бюрократию, как механизм, разобщавший царя и народ.

С. А. Муромцев в начале 1880-х гг. писал: «Простой народ чтит царя, как Бога, но не питает доверия к чиновникам, которые, по его наивному убеждению, “обходят” царя. Точно так же образованное общество, сохраняя глубокую преданность монархии, усматривает корень зла в бюрократическом механизме, оторванном от народа. “Рассеять такое недовольство администрация не способна, не проявляя ни достаточно знания, ни нравственной” силы, ни какого-либо идеала»².

Другой известный публицист того времени А. И. Кошелев в книге «Что же теперь?», вышедшей в 1882 г., подчеркивал особенность бюрократии в России, которая, по его мнению, обусловила «всевластие чиновничества» – это «сияние верховной власти, которое отражается на каждом чиновнике». Именно в самодержавии А. И. Кошелев видел источник силы бюрократического аппарата, но и источник пропасти между народом и правительством. Он писал: «Только перед высшим чиновником подчиненный – никто; в действиях же своих он облечен огромными полномочиями, идея, что администрация на всех ее ступенях представляет собою верховную власть, проведена у нас с железной последовательностью». А. И. Кошелев особо выделил тот факт, что «русский царь воплощает верховную власть, и ее нельзя поставить ни в какие юридические рамки».

В то же время, писал он, «...наше высшее и низшее чиновничество – это вавилонское столпотворение и смешение языков, выставка всевозможных взглядов и стремлений. Придворная и служебная карьера, сливающиеся наверху, открывают высшие государственные должности только лицам, пропущенным через придворные или административные фильтры»³. А. И. Кошелев пытался понять причины неудач в проведении реформ. На его взгляд, в первую очередь это связано с тем, что попытки улучшения структуры управления начаты не с верхних, а с нижних ступеней административной иерархии. Подобные выводы звучат и в записке бывшего министра народного просвещения Н. П. Николаи, датированной 1883 г. Сановник считал, что самодержавие, лишившись опоры в лице «помещичьего права», такой опоры в лице «бюрократии и чиновного мира» не приобрело, а «крестьянское самоуправление – это такая форма управления, которая составляет прямое противоречие самодержавному началу». Выход, по мнению Н. П. Николаи, был в выделении «верховного государственного единодержавия из солидарности с чиновными исполнителями, чтобы оно одинаково возвышалось над всеми учреждениями и одинаково беспристрастно относилось к действиям администрации и общественного самоуправления, одинаково ограждало их против превышений власти с той или другой стороны»⁴.

С конца 1870-х гг. наибольший объем корреспонденции с мест был у газеты «Московские ведомости». Учитывая устойчивую тенденцию сохранения консервативных настроений в провинции, именно обращение «Московских ведомостей» к традиционным ценностям русской жизни притягивало к газете читателей с периферии. В письмах в редакцию, часто остававшихся без ответа, читатели делились своими размышлениями о происходящих событиях в стране и в мире, жаловались на местную администрацию, на пожарную часть, доходя порой до мелких кляуз на губернских и уездных чиновников, на приходское духовенство, чинов полиции. Преподаватель мужской гимназии из Курска объяснял такую популярность следующим образом: «Понимая великое значение Московских Ведомостей для блага России, ценя могучую силу ее редактора, в Курске, как полагаю и всюду, в последнее время особенно стали дорожить именем Каткова. Михаил Никифорович учит быть русскими. Редакция стоит на службе православия, самодержавия, единства, целостности, достоинства, могущества и процветания России»⁵.

Во многих письмах в редакцию «Московских ведомостей» угадывалась тревога, что от царя чиновники скрывают истинное положение дел в провинции; что местная администрация, действуя от имени верховной власти, на деле искажает или скрывает указы царя. Корреспонденты доверяли газете, стоявшей на позиции незыблемости основ самодержавия, православия и народности, воспринимая ее как орган, верный царю.

Часто встречались в подобных письмах жалобы на губернатора. Н. Анцыфоров из г. Орла 27 июня 1866 г. писал: «В мае месяце в Карачаеве был сильный пожар. На нем исправник Сологуб начал драку с жителями, побил человек 12 и, заковав в железа, посадил их в острог; в числе их был бургомистр. Городского же голову арестовал при полиции, а сам донес, что жители взбунтовались».

было разведано шесть групп курганов, проведены первые раскопки у села Городище. Положительным моментом этих раскопок являлось ведение полевой документации и представление в КУАК отчетов. Правда, отчеты были неполные, в них зачастую отсутствовала необходимая информация. Кроме того, раскопки велись колодезным способом. Все находки отправлялись в археологический музей, учрежденный при комиссии. До начала XX в. КУАК отдавала явное предпочтение раскопкам курганов, что, вероятно, объяснялось меньшей затратностью. Раскопки курганов менее трудоемкие и позволяли быстрее получить эффективные результаты. Средства на раскопки КУАК давала ежегодно. Деньги на содержание ученой комиссии выдавались как частными лицами, например предпринимателями, так и за счет средств, имеющихся в Археологическом институте³. В 1895 г. на заседании КГУАК заходит речь о проведении систематических археологических и этнографических экскурсий, затраты на них были незначительны, но польза от этих экскурсий в деле собирания древностей для музея была велика.

В 1895 г. проведены курганные раскопки на левой стороне реки Волги, в бассейне реки Покши. Исследователями Н. М. Бекаревичем и А. П. Поливановым была представлена наиболее полная коллекция вещей, добытых при раскопке курганов. Они наглядно констатировали факт существования мерян в Костромском Поволжье. Тогда же было произведено сопоставление предметов этой коллекции с коллекцией графа А. С. Уварова, в ходе которой выявилась их схожесть. Одинаковы были медные и бронзовые привески, височные кольца, серьги. Проведенные Н. М. Бекаревичем раскопки близ села Плес позволили узнать, как выглядели жилища мерян. Была определена территория расселения мерян – губернии Московская, Владимирская, Ярославская, Новгородская, Костромская и Нижегородское Поволжье⁴.

С начала XX в., внимания к раскопкам курганов уделяется значительно меньше, например, в 1906 г., раскопок курганов произведено не было. Летом 1900 г. А. П. Поливановым и Н. М. Бекаревичем проводятся раскопки Богородского городища, близ реки Ветлуги. Меняется методика ведения раскопок. Внимание уделяется комплексу городища в целом, а не отдельных курганов, раскопки ведутся систематично. До XX в. уделялось мало внимания памятникам каменного века, всех его периодов, что объяснялось недостаточным набором теоретических данных у костромских исследователей. В 1895 г. А. П. Поливановым был прочитан доклад о находке орудий из камня, костей и древней керамики в Варнавинском уезде. В печати публикуется статья о коллекции каменных орудий Г. М. Девочкина. В 1898 г. исследуются места находок каменных орудий на озерах Святое и Мерское в Шунгенской волости, производится покупка предметов каменного века у местного населения. В музее были представлены находки всех трех периодов каменного века из 9 уездов губернии. Закономерным результатом усилий КУАК было проведение IV археологического съезда в Костроме⁵.

Заслугой КУАК стало исследование и систематизация курганов. В первых работах Н. М. Бекаревича содержатся определенные выводы о погребальном

С. Ф. Аманов

г. Кострома

РОЛЬ КОСТРОМСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В РАЗВИТИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АРХЕОЛОГИИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

С середины XIX в. у костромских ученых начинает формироваться интерес к истории Костромского края. Было создано два научных общества: Костромская ученая архивная комиссия (КУАК) и Костромское научное общество (КНО). Одной из сфер их деятельности стали археологические раскопки на территории Костромской губернии. После распада Советского Союза интерес исследователей к региональной тематике усилился. Однако роль КНО и КУАК в местной историографии еще недостаточно изучена. Предмет исследования данной работы – деятельность этих двух обществ в сфере изучения археологии Костромского края.

Дореволюционный период изучения археологии Костромского края можно разделить на два этапа: деятельность КУАК (1885–1912) и деятельность КНО (1912–1917). Первый этап начинается с того момента, когда по соглашению директора Археологического института Н. Калачова с костромским губернатором 6 июня 1885 г. происходит первое заседание КУАК, на котором присутствовали первые лица губернии. На первом заседании определились основные цели комиссии – необходимость сохранения памятников старины Костромской губернии, летописей, архивов, курганов, топонимов¹. На этом же заседании КУАК определилась одна из задач комиссии – исследовать местность, занимаемую селом Городище, на месте которого, по преданию, была первоначально расположена Кострома, в частности, приступить к первым раскопкам курганов. В то время мерянская культура была исследована только графом А. С. Уваровым на материалах Владимирских курганов. Исследования КУАК в рамках изучения мерянской культуры имели общероссийское значение. В это время (1885–1890) КУАК решает вопрос о создании археологического музея, где хранились бы костромские древности. Осенью 1890 г. КУАК обратилась к земским главам с просьбой сообщать о различного рода древностях². Разосланная по губернии программа включала ряд вопросов по курганам, древним городищам. Земские главы, получив инструкции, всячески стремились способствовать сбору древностей. На практике это вылилось в собирании крестьянами древностей, вымытых на поверхность из курганов. Собранные материалы отвозили в Кострому, где они обрабатывались членами комиссии, в частности Н. В. Милюдовым. Описание этих древностей публиковалось на страницах «Костромской старины». Всего вышло семь выпусков, последний из них издан в 1912 г. Кроме того, в них регулярно печатались журналы заседаний и отчеты КУАК.

С 1892 г. проводятся первые полевые раскопки курганов под руководством членов КУАК Н. М. Бекаревича и И. Д. Преображенского. Около с. Карпова

Губернатор Левашев потребовал для экзекуции две роты солдат, которые были размещены по домам, производили разные неистовства, так что жители были вынуждены отправить депутацию к Царю. Депутация была принята благосклонно и, по словам депутатов, Государь, выслушав их со вниманием, изволил выразиться так: “До меня ничего верного не доходит, я постараюсь узнать правду; отправляйтесь с Богом домой и успокойте всех”. После этого Салогуб тотчас был отрешен, а Левашев уехал. Стало быть, рассказ депутатов верен»⁶.

Многие авторы писем адресовали свои жалобы в редакцию, не дожидаясь реакции официальных властей и надеясь, что их корреспонденция будет опубликована и тогда виновные будут заслуженно наказаны.

Газета «Московские ведомости» не уделяла на своих страницах большого внимания провинциальной хронике, но степень доверия к ней провинциальных корреспондентов от этого не уменьшалась, и поток писем не только не сокращался, но к началу 1880-х гг., особенно после убийства Александра II, начал возрастать.

Потребность в обратной связи с властью, иницирующей реформы, выражалась в различных социальных слоях по-разному. Читающая публика уездных и губернских городов в своих письмах, записках, очерках, присылаемых в редакцию, тем самым не только стремилась приобщиться к столичной жизни, но и заявить о себе, поделиться проблемами, занимавшими местное общество, надеясь на резонанс, который могла произвести публикация в периодическом издании писем с жалобами на местные беспорядки. Толчками к росту корреспонденций с мест служили злоупотребления чинов администрации, полиции, происшествия на местах, события, имевшие широкий общественный резонанс, такие, как покушение Д. Каракозова, дело В. Засулич, убийство Александра II.

В силу существовавших сильных монархических настроений в русском обществе череда покушений и убийство Александра II явились толчком к росту политической активности провинциальных жителей. В частности, в отношении читающей публики эта тенденция проявилась в росте числа обстоятельных писем в редакции столичных газет и журналов. Анонимный корреспондент М. Н. Каткова в записке, написанной после событий 1 марта 1881 г., так охарактеризовал настроения этой социальной группы населения: «Не успело стихнуть первое впечатление, произведенное на русское общество святотатственным преступлением 1 марта, – и уже среди людей даже наиболее благонадежных и наиболее преданных Престолу замечается два течения мысли, которые, по-видимому, поведут в недалеком будущем к двум противоположным воззрениям на дальнейшую внутреннюю политику Правительства. Одни полагают необходимым обратиться к репрессивным мерам, лишить печатное слово, местное самоуправление и прочие органы общественного мнения той доли свободы, которая была предоставлена им в последнее время, усугубить меры строгости и административного полноправия. Другие склонны если не к уступкам, то к некоторому послаблению. Сознывая всю неудовлетворенность нашей администрации, изверившись в действенность полицейских мер, сии последние полагают необходимым обратиться к общественным силам»⁷.

Публицист А. И. Елишев (Ал. Букеевский) в статье «Дворянство в уездах», опубликованной в «Московских ведомостях», сделал следующие выводы: «В смысле просвещенности, научных знаний и трудовой энергии дворянство уже не стоит на уровне предъявляемых требований современной жизни. Уже давно и повсюду дворянство находится в подчинении и зависимости от других общественных элементов, выдвинувшихся в последние десятилетия текущего века. Верхи губернского общества составляет то же поместное дворянство вместе с высшею местной бюрократией»⁸.

Многие авторы стремились доказать незыблемость положения дворянства как опоры самодержавия в России. Сословные изменения в среде сельского и городского населения, так волновавшие провинциальное дворянство, не вызвали широкого обсуждения в столичной печати. К такому выводу пришел, в частности, публицист А. И. Елишев в статье «Слияние сословий», опубликованной в «Московских ведомостях» в начале 1890-х гг. Он писал: «Большая часть нашей печати в течение целой четверти века так настойчиво уверяла нас, что никакой сословной жизни у нас нет, что мы и в самом деле поверили, что сословия вдруг исчезли на Руси. Принципиальные противники дворянства, утверждая, что наши сословия уже “слились”, впадают в старую и вечную ошибку; свои надежды и ожидания они принимают за действительность. Справедливость требует, впрочем сказать, что все пережитое нами в последние три десятилетия дало немало поводов к таким неверным и неосновательным заключениям. “Насильственная нивелировка”, проводимая сверху, все же не достигла своей цели – “слияния сословий”. Идея этой ломки “сословных перегородок” была слишком чужда всему нашему социальному строю; она пришла к нам извне, из-за моря, а не назрела в глубинах народной жизни, была ничем не оправдываемым насилием над общественным строем и бытом, слагавшимися веками»⁹.

Даже реформа по отмене крепостного права, непосредственно затронувшая экономические интересы провинциального дворянства, не произвела коренного поворота в сознании землевладельцев, которые по прошествии двух десятков лет, воспользовавшись замешательством в обществе после убийства Александра II, дружно заговорили о необходимости возрождения в полной мере дворянских привилегий и влияния на местах. В своих обращениях в столицу дворяне использовали как привычные формы официальных записок и писем правительственным чиновникам и лично царю, так и возможности, которые открылись с распространением различных печатных изданий в пореформенный период, о чем, в частности, свидетельствует обширная корреспонденция с мест в редакции «Московских ведомостей».

Примечания

- ¹ Московские ведомости. 1880. 21 февр. С. 2.
- ² Муромцев С. А. В первые дни министерства гр. М. Т. Лорис-Меликова. Записка о политическом состоянии России весной 1880 года. Берлин, 1881. С. 3–9.
- ³ Кошелев А. И. Что же теперь? Berlin. , 1882. С. 4.
- ⁴ ОР РНБ. Ф. 519. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–13.

проблемы обновления ассортимента продукции. В качестве художественного консультанта в учебно-показательную школу был привлечен профессиональный художник С. В. Чехонин. Его главной задачей было развить художественный вкус курсантов, поэтому особое внимание было уделено обучению рисованию. В школе существовали гипсовые наглядные пособия, приглашались натурщицы¹².

Ростовская учебно-показательная школа стремилась расширить поиски художественного решения финифтяных росписей – использовать сюжеты из древнерусского и западноевропейского искусства. Большим художественным и технологическим достижением учащихся были росписи объемных предметов, что нехарактерно для техники финифти. Новые художественные навыки, методы подготовки эмалевой поверхности, привитые курсантам ростовской школы, дух творчества помогли молодым мастерам в после-революционное время обновить ассортимент финифтяных росписей.

В целом деятельность художественных школ способствовала не только сохранению традиционных художественных промыслов, но и была важным фактором их развития. Курсанты художественных ремесленных мастерских стали спустя некоторое время ведущими специалистами на предприятиях художественных промыслов, художественной обработки металлов.

Примечания

- ¹ Гилодо А. А. Русское серебро второй половины XIX – начала XX века. М.: Береста, 1994. С. 41.
- ² Там же. С. 24.
- ³ Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. Кострома: Изд-во КГПИ, 1997. С. 55.
- ⁴ ГАЯО. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. 442.
- ⁵ Бузин А. И. Указ. соч. С. 55.
- ⁶ Коллекция экспонатов постоянной экспозиции Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства.
- ⁷ Акуличева Г. В. Красносельское училище художественной обработки металлов: история и современность // Материалы международной науч.-практ. конференции, посвященной 100-летию музея Училища технического рисования и 120-летию династии Штиглицев. СПб., 1996. С. 146.
- ⁸ Лужняк Т. Н. Значение красносельской художественно-ремесленной учебной мастерской в развитии ювелирного дела в селе Красном в XX в. // Красносельская сторона: сб. ст. Красное-на-Волге, 2012. С. 71
- ⁹ ГАЯО. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. 442.
- ¹⁰ Пак В. Ф. Ростовская финифть XX в. История промысла, проблемы и художественные особенности: дис. ... канд. искусствоведения. Ярославль, 2002. С. 28.
- ¹¹ Там же. С. 41.
- ¹² Ростовский филиал ГАЯО. Д. 1. Л. 97–99.

процессы, как золочение и серебрение, осваивали на практике процесс изготовления ювелирных украшений⁶. Освоение практических навыков мастерства проходило под руководством преподавателей, имевших собственный опыт работы в крупных ювелирных фирмах. В частности, Н. Ф. Крючков до педагогической работы в с. Красное работал на фабрике Фаберже в Петербурге, мастер И. А. Дерябин – в мастерской братьев Савельевых в Костроме⁷. Преподаватели регулярно повышали свою профессиональную подготовку в поездках на крупные отечественные и зарубежные ювелирные предприятия⁸. Профессиональные навыки, знания и опыт преподавателей помогали ученикам художественно-ремесленной мастерской освоить не только достижения художественной мысли, но и передовое по тем временам технологическое оборудование.

Красносельская школа была прекрасно оснащена по тому времени: валец с двумя ручками, валец большой с шестернями, пантограф, пресс-бойня, пресс-баба, эксцентриковый пресс, сверлильный станок, токарный и строгальный станки, пресс рычажного давления и т. д.⁹ Курсанты художественно-ремесленной мастерской осваивали высокопроизводительные по тем временам способы изготовления ювелирных украшений. Указанное оборудование было незаменимо для производства мелких иконок, крестиков, образков, выпускавшихся в большом количестве красносельскими умельцами.

Таким образом, молодые ювелиры перенимали от своих опытных руководителей передовые технологические приемы и получали качественную художественную подготовку. В результате деятельности квалифицированных преподавателей художественно-ремесленной мастерской с. Красного технологические и художественные достижения ювелирных технологий, свойственные российской промышленности в кон. XIX – нач. XX в., становились доступны и провинциальным мастерам. В дальнейшем профессиональные навыки и знания помогли красносельскому промыслу преодолеть кризис послереволюционных десятилетий.

В Ростове при рисовальном классе в 1903 г. были открыты специальные курсы росписи для взрослых мастеров финифти. Технология росписи по эмали также достаточно сложна, как и производство обычных ювелирных изделий, но она отличается большей стабильностью. В основном это ручная работа, и вводить какие-либо технические усовершенствования для ускорения процесса не было возможности. Однако в Ростов был направлен из Петербурга профессор А. М. Соколов, тщательно исследовавший проблемы технологии эмалевой техники. Для совершенствования технологического процесса Ярославское земство даже направило в Ростов инженера-технолога Н. М. Кулепетова¹⁰. В учебной мастерской варили собственную эмаль, причем плавка происходила под руководством молодого местного мастера А. А. Назарова¹¹.

Для мастеров финифти острее стояли вопросы художественного решения своих работ. Издавна технология финифти была связана с культуровой тематикой, и в начале XX в. перед мастерами-финифтянщиками остро встали

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.

⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2904. Л. 458.

⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1297. Л. 11.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1294. Л. 1,2.

⁹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 38. Д. 2. Л. 3,4.

В. Ю. Карнишин

г. Пенза

ЗА ФАСАДОМ ТОРЖЕСТВ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

300-летие династии Романовых, широко отмеченное в позднеимперской России, по праву занимает особое место в изучении различных аспектов отечественной истории. Современники по-разному оценивали значение памятного юбилея. П. Н. Милюков в своей статье, опубликованной в газете «Речь», акцентировал внимание на сопоставлении периода становления Дома Романовых с этапами развития западноевропейских стран: «К началу XVII века Англия имела уже своего Шекспира, Франция – своего Монтеня. Вся Европа уже пережила великие движения Возрождения и Реформации, и уже были заложены первые начала колониальной свободы в отдаленной Америке. В России только слагались еще те основы, территориальные и этнографические, будущего государства, которые в Европе, особенно в Западной, определились на целое тысячелетие раньше...»¹

Размышления П. Н. Милюкова отражают суждения той части общества, которая признавала догоняющий характер развития страны. По справедливому замечанию П. Холквиста, «ряд политиков мыслило изменение существующего порядка и замену его, но не тем современным обществом, которое уже существовало в передовых странах, а его идеализированным вариантом. Все это вместе вызывало у них приверженность к революционной трансформации российского общества...»².

Иной была тональность публикаций, посвященных 300-летию воцарения династии Романовых, в официозных и консервативных изданиях. Редакционная статья газеты «Россия», оценивая значение наследственной монархии, заключала, что «великое, неценное заключается в том, что царственные представители прочно укорененной в народе династии неприметно образуют нравы, создают быт народный, по крайней мере, на верхах, в большем или меньшем приближении к престолу – и далее к низам, во всю толщу того, что называется эпохой»³. Привычный стиль «Русского знамени» отразился в облике традиционных врагов – «масонства и еврейства, и обслуживаемых им народов Запада, посягнувших на спокойствие нашего государства»⁴.

Между тем официальные торжества находились в обстановке, далекой от политизированных эмоций. Монархия, пытавшаяся укрепить свой престиж

в условиях преодоления последствий революции 1905–1907 гг. и в поисках выбора оптимальной модели преобразований, связанных с именем П. А. Столыпина, стремилась укрепить духовные скрепы, связывающие государство и общество. К. Н. Цимбаевым справедливо указывалось на юбилеяманию – череду официальных торжеств, перечень которых был достаточно впечатляющим и избирателен: помимо 300-летия Дома Романовых, были отмечены годовщины Полтавской битвы, учреждения Сената, Государственного совета, однако вне внимания властей остались даты, связанные с проведением реформ Александра II, Ивана IV, Екатерины II, созданием патриаршества⁵.

Размах торжеств 1913 г. стал темой многочисленных исследований. Заметим, что новые реалии развития страны, связанные с изменениями в государственном строе (принятие Манифеста 17 октября 1905 г., новой редакции Основных законов Российской Империи, внесение изменений в законодательство, деятельность Государственной думы) обусловили стилистику празднеств, в которых Николай II демонстрировал свое единение с народом.

Современники по-разному воспринимали официальный праздник. Служивший ректором Таврической духовной семинарии будущий митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях о реалиях жизни в Крыму отмечал: «По-видимому, торжества предназначались к поднятию монархических чувств против будто бы убитой революции. Но это не удалось. И вся эта затея была тоже искусственной... Ясно, что идея 1913 года в подпочве своей имела робкое сознание ослабления царской идеологии не только среди интеллигенции, но и в массах. И понятно, что торжества были малоторжественны: отбывалась временная повинность. Это я особенно ярко увидел на губернаторском подобном торжестве в г. Симферополе...»⁶.

Достаточно сдержанным было отношение к юбилею и на других окраинах империи. Издававшаяся в Вильно газета «Наша нива», известная своей националистической позицией, принципиально игнорировала праздничные мероприятия, а если и представляла косвенную информацию, то демонстрировала свою принципиальную нелояльность властям⁷.

Иным было мнение С. Д. Сазонова, занимавшего должность министра иностранных дел. Вспоминая о событиях 1913 г., он писал: «Теперь, после того, как Россия была потрясена до основания социальным катаклизмом и вырванная из исторической почвы, в которой, хотя и с задержками, перерывами она росла и развивалась, сбрасывая с себя постепенно обветшалые формы своего государственного строя и принаравливаясь к требованиям времени, и когда чуждые ей по духу, а часто и по крови люди стараются пересадить ее корни в бесплодную почву, не пригодную для какой-либо культуры, между недавним прошлым, кажущимся для его свидетелей еще живым и свежим, и настоящей безотрадной действительностью открылась страшная пропасть, на заполнение которой понадобится не менее одного поколения человеческих жизней, принесенных в жертву безумной политике разрыва исторической преемственности русского национального существования. Те, кто стоит по ту сторону этой пропасти, не в состоянии составить себе представления о том глубоко

Г. А. Камыгина

г. Кострома

ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ЮВЕЛИРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-РЕМЕСЛЕННЫХ УЧЕБНЫХ МАСТЕРСКИХ С. КРАСНОЕ И Г. РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Вторая пол. XIX – нач. XX в. в России было временем активного развития ювелирной промышленности¹. Всемирно известны ювелирные изделия фабрик Овчинникова, Постникова, Сазикова, Фаберже. Высокий художественный уровень изделий обеспечивался не только прекрасным вкусом художников, работавших на крупные ювелирные фирмы, но и применением самых передовых по тому времени ювелирных технологий и оборудования. В отдельных случаях на крупных ювелирных предприятиях были организованы собственные профессиональные школы, что позволяло повысить качество подготовки мастеров².

Активной подготовкой художников для промышленности занимались Училище технического рисования барона А. Л. Штиглица в Петербурге и Московское высшее художественно-промышленное училище им. графа Строганова. Выпускники этих училищ, в свою очередь, сами работали преподавателями в различных центрах народных художественных промыслов. В 1897 и 1898 гг. усилиями местных земств были открыты рисовальные классы в с. Красное, Костромской губернии, на базе старинного центра ювелирной кустарной промышленности и рисовальный класс при Ростовском музее в Ярославской губернии. В дальнейшем были организованы, соответственно, Красносельская художественно-ремесленная учебная мастерская (1904) и Ростовская учебно-показательная финифтяная школа-мастерская (1912).

В начале XX в. дирекция Строгановского училища направила несколько своих выпускников в Красное³. Для мастерской в 1904 г. был даже построен целый комплекс специализированных помещений: кроме собственно учебного корпуса, существовали общежития для курсантов, литейная мастерская, кузня, склады для хранения материалов и т. п.⁴ Учебные программы, учебный процесс, наглядные пособия формировались при активном кураторстве Училища барона Штиглица⁵. В программу подготовки молодых ювелиров были включены рисунок, скульптура, лепка. Эти предметы не только развивали вкус учащихся, но и приучали их проектировать ювелирные изделия на высоком художественном уровне. В мастерскую были высланы учебные пособия по рисунку, истории искусств, композиции. Часть учебного времени отводилась на теоретический курс с общеобразовательными предметами.

Поскольку работа ювелира тесно связана со знаниями технологических свойств металлов, химикатов, вспомогательных материалов, курсанты учебной мастерской серьезно изучали химию, физику, а также такие сложные

назначения на должность станового пристава требовалось: возраст не моложе 21 года и начальное образование. Как и прежде, пристав назначался губернатором (по представлению исправника)⁷.

Проект предусматривал оставление за приставами лишь чисто полицейских обязанностей: 1) охрану порядка и безопасности в стане, 2) производство дознаний по преступлениям и происшествиям, 3) уведомление о замеченных нарушениях, 4) проверку деятельности сотских, 5) оказание первой помощи и содействие при несчастных случаях. Предполагалось упразднение уездного полицейского управления с сословными заседателями и сосредоточение всей полицейской власти в уезде в руках исправника, т. е. замену коллегиальной полицейской власти единоличной. Данное предложение было мотивировано, во-первых, тем, что фактически всеми полицейскими делами в уезде занимается исправник, уездное же управление не играет сколько-нибудь заметной роли в полицейских делах и служит лишь поводом «к вредному развитию бумажного производства»⁸. Во-вторых, необходимостью следовать в устройстве единоличной полиции началом строгого иерархического подчинения полицейских властей. Проектировавшаяся передача единоличной полицейской власти в руки исправника значительно усиливала бы его роль в уезде, хотя совещание и планировало несколько сузить его полномочия.

В целом, по проекту, уездная полиция становилась как бы «государством в государстве», чему способствовало, по мнению большинства Совещания, назначение исправника единоличной властью губернатора и отсутствие всякого контроля за его деятельностью со стороны местных уездных органов управления. Совещание единогласно признало желательным приспособление нижних чинов корпуса жандармов к организации общей полиции, слияние их и организацию смешанных «военных передвижных команд». Члены Совещания считали, что разветвленная сеть таких формирований, сочетавших в себе специфические черты общей полицейской и жандармской службы, будет довольно эффективным средством «охранения государственного и общественного порядка».

Примечания

¹ См. подробнее: *Сидоров Д. В.* Проекты реформирования земского самоуправления Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: правительственная позиция // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конф., Кострома, 26–27 мая 2009 г. / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 92–97.

² ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 417. Л. 24.

³ Там же. Д. 476. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Там же. Д. 482. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 14.

и неподдельно национальном настроении, которое переживала вся Россия, за исключением худосочных элементов своей интеллигенции, во дни московских и костромских торжеств, связанных с празднованием трехсотлетнего Дома Романовых...»⁸

Напомним, что достаточно широкий диапазон мнений о 300-летнем юбилее династии Романовых был проанализирован К. С. Рубанковым. Его историко-ведческая статья достаточно четко передает факторы, влиявшие на содержание и стилистику воспоминаний: использование мемуаристами противопоставления между лояльным отношением к династии в 1913 г. и последующими революционными событиями; достаточно ярко выраженные человеческие эмоции и ощущения; локальный масштаб участия в событиях самих авторов; репрезентация авторами своих идей; намерение организаторов торжеств подчеркнуть связь событий 1913 г. с событиями 1613 г.⁹

Обращаясь к настроениям в российской провинции, уместно привести тенденции, отмеченные кадетом Д. Д. Протопоповым. Первая: «мы отброшены назад, чуть ли не во времена Александра III... что все надо начинать сначала»; вторая – «ни одно требование страны не удовлетворено, низкие классы подавлены, реакция бездействует – как же при таких условиях не быть новому взрыву?»¹⁰.

Между тем в провинциальной жизни проявлялись новые тенденции, анализ которых не всегда связан с ярко выраженной политизацией. Одна из них – сохранившийся интерес к периодическим изданиям. Процент экземпляров подписки на них в российских губерниях вырос с 1905 по 1913 гг. с 62,8 до 72,7 % при соответствующем снижении данного показателя в обеих столицах¹¹.

Оценивая политические пристрастия провинциальных газет, следует отметить, что их редакторы избегали заявлять о своих симпатиях к какой-либо партии. Следует учитывать и то обстоятельство, что редакции испытывали определенные финансовые затруднения, давление властей на оппозиционные газеты, а также остро нуждались в расширении круга своих постоянных авторов. Указанные обстоятельства определили закрытие многих изданий, в том числе либеральной газеты «Перестрой» (Пенза) и «Ярославского вестника», издававшегося Н. В. Верховым¹².

При этом помещения редакций становились местом притяжения той части общества, которая остро реагировала на негативные аспекты провинциальной жизни. Сюда пересылалась корреспонденция, передававшаяся затем непосредственным адресатам, здесь узнавали адреса явок функционеры нелегальных партий¹³. Нередко на страницах одной и той же газеты «встречались» авторы, симпатизировавшие различным общественно-политическим силам. Вместе с тем, правые газеты решительно отмежевывались от обвинений в реакционности. Газета «Симбирянин» устами своего редактора С. Ильина обреченно заявила, что смирилась с «почетным званием» «черносотенного» издания (хотя была очевидной ее близость к октябристам), недвусмысленно заметив, что оно «присваивается уже давно всем изданиям, не проявлявшим подвигов грабителей, убийц и бомбометателей»¹⁴.

Газеты чутко реагировали на интерес части общества к деятельности, связанной с переустройством городского хозяйства, реформами в деревне, культурой и просвещением. Основанная в 1913 г. газета «Голос Самары» ставила целью ознакомить избирателей со структурой городского общественного самоуправления. Другое издание – «Утро Самары» – взяло на себя задачу вернуть городской прессе «почетное место среди провинциального газетного мира России»¹⁵.

Для общественной жизни был свойственен повышенный интерес к публичным лекциям по различным проблемам развития науки, образования. Лекции использовались и политическими партиями. В. В. Шелохаев отмечал, что московские кадеты скорректировали программу своей агитационно-пропагандистской деятельности на 1912–1914 гг.; эта деятельность предполагала проникновение в ремесленную среду, привлечение сельской интеллигенции, сплочение избирателей, широкое участие в экономических и просветительских организациях¹⁶.

Известные своей лекционной деятельностью профессора Н. В. Некрасов, Н. А. Гредескул популяризировали идеи либерализма, сопоставляли общественно-политическое развитие России и стран Западной Европы. Симптоматично, что на встрече с сотрудниками редакции «Волжские вести» Н. А. Гредескул, отвечая на вопрос о состоянии дел в правящих кругах, заявил: «Современное положение бюрократии можно охарактеризовать так: в настоящее время правительство вступило на путь авантюры. Как же иначе назвать «дело Бейлиса»? ¹⁷

Приезды либералов менялись визитами правых политиков. В. М. Пуришкевич, сообщивший о своем намерении посетить поволжские города, встретил теплый прием единомышленников. Помещение самарской городской управы, где состоялась встреча правого политика с жителями, было переполнено¹⁸. «Именитые гости» оказывались в центре внимания властей. Так, видный деятель Русского народного союза имени Михаила Архангела Г. Г. Замысловский, читавший в декабре 1913 г. лекцию в Саратове, был удостоен аудиенции у губернатора, местного архиепископа. Кроме того, Замысловский собрал в кассу своего союза 900 рублей¹⁹.

В общественной жизни российской провинции достаточно противоречиво отразились реалии развития страны, пережившей потрясения революции, но не снявшие с повестки дня острые проблемы переустройства. Юбилейные торжества стали впечатляющим событием в жизни населения губерний, куда прибыл глава государства, возлагавший надежды на стабильность, обманчивость которой станет очевидной в грядущем, 1914 г.

Примечания

¹ Миллюков П. Счастливы и горды // Речь. 1913. 21 февр.

² Холквист П. Общество против государства, общество, сплывающее государство: образованное общество и государственная власть в России в 1914 – 1921 гг. // Нестор: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. 2007. № 11. С. 250.

³ Значение наследственной монархии // Россия. 1913. 21 февр.

⁴ 300 лет тому назад // Русское знамя. 1913. 21 февр.

⁵ Цимбаев К. Н. Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 44.

Первым опытом выработки целостного проекта реформирования системы управления Российской империи явилась деятельность Особого совещания (далее – Совещание) в рамках работы так называемой Кахановской комиссии в период 1882–1884 гг. В рамках деятельности Совещания были выработаны проекты реформирования губернских и уездных органов государственной власти, местного земского, крестьянского волостного самоуправления¹. Отдельный проект работы Совещания был посвящен разработке реформы системы уездных полицейских учреждений.

Определяясь в процедуре работы над проектом, члены Совещания склонились к мнению «об удобстве начать с вопроса, относящегося к устройству низших единиц (то есть на уездном уровне. – Д. С.), так как предметами ведомства низших единиц обуславливаются главным образом предметы ведомства учреждений губернских»².

Совещание сочло необходимым четче определить обязанности, возлагаемые на органы полицейского контроля, ввиду того что «лучшее устройство полицейской части возможно лишь при условии освобождения полиции от всех тех обязанностей, которые не соответствуют ее прямому назначению»³.

Проектом Совещания на полицию возлагалось: 1) охранение и восстановление общественного порядка, безопасности и спокойствия; 2) предупреждение и пресечение преступлений; 3) дознания по происшествиям и преступлениям; 4) участие в предварительном следствии; 5) обвинение на суде виновных; 6) исполнение судебных приговоров; 7) содействие в деле сохранения порядка, предупреждения и пресечения преступлений, привлечения виновных к суду⁴.

Реформирование полицейских институтов предполагало начать с низших звеньев полицейского аппарата – десятских и сотских. Совещание некоторое время колебалось, целесообразно ли вообще сохранять должность десятских, превратившихся, по его мнению, в «рассыльных, прислугу»⁵. Однако в проекте большинством голосов в 8 против одного предусматривалось сохранение десятских, но не как специальной полицейской силы, а лишь в качестве помощников сельских старост и волостелей «по исполнению законных их распоряжений»⁶. Такое изменение служебных функций десятских гипотетически позволяло государственной региональной власти пользоваться непосредственной поддержкой местного населения – устраняло бы в какой-то степени недовольство крестьян нередкими случаями полицейского произвола низших чинов сельской полиции. Число десятских, по представлению волостеля, должно было определяться уездным земским собранием, а каждое сельское общество в полицейском отношении подразделялось на десятки и выбирало десятского. Совещание предполагало упразднить институт полицейских урядников, а размеры полицейских станов уменьшить. Таким образом, возрастало бы и общее количество станов, и численность приставов. Для удовлетворения потребности в приставах Совещание проектировало некоторую «демократизацию» этой должности. Если раньше ее мог занимать лишь потомственный дворянин, то по проекту Совещания для

- ¹⁹ Отчет ... за 1900 г. С. 142.
²⁰ Отчет ... за 1899 г. С. 52.
²¹ Отчет ... за 1900 г. С. 15–16.
²² Отчет ... за 1910 г. С. 16.
²³ ГАКО. Ф. 1092. Б/ш. Д. 5. Л. 15–16 об.
²⁴ Отчет ... за 1899 г. С. 37.
²⁵ Отчет ... за 1901 г. С. 127.
²⁶ Отчет ... за 1907 г. С. 65.
²⁷ Отчет ... за 1908 г. С. 83.
²⁸ Отчет ... за 1909 г. С. 53.
²⁹ Отчет ... за 1910 г. С. 65.
³⁰ Отчет ... за 1911 г. С. 57.
³¹ Отчет ... за 1912 г. С. 61.
³² Отчет ... за 1915 г. С. 65.
³³ Отчет ... за 1899 г. С. 30.
³⁴ Отчет ... за 1900 г. С. 12.
³⁵ Отчет ... за 1901 г. С. 121.
³⁶ Отчет ... за 1907 г. С. 59.
³⁷ Отчет ... за 1908 г. С. 77.
³⁸ Отчет ... за 1909 г. С. 6.
³⁹ Отчет ... за 1910 г. С. 61.
⁴⁰ Отчет ... за 1911 г. С. 12.
⁴¹ Отчет ... за 1912 г. С. 12.
⁴² Отчет ... за 1913 г. С. 46.
⁴³ Отчет ... за 1914 г. С. 49.
⁴⁴ Отчет ... за 1915 г. С. 24–25, 58.

⁴⁵ *Виноградов Н. Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–21 мая 1913 года / сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Губ. тип., 1914. С. 77.

⁴⁶ Там же. С. 106.

Д. В. Сидоров
г. Кострома

**ПРОЕКТ РЕФОРМИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ
 УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ В 80-Е ГГ. XIX В.
 (НА МАТЕРИАЛАХ ДОКУМЕНТОВ ФОНДА СЕНАТОРА
 Н. Н. СЕЛИФОНТОВА)**

Модернизационные процессы, начатые в Российской империи в период Великих реформ Александра II, привели к необходимости выработки проектов реформ существовавшей системы государственного управления, местного самоуправления. На повестку дня выносился вопрос о необходимости коренного пересмотра удельного веса властных структур и органов местного самоуправления в системе жизнеобеспечения общества, особенно в экономической и социальной сферах, как на общероссийском, так и региональном уровне.

© Д. В. Сидоров, 2013

⁶ *Митрополит Вениамин (Федченков)*. Россия между верой и безверием. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: www.pravbeseda.ru/library/index.php?

⁷ *Гронский А.* Отражение протекания 300-летнего юбилея Дома Романовых на страницах газеты «Наша нива» в 1913 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: [www/zapadrus.su/ceas/ceas-2012/29-2012](http://www.zapadrus.su/ceas/ceas-2012/29-2012).

⁸ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Минск, 2002. С. 100–101.

⁹ *Рубанков К. С.* Празднование 300-летия дома Романовых в воспоминаниях членов династии и их приближенных // II Романовские чтения: Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конф. Кострома, 26–27 марта 2009 г. / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома, 2009.

¹⁰ *Протопопов Д. Д.* Европеизация // Русская мысль. 1908. № 4. С. 2.

¹¹ *Тугаров А. Б.* Социополитические настроения в русской провинции (Журнальная статистика «Вопросов философии и психологии») // Социс. 1993. № 1. С. 148.

¹² *Таточенко В. В.* Судьбы российской провинциальной журналистики начала XX века сквозь призму судеб редакторов-издателей: деятельность Н. В. Верхового в Ярославле // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 75.

¹³ *Марков А. П.* Русские города до революции (Воспоминания городского секретаря) // Новый журнал. 1986. Кн. 185. С. 239.

¹⁴ Симбирянин. 1908. 19 мая.

¹⁵ Утро Самары. 1913. 24 авг.

¹⁶ *Шелухаев В. В.* Либералы и массы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 48–49.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 65. Ч. 9. Л. 1 об.

¹⁸ Голос Самары. 1911. 8 июля.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1914. Д. 20. Ч. 69. Лит. «Б». Л. 2.

Е. В. Скрипкина

г. Омск

**ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ И ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР 1660 г.
 (К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТЕ ВЛАСТЕЙ)**

Церковно-государственные отношения в середине XVII в. претерпели определенные изменения. Начавшийся процесс абсолютизации царской власти Алексея Михайловича шел вразрез с притязаниями патриарха Никона на примат духовной власти над светской. Уход Никона с патриаршего престола в 1658 г. поставил второго Романова в весьма затруднительное положение. С одной стороны, Никон не отказывался от патриаршества и de jure оставался первосвященником. С другой стороны, главой Русской церкви de facto становился Алексей Михайлович¹.

Церковный собор 1660 г., созванный Алексеем Михайловичем, должен был вынести определение в отношении Никона и избрать нового патриарха. Сам Никон на Соборе не присутствовал. Причина заключалась в том, что от государя не последовало указания Никону приехать в Москву для поставления нового патриарха². По всей видимости, царская власть вовсе не была заинтересована

в присутствии Никона на Соборе и его участии в выборе главы Русской церкви. В свою очередь, Никон отказался дать свое благословение на избрание нового владыки.

Церковный историк Н. Ф. Каптерев со ссылкой на «Деяние Московского собора...» отмечал то подавляющее влияние, которое имел на Соборе государь: «Алексей Михайлович... <...> изволение даде, богоспешно избрати, возхиротонисати, святейшаго патриарха московского на превысокий престол возвести»³. Царь руководил прениями, утверждал соборные деяния, вносил в них свои поправки. Кроме того, Собор 1660 г. официально подтвердил выраженное еще в Соборном Уложении (глава 1. О богохульниках и церковных мятежниках)⁴ главенство царя в Церкви: «ему же (царю. – *Е.С.*) свою церковь господь преда», санкционировав право царя «созывать освященный собор», «о благочинии церковном тщатися» и «о православных церкви благостроения попечение творити»⁵.

К работе Собора русских архиереев Алексей Михайлович привлек находившихся в тот момент в Москве греческих иерархов: митрополита Фивского Парфения, архиепископа Кирилла Андроского и архиепископа Нектария Паганиатского. Ссылаясь на церковные правила и церковную традицию, греки признавали, что добровольно отрекшийся от престола иерарх не может стремиться возвратиться на него и должен быть лишен архиерейства и даже священства. Но сан может быть оставлен Никону, если церковный собор примет соответствующее решение⁶. При этом греческое духовенство оставляло окончательное решение за государем. Очевидно, что греки находились в двусмысленном положении, ибо пойти против власти означало поставить собственное благополучие под угрозу.

Ученым консультантом на Соборе выступил Епифаний Славинецкий, который был привлечен к делу Никона и оказался в довольно непростой ситуации. По поручению Алексея Михайловича он составил «Деяния московского собора». С одной стороны, на Соборе Епифаний выступил в защиту Никона. Им был рассмотрен подлинный греческий Номоканон. В итоге Епифаний подал царю собственноручную «сказку» в которой говорил о невозможности лишить архиерейства Никона за самовольное оставление патриаршего престола⁷. Славинецкий показал, что Собор не вправе лишить Никона патриаршего сана и архиерейского служения, поскольку добровольно отрекающиеся архиереи не могут быть лишены права носить сан и служить по архиерейскому чину без вины и суда. При этом Епифаний признавал за Собором право избрать другого патриарха.

С другой стороны, по мнению С. В. Перевезенцева, в религиозно-философском и практическом смысле Е. Славинецкий четко занимал ту позицию, которая доказывала необходимость преимущества «царства» над «священством». По мнению историка, за царем Славинецкий признает право на решение всех церковных дел, право созывать церковные соборы, раздавать церковные чины⁸, при этом он очень тактично осуждал патриарха, пожелавшего быть выше царя.

учительская – 65 изв. книг в 109 экз. на 39 р. 03 к.²³, а всего на книги, учебные пособия и классные принадлежности в 1899 г. было израсходовано 125 р. 33 к.²⁴, 1901 – 101 р. 47 к.²⁵, 1907 – 96 р. 80 к.²⁶, 1908 – 92 р. 59 к.²⁷, 1909 – 66 р. 71 к.²⁸, 1910 – 19 р. 84 к.²⁹, 1911 – 23 р. 82 к.³⁰, 1912 – 13 р. 77 к.³¹, 1916 – 20 р.³²

Количество мальчиков 5–16 лет в 1899 г. составляло 50³³, 1900 – 53³⁴, 1901 – 55³⁵, 1907 – 70³⁶, 1908 – 73³⁷, в 1909 – 65³⁸, 1910 – 64³⁹, 1911 – 64⁴⁰, 1912 – 54⁴¹, 1913 – 45⁴², 1914 – 47⁴³, 1915 – 47, но к 1916 г. возросло до 55 человек за счет эвакуированных из оккупированной Сувалкской губернии, на содержание которых от сувалкского губернатора поступило 1 578 р. 38 к.⁴⁴

Осталось сказать, что в первый день празднования 300-летия царствования дома Романовых в Костроме «по всему пути следования Их Императорских Величеств, от городской Царской пристани до Романовского музея и далее, по Павловской улице, до дома Костромского Дворянства, были разставлены шпалерами по обеим сторонам Царского пути ученики и ученицы средних и низших училищ»⁴⁵, во второй день – «от пристани – вверх по Ильинской улице, до Соборной площади, виднелась узкая линия Царского пути, окаймленная двумя тонкими белыми лентами – шпалерами потешных с ружьями, воспитанников различных учебных заведений Костромской губернии»⁴⁶, однако ни в первый, ни во второй день костромские приюты, носившие имена высочайших особ, их посещения не удостоились.

Примечания

¹ Отчет Костромского губернского попечительства детских приютов за 1900 год по Костромскому Мариинскому детскому приюту и по детскому приюту Имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Кострома: Губ. тип., 1901. С. 9.

² Отчет ... за 1899 г. С. 48.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ Отчет ... за 1907 г. С. 12–13.

⁵ Отчет ... за 1909 г. С. 14.

⁶ Отчет ... за 1910 г. С. 22–23.

⁷ Отчет ... за 1915 г. С. 14.

⁸ Отчет ... за 1899 г. С. 58–59.

⁹ Отчет ... за 1908 г. С. 27–28.

¹⁰ Отчет ... за 1909 г. С. 14–15.

¹¹ Отчет ... за 1912 г. С. 20.

¹² Курочкин А. Г. В Александровском приюте // Костромская жизнь. 1913. № 134.

¹³ Отчет ... за 1914 г. С. 15.

¹⁴ Отчет ... за 1908 г. С. 17; Отчет ... за 1908 г. С. 33; Отчет ... за 1912 г. С. 26.

¹⁵ Отчет ... за 1899 г. С. 48.

¹⁶ Отчет ... за 1899 г. С. 44; Отчет ... за 1901 г. С. 137; Отчет ... за 1908 г. С. 88; Отчет ... за 1911 г. С. 62; Отчет ... за 1912 г. С. 62; Отчет ... за 1913 г. С. 54; Отчет ... за 1914 г. С. 58; Отчет ... за 1915 г. С. 58.

¹⁷ Отчет ... за 1909 г. С. 59.

¹⁸ Отчет ... за 1900 г. С. 14.

«более достойному воспитаннику детского Александринского приюта в одном из низших сельскохозяйственных училищ», и 1 700 р., пожертвованные им же в 1899 г., поступившие в 1902 г. по завещанию бывшего губернского прокурора Николая Ивановича Крутикова 3 000 р. «с тем, чтобы проценты с этого капитала были обращаемы на содержание приюта», завещанные вдовой статского советника Елизаветой Федоровной Арванити (1842–1915) 1 000 р. и др.

Пожертвования в 1899–1915 гг. ежегодно поступали от костромских фабрик братьев Зотовых (100–300 р.) и Новой Костромской Льянной Мануфактуры (100–200 р.), кинешемских фабрик братьев Барановых (200 р.) и Разореновых (200 р.), нерехтских фабрик братьев Горбуновых (700–1000 р.), И. А. Корева (200–300 р.), П. А. и Н. П. Павлова (100–200 р.) и Н. И. Скворцова (100–300 р.), юрьевецкой фабрики Красильщиковых (300 р.), Костромской городской и Костромской и Кинешемской уездных земских управ, Г. Н. Ботникова (100 р.), О. К. Олиховой (100 р.), И. П. Третьякова (100 р.)¹⁶ и др.

Среди «вещественных пожертвований» выделяются «История публицистики» (2 кн.), «Лекции сравнительного языкознания» (1 кн.), Юлиус Гезар (1 кн.), Абейзард и Элоиза (1 кн.), журналы «Москвитянин» (53 кн.) и «Отечественные записки» (14 кн.), пара мужских сапог и пара мужских ботинок, присланные в 1909 г. женой Костромского губернатора (1906–1910) Алексея Порфирьевича Веретенникова (1860–1936) Верой Васильевной¹⁷.

«30 июня 1901 года приют посетил господин Министр Внутренних Дел Егермейстер Дмитрий Сергеевич Сипягин... и остался доволен постановкой обучения и общим состоянием заведения. При выходе дети поднесли ему букет и дыню из собственной оранжереи...»¹⁸, а министр им – 100 апельсинов¹⁹.

С 1899 г. «в приюте преподавались пение и музыка, особо приглашенными для того учителями. Ввиду этого было приобретено десять балалаек и домбр и был организован особый хор балалаечников. Дети очень усердно стали заниматься и крайне скоро сделали настолько значительные успехи в игре на балалайках, что неоднократно могли принимать участие в спектаклях и концертах, устраиваемых в пользу приюта»²⁰, а также воспитанники «делают довольно значительные успехи в столярном и токарном мастерствах, так что в отчетном году приют имел возможность экспонировать свои изделия на Парижской всемирной выставке, где, по постановлению международного выставочного жюри, Костромскому приюту Имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны была присуждена серебряная медаль. Отправлены на выставку были самые маленькие вещи, в количестве 10 предметов, всего на сумму 7 рублей»²¹.

С июля 1901 г. школа стала приходским училищем, где обучали также садоводству, огородничеству и столярному и сапожному мастерствам, а с 1910 г., кроме того, два раза в неделю – военной гимнастике и строю под руководством унтер-офицера местной команды, для чего воспитанниками с помощью столярного мастера были изготовлены деревянные ружья для приемов²².

Ученическая библиотека в 1903 г. насчитывала 16 нзв. учебников в 359 экз. на 93 р. 13 к. и 251 нзв. книг для внеклассного чтения в 327 экз. на 90 р. 75 к.,

Несмотря на разность мнений, обнаружившихся в ходе соборных заседаний, окончательное постановление Собора гласило: «...Бывшему же Никону патриарху не обладати ничем ни монастыри, ни вотчинами, а жити ему и питаться в монастыре, где великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя России Самодержец укажет и святейший новопоставленный патриарх благословит... <...> чужду быти Никону патриаршескаго престола и чести вкпе и священства, и ничем не обладати...»⁹ Соборное определение отдало на благоусмотрение царя.

Очевидно, что все участники Собора: и русские архиереи, и греческие иерархи, принимая окончательное решение, согласились с доводами светской власти. Да и тот факт, что работой комиссии, которая занималась расследованием обстоятельств оставления Никоном патриаршего престола, руководил боярин П. М. Салтыков, доверенное лицо Алексея Михайловича, говорит сам за себя.

Однако Алексей Михайлович не спешил претворять постановления Собора в жизнь, и окончательное рассмотрение дела Никона было отложено. Никон, в свою очередь, не признал каноничным ни сам факт созыва Собора, ни его решения, поскольку Собор был созван одним царем без согласия и участия патриарха. Никон не был приглашен на соборные заседания, поэтому не имел возможности быть выслушан и в итоге осужден заочно. Никон считал, что судить его имеет право только константинопольский патриарх, а не русские архиереи, получившие от него рукоположение. К тому же русские епископы собирались по единоличному приказу государя, тем самым нарушив присягу ничего не делать без согласия патриарха. Соответственно, они действовали не свободно, а находились под давлением царской власти. Никон также пытался доказать возможность временного оставления высшим церковным иерархом своего престола, опираясь на правила святых соборов: «От буести и гордости возбраняющее, святии Отцы повелеваша епископом в реченное время во инех епископиях пребывати. Аще же некии епископы, исповедания ради чистыя нашея веры, или понеже бе поборник истине, рекше противяся властелем, не творящим истины, и того ради от своего града изгнан быв, и в другой град придет, не возбранится ту пребывати ему, дондеже примирение обрести возможет, и применение бывшаго на нем досаждения». Несмотря на то что собор русского духовенства в принципе был вправе решать подобные вопросы, Алексей Михайлович принял доводы Никона. По мнению М. В. Зызыкина, отношения между Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном давали моральное право владыке оставить патриаршую кафедру. Соответственно государь не мог осуждать его и сводить с ним счеты¹⁰. К тому же, как отмечает И. Л. Андреев, Алексей Михайлович в свое время ратовал за то, чтобы придать московскому патриарху «вселенское» значение. Поэтому смещать Никона надо было с учетом этого собственноручно возведенного государем препятствия¹¹.

Важно и то, что Елифанний Славинецкий, выступивший на Соборе в защиту Никона, ссылаясь на решения вселенских и поместных соборов, отмечал, что

лишение Никона патриаршеского сана не соответствует канонической практике. В отечественной практике подобного случая еще не было, а на Востоке уходивший на покой или вынужденный оставить свой престол патриарх часто сохранял свой сан. Но в данном случае, зная характер Никона, можно было справедливо опасаться, что оставление за ним сана патриарха может создать большие трудности и умалит авторитет его преемника. Иметь дело с Никоном – простым иноком было бы предпочтительнее¹². Мысль, что ключевую роль в этом решении царя сыграл Епифаний, является общепринятой в исторической литературе. Как показал современный исследователь С. В. Лобачев, если бы Собор 1660 г. избрал нового патриарха, то положение Никона осталось бы неясным, поскольку последний формально по-прежнему сохранял свой сан. Поэтому в «деле Никона» важно было осудить Никона, чтобы навсегда избавиться от непокорного владыки¹³. Оба положения не противоречат друг другу, а скорее друг друга дополняют.

Таким образом, Церковный собор 1660 г. положил начало процессу отрешения Никона от патриаршества, а решения Собора легли в основу суда над Никоном на Большом Московском соборе 1666–1667 гг. с участием восточных патриархов. Вопрос участия царя в церковных делах в царствование второго Романова приобрел новое звучание. Алексей Михайлович активно вмешивался в вопросы, входившие в компетенцию церковных властей.

Примечания

¹ См. подробнее: *Скрипкина Е. В.* Управление Русской Православной Церковью в 1658–1667 гг. // Исторический ежегодник – 2005. Омск, 2006. С. 12–16.

² Сказка стольника Матвея Пушкина о посылке его к патриарху Никону с испрашиванием от имени царя благословения на избрание нового патриарха и с изложением ответа Никона, в коем он сие право присваивает себе (6 марта 1660 г.) // Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 19–20.

³ *Каптерев Н. Ф.* Царь и московские соборы XVI–XVII столетий. М., 1906. С. 9, 62.

⁴ Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 82–83.

⁵ Цит. по: Деяние Московского собора, которым определено право царя с собором Российской церкви избрать и поставить нового патриарха, по причине оставления Никоном патриаршеского престола (14 августа 1660 г.) // Дело о патриархе Никоне. С. 94.

⁶ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 212.

⁷ Сказка, поданная на собор старцем Епифанием Славинецким... (15 июня 1660 г.) // Дело о патриархе Никоне. С. 88–94.

⁸ *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001. С. 362–365.

⁹ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 219.

¹⁰ *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. М., 1995. Т. 2. С. 199.

¹¹ *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 337.

¹² Там же. С. 334; *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Минск, 2007. С. 268.

¹³ *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб.: Искусство, 2003. С. 213.

установлен в приюте с высочайшего соизволения 16 марта 1899 г.¹, а в апреле 1899 г. «поступили в кассу Попечительства 500 рублей, Всемилостивейше назначенные Государынею Императрицею Александрою Феодоровною из Собственных сумм на усиление средств приюта Имени Ее Императорского Величества, для возведения новой каменной мастерской»².

Первое десятилетие попечительницей Александринского приюта являлась попечительница Мариинского детского приюта (1867–1909), вдова предводителя губернского дворянства (1865–1871) Николая Павловича Карцова (1820–1895) Александра Федоровна, ур. Сумарокова (1830–1909)³; 1907–1910 гг. – супруги костромских вице-губернаторов (1906–1907) Федора Александровича Бантыша (1863–1919) Софья Александровна, ур. Евреинова (?–1945)⁴, и (1908–1910) князя Александра Николаевича Оболенского (1872–1924) княгиня Саломия Николаевна, ур. княжна Дадиан-Мингрельская (1878–1961)⁵; 1910–1913 гг. – холостой вице-губернатор (1910–1915) Иван Владимирович Хозиков (1875–?)⁶; 1913–1915 гг. – жена губернатора (1912–1915) Петра Петровича Стремоухова (1865–?) Софья Александровна, ур. Салтыкова⁷.

Директорами приюта являлись в 1899–1907 гг. секретарь губернского правления Сергей Сергеевич Моисеев⁸, 1907–1908 гг. – статский советник Даниил Андреевич Гутнев⁹, 1908–1912 гг. – советник губернского правления (1907–1912) Владимир Леонидович Гуссаковский¹⁰, 1912–1913 гг. – многолетний безвозмездный приютский врач (1900–1913) и помощник губернского врачебного инспектора (1910–1913) Александр Герасимович Курочкин (1850–1913)¹¹, опубликовавший о приюте небольшую заметку в «Костромской жизни»¹², с 1914 г. – редактор неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» Николай Дмитриевич Свободов¹³. Смотрителями служили с 12 сентября 1897 г. – Сергей Васильевич Смирнов, с 20 сентября 1907 г. – Александра Александровна Черногубова, с 3 февраля 1908 г. – Вера Николаевна Иванова, с 15 февраля 1912 г. – Евфросиния Ивановна Шафранова, с 1 ноября 1912 г. – Елизавета Максимовна Максимова¹⁴.

Приют располагался на пожертвованной Костромской городской думой земле в собственном одноэтажном деревянном на каменном фундаменте здании, при котором имелись деревянный на каменном фундаменте флигель, каменное здание для мастерских, деревянная баня, теплица и надворные постройки¹⁵.

Источниками его содержания были проценты с капитала 33 631 р. и 15 % из доходов по завещанию потомственного почетного гражданина, гласного Костромской городской думы Александра Васильевича Соколовского (1858–1900), ежегодные пособия в сумме 1 000 р. от Костромского губернского земства, 100 р. от Костромского уездного земства, 300 р. от Костромского городского общественного управления, членские взносы почетных членов, деньги, собранные по подписным листам и посредством кружек и вырученные от благотворительных спектаклей и лотерей, доходы от мастерских приюта и от садоводства, пожертвования благотворителей и пр. В числе последних были перечисленные в 1896 г. нерехтским фабрикантом Петром Александровичем Павловым (1859–?) 3 000 р., проценты с которых использовались на стипендию

на переломе (1905–1907 гг.)»¹⁰, посвященной периоду, когда традиционная деятельность земских органов была дополнена новыми политическими правами.

За годы изучения в отечественной науке сложилась серьезная база исследований различных аспектов деятельности земств и их взаимодействия с государственной властью. Но по-прежнему не до конца изучены вопросы, связанные с функционированием некоторых губернских земств. Таким образом, в начале XXI в. одним из приоритетных направлений для исследований российской истории конца XIX – начала XX в. остается изучение провинциальных земств в контексте их взаимодействия с органами государственной власти на местах.

Примечания

¹ Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских общественных учреждений: в 3 т. СПб., 1870–1872.; Лешков В. Н. Опыт истории земства и его земских учреждений по «Положению» 1864 г. М., 1865.

² Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866; Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874.

³ Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871 г. СПб., 1872. С. 216.

⁴ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Ч. III: Органы местного управления // Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. СПб., 1899.

⁵ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет.: в 4 т. СПб., 1909–1911.

⁶ Ленин В. И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма / ПСС. 5-е изд. Т. 5. М., 1979. С. 32.

⁷ Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 201.

⁸ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 161.

⁹ Воронежцев А. В. Саратовское земство накануне и в период первой российской революции (1900–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993; Горская Н. И. Смоленское земство в последние годы своего существования, 1905–1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1996; Живодрова С. А. Пензенское земство в 1900–1914 гг.: социальный состав, бюджет и практическая деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.; Чвикалов А. И. Воронежское земство (1890–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.

¹⁰ Королева Н. Г. Земство на переломе. М., 1995.

О. В. Горохова

г. Кострома

КОСТРОМСКОЙ АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ДЕТСКИЙ ПРИУТ (1895–1918)

Одним из первых носивших имя императрицы (21.10.1894–02.03.1917) Александры Феодоровны (25.05.1872–17.07.1918) был приют для мальчиков на Ново-Троицкой улице (ныне – ул. Козуева, 37а, б), 31 октября 1895 г. открытый костромским гражданским губернатором (1892–1897) Александром Романовичем Шидловским (1834–1897), портрет которого попечительством был

Н. И. Рожкова

Москва

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ В XVII В. ПРОБЛЕМА СТЕРЕОТИПОВ

«Культурные связи наряду с экономическими и политическими – постоянный и существенный компонент общения между народами. Все эти компоненты не только дополняют друг друга, но и вступают в сложное взаимодействие, где каждый обнаруживает свою самостоятельность и специфику. Культура охватывает духовную жизнь общества – ту сферу, в которой создаются, сохраняются и накапливаются духовные ценности, знания, нормы и исторический опыт. Поэтому культура – арена наиболее устойчивого взаимодействия народов, их взаимного обогащения и понимания.

Политические раздоры могут основательно нарушать и даже временно прерывать нормальные отношения, особенно если культура используется как инструмент национального противопоставления, консолидации «своих» и отторжения «чужих». Однако «поверх барьеров» и границ поддерживаются контакты даже враждебных наций. Когда стихают политические страсти, культуры вновь вступают в полноценный контакт. Открытость внешним влияниям, взаимодействие — важное условие успешного развития любой культуры и ее поддержания в полном объеме»¹.

Наше восприятие другой нации нередко основывается на определенных стереотипах. Проблема стереотипа давно изучается социологами (Иванова Е. А. Стереотип как феномен культуры: автореф. дис.), психологами (Крысько В. Г. Этническая психология), лингвистами (Маслова В. А. Лингвокультурология). По этому поводу В. Г. Крысько пишет: «Под традиционно закрепившимся в общественных науках понятием “национальный (этнический) стереотип” обычно понимается схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе»².

Опираясь на свои национальные стереотипы, люди могут делать предвзятые выводы и неверно вести себя по отношению к представителям той или иной этнической общности. Национальные стереотипы образуются в результате функционирования национальных обычаев, традиций и нравов. Исследование национальных стереотипов предполагает выявление типичных эмоциональных реакций на этнические объекты, анализ характера и специфики устойчивого отношения к представителям другой национальности. Даже первоначальное поверхностное знание об этническом объекте уже порождает определенное отношение притяжения (симпатия, заинтересованность), отталкивания (неприязнь, антипатия) или безразличия к представителям другой

этнической группы. Мы здесь рассмотрим стереотипы восприятия русских и поляков в XVII–XVIII вв.

В. О. Ключевский утверждал, что поляк и татарин и в XVIII в., не говоря уже о веках более ранних, для истинно русского человека были врагами. В то время «русские беса представляли в виде ляха»³. Б. Н. Флоря в своей работе «К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени» пишет, что «представления о поляках, функционировавшие в сознании русского общества XVII в., сложились, приобрели четкую форму в годы Смутного времени»⁴. Основными произведениями того периода, передающими особенности восприятия поляков русским обществом, принято считать «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына и так называемую «Летописную книгу». Источниками для исследования отношения русских к полякам во второй половине XVII в. могут служить следующие произведения: «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. Котошихина и «Политика» Ю. Крижанича. Эти произведения, в отличие от ранее приведенных, совсем другого характера, и все сопоставления русских с другими нациями преследуют иные цели, чем у Авраамия Палицына и у автора «Летописной книги». Тем не менее, все эти произведения (и I половины XVII века, и II) стоят в одном ряду и могут показать динамику отношений русских и других наций, в частности поляков, если, конечно, эта динамика прослеживается. При анализе всех этих произведений напрашиваются следующие выводы:

1. Отношение русских к полякам менялось на протяжении всего XVII в. от откровенно негативных (Авраамий Палицын), до достаточно дружественных (Ю. Крижанич). Это было связано, прежде всего, с событиями Смутного времени и исторической памятью русского народа.

2. В основе отношения к полякам у русского человека, или – славянина (Ю. Крижанич) лежит неприятие поляков не как народа (не берем здесь во внимание образ поляков как захватчиков, интервентов), а как проводников латинской веры, «вражеской» для православного мира. Это показали в своих произведениях и Авраамий Палицын и Юрий Крижанич, и этот мотив прослеживается на протяжении всего XVII в.

Имея возможность общаться с человеком другой национальности, мы невольно сравниваем себя с ним, видим в этом сравнении хорошее и плохое, прежде всего – в нем, а затем – в себе. Причем, мы это делаем, сами того не подозревая, с позиции своей нации. Естественно, произвольно, мы основываем полученную информацию на тех стереотипах, которые есть в нашем обществе по отношению к той или иной нации. Причем все это происходит независимо от нашего желания или нежелания. В этом специфика нашей психики. Это есть сейчас, и это было раньше.

В 2004 г. под патронажем Патриарха Московского и всея Руси Алексия II была переиздана книга «Россия – это сама жизнь: заметки иностранцев о России с XIV по XX век». Именно эта книга вполне может стать тем источником, который покажет весь калейдоскоп отношений иностранцев, в частности поляков и тех, кто так или иначе был связан с Польшей и Россией XVII в. В чем же

не привлекали внимания общественности, были довольно безжизненны и начали развиваться лишь в XX в.

Изучение истории земства в советской исторической литературе происходило в рамках подхода, определенного В. И. Лениным. Вопросы земской реформы и деятельности земских учреждений, политики самодержавия в отношении земства, роли земского либерально-оппозиционного движения затрагиваются во многих ленинских работах. Особое место среди них принадлежит статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма»⁶.

Подчеркивая буржуазный характер реформ 60–70-х гг. XIX в., В. И. Ленин называет Земскую реформу «одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска». Определяя место земства, ставшего «оплотом буржуазно-либерального движения, в общественной жизни», В. И. Ленин указывал, что оно «являлось лишь одним из вспомогательных факторов политической борьбы». В. И. Ленин писал: «Земство – кусочек Конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское общество отманывали от конституции». В то же время, в работе указывалось и положительное значение практической деятельности земств, осуществлявшейся демократически настроенной земской интеллигенцией.

Несмотря на однозначность ленинских оценок роли земства, в советский период вышел ряд монографий, не потерявших свое значение до наших дней. Начало монографическому изучению земских учреждений советскими историками было положено работой В. В. Гармизы «Подготовка земской реформы 1864 г.»⁷. Обстоятельный анализ различных теорий местного самоуправления в России дан в обзоре В. В. Гармизы «Земская реформа и земство в исторической литературе».

Определенным продолжением проблематики стала работа Л. Г. Захаровой «Земская контрреформа 1890 г.»⁸. Автор рассматривает Положение 1890 г. как «основное звено правительственной политики 80-х – начала 90-х гг. XIX в.».

В начале 90-х гг. XX в. наметились новые подходы к изучению истории земского самоуправления в России. После утверждения Верховным Советом России программы по изучению «наследия российского земства», с 29 сентября по 2 октября 1992 г. в Йошкар-Оле была проведена научно-практическая конференция «Организация и практика земских учреждений в России», послужившая отправной точкой нового периода в изучении земства.

В это время происходит отказ от тех целей и задач, которые стояли перед исследователями в рамках марксистско-ленинской концепции. В то же время наблюдается дальнейшая конкретизация вопросов земского местного самоуправления. Так, история создания и функционирования земских учреждений в Саратовской, Смоленской, Пензенской, Воронежской губерниях посвящены диссертационные работы А. В. Воронежцева, Н. И. Горской, С. А. Живодровой, А. И. Чвикалова⁹ соответственно. Авторы исследований, на основе широкого круга исторических источников и нового исторического мышления, делают попытку целостного рассмотрения возникновения и развития земского самоуправления с учетом разносторонних аспектов его деятельности. Вопрос отношения земства и государственной власти нашел свое отражение в монографии Н. Г. Королевой «Земство

Признание двух начал в местном самоуправлении и их независимости друг от друга, признание общественного начала в системе земского самоуправления позволяли, с одной стороны, земствам претендовать на самостоятельность в пределах предоставленной им компетенции, с другой стороны, правительству привлекать внимание местных органов самоуправления к их основной задаче – выполнению общественными силами порученных государством функций.

Критику Закона о земских учреждениях с точки зрения дворянской либеральной оппозиции произвел общественный деятель А. А. Головачев в своих полемических очерках «Десять лет реформ. 1861–1871 гг.»³. А. А. Головачев отказывался признавать в земских учреждениях органы действительного самоуправления, считая их лишь особой ветвью «центрального управления для заведывания известной отраслью хозяйства, распорядиться которой самостоятельно они не могут». Только после коренных преобразований – введения территориальных выборов и придания самостоятельности земским органам – «они будут действительными органами самоуправления, голос их в деле общих государственных вопросов может быть полезен и даже необходим. До того же времени заключения их должны выслушиваться с большой осторожностью». Иную точку зрения высказал академик В. П. Безобразов в работе «Земские учреждения и самоуправление». Единственный путь к процветанию земства он видел в интеграции его в систему государственного управления. Самостоятельность местных учреждений (которой в действительности они не обладали) и отсутствие у земств реальной власти даже в границах их компетенции В. П. Безобразов считал главными недостатками земства: «Земские учреждения есть только орган одной и той же государственной власти и от нее получают свои права и полномочия... Нам предстоит создать административные органы государственной власти на почве земств. Только на этом пути объединения с государственным управлением, земские учреждения могут быть освобождены от недоверий их окружающих со всех сторон в настоящее время». Профессор русского права А. Д. Градовский настаивал на предоставлении земским учреждениям самостоятельности и исполнительной власти в пределах дарованных им прав⁴.

В конце XIX – нач. XX в. начинается новый период в истории изучения земства в России. Его начало связано с утверждением нового положения 1890 г. о земских учреждениях и тем, что появилась возможность подведения некоторых итогов на основе детального анализа фактической деятельности органов самоуправления.

Одной из первых и ярких работ в этом направлении явилось фундаментальное исследование Б. Б. Веселовского «История земства за сорок лет»⁵. В основу труда была положена либеральная идея о прогрессивности земства, с деятельностью которого автор связывал успехи хозяйства и культуры в стране. Исследователь предлагал изъять из ведения царской администрации и передать органам местного самоуправления все виды реальных налогов, школьное и медицинское дело, а также создать третью земскую единицу в лице волостного земства. В кратком обзоре деятельности земств Костромской губернии Б. Б. Веселовский отмечал, что эти земства до 1900-х гг.

ценность этих заметок? Р. Балакшин, составитель этой книги, пишет: «Записки иностранцев ценны и дороги для нас тем, что благодаря им сохранилось то, что составляет живую жизнь народа, на что человек в текущей жизни обычно не обращает внимания, считая это повседневным и малоинтересным, не стоящим ни записи, ни памяти. В записках (дневниках) приезжих людей, несомненно, отражались личные взгляды автора, его воззрения на людей и мир. Иногда видишь незнание автором нашей русской жизни и горячее желание вникнуть, понять ее или, напротив, упрямое нежелание понимать и стремление толковать ее только на свой нрав и вкус. Давно умершие люди, чьи рода пресеклись, и никто не вспоминает и не молится о них, живы в России, в своих свидетельствах о ней»⁵.

Итак, в каких областях можно увидеть реакцию иностранца на русского и наоборот и что это показывает.

1. Название (наименование) народа. Приведенные в таблице наименования – «лях», «русин» (кроме «литвин») – это топографические названия. Еще у Михалона Литвина (XVI в.) в его работе «О нравах татар, литовцев и москвитян» эти слова обозначали лишь представителей народности или веры («литвин», «костельник»)⁶, но вот у авторов XVII в. иногда, контекстно эти топонимы начинают носить уже и оценочную окраску: русские по отношению к «ляхам» и поляки – к «москалям».

2. Русский (польский) народ; народный характер. Как правило, мы видим то, что хотим видеть. С учетом этого, а так же беря во внимание тот факт, что поляки и русские в XVII в. находились в затяжном конфликте и наша совместная историческая и конфессиональная память не давала возможности быстрого выхода из этого кризиса, можно уже без примеров представить, что мы увидим. Как здесь уже говорилось, «национальный стереотип позволяет человеку без лишних размышлений соотнести собственную оценку любого явления с ценностной шкалой своей этнической общности»⁷. В связи с этим и появляются такие высказывания, как это: [русский человек] «По латыне не знает, простое Евангелие четет, комедий и мошкар (скоморошество) у езуитских колеумах не учив, мнят бо яко в поганских (языческих) комедиях Христос водворяется, но нест сице нест» (И. Вишенский)⁸.

В нашем языке и сознании есть так называемые сигналы: слова-сигналы и действия-сигналы. У всех народов есть слова «любовь», «счастье». Разные народы будут эти слова произносить по-разному, но суть останется одинаковой. Такие явления, как пьянство, блуд, воровство одинаково порицаются всеми народами – это греховные безнравственные действия. Исходя из теории стереотипа «гетеростереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными – в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. Один и тот же психологический комплекс в зависимости от отношения к его носителю может называться и непосредственностью, и безответственностью»⁹, то есть, если что-то хотят сказать человеку очень (!) неприятное, то к нему привешивают ярлык пьяницы, потаскухи, вора и так далее. То же и в отношении к целым нациям. Довольно давно (но далеко не в XVII в.),

сложился стереотип о том, что русские – пьющая нация, а вот что пишут в XVII в. об иностранцах, живущих в России: «Эта часть (Москвы) выстроена для иноземных солдат: поляков, литовцев и немцев – и названа, по их попойкам, «налейками», от слова «налей». Это название появилось потому, что иноземцы более московитов занимались выпивками. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских, то пьяной братии пришлось жить в одиночестве, за рекой» (Олеарий)¹⁰. Тот же фактор играет и при восприятии русских иностранцами.

3. Отношение к религии. Отношение к русской (западноевропейской) культуре. Как уже говорилось в предыдущих главах, религиозный вопрос был краеугольным камнем во взаимоотношениях русских и поляков, где каждый считал свою веру истинной: «Если русских спросить об этом [о религии], они отвечают, что именно они-то и являются истинно крещеными и лучшими в мире христианами» (Олеарий)¹¹. Что же касается «латинников», то «кои в рогах ходят, понеже отец их диавол, бляди и лжи начальник, их тому же научил лгать и прельщать народы» (Аввакум)¹². Тем хуже, что «царь Петр, высмотрев еретические земли, хотел ввести в Отечестве еретическую веру и обычаи»¹³. Это же касалось и взаимного непонимания и неприятия культуры друг друга: «Ныне христианские дети сия творят: во одежду женскую мужи облачатся и жены в мужескую, или наличники (маски) якоже в странах Латинских зло обыкова творят» (Номоканон)¹⁴, или: «Никакой музыки на вечеринках не бывает, о танцах наших они говорят: что за охота ходить по избе, искать и ничего не потерпев, притворяться сумасшедшим и скакать скоморохом, считая неприличным (!) плясать честному человеку» (Самуил Маскевич, начало XVII в.)¹⁵.

Подводя итоги, необходимо выделить следующее:

1. Предметами стереотипного восприятия могут стать:

- сам народ;
- религия;
- культура, особенности быта.

2. Н. А. Ерофеев пишет: «Этнические представления отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение»¹⁶, то есть через приведенные примеры можно проследить «культурное мышление», образ мыслей, поведение, явления культа и так далее, как, одной стороны, например, поляков, так и с другой – русских.

Примечания

¹ Еросов Б. С. Социальная культурология: пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 2. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 94.

² Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2002. С. 120–122.

³ Ключевский В. О. О русской истории: [сб.] / сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов; под ред. В. И. Буганова. М.: Просвещение, 1993. С. 366.

³ Каталя В. И. Кустарная промышленность Тверской и Ярославской губернии. Исследования 1888 года // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. 1. Спб., 1892.

⁴ Релина Е. А. Словарь Кимрских деревень от «А» до «Я». Кимры, 2011. С. 76.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Историко-статистическое описание Тверской губернии / сост. В. Покровский. Тверь, 1879. Т. 1. Разд. 3. Землевладение и земледелие. С. 2, 9.

⁷ Там же. С. 52–55.

⁸ Энциклопедический словарь изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 16. Спб., 1895.

⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная дорожная книга для русских людей. Т. 1: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье / сост. А. П. Нечаев и др.; под ред. В. П. Семенова. Спб., 1899. С. 156.

¹⁰ Столяров А. Село Кимры и его обитатели. Кимры, 1992. С. 43.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Суханов А. Бывшие владельцы села Кимры. Кимры, 1997. С. 66.

¹³ Релина Е. А. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 3. С. 409.

¹⁵ Столяров А. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Релина Е. А. Указ. соч. С. 78.

¹⁷ Столяров А. Там же.

¹⁸ Там же. С. 26–27.

В. В. Козлова

г. Кострома

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о месте земства в системе государственного управления сильно занимал ученых и публицистов начиная с 1870-х гг., возник он еще в процессе подготовки Земской реформы. Историографию темы можно условно разделить на следующие периоды: дореволюционный, советский и современный.

Первые попытки теоретического осмысления места земских учреждений в системе самодержавной государственной власти приняли вид двух концепций земства: «общественной» (представители – В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков)¹ и «государственной» (Б. Н. Чичерин, В. П. Безобразов, А. Д. Градовский)². В рамках «общественной» теории земские учреждения трактовались как органы общественного самоуправления, а не органы государственной власти. Это определялось их выборным характером и определенной независимостью в пределах предоставленной им компетенции. «Государственная» теория рассматривала земства как составной элемент государственной администрации.

а соломенные крыши уходили в прошлое. Сколотившие даже средний капиталец местные сапожники стремились вложить деньги в строительство просторных и обшитых тесом домов-пятystenков, двухэтажных домов, которые делились на зимнюю и летнюю половину, имели отдельную мастерскую.

Средний доход крестьян-сапожников позволял жить им лучше, чем крестьянам других регионов. Изменялся и рацион питания. Характерные для городского образа жизни черты внедрялись и в крестьянский быт, находили свое выражение в одежде, манере поведения, песнях, танцах, в появлении городской утвари: фарфоровой посуды, металлических ложек, вилок, бокалов, дорожных самоваров. Конечно, цена данных изменений в крестьянской жизни была довольно высокой – интенсивный и напряженный труд, обычно, по 12–16 часов в день в согнутом положении, в полутьме, дававший, порой, мизерный доход из-за произвола многочисленных скупщиков и посредников. Неудивительно, что среди сапожников были частыми болезни груди, рук и ног. Но даже такие трудности никоим образом не могли отчуждать кимрское крестьянство от сложившегося за многие десятилетия образа жизни, дававшего возможность выживать в российской действительности XIX – начала XX в. Другого пути у них просто не было, как и не было других источников существования, как и у миллионов граждан романовской России.

В марте 1917 г. эта эпоха в истории России закончилась отречением Николая II от престола. Кимры обретет статус города и в декабре 1918 г. станет центром одноименного уезда, и так же, как прежде, будет шить обувь, но уже в социалистических условиях, в корне изменивших, наряду с политическим строем, и образ хозяйствования. Сапожный промысел постепенно будет индустриализироваться, сапожников-индивидуалов объединят (а проще – загонят) в сапожные артели. Свой «удар» по ремеслу нанесли колхозы, заставившие кимрских крестьян заниматься в основном сельским хозяйством, и, конечно, Великая Отечественная война, унесшая жизни тысяч сапожников. Однако до середины 50-х гг. XX в. можно было еще встретить «подпольных» кустарей-одиночек, делавших обувь на заказ и сохранявших таинство ремесла. А город Кимры, ставший к концу XX в. городом с многоотраслевой экономикой, продолжал оставаться флагманом советской сапожной промышленности, пока его не похоронили под обломками советской системы бездумные реформы 1990-х гг.

Сейчас Кимры словно Атлантида, утонувшая и лишь покрытая былой слабой, о которой говорится в туристических проспектах, но которая не подтверждается реальностями XXI в. Обувь здесь шьют, но в небольших объемах. Сапожный же промысел погиб и вряд ли возродится.

Примечания

¹ Село Кимры // Нива. 889. № 4. <http://www.gen-volga.ru/biblio/n1899-07.htm> (дата обращения: 24 февраля 2013 г.).

² Речь идет о волостях Кимрской, Ларцевской, Федоровской, Суворовской, Паскинской и Ильинской – Корчевского уезда, Талдомской и Белгородской – Калязинского, Медведицкой – Кашинского уезда.

⁴ Флоря Б. Н. К изучению образа поляка в памятниках Смутного времени // Россия и Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. редактор В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002.

⁵ Россия – это сама жизнь: Заметки иностранцев о России с XIV по XX век / сост. Р. Балакшин. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 12–16.

⁶ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994.

⁷ Крысько В. Г. Этническая психология. С. 140.

⁸ Котлярчук А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 128.

⁹ Крысько В. Г. Этническая психология. С. 142.

¹⁰ Россия – это сама жизнь... С. 385.

¹¹ Там же. С. 323.

¹² Котлярчук А. С. Указ. соч. С. 114.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Крысько В. Г. Этническая психология. С. 143.

А. С. Минаков, А. В. Воробьев

г. Орел

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ОРЛОВСКИЙ КРАЙ

В эпоху Смутного времени орловские земли оказались ареной ярких событий острой политической борьбы и социальных движений. Регион пережил большие потрясения, связанные с запустением населенных мест, упадком сельского хозяйства, а также вынужденной миграцией населения. Воцарение новой правящей династии стало временем возрождения Орловского края, началом новых страниц его истории.

Многие представители династии Романовых имеют самую тесную связь с Орловским краем. В 1709 г. в Орле побывал Петр I. Он направлялся на Украину, где впоследствии дал сражение шведским захватчикам под Полтавой. По легенде, орловские жители преподнесли ему вместо традиционного хлеба-соли блюдо малины¹, а местные «лихие люди», остановив в лесу его карету, пали ниц, увидев перед собой громадную фигуру вышедшего к ним царя².

Именно в годы правления Петра I Орел становится центром провинции в составе Киевской губернии. Бывшая крепость в верховьях Оки превратилась в крупный центр хлеботорговли. В Орле начинает действовать пристань, откуда баржи, груженные зерном, направлялись в центральные районы страны. Кроме того, продолжавшаяся Северная война определила необходимость основания в Орле первой в крае мануфактуры, изготавливавшей полотно и парусину для нужд армии.

Знаменательным событием в истории Орловщины был приезд 16 июня 1791 г. императрицы Екатерины II. Она посетила Орел, ставший в годы ее правления губернским центром, возвращаясь из своей поездки по южным районам страны. Местное дворянство организовало широкое празднование этого события. Орловский летописец отмечал, что «ждали ее величества все дворянство и купечество и градские суды. И выбраны были жители хорошего поведения, отличались хорошим платьем от прочих, то есть богатые. <...> Женщины подавали ее величеству хлеб и соль, который она изволила принять. Потом она отправилась в церковь Преображения Господня на фатеру, где присутственные места. Изволила быть на балу. Нарочито для нее был сделан дом. Дом ей был построен на берегу реки Оки повыше моста, в первом квартале, на правом берегу. В доме изволила кушать и пригласила к этому столу здешнего города жителей, человек до 12-ти, и поднесла им по бокалу водки»³.

В честь проезда императрицы, по идее генерал-губернатора Ф. Н. Клички, на северной заставе города были построены Московские ворота в виде триумфальной арки. Средства на строительства были собраны с местного дворянства⁴. После нескольких реконструкций ворота украшали город вплоть до 30-х гг. XX в., когда были разобраны.

Александр I неоднократно бывал в губернии во время посещений военных маневров. В сентябре 1823 г. он приехал в Орел в сопровождении Начальника Отдельного корпуса военных поселений графа А. А. Аракчеева и начальника Главного штаба И. И. Дибича. «Его императорское величество был встречен полицеймейстером и сопровожден в Михаило-Архангельскую церковь, где встречен преосвященным Гавриилом, епископом, при многочисленном собрании духовенства, гражданских чиновников, почетных дворян и купечества, и приветствовал он монарха речью. По выслушании речи, приложась ко святым иконам, государь император отправиться изволил в свою квартиру, приготовленную в казенном губернаторском доме. Принял от собравшихся военачальников поздравления, а от гражданского губернатора о благосостоянии губернии рапорт, изволил отозваться довольным насчет устройства дороги»⁵. Именно с его приездом связывают название одного из орловских мест – Царев брод. Города Орловской губернии помнят и последнее, траурное путешествие императора Александра I по России в 1825 г. из Таганрога в Санкт-Петербург. Гроб с телом покойного императора стоял в одном из орловских храмов и жители города могли проститься со своим государем. Затем траурная процессия сделала остановку в Мценске.

Николай I также неоднократно бывал в Орле. В конце сентября 1834 г. он на несколько дней приезжал в Орел для осмотра драгунского корпуса. Император прибыл в сопровождении большой свиты. С ним приехали Главный начальник III Отделения С. Е. И. В. канцелярии А. Х. Бенкендорф, генерал от инфантерии П. Д. Киселев, прусский и австрийский посланники, а также ряд других лиц. Пребывание царя было организовано торжественно. Он был на молебне в Петропавловском соборе, давал обеды для губернского общества, офицерского корпуса. Несколько дней шли смотры войск и показательные

Само село Кимры уже к 80-м годам XIX в. значительно превосходило уездный центр Корчеву как по численности населения, так и по самому облику. По признанию многих современников, оно больше напоминало город, чем село. Сапожные ярмарки, проводившиеся здесь два раза в год, были одними из крупнейших в Тверской губернии и России. Здесь наряду со сбытом обуви и кожевенного товара осуществлялась значительная торговля и другими товарами промышленного производства. Кроме того, на еженедельные базары сюда прибывало до 5 000 жителей окрестных сел и деревень, в основном сапожников-кустарей. Кимрский сапожный район производил в этот период более 2,5 млн пар обуви на сумму свыше 6 млн руб. Товар поставлялся в Москву и Санкт-Петербург, Нижний Новгород в Ирбит, Малороссию, Ростов-на-Дону, на Кавказ, в Туркестан и Сибирь. Кимрская продукция составляла конкуренцию на выставках в Амстердаме и Париже. В 1891 г. «в селе было 3 каменных церкви, 865 жилых домов, в том числе много каменных, 89 промышленных и 398 торговых заведений, гостиный двор, общественный банк, сберегательная касса, 4 училища (2 мужских и 2 женских) с 326 учащимися, больница, богадельня и 2 “братских дома”; паровозная и торговая пристани на Волге»¹⁶.

В 70–90 гг. XIX в. происходят изменения в социокультурной сфере как в самом селе, так и в окружающих его деревнях, соседних волостях Корчевского, Калязинского и Кашинского уездов Тверской губернии и Дмитровского уезда Московской губернии. Сапожный промысел кардинально повлиял на весь уклад крестьянской жизни. Он стал доминировать над сельским хозяйством, дававшим продукцию лишь для собственного потребления. В самом селе Кимры в начале XX в. из 8 720 чел. им занималось всего 13 чел. и 50 чел. были заняты заготовкой сена для скота¹⁷. Как правило, основную долю дохода крестьянских семей, вовлеченных в сапожный промысел, приносили доходы от него. Шитьем обуви в основном было занято мужское население, которое отвлекалось от сапожного дела лишь во время сева и уборки хлебов, на сенокос, а в остальное время все тяготы сельхозработ и домашние хлопоты ложились на женщин. Довольно часто главы семей поручали свои женам исполнять и отдельные операции по производству обуви. Все это сделало женщин более независимыми, с твердым характером, способными при случае постоять за себя. Дети крестьян-сапожников рано взрослели, так как уже с 5–7 лет их начинали привлекать к шитью обуви. Родители стремились в 11–12 лет отдать их на обучение односельчанам-сапожникам или в другие места.

Архитектурный облик сельских поселений становился городским. Вот как характеризовал Кимры в самом начале прошлого века очень тонкий наблюдатель жизни села и его жителей А. С. Столяров: «Дома имеют городские постройки. Они высоки, презентабельны, имеют массу комнат, делятся на прихожую, зал, столовую, кабинет, спальни, детскую, а иногда имеют и будуары. ...Все это ясно указывает на довольство многих из здешних крестьян и их развитие. Люди среднего достатка тоже живут городской, а не сельской жизнью, да и вообще, в селе Кимре чисто сельская жизнь отсутствует. Кимряки-бедняки и те стремятся к городской жизни»¹⁸. К началу века дома в Кимрской волости отличались добротностью, отапливались «по-белому». В основном они покрывались дранью,

В пореформенный период в недрах ремесленного производства начала формировалась рыночная среда капиталистического общества, основой которой являлась мануфактура во всех ее проявлениях. «Особенно замечательный пример капиталистической мануфактуры представляет знаменитый сапожный промысел села Кимры, Корчевского уезда Тверской губ. и его окрестностей. ...В пореформенную эпоху он продолжает расти и развиваться. ...Во главе производства стоят хозяева крупных мастерских с наемными рабочими, отдающие кроеную кожу в шитье на сторону», – писал в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин.¹⁴

Мануфактурный способ организации труда в кимрском сапожном районе, в отличие от других районов, сохранялся довольно длительный период. Лишь в 1907 г. известным кимрским предпринимателем А. Столяровым было создано первое обувное предприятие – фабрика «Якорь», ставшее в советское время фабрикой «Красная Звезда». Столь долгое отсутствие крупного фабричного производства лишало кустарей серьезных конкурентов, что и сохраняло кустарное производство, воспроизводило его, не порождая среди крестьянства абсолютную нищету и не вело к разорению их хозяйств.

Массовый спрос на кимрскую обувь вытекал из ее дешевизны. Она порой проигрывала в качестве, но низкая цена подкупала российского массового потребителя из числа крестьянства и людей среднего достатка.

Завоевание кимряками российского рынка способствовало и отходничеством сапожников в города. Достаточно отметить, что, по данным статистики, в отходе из с. Кимры и его окрестностей находилось в иные годы от 10 до 13 тыс. сапожников-кустарей. Особенно их много было в Москве, поставлявшей на рынок довольно большие объемы обуви.

Крестьянское положение жителей кимрского края освобождало их от некоторых налогов, которые приходилось платить горожанам. Неудивительно, что процесс предоставления Кимрам статуса города оказался довольно длительным. Впервые он был поставлен в 1876 г., а решился лишь при Временном правительстве в 1917 г. Небогатая часть горожан-сапожников, оставшихся крестьянами, боялась потерять послабления в податях, дававшие им возможность экономить необходимые для производства средства и всячески противилась попыткам изменить поселенческий статус села.

Отметим также, что закрытость русского обувного производства от иностранных производителей спасало отечественных сапожников от возможных конкурентов.

Таким образом, к моменту революционных потрясений 1917 г. кимрский сапожный промысел подошел с довольно устойчивой тенденцией развития, чему не помешали и характерные для российской рыночной экономики явления конкуренции и кризисы.

Развитие ремесла в кимрском сапожном районе делало входившие в сферу его влияния территории в экономическом и социальном плане заметно отличающимися от других территорий. К началу XX в. Кимры становятся промышленным и торговым центром России, где проживало в 1 216 домах 8 720 чел.¹⁵

учения. Кроме знакомства с воинскими соединениями, Николай I посетил тюрьму, богоугодные заведения и другие губернские учреждения. Из Орла он планировал отправиться в Нижний Новгород, но из-за бездорожья повернул обратно и через Тулу поехал на Москву.

Судя по свидетельствам орловского губернатора А. В. Кочубея, Николай I остался доволен визитом в Орел. Начальник губернии, организовывавший прием императора и его свиты, вскоре получил благодарственный Высочайший рескрипт и знак ордена Св. Анны⁶. Вскоре, в октябре 1835 г., Николай I вновь побывал в Орле. Возвращаясь из Курска, он сделал остановку в губернском городе, где снова посетил расположение войск и проведаль больницу⁷.

В 1856 г. в Орел приехал молодой император Александр II. Дочь В. И. Сафоновича, занимавшего тогда пост орловского губернатора, вспоминала: «Государю было приготовлено помещение в кадетском корпусе в огромной квартире директора Вишнякова. Мы ходили смотреть роскошное убранство, а в день приезда государя Вишняков предоставил нам и многим другим желавшим посмотреть на все происходившее из окон беседки в саду напротив окон его дома. Мы видали через окна дома, как разные лица входили в кабинет государя. Туда вошел и отец. Государь сам затворил за ним дверь, и нам было видно, как он докладывал государю. Отпуская его, государь подал ему руку. На плацу было учение кадет. Редкая красота государя, величественный и ласковый его вид навсегда остались у меня в памяти. Орел ликовал и гордился своим царственным гостем»⁸.

Во второй половине XIX в. визиты Романовых в Орел стали более частыми. Императоры Александр II, Александр III и Николай II, а также многие члены царской семьи делали остановки в городе во время своих регулярных поездок в летнюю резиденцию в Ливадии.

Традиционными местами посещения императоров и членов царской семьи были Петропавловский кафедральный собор, губернаторский дом на Садовой улице, Дворянское собрание, кадетский корпус Бахтина, а также богоугодные заведения. С момента прокладки через Орел железнодорожного сообщения практически все члены императорской фамилии бывали на орловском вокзале, где для их приема была специальная комната.

Вместе с тем, императорский дом был известен своими широкими благотворительными акциями. В Орле действовало несколько заведений, входивших в Ведомство учреждений императрицы Марии – государственного органа по управлению благотворительностью в Российской империи. В их числе были Александринский институт благородных девиц, Губернское попечительство детских приютов, Орловский Мариинский детский приют в память купца Булаткина, Мариинский приют на Георгиевской улице в Орле, приют «Сборня» для нищих детей, Орловское благотворительное общество, Общество Красного Креста, Орловское отделение Императорского общества спасения на водах и Общество покровительства животным. Члены царской семьи, бывая в Орле, регулярно посещали эти заведения⁹.

В конце октября 1894 г. в Орле сделал остановку траурный поезд с телом императора Александра III, скончавшегося в Ливадии. Недавно назначенный

орловский губернатор А. Н. Трубников так вспоминал это событие: «...надо было сговориться с преосвященным, а затем надо было придумать, каким образом разместить на небольшой платформе станции всех желавших поклониться телу усопшего монарха. Для этого я пригласил к себе полицеймейстера и на плане станции показал ему, как и кто должен поместиться и, кроме того, издал воззвание к жителям города, которых просил не стараться пробиться сквозь охрану, состоявшую из городских, и независимо от этого на улицах соблюдать тишину, чтобы каким-нибудь шумом не нарушить ту тишину, которую требовал данный момент. <...> Наконец поезд медленно подошел и я вышел навстречу государю императору Николаю II, который вышел из вагона со своей матушкой и которых провожал принц Уэльский. Государь изволил меня милостиво принять, а государыня императрица подала мне ручку поцеловать. Затем мы пришли к траурному вагону покойного государя, у которого и была отслужена архиереем панихида. Затем Их величества прошли мимо всех собравшихся на вокзале, с которыми очень милостиво кланялись, и затем я проводил Их величеств до вагона, и когда царский поезд отошел от платформы, я вышел. А на улице и на дворе станции было замечательно спокойно. При таких грустных обстоятельствах произошло мое первое представление Его величеству государю императору Николаю II»¹⁰.

Впоследствии император Николай II бывал в Орле много раз. Каждый визит царственной особы не только превращался в праздник для города, но и вызывал одновременно серьезную озабоченность властей. К нему заранее тщательно готовились. Принимались усиленные меры безопасности. Так, во время подготовки приезда Николая II 6 мая 1904 г. «к железной дороге стягивались войска и конные стражники, полиция уездных городов перебрасывалась в Орел. Для охраны Московско-Курской и Московско-Рязанской железных дорог 29 апреля прибыли два железнодорожных батальона. К линии железной дороги на протяжении 140 верст стянули 300 стражников, 100 конных урядников и 25 полицейских чиновников. Полицейские из Ливен, Ельца и Карачева были вызваны в Орел, из Болхова и Кром укрепляли охрану железной дороги»¹¹. Вместе с Николаем II в Орел прибыли великий князь Михаил Александрович, министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, военный министр В. В. Сахаров. Кроме осмотра частей Черниговского полка, император принимал делегации от дворянства и органов земского и городского самоуправления.

Неоднократно бывали в губернии великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна. В Дмитровском уезде губернии находилось имение великого князя, а Елизавета Федоровна была шефом расквартированного в Орле Черниговского полка. После гибели великого князя его супруга посещала губернию с паломническими визитами. В августе 1913 г. она была на юбилейных торжествах, посвященных 800-летию со времени мученической кончины святого преподобного священномученика Кукши¹².

Наиболее тесно связано с орловской землей имя великого князя Михаила Александровича, человека необыкновенно драматической судьбы. В 1909–1911 гг., будучи командиром 17-го гусарского Черниговского ее Императорского Высо-

занятия был равен всего 231 руб.⁷ Недостающую сумму крестьянину нужно было дополнительно заработать. «Земледельческий труд далеко не удовлетворяет потребностей местного населения, и в уезде истари привились разного рода *промыслы*, как местные, так и отхожие», – констатирует энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в статье «Корчевской уезд»⁸.

По имеющимся историческим данным, в с. Кимры и ближайших к нему деревнях и селах сапожным ремеслом крестьяне занимались еще в XVI–XVII вв. По результатам подворного описания 1887 г., из 19 569 крестьянских семей местными промыслами в Корчевском уезде занималось 12 994, отхожими – 11 852⁹. К 1900 г. общее число занятых в нем в 14 волостях и 49 селениях Корчевского и экономически связанными с ним Калязинского и Кашинского уездов достигало 20 тыс.чел.¹⁰

Рост сапожного кустарного производства обуславливался, во первых, ростом потребностей рынка в обуви, изначально в самом Корчевском уезде, Тверской губернии, с ее плохими дорогами, болотами и необходимостью обеспечивать сапогами многочисленные артели рыбаков и бурлаков, работавших на Волге. Во вторых, удобным географическим расположением, нахождением с. Кимры на старейшем волжском торговом пути, обеспечивавшем доставку товара в низовья и верховья реки Волги, на Каму, к Николаевской железной дороге и в Санкт-Петербург, а также и в Москву – по рекам Волга, Дубна и Сестра. В 1901 г. железная дорога соединила Москву с находившимся напротив Кимр селом Савелово. В третьих, наличием в Корчевском и соседних уездах кожевенного сырья. В конце 1890-х гг. в самих Кимрах и окрестностях работали три кожевенных предприятия и около 20 – обрабатывающих кожи¹¹. Для занятия ремеслом не были нужны сложные и дорогостоящие орудия труда и приспособления, особые помещения, что не требовало привлечения солидных капиталовложений.

Важным фактором стали происходившие в пореформенный период рост благосостояния населения Центральной России и урбанизация. В городе и сельской местности изменялись социальные и бытовые стандарты, возрастали потребности на одежду и обувь.

Довольно серьезным стимулирующим фактором производства были бесконечные войны, которые пришлось вести России на протяжении целого столетия. Именно массовые поставки сапог в русскую армию дали толчок развитию сапожного промысла. Как отмечает известный кимрский краевед А. З. Суханов, в этот период «...скупщики и хозяева получали с продажной цены каждой пары сапог определенный процент, а сапожники двойную плату против обычной. ...Вот почему оборотистая верхушка кимряков и называла время работы по казенным подрядам “золотыми годиками”»¹².

Немалое влияние на расширение масштабов вовлечения крестьян в промысел оказало освобождение кимрских крестьян от крепостной зависимости. Они выкупились в 1847 г., заплатив 495 тыс. руб. серебром графине Ю. Самойловой¹³. Для этого им пришлось просить из государственной казны 445 руб., которые выплачивали 20 лет, и после этого только крестьяне окончательно обрели свободу.

которая очень емко выражена в статье из журнала «Нива» за 1899 год: «Село Кимры – одна из достопримечательностей России. Кимры – центр всего нашего сапожного промысла. Кимры обувают всю Россию, начиная со столиц и кончая далекой Сибирью»¹. Данная оценка может быть дополнена и характеристикой из книги «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», выпущенной Министерством государственных имуществ в 1892 г.: «Село Кимры, занимающее по числу жителей (до 5 000 человек) первое место в числе селений перечисленных волостей², является главным сосредоточием ремесленников, выделяющих обувь, и вместе с тем рынком для сбыта изделий всего района, а потому, по справедливости, может быть названо ее торгово-промышленным центром»³. В конце XIX в. кимрский сапожный район занимал среди кустарных промыслов Тверской губернии первое место по количеству занятых рабочих мест и стоимости товаров.

В анналах российской истории с. Кимры впервые было отмечено в 1546 г. при Иване Грозном. Почти через сто лет, в 1635 г., здесь было 105 дворов, в них проживало свыше 650 жителей. Было пять кузнецов, четыре плотника, десять сапожников. Для сравнения: в г. Дмитрове в 1624 г. насчитывалось 196 дворов, три кузнеца, два плотника, один сапожник⁴. Как свидетельствуют материалы Генерального межевания 1770–1780 гг., в Кимрах в 174 дворах проживало 1 277 жителей. В селе действовали одна деревянная церковь Вознесения и две каменные церкви – Живоначальной Троицы и Успения Пречистой Богородицы. К нему были приписаны еще 18 ближайших деревень, жители которых тоже занимались сапожным промыслом⁵.

Шли годы, менялись российские правители, а с ними менялись и владельцы с. Кимры, верно служившие дому Романовых, – Мстиславские, Львовы, Салтыковы, Головкины, Воронцовы-Скавронские, Литга, Самойловы, считавшие село уже с XVIII в. довольно хорошим источником пополнения своих бесчисленных богатств, создаваемых тяжелым трудом кимряков. При всей их праздности они к взаимоотношениям с крепостными крестьянами подходили рационально, посадив их на оброк. Причиной перехода на него послужили условия, в которых крестьянам Верхней Волги, да и всего Нечерноземья, приходилось вести сельское хозяйство. Бедность земель, капризы погоды делали крестьянский труд малопродуктивным, не дающим товарного продукта. Ситуация чисто природного характера усугублялась и малоземельем крестьян не только с. Кимры, но и Корчевского уезда и Тверской губернии в целом, что приводило к невозможности им полностью обеспечивать свои даже скромные потребности и жить за счет занятия сельским хозяйством. По расчетам известного тверского и российского статистика В. И. Покровского, средний надел пахотной земли в Тверской губернии на крестьянина в 1880 г. был равен 4,46 дес., а в Корчевском уезде приходилось лишь 4,1 дес. В Кимрской и соседних волостях и того меньше – от 3,6 до 3,8 дес.⁶ Этого, по его мнению, было явно недостаточно для обеспечения проживания. По его подсчетам, в этот же период в средней по составу семье из 6 чел. доля семейных расходов в год (с учетом и многочисленных податей) составляла 341 руб., тогда как доход от сельскохозяйственного

хозяйства Великой княгини Елисаветы Федоровны полка, он жил в Орле. За время пребывания в городе он завоевал симпатии самых широких кругов орловского общества. Михаил Александрович принимал постоянное участие в благотворительных акциях. Под его непосредственным покровительством находился дворянский пансион-приют для детей-сирот и орловское «убежище» для престарелых. Великий князь много помогал и Орловской губернской ученой архивной комиссии, особенно когда в 1897 г. при ней открылся губернский музей, одно из первых заведений подобного профиля в России.

В с. Брасово Севского уезда у великого князя было имение, где он также постоянно бывал. В своем имении он организовал образцовое хозяйство, применяя агротехнические усовершенствования. В августе 1903 г. образцы производства из Брасовского имения приняли участие в Губернской сельскохозяйственной выставке, организованной местным земством.

Принимая во внимание значительные труды великого князя на благо города и его популярность у местного населения, в 1909 г. было удовлетворено ходатайство Орловской городской думы о присвоении великому князю звания «Почетный гражданин города Орла»¹³.

Приезды императоров и членов царской семьи имели большое значение в жизни российской провинции. Они были одной из форм действенного контроля за деятельностью местной администрации. Благодаря таким визитам формировалось непосредственное представление о положении дел на местах, настроении губернского общества. Вместе с тем, провинциальные путешествия представителей императорской фамилии имели важное идеологическое значение для самодержавного государственного строя. При непосредственных встречах императора, великих князей не только с местной дворянско-бюрократической верхушкой, но и с представителями средних слоев, крестьянством формировался облик монархической власти в представлении населения, поддерживался дух верноподданнических отношений. Для Орловского края, находившегося на перекрестке исторических судеб страны и превратившегося при династии Романовых из окраинной территории в один из центральных регионов империи, это имело особенно большое значение.

Примечания

¹ Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. Орел, 1993. С. 85.

² Гольцова А. В. «Под гул ликующего звона...» (Связи Дома Романовых с Орловским краем) // Краеведческие записки. Вып. 1. Орел, 1995. С. 60.

³ Басов Д. И. История города Орла. Орел, Б.г. С. 8.

⁴ Кречетов П. И. Город Орел. Путевые заметки, наброски из памятной книжки. Орел, 2003. С. 53.

⁵ Басов Д. И. История города Орла. Орел, Б.г. С. 29.

⁶ Кочубей А. В. Записки орловского губернатора Аркадия Васильевича Кочубея. Орел, 2002. С. 44.

⁷ Там же. С. 46–50.

⁸ Страхова О. В. Дополнение к «Воспоминаниям В. И. Сафоновича» // Орловский гражданский губернатор В. И. Сафонович. Орел, 2004. С. 34.

⁹ Гольцова А. В. «Под гул ликующего звона...» (Связи Дома Романовых с Орловским краем). С. 62.

¹⁰ Трубников А. Н. Воспоминания. Орел, 2004. С. 76.

¹¹ Гулярян А. Б. Агент попался глупый... // Истории русской провинции. № 5. С. 66.

¹² Паломничество Великой княгини Елизаветы Федоровны в Орловскую и Калужскую губернии в 1899–1916 гг. Н. Новгород, 2012. С. 70.

¹³ Гольцова А. В., Еремин В. П., Лысенко А. И. Почетные граждане города Орла. Орел, 2001. С. 17–18.

С. В. Рябинцев

г. Кострома

УРОЖАЙНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

(ПО ДАННЫМ «ПРИЛОЖЕНИЙ К ВСЕПОДДАННЕЙШИМ ОТЧЕТАМ КОСТРОМСКОГО ГУБЕРНАТОРА» ЗА 1890–1914 ГГ.)

Урожайность – один из главных показателей эффективности крестьянского хозяйства. Вопросы урожайности различных посевов на крестьянских полях являются одной из актуальных проблем аграрной истории России конца XIX – начала XX в.

Для раскрытия проблемы урожайности крестьянских хозяйств Костромской губернии был использован источник – «Обзоры Костромской губернии. Приложение к всеподданнейшим отчетам Костромского губернатора за 1890–1914 гг.»¹. Обзоры губернии находятся в одном ряду с наиболее значимыми региональными печатными источниками. В обзорах содержится ценный материал по таким вопросам, как история сельского хозяйства, фабрично-заводского производства, народных промыслов, торговли, дорожного строительства, народного образования, здравоохранения, благотворительности и др. Важность данного источника определяется тем, что в них из года в год помещался сходный набор формализованных статистических данных, которые хорошо сопоставляются между собой в общегосударственном масштабе и в регулярности их издания. Это позволяет год за годом детально отслеживать изменения, происходившие в различных сферах жизни того или иного региона, той или иной губернии².

Обзоры имеют, как правило, двухчастную структуру. Первая – аналитическая часть – составляет текст собственно обзора, вторая – статистическая ведомость – является приложением к обзору³.

Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур аналитической части приложения находятся в первом разделе – «Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения» – и в статистической ведомости «О посевах и урожае хлеба». За исследуемый 25-летний период обзоры Костромской губернии претерпели ряд

² Там же. С. 26, 27, 29, 30.

³ Костромское общество охотников конского бега. Программа бегов Костромского общества охотников конского бега. Осенний сезон 1902 г. Кострома, 1902. С. 3, 6, 9–10, 12.

⁴ Чумаков С. М. Воспоминания костромича // Костромские купцы Чумаковы: История купеческого рода: дневники, документы, воспоминания / сост. А. В. Бялко, Н. Г. Чудова. М., 2006. С. 397–398.

⁵ Костромское общество охотников конского бега. Результат бегов Костромского общества охотников конского бега. 1902 г. 5-й год. С. 29, 30.

⁶ Костромское общество охотников конского бега. Программа бегов Костромского общества охотников конского бега. Осенний сезон 1902 г. С. 7–8.

⁷ Великий князь Дмитрий Константинович – последний владелец Стрельны: [Каталог выст. / текст в ст.: М. И. Обатурова, Е. А. Чиркова]. СПб., 2004 (Династия Романовых) (Альманах «Сокровища России», вып. 67); Буранов Ю. А., Хрусталева В. М. Гибель императорского дома. М., 1992. С. 275–324; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 222–225; Буранов Ю. А., Хрусталева В. М. Голубая кровь: Тайное убийство великих князей // Совершенно секретно. 1990. № 12; Ганф Т. И., Степановская В. Д. Светлейший покровитель: К 140-летию со дня рождения вел. кн. Дмитрия Константиновича // Кони Петербурга. 2000. № 4(9); Лошкова И. В. «Я очень доволен своею судьбой...»: Письма великого князя Дмитрия Константиновича к сестре Ольге, королеве Греции // Наше отечество: Страницы истории. М., 2002. Вып. 1; Попов И. В. Новомученик Петроградский великий князь Дмитрий Константинович: (К 80-летию мученической кончины и 140-летию со дня рождения) // Церковный вестник. 2000. № 5.

Н. Н. Прислонов

г. Дубна. Московская область

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. КАК ЛОКОМОТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ САПОЖНОГО ПРОМЫСЛА С. КИМРЫ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Анализируя эпоху Романовых, стоит более внимательно подойти к месту и роли народных кустарных промыслов в преобразующем процессе последней трети XIX – начале XX в. В этот период, в какие-то 30–40 лет, российская экономическая жизнь дала яркие примеры бурного развития кустарной промышленности, формировавшей целые отрасли экономики страны, образующей новые города, делавшие страну конкурентной и в европейском экономическом разделении труда. Примером таких притягательных феноменов, наряду с промышленными центрами в Московской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях, в Тверской губернии стало село Кимры, Корчевского уезда.

Все исследованные нами многочисленные источники с 60-х гг. XIX в. по 1913 г., где изложена экономическая история России, едины в его характеристике,

Черниговского (04.03.1899), Галичского (10.04.1899), Томского (26.06.1899) и Смоленского (26.08.1899) обществ охотников конского бега и Самарского скакового общества (10.04.1899), почетным членом Казанского ветеринарного института (26.08.1899) и общества «Верховый спорт» при 5-й кавалерийской дивизии (11.12.1889), покровителем Прилуцкого общества испытания лошадей (22.12.1899), покровителем Конского отдела на выставке животноводства в г. Ростове (12.02.1900), почетным членом Самарского общества охотников конского бега (05.03.1900) и Общества поощрения верхового спорта при 11-й кавалерийской дивизии (27.04.1900), покровителем Клинского и Козловского обществ охотников конского бега и почетным членом Русского общества охотников конского бега (12.06.1900) и военно-скакового общества при 14-й кавалерийской дивизии (30.07.1900), почетным президентом Вятского общества любителей конского бега и почетным членом военно-скаковых обществ при 6-й и 8-й кавалерийских дивизиях (22.12.1900), почетным президентом и покровителем Астраханского общества скачек и конского бега (13.01.1901), покровителем Новосильского общества охотников конского бега (03.02.1901), почетным членом Общества конной и ружейной охоты, развития конского бега и конских состязаний в кавалерии (10.04.1901) и военно-скакового общества при 3-й военно-кавалерийской бригаде (17.05.1901), почетным президентом Императорского Скакового общества в Царстве Польском (22.05.1901), почетным членом Императорского Царскосельского поощрительного скакового общества (01.09.1901), покровителем Волынского общества охотников конского бега и почетным членом Владимирского общества рысистого бега (01.10.1901) и Троицкого общества любителей конского бега (28.11.1901), почетным покровителем Лукинского имени графа А. Г. Орлова-Чесменского общества охотников конского бега (31.01.1902), почетным президентом Киевского скакового общества (10.04.1902), покровителем Приморского (01.11.1902) и Воронежского (05.01.1903) обществ конской охоты и спорта, почетным членом Пермского (05.01.1903), Ростовского (05.01.1903) и Приморского (22.02.1903) обществ конской охоты и спорта, почетным президентом Орловского общества охотников конского бега (17.08.1903), почетным председателем Комиссии полукровного коннозаводства при Императорском Московском обществе сельского хозяйства (10.09.1903) и почетным членом Юго-Западного (24.05.1904), Рязанского (24.12.1904) и Бийского (09.11.1905) обществ поощрения рысистого коннозаводства и Кавказского горного общества (06.09.1904).

Вместе с великими князьями Павлом Александровичем (21.09.1860–28.01.1919), Николаем Михайловичем (14.04.1859–28.01.1919) и Георгием Михайловичем (11.08.1863–27.01.1919) Дмитрий Константинович был расстрелян в Петропавловской крепости, а через восемьдесят лет реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации (09.06.1999)⁷.

Примечания

¹ Костромское общество охотников конского бега. Результат бегов Костромского общества охотников конского бега. 1902 г. 5-й год. Кострома, 1902. С. 3, 9.

изменений: содержание разделов неоднократно менялось, одни сведения уступали место другим, модифицировались статистические таблицы. Так, с 1890 г. до 1901 г. в статистических таблицах количество посеянного и собранного зерна измерялось в четвертях, в 1902–1914 гг. – в пудах, с 1892 г. в таблицах перестают печататься данные о посевах и сборах озимой пшеницы, с 1900 г. нет данных по «прочим яровым хлебам». В статистической ведомости за каждый год представлены данные по 12 уездам Костромской губернии о посевах и урожае на землях владельческих, землях крестьянских обществ, землях городских и прочих. В таблицах приводятся данные по 7 культурам: рожь, яровая пшеница, овес, ячмень, гречиха, картофель, озимая пшеница; остальные яровые хлеба в таблице объединены в одну графу.

Так как в статистических данных обзорах используются единицы измерения четверти и пуды и перевод данных из одной единицы измерения в другую проблематичен, то урожайность крестьянских хозяйств нами оценивается в «самах» (отношение общего сбора к количеству посеянных семян)⁴.

Для исследования были выбраны 3 основные для Костромской губернии зерновые культуры: озимая рожь, овес и ячмень.

Таблица 1

Урожайность основных зерновых культур на землях крестьянских общин в Костромской губернии (сам-сколько)⁵

Год	Рожь	Овес	Ячмень
1890	2,9	2,6	2,9
1891	4,7	3,0	3,9
1892	5,0	2,7	3,3
1893	4,4	3,0	3,5
1894	4,5	3,5	4,7
1895	4,1	2,6	3,1
1896	5,2	3,2	3,9
1897	5,4	3,6	4,6
1898	4,2	2,9	3,8
1899	5,0	2,9	3,0
1900	4,0	2,8	2,7
1901	4,5	2,7	3,2
1902	4,1	4,1	4,7
1903	4,8	1,9	2,5
1905	4,1	3,3	4,3
1907	4,1	2,2	3,1
1908	4,8	3,3	3,6
1909	3,3	4,0	4,9
1910	4,3	3,4	4,0
1911	4,4	3,2	4,3
1912	3,5	4,3	3,9
1913	3,8	4,4	4,1
1914	3,4	2,4	2,9

Обратимся к данным таблицы по каждой культуре отдельно.

Самой распространенной зерновой культурой в крестьянских хозяйствах Костромской губернии была озимая рожь. Рожь отличалась неповторимыми экономическими достоинствами как наиболее выгодная в хозяйстве зерновая культура. Она была наиболее надежной культурой с точки зрения урожайности и рациональности затрат труда по ее возделыванию.

Средняя урожайность ржи в крестьянских хозяйствах Костромской губернии за период в 25 лет составляла сам 4,3. Наиболее низкий показатель был в 1890 г. – сам 2,9 (всего по Костромской губернии в этот год было собрано 1 366 395 четвертей ржи, из них на землях крестьянских общин 1 288 345 четвертей)⁶, наиболее высокий в 1897 г. сам – 5,4 (всего по Костромской губернии в этот год было собрано 2 670 469 четвертей ржи, из них на землях крестьянских общин 2 477 710 четвертей)⁷

Средний показатель урожайности по уездам Костромской губернии за 25 лет в самах был такой: Солигаличский уезд – 4,9; Костромской – 4,6; Буйский – 4,6; Ветлужский – 4,5; Кологривский – 4,3; Варнавинский – 4,1; Нерехтский – 4,0; Макарьевский – 4,0; Чухломской – 3,9; Макарьевский – 3,9; Юрьевецкий – 3,8; Кинешемский – 3,7⁸.

С 1908 г. в «Обзорах» появляется такой показатель урожайности, как сбор зерна в пудах с одной десятины. Показатели для ржи отражены в таблице 2.

Таблица 2

Урожайность ржи в Костромской губернии (сбор в пудах с 1 десятины)⁹

Год	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Пудов с 1 десятины	48	31	46	47	53	45	41

Овес сеялся почти во всех крестьянских хозяйствах Костромской губернии. Главное достоинство овса – его стабильность, при относительно невысокой урожайности. Овес из всех яровых культур требовал для посева меньше земли из-за необычайной густоты посева. Кроме того, он был неприхотлив и рос на плохих землях, требуя минимальной обработки.

Средняя урожайность овса в крестьянских хозяйствах Костромской губернии за период в 25 лет составляла сам 3,2. Самым урожайным был 1913 г., урожайность овса – сам 4,4 (всего было собрано 13 145 683 пудов, из них на землях крестьянских общин – 12 096 521 пудов)¹⁰. Самый неурожайный – 1903 г., урожайность – сам 1,9 (всего было собрано 6 763 322 пудов, из них на землях крестьянских общин – 5 760 004 пудов)¹¹.

По уездам за 25 лет урожайность овса на землях крестьянских общин распределялась следующим образом: Костромской – 3,8; Нерехтский – 3,6; Галичский – 3,4; Варнавинский – 3,4; Макарьевский – 3,3; Кологривский – 3,2; Солигаличский – 3,2; Чухломской – 3,2; Кинешемский – 3,1; Ветлужский – 3,0; Буйский – 3,0; Юрьевецкий – 2,9¹².

Самый крупный приз общества в размере 1 000 руб. разыгрывался в дерби для трехлеток, однако главным в размере 750 руб. для жеребцов и кобыл всех возрастов считался все же приз в честь почетного президента Общества Его Императорского Высочества – великого князя Дмитрия Константиновича⁶.

Великий князь Дмитрий Константинович (01.06.1860–27.01.1919) являлся сыном великого князя Константина Николаевича (09.09.1827–13.01.1892) и великой княгини Александры Иосифовны (26.06.1830–23.06.1911). Сам он женат не был и, по отзывам современников, женщинам с молодости предпочитал лошадей, в особенности выращенных на его собственном Дубровском конном заводе в Миргородском уезде Полтавской губернии.

В годы военной службы, соответственно, Дмитрий Константинович состоял членом комиссий для устранения недостатка в седле нового образца (25.01–25.04.1886), пересмотра устава строевой кавалерийской службы (16.11.1894–29.03.1895) и по составлению уставов о строевой кавалерийской службе и наставления для ведения занятий в кавалерии (27.12.1895–08.02.1896), председателем Комиссии по приему лошадей, поставляемых Главным управлением государственного коннозаводства в полки армейской кавалерии (17.08–17.11.1895, 31.08–22.12.1896), и главноуправляющим государственного коннозаводства (25.05.1897–13.11.1905), дослужился до чина генерала от кавалерии (06.12.1915) и был уволен в отставку с мундиром (25.04.1917).

До избрания почетным президентом Костромского общества охотников конского бега (16.09.1898) он имел звания почетного президента Новороссийского общества поощрения коннозаводства (15.04.1889), почетного председателя Российского общества покровительства животным (12.12.1891), покровителя Полтавского общества испытания лошадей (30.07.1892), почетного члена Нижегородского (22.12.1894), Тюменского (01.08.1897), Калужского (23.10.1897) и Симбирского (23.10.1897) обществ охотников конского бега, покровителя Общества военных ветеринарных врачей в г. Варшаве (03.09.1896), почетного президента Кременчугского бегового общества (17.11.1897), почетного члена Ефремовского (17.11.1897) и Ростовско-Нахичеванского (03.12.1897) обществ охотников конского бега, почетного президента Донского скакового общества (15.12.1897), почетного покровителя Каменецкого общества скачек и конского бега и почетного члена Тверского общества охотников конского бега (12.02.1898), почетного члена Саратовского общества конской охоты (21.02.1898), Таврического скакового общества (18.04.1898) и военно-скакового общества при 39-м Нарвском драгунском полку (22.04.1898), почетного президента Харьковского (18.05.1898) и Императорского Московского (26.05.1898) скаковых обществ, почетного члена Юрьевского ветеринарного института (06.06.1898) и Тамбовского общества охотников конского бега (10.06.1898), почетного президента Борисоглебского общества охотников конского бега (31.07.1898), после избрания почетным президентом Костромского – почетным членом Казанского общества охотников конского бега (01.10.1898), почетным президентом Оренбургско-Тургайского (01.11.1898) и Киевского (04.01.1899) обществ поощрения коннозаводства и Моршанского (04.03.1899),

Орловских рысаков, а также их ценителей в Костроме нашлось немало, причем среди них насчитывалось и несколько женщин, называвшихся членами-любительницами и выставлявших на испытания собственных лошадей, которыми управляли как профессиональные наездники, так и личные кучера. Случалось и так, что принадлежавший потомственной почетной гражданке Марии Геннадиевне Михиной жеребец Именитый под управлением наездника Сергея Волкова брал верх над принадлежавшей ее мужу Дмитрию Ивановичу Михину кобылой Птичкой, которой он сам и управлял, и в одном заезде встречались родные братья и совладельцы лесопильного завода в Костроме Николай Федорович Бычков (1861–1913) на жеребце Граните и Александр Федорович Бычков (1863–1913) на жеребце Угаре¹.

Действительными членами общества, кроме перечисленных, состояли вице-губернатор (1897–1906) Егор Егорович Извеков (1847–?), городской голова (1898–1912) Геннадий Николаевич Ботников (1861–1922) и др., а почетными членами – помимо Леонтьева – управляющий Большой Костромской льняной мануфактурой (1880–1905) Николай Константинович Кашин (1858–1905), начальник Костромского жандармского управления (1892–1900) Виктор Ксенофонович Никольский (1840–1906) и совладелец Товарищества льнопрядильной мануфактуры в селе Большом Яковлевском, Нерехтского уезда, Иван Сосипатрович Сидоров (1864–1904), которые были также и основными жертвователями в кассу общества, выписывавшего «журналы, газеты и рысистые календари» и выпускавшего свои программы бегов².

Призовой фонд общества достигал 5 000 руб., но не лишней была и субсидия Главного управления государственного коннозаводства на рысистые испытания в размере 900 руб., из которой выкраивалось четыре приза (250 + 250 + 200 + 200)³.

Из воспоминаний костромского уроженца и потомственного почетного гражданина Сергея Михайловича Чумакова (1892–1964): «В последних годах девятнадцатого века в Костроме было организовано общество любителей рысистого бега, которое на частные пожертвованные средства выстроило в конце Павловской улицы, не доезжая до Нового кладбища, деревянный дом, который зимой отапливался, деревянные открытые трибуны и забор вокруг ипподрома.

Главным закоперщиком этого дела был некий Сидоров – большой любитель рысаков. В то время в Костроме губернатором был Леонтьев, имевший где-то конный завод и тоже любитель лошадей. Наличия губернатора-лошадника было достаточно, чтобы у костромского общества, и особенно у служилого сословия, появился аппетит к конскому бегу. Обычно бега были зимой, собирая массу народа (так как других развлечений не было)»⁴.

К этим словам следует прибавить только, что почетным членом и казначеем Костромского общества охотников конского бега состоял и отец С. М. Чумакова, совладелец паровой мельницы и табачной фабрики в Костроме и гласный городской думы Михаил Михайлович Чумаков (1862–1909), а действительным членом – дядя, совладелец паровой мельницы и табачной фабрики в Костроме и гласный городской думы Иван Михайлович Чумаков (1856–1921)⁵.

Ячмень был распространен в Костромской губернии очень неравномерно, он занимал в некоторых волостях от 0 до 38 % посевной площади¹³. Ячмень так же, как и овес, отличался неприхотливостью. Обладая самым коротким вегетационным периодом (от 8 до 9 недель), ячмень был второй вслед за овсом культурой со сравнительно надежной урожайностью.

Средняя урожайность ячменя в крестьянских хозяйствах Костромской губернии за период в 25 лет составляла сам 3,7. Самым урожайным был 1909 г., урожайность – сам 4,9 (всего было собрано 3 623 457 пудов, из них на землях крестьянских общин – 3 323 713 пудов)¹⁴. Самый неурожайный – 1903 г., урожайность – сам 2,5 (всего было собрано 1 997 475 пудов, из них на землях крестьянских общин 1 776 538 пудов)¹⁵.

По уездам за 25 лет урожайность овса на землях крестьянских общин распределялась следующим образом: Галичский – 4,2; Буйский – 4,0; Костромской – 3,9; Кологривский – 3,9; Солигаличский – 3,9; Чухломской – 3,9; Макарьевский – 3,8; Нерехтский – 3,7; Варнавинский – 3,6; Кинешемский – 3,4; Ветлужский – 3,4; Юрьеvecкий – 3,2.

Основными факторами, влияющими на урожайность, были природно-климатические условия. По мнению Г. Г. Еремина, «злаковые культуры находятся в большой зависимости от целого ряда метеорологических элементов, но главным образом от осадков и страдают как от избытка их, так и от недостатка»¹⁶. В аналитической части обзоров встречаются следующие описания причин неудовлетворительного урожая: 1903 г. «сбор яровых хлебов, в наибольшей части губернии, вследствие продолжительной весенней и летней засухи, оказался неудовлетворительный или плохой... весьма многие из крестьян не жали хлеба, а косили или теребили, как лен, – настолько были они низки; немало яровых скошено прямо в корм скоту»¹⁷. Большой вред крестьянскому сельскому хозяйству наносил град; так, в 1890 г. сумма убытков от градобития составляла 144 187 рублей¹⁸. Кроме отрицательных климатических явлений, на урожай влияло появление на полях различных вредных насекомых. В 1898 г. только в Ветлужском уезде Костромской губернии от гессенской мухи пострадали около 12 359 десятин, сумма убытков составляла около 275 490 рублей¹⁹.

Не умаляя роли природно-географического фактора, стоит отметить, что урожайность на землях владельческих практически всегда была выше, чем на землях крестьянских общин. Например, в 1900 г. урожай на землях владельческих в среднем по губернии составлял: ржи – 47,3 меры с одной десятины, против 42,6 мер на землях крестьянских общин; овса – 64,4 меры, против – 54,8; ячменя – 40,6 меры, против – 32,7; яровой пшеницы – 27,2 меры, против – 26,6²⁰. Причина этого заключалась в том, что на землях владельческих активнее внедрялись новые аграрные технологии, многопольный севооборот, усовершенствованные орудия обработки почвы, применялись качественные семена и специальные удобрения.

Таким образом, анализируя сведения «Обзоров Костромской губернии» за 25 лет, можно сделать следующие выводы. За 25 лет урожайность крестьянских хозяйств в Костромской губернии изменилась незначительно и была

подвержена достаточно серьезным колебаниям. Урожайность в урожайные и неурожайные годы в Костромской губернии могла отличаться практически в 2 раза. Так как Костромская губерния относилась к зоне рискованного земледелия, то важнейшим фактором, влияющим на урожайность, был природно-географический. При этом урожайность на землях крестьянских общин была практически всегда ниже, чем на землях владельческих.

Примечания

¹ К большому сожалению, Обзоры Костромской губернии за 1904, 1906 годы в настоящее время обнаружить не удалось.

² *Раздорский А.* Обзоры губерний и градоначальств Малороссии, Новороссии, Подолии, Волыни и Слободской Украины 1870–1916 гг. как исторический источник // *Київська старовина* : Науковий історико-філологічний журнал. Киев. 2010. № 1. С. 110.

³ Там же. С. 113.

⁴ Перевод данных из четвертей в пуды затруднителен, так как четверть – мера объема, поэтому для каждой сельскохозяйственной культуры количество пудов в четверти будет различным. К тому же вес самой четверти ежегодно менялся и зависел от качества зерна.

⁵ Обзоры Костромской губернии за 1890–1914 годы: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1890–1914.

⁶ Обзор Костромской губернии за 1890 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1890.

⁷ Обзор Костромской губернии за 1897 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1897.

⁸ Обзоры Костромской губернии за 1890–1914 годы: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1890–1914.

⁹ Обзоры Костромской губернии за 1908–1914 годы: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1908–1914.

¹⁰ Обзор Костромской губернии за 1913 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1913.

¹¹ Обзор Костромской губернии за 1903 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1903.

¹² Обзоры Костромской губернии за 1890–1914 годы: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1890–1914.

¹³ *Воробьев Н. И.* Обзор Костромской губернии в экономическом отношении // *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*. Вып. 12: Экономический сборник. Кострома: Тип. губ. сов. нар. х-ва, 1919. С. 69.

¹⁴ Обзор Костромской губернии за 1909 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1909.

¹⁵ Обзор Костромской губернии за 1903 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Статистическая ведомость «О посеве и урожае хлеба». Кострома, 1903.

¹⁶ *Еремин Г. Г.* Климатические элементы Костромской губернии и сельскохозяйственные культуры края. Кострома, 1924. С. 4.

³ *Володин А. Ю.* Указ. соч. С. 60.

⁴ ПСЗ-3. 1886 г. Т. VI. № 3769. С. 266.

⁵ *Вовчик А. Ф.* Указ. соч. С. 69.

⁶ *Володин А. Ю.* Указ. соч. С. 78–79.

⁷ *Микулин А. А.* С. 159–161; *Володин А. Ю.* Указ. соч. С. 69.

⁸ ПСЗ-3. 1886 г. Т. VI. № 3769. С. 266.

⁹ ПСЗ - 3. 1886 г. Т. VI. № 3769. С. 266–267.

¹⁰ ПСЗ-3. 1902 г. Т. XIX. № 17122. С. 672–678.

¹¹ *Вовчик А. Ф.* Указ. соч. С. 226.

¹² Высшие и центральные государственные учреждения России 1800–1917. Т. 2: Центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 2001. С. 149. Дела департамента сосредоточены в РГИА. Ф. 20.

¹³ Там же. С. 151, 166, 174. (РГИА. Ф. 22).

¹⁴ Там же. С. 165–166, 175. (РГИА. Ф. 23).

¹⁵ Там же. С. 166, 190.

¹⁶ Там же. С. 165.

¹⁷ Там же. С. 165–166, 175–176.

¹⁸ См.: ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 174–179.

¹⁹ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 180–182.

²⁰ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 190–191.

²¹ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 171–172.

²² ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 183–189.

²³ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 1–2.

²⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 27–30 об.

²⁵ ПСЗ-3. 1886 г. Т. VI. № 3769. С. 270; РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 3–4 об., 68–69 об.

²⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 35–36 об., 39–40 об.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 40.

²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 41–45 об., 48–51.

²⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 7–8 об.

³⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 31–32 об.

³¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 106–107, 112–112 об.

³² РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428. Л. 144–146; Д. 795. Л. 35–35 об.

П. П. Резепин

г. Кострома

**ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ КОСТРОМСКОГО ОБЩЕСТВА
ОХОТНИКОВ КОНСКОГО БЕГА
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ**

Костромское общество охотников конского бега во главе с губернатором (1897–1902) Иваном Михайловичем Леонтьевым (1857–1908) ни Императорским, подобно Московскому, ни состоявшим под высочайшим покровительством, подобно Костромскому Александровскому православному братству, не являлось, да и с отъездом основателя и другими утратами распалось, однако именно с него началась столетняя история костромского коннозаводства.

потерявшей трудоспособность на фабрике и потребовавшей вознаграждения за несчастный случай. Фабричный инспектор А. Клепиков отмечал, что П. Д. Семенов «из злых побуждений... старается избегать ответственности по вознаграждению потерпевшим рабочим», и предложил наложить штраф в размере 50 руб. По предложению старшего фабричного инспектора Костромской губернии И. Горбунова с заведующего фабрикой в этот раз было взыскано 100 руб. штрафа³⁰.

24 сентября 1910 г. П. Д. Семенов вновь был оштрафован на 50 руб. за систематическое занесение в книгу взысканий штрафов с рабочих фабрики. Причем, по результатам расследования участкового фабричного инспектора К. Г. Николаева, «число случаев наложенных и незаписанных в означенную книгу взысканий было 2 025». Следует отметить, что фабричный инспектор К. Г. Николаев и старший фабричный инспектор Плаксицкий предлагали подвергнуть заведующего взысканию 100 руб., но присутствие уменьшило штраф наполовину. И здесь П. Д. Семенов не преминул найти себе оправдание, заявив: «...наложенные взыскания были сделаны не по моему распоряжению, а по распоряжению мастера»³¹.

В материалах Костромского присутствия было указано, что П. Д. Семенов штрафовался суммарно в 1904 г. на 100 руб., в 1906 г. – на 100, в 1907 г. – на 100, в 1908 г. – на 100, в 1910 г. – на 150. Однако 28 декабря 1912 г. вновь были рассмотрены нарушения на той же фабрике П. Ф. Севрюгова, связанные с неправильным ведением расчетных книжек и отсутствием учета необязательных сверхурочных работ, причем данные нарушения явились причиной забастовки на фабрике в январе 1912 г. Помимо заведующего фабрикой П. Д. Семенова, среди нарушителей упоминался прядильный мастер Лялин. В журнале заседаний присутствия от 20 октября 1914 г. были зафиксированы жалобы рабочих на действия прядильного мастера Лялина на этой же фабрике³².

Таким образом, участие фабрикантов в заседаниях губернского присутствия существенно влияло на его решения, снижая санкции за допущенные нарушения. Фабричная инспекция, напротив, стремилась взыскать с фабрикантов штрафы «в высшем размере». Систематические и злостные нарушения фабрично-заводского законодательства заведующими промышленными предприятиями, нередко провоцировавшие забастовки рабочих, показывают необходимость, но в то же время низкую эффективность деятельности губернских по фабричным и горнозаводским делам присутствий. Эгоизм фабрикантов и фабричной администрации противостоял реализации даже ограниченного фабричного законодательства, дискредитировал деятельность органов государственной власти, подогревал рабочий протест в России в начале XX в.

Примечания

¹ См: *Микулин А. А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906; *Вовчик А. Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1964; *Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

² ПСЗ-3. 1886 г. Т. VI. Спб., 1888. № 3769. С. 266–270.

¹⁷ Обзор Костромской губернии за 1903 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1903. С. 1.

¹⁸ Обзор Костромской губернии за 1890 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1890. С. 1.

¹⁹ Обзор Костромской губернии за 1898 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1898. С. 3.

²⁰ Обзор Костромской губернии за 1900 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1900. С. 1.

Ю. Н. Смирнов

г. Самара

РОЛЬ НИКОЛАЯ I В СОЗДАНИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вопрос о создании Самарской губернии в середине XIX в. был вызван объективными причинами, прошел обстоятельное обсуждение. Тем не менее, в его решении важную роль сыграл лично император Николай I.

В ходе реформы местного управления, начатой Екатериной II после 1775 г., самарское Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями. Ставропольский, Сызранский и Самарский уезды составляли юго-восточную окраину Симбирской губернии. Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды оказались на западе Оренбургской губернии. С 1835 г. на левобережных землях Саратовской губернии были образованы Николаевский и Новоузенский уезды¹.

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне лишь внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Значительная часть здешних жителей и их земли оставались вне ведения гражданских властей, а подчинялись непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещеные калмыки, башкиры на восточных землях Заволжья. Доля этих военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за непрерывного притока переселенцев-крестьян.

На исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие Николаем I решения о создании особой заволжской губернии. К ним относятся: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение, 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей, 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

Государственное участие в процессе заселения края усилилось вследствие реформы казенной деревни, предпринятой при Николае I по инициативе П. Д. Киселева. В ее осуществлении важное место отводилось переселенческой

политике, для целей которой предназначались прежде всего заволжские территории Оренбургской и Саратовской губерний².

Мероприятия, схожие с теми, что осуществляло киселевское министерство, проводило в отношении удельных крестьян Министерство императорского двора. Приток переселенцев обеспечивался также помещиками, выведшими своих крепостных на свободные земли, купленные или полученные по пожалованиям от верховной власти в Заволжье.

Вместе с тем, правительство в 1840-х гг. прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона. По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному Николаем I 12 декабря 1840 г., казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ³. Отсюда по указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков на восток на новую пограничную линию⁴.

В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско, подчиненное помимо уездных гражданских властей Военному министерству, было также упразднено, а его территория перешла под контроль особого правительственного органа, созданного в 1844 г. и названного Временным управлением казенными землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам, принятым в 1846 г., а первые переселенцы были допущены в 1849 г.⁵

Издавна обитавших здесь башкир выселение не затронуло. Однако самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII–XIX вв. земли по Узням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группе башкир, переданной в 1832 г. в ведение Уральского казачьего войска, отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда в вершинах рек Иргиза и Каралыка⁶.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся с 1801 г. по утвержденному еще Павлом I сенатскому докладу малоземельной и не подлежащей массовому заселению⁷. Теперь в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых поселенцев. Однако это порождало административные проблемы. Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная сторона.

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и хозяйственной жизни Заволжья делали все более ощутимыми трудности управления чересчур обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создать на левобережье Волги отдельную губернию.

В 1842 г. сенатор А. Н. Пещуров совершил ревизию Оренбургской губернии. В представленном рапорте им указывалось на административные затруд-

завод М. М. Подшивалова. Однако старший фабричный инспектор Костромской губернии И. Горбунов добился взыскания: «...несмотря на давность допускаемых управлением завода нарушений закона, таковые не были замечены при предшествующих ревизиях, отнюдь не умаляют значения обнаруженных фактов в смысле их зловредности»²⁷.

Из ряда вон выходящими явились решения губернского присутствия от 21 декабря 1907 г. Рассматривался факт начисления зарплаты рабочим (6 420 чел.) фабрики Товарищества мануфактур братьев Г. и А. Горбуновых в с. Киселеве, Нерехтского уезда по расценкам, не засвидетельствованным фабричной инспекцией. Острота вопроса была связана с тем, что данное нарушение спровоцировало продолжительную забастовку на предприятии с 10 августа по 6 сентября 1907 г. Старший фабричный инспектор Костромской губернии И. Горбунов потребовал за нарушение ст. 139 Устава о промышленности подвергнуть заведующего фабрикой Клементия Васильевича Чернок взысканию в размере 100 руб. Однако присутствие, в заседании которого принимали участие фабриканты В. А. Шевалдышев и Л. М. Моргонов, по их настоянию, зафиксированному в протоколе, «факта нарушения 139-й статьи Устава о промышленности» не усмотрело, и взыскания не последовало. Виду произошедшей забастовки дело приобрело широкий резонанс и вызвало к себе пристальное внимание со стороны фабричной инспекции и Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия. Исполняющий обязанности окружного фабричного инспектора Московского округа потребовал вернуть дело губернскому присутствию для нового рассмотрения, а Главное присутствие отменило решение Костромского присутствия от 21 декабря²⁸.

Чаще всего в Костромском губернском по фабричным и горнозаводским делам присутствии приходилось рассматривать нарушения, допущенные заведующим бумаготкацкой фабрикой наследников П. Ф. Севрюгова в Кинешемском уезде (1 400 рабочих) Петром Дорофеевым Семеновым. Беззастенчивый обман рабочих и подлог были для него излюбленным методом управления. В заседании губернского присутствия 17 марта 1906 г. рассматривалось введение сверхурочных работ на фабрике путем пуска станков на 20 минут раньше смены и отработки простоев после смены, причем в книгу сверхурочных работ эта переработка не заносилась. Налицо было 2 нарушения, каждое из которых наказывалось максимальным штрафом до 100 руб. Подобные нарушения участковым фабричным инспектором А. Клепиковым фиксировались неоднократно, начиная с 1904 г., однако П. Д. Семенов протокол о нарушении, составленный фабричным инспектором, подписывать отказался, заявив, что «не знает, когда рабочие принимаются за работу». Присутствие, заседавшее при участии все тех же влиятельных фабрикантов Л. М. Моргонова и В. А. Шевалдышева, ограничились суммарным штрафом в 7 руб.²⁹

В заседании губернского присутствия 18 мая 1907 г. вновь рассматривались нарушения, допущенные П. Д. Семеновым, который скрывал происходившие на фабрике несчастные случаи с рабочими, не составляя извещений о происшествиях. Нарушение было выявлено в связи с заявлением пострадавшей ткачихи,

сроков выплаты рабочим заработной платы получало санкцию губернского присутствия в течение 1,5 месяцев²⁰. Несколько дольше рассматривались прошения директоров предприятий об открытии учебных или технических классов. На это требовалось до 4-х месяцев²¹.

Совершенно иные сроки рассмотрения дел мы видим в случаях необходимости наложения взысканий на заведующих фабрик и заводов за нарушения Устава о промышленности. Такие дела рассматривались в среднем по 2,5 года, а в отдельных случаях и по 5 лет²². Крайне редко со стороны отдельных фабрикантов возникали просьбы об освобождении их предприятий от надзора со стороны фабричной инспекции. Изменение ведомственного подчинения порождало длительную переписку и сопротивление чиновников, в результате, например, дело владельца картофелетерочного завода Морозова в деревне Святой, Костромского уезда, рассматривалось 4,5 года.

Характер решений, принимаемых губернским по фабричным делам присутствием, менялся в зависимости от участия в его заседаниях фабрикантов и от размеров промышленного предприятия. Так, заведующий небольшой (270 рабочих) бумаготкацкой фабрикой И. В. Ключников в Кинешемском уезде за нарушение закона о распределении рабочего времени и введение 1 часа сверхурочных работ был наказан решением присутствия от 7 октября 1905 г. «в высшем размере» – штрафом в 100 руб.²³ В то же время аналогичные нарушения режима рабочего времени, повлекшие сверхурочные работы на винокуренном заводе И. П. Третьякова в г. Судиславле и на текстильной фабрике Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной в г. Костроме (около 2 000 рабочих), решением присутствия от 7 мая 1907 г. наказаны в размере 25 руб.²⁴ Заседания присутствия в первом случае проходили без участия фабрикантов, а во втором присутствовали директора крупнейших костромских фабрик Л. М. Моргонов и В. А. Шевалдышев. Также в присутствии костромского фабриканта В. А. Зотова 20 декабря 1905 г. рассматривалось неправильное ведение книги для записи несчастных случаев с рабочими на химическом заводе П. И. Кокушкиной в г. Плесе. Несмотря на то, что рассмотренными выше «Правилами о надзоре за заведениями фабричной промышленности» за нарушение порядка ведения установленных книг предусмотрен штраф от 25 до 100 руб., присутствие ограничилось замечанием. Аналогичное решение вынесло присутствие 24 октября 1908 г., рассматривая такое же нарушение на картонной фабрике наследников М. П. Распопиной в с. Александровском, Кинешемского уезда. В этот раз в заседании участвовал костромской фабрикант В. А. Шевалдышев²⁵. За подобные нарушения ведения установленных книг с заведующего картофелетерочным заводом О. Е. Маркова, Николая Николаевича Галенхова, по решению присутствия от 3 января 1907 г. и с заведующего механическим и чугунолитейным заводом М. М. Подшивалова, Михаила Михайловича Подшивалова, 4 октября 1907 г. было взыскано по 50 руб. В данных заседаниях фабриканты не принимали участия²⁶. Причем в последнем случае заведующего привлекли к ответственности за давние нарушения (с 1902 г.), несмотря на отсутствие замечаний со стороны фабричных инспекторов, регулярно посещавших

нения, вызванные тем, что «народонаселение здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления». 10 августа 1843 г. Николай I приказал: «Сообразить и представить проект разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Началось тщательное изучение этого вопроса с целью придать этой идее географические очертания, соответствующие реальным административным задачам. 2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: «Учреждение новых губерний начать с одной Самарской»⁸, которую предполагалось устроить из перечисленных выше семи заволжских уездов Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний. Состав новой губернии определялся в окончательном варианте уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. В то же время, из числа многоземельных выключались окончательно Саратовская и Симбирская губернии, оставшиеся без луговых сторон, сокращался и объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что дальнейшее освоение заволжских территорий было одной из важнейших задач при принятии решения о создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. От имени императора Министерство внутренних дел ставило перед руководителями всех центральных ведомств одинаковый вопрос: не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению» административных преобразований. Решающим же оказался обстоятельный отзыв, который был подан 22 июня от Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими и делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел Л. А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. М. Гамалее, что, ознакомившись именно с этим отзывом, Николай I окончательно «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года»⁹.

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой и определившим будущий административный центр, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 г., отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую экспортную пшеницу – «белотурку»¹⁰. После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»¹¹. В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана города Самары 1804 г., поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено

не было», теперь же число последних достигло нескольких сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, простирались до 3–5 млн пудов¹².

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления¹³. Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. человек, а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей¹⁴. Однако реальная численность жителей была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, даже зимой в Самаре реально проживало не менее 25 тыс. обитателей¹⁵.

Если до XIX в. левобережное расположение Самары сдерживало ее развитие и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. Через Самарскую пристань в середине века проходило в стоимостном выражении две трети грузооборота всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы¹⁶. Получение ранга административного центра Заволжья было естественным шагом, закреплением реального положения Самары в крае.

Сроки, назначенные Николаем I для подготовки к открытию губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. он подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Предусмотренная в нем дата 1 января 1851 г. объявлялась днем начала существования новой губернии. Не стал помехой даже страшный самарский пожар 1850 г. В городе с трудом, но нашлись здания, пригодные для найма под размещение губернских присутственных мест.

Таким образом, в предреформенные годы XIX в. завершилось превращение самарского Заволжья из Дикого поля, каким оно было еще в начале 1730-х гг. в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами¹⁷. Здесь сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны. За внешней оболочкой административных перемен происходили серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и социального развития края. Регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности.

Примечания

¹ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Раз. 36. Д. 9. Л. 87об. – 88.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 63.

Таблица

Изменение ведомственного подчинения Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия

7.06.1899–5.06.1900	5.06.1900–27.10.1905	27.10.1905–9.03.1917	9.03.1917–9.05.1917	9.05.1917–26.10.1917	26.10.1917–17.05.1918
Министерство финансов	Министерство финансов	Министерство торговли и промышленности	Министерство торговли и промышленности	Министерство торговли и промышленности	Наркомат торговли и промышленности
Департамент торговли и мануфактур	Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности	Отдел промышленности	Отдел труда		Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие
Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие	Отдел промышленности	Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие	Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие	Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие	
	Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие				

В Государственном архиве Костромской области фонд Костромского губернского фабричного присутствия сильно пострадал в результате пожара 1982 г., но сохранились его материалы в фонде Министерства торговли и промышленности в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Фонды этих двух архивов взаимодополняют друг друга, позволяя реконструировать обстоятельства межведомственной борьбы и соперничества предпринимателей.

Анализ делопроизводства Костромского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия показал, что частнохозяйственные инициативы фабрикантов благотворительного свойства, как и меры по расширению сверхурочных или праздничных работ, рассматривались быстро, формально и без каких-либо препятствий, получая санкцию присутствия. Так, для введения на том или ином предприятии губернии сверхурочных работ в 1905 г. разрешение присутствия можно было получить в среднем в течение 1 месяца и 10 дней¹⁸. Для разрешения работ малолетним наравне со взрослыми в праздничные дни требовалось времени чуть больше – 2,5 месяца¹⁹. Изменение

Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие на протяжении своего недолгого существования с 1899 по 1918 г. неоднократно меняло ведомственное подчинение. Первоначально оно находилось при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов (до 5 июня 1900 г.)¹². Затем данный департамент был упразднен, и его дела переданы вновь созданным «Центральным учреждениям Министерства финансов по части торговли и промышленности», которые функционировали до 27 октября 1905 г. В составе «Центральных учреждений» был создан Отдел промышленности, которому и было подчинено Главное присутствие¹³. 27 октября 1905 г. Отдел промышленности был подчинен вновь образованному Министерству торговли и промышленности, в составе которого Главное присутствие функционировало вплоть до Февральской революции¹⁴. 9 марта 1917 г. Временным правительством был образован при Министерстве торговли и промышленности Отдел труда, которому и было передано Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. Однако 9 мая 1917 г. последовала новая реорганизация. Отдел труда был ликвидирован, и его дела переданы вновь созданному Министерству труда¹⁵. При этом подчинение Главного присутствия остается неясным. Во всяком случае, его делопроизводство данного этапа осталось в коллекциях документов Министерства торговли и промышленности. В результате реорганизации министерств советским правительством, 26 ноября 1917 г. Главное присутствие вошло в состав Наркомата торговли и промышленности, просуществовав до 17 мая 1918 г.¹⁶ Все названные реорганизации отражены в приведенной ниже таблице.

Целью создания Главного присутствия был высший надзор за соблюдением фабрично-заводского и рабочего законодательства. В его ведении находилась фабричная инспекция, которая, в свою очередь, также осуществляла надзор на местах за соблюдением данного законодательства. Присутствие должно было издавать инструкции, указы и правила в развитие действующего фабрично-заводского, горнопромышленного и рабочего законодательства, готовить законопроекты по рабочему вопросу; рассматривать постановления губернских присутствий по фабричным и горнозаводским делам, жалобы на их решения; составлять доклады по различным вопросам, вносимым на обсуждение Главного присутствия министрами внутренних дел, торговли и промышленности, Военным или иными ведомствами; вести дела и разрешать затруднения и ошибки фабричной инспекции; рассматривать уставы ссудосберегательных, вспомогательных и больничных касс, дела о профессиональных обществах¹⁷.

В то время как центральные ведомства боролись за влияние на фабричную инспекцию, Главное присутствие многократно меняло ведомственную подчиненность. На местах в губернских присутствиях, как и во всей экономической жизни страны, усиливались позиции крупных фабрикантов, шло противостояние фабричной инспекции, предпринимателей и губернских властей, которое отразилось, во-первых, в продолжительности решения рассматриваемых дел, во-вторых, в сравнении штрафов, налагаемых на владельцев и дирекцию предприятий за нарушения фабрично-заводского законодательства.

- ³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 120 «Бычков». Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8об.
⁴ ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.
⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 791, 943.
⁶ ОР РНБ. Ф. 608 «Помяловский И. В.» Оп. 2. Д. 136. Т. 1. Л. 243–321об.
⁷ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 79 об.
⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.
⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 73.
¹⁰ НА РГО. Раз. 34. Д. 22. С. 11.
¹¹ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.
¹² РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 63. Л. 3об., 5об., 29 и об.
¹³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018.
¹⁴ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 87.
¹⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. 1841 г. Д. 87.
¹⁶ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 93.
¹⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8, 12.

Т. Г. Архипова
 Москва

ИЗ ИСТОРИИ ПОПЫТОК РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСАППАРАТА РОССИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Цель этой работы состоит в желании привлечь внимание историков к всестороннему анализу результатов работы таких государственных институтов в России, как комитеты второй четверти XIX в.

Эпоха Николая I на расстоянии выглядит довольно противоречиво: с одной стороны, налицо желание императора и его ближайшего окружения во что бы то ни стало сохранить существующий порядок вещей, а с другой – осознание необходимости перемен. Если первое обусловлено самой природой власти, совсем не обязательно самодержавной, то второе – обстановкой внутри страны и за ее пределами. В то же время и перемены нужны были правящей верхушке все для того же сохранения собственной власти.

К числу мер по сохранению существующего порядка управления в стране следует отнести дальнейшую бюрократизацию государственного аппарата, выразившуюся не только в количественном росте учреждений и чиновников, но и в усилении бюрократического централизма регламентации делопроизводственных процедур и др.; военизацию государственного аппарата, военно-полицейский режим, установившийся после подавления восстания декабристов; усиление личного вмешательства царя в деятельность всех звеньев управления, выразившееся в возросшем значении Собственной е.и.в. канцелярии, и падении значения Сената, Государственного совета и Комитета министров; усиление роли политического сыска – создание в июле 1926 г. III отделения Собственной е.и.в. канцелярии.

События, предшествующие воцарению Николая I и сопровождавшие эту процедуру, по существу, не оставили ему возможности «царствовать спокойно». Созданные в результате реформ Александра I государственные институты не спешили поддержать нового царя в его реформаторских настроениях. Николай, будучи далеко не таким ограниченным человеком, как его представляла советская историография, решил вынести обсуждение возможных преобразований за пределы официальных органов. С этой целью в период его царствования было создано около 50 всевозможных комитетов. Комитеты не были изобретением нового самодержца – и до и после него такого рода институты создавались, правда, не в таком количестве. Объяснить это можно, наверное, все теми же хорошо известными внешними и внутренними обстоятельствами периода его правления. Часть созданных комитетов была засекречена, что, при определенном развитии событий, могло обеспечить власти своеобразное алиби в случае безрезультативности их работы.

Все существовавшие во второй четверти XIX в. комитеты несколько условно можно разделить на 5 групп:

- 1) комитеты, созданные для разработки проектов реформ и реорганизации государственного аппарата;
- 2) комитеты с функциями надзора и управления;
- 3) комитеты со смешанными функциями;
- 4) крестьянские комитеты;
- 5) ведомственные и местные комитеты.

Наиболее изученными представляются крестьянские комитеты, что обусловлено известным итогом их деятельности. Нельзя сказать, что историки оставили без внимания другие николаевские комитеты, нет, анализируя внутреннюю политику николаевской России, редко кто не писал о них. Больше всех в плане изучения повезло Секретному комитету 6 декабря 1826 г. В целом ряде работ, посвященных истории ведомств, истории регионов, так или иначе затронута история ведомственных, территориальных, губернских, городских и уездных комитетов, число которых определению не поддается. Действительно, только при Министерстве внутренних дел в 1828–1829 гг. существовало свыше 40 комитетов¹.

Истории же комитетов, так или иначе связанных с управленческими сюжетами, в 1970 г. была посвящена кандидатская диссертация². За более, чем три десятка лет, некоторые оценки в силу известных причин устарели и нуждаются в осмыслении, стали доступнее новые источники, например по истории Еврейского комитета или Комитета по делам царства Польского.

С государствоведческой точки зрения наибольший интерес представляют комитеты первых двух групп.

Это были совещательные, неофициальные, в большинстве случаев не оформленные юридически, высшие государственные органы, созданные чаще всего волей императора и состоящие из тех представителей высшей бюрократии, кому он особенно доверял. Так, закрывая первое заседание одного из них, император заявил: «...прошу и требую от вас: ни с кем посторонним не говорить и не

неучтенных норм и правил – к сообщению о нарушениях порядка и волнениях на фабриках губернскому начальству и чинам полиции. Тем самым усиливалась охранительная направленность деятельности инспекции⁶. В период управления Министерством внутренних дел В. К. Плеве борьба за влияние на фабричную инспекцию возобновилась. И хотя Высочайшим повелением от 30 мая 1903 г. фабричная инспекция была оставлена в ведении Министерства финансов, местным чинам инспекции в вопросах соблюдения благоустройства на фабриках предполагалось действовать под руководством губернатора. По мнению исследователей, это резко усилило влияние МВД на деятельность фабричной инспекции при формальном подчинении ее Министерству финансов⁷.

На наш взгляд, результатом противоречий двух наиболее влиятельных министерств Российской империи стало создание компромиссного межведомственного органа – губернских по фабричным делам присутствий. В создании губернских присутствий выразилось стремление поставить фабричную инспекцию под контроль местной губернской власти, а посредством ее – осуществлять надзор со стороны Министерства внутренних дел.

В то время как фабричная инспекция подчинялась Министерству финансов, присутствия по фабричным делам изначально создавались как межведомственный орган как по их составу, так и по ведомственной подчиненности. Под председательством губернатора присутствия заседали в составе вице-губернатора, прокурора окружного суда, начальника губернского жандармского управления, окружного фабричного инспектора или его помощника, председателя или члена губернской земской управы, городского головы. С правом совещательного голоса могли приглашать губернского врачебного инспектора, инженера или механика, а также других лиц, «от которых можно ожидать полезных сведений и объяснений»⁸. Создание присутствия при губернаторе, по логике действовавших губернских присутствий, могло означать его подведомственность Министерству внутренних дел. Но согласно «Правилам», жалобы на постановления губернского присутствия полагалось подавать министру финансов, а тот рассматривал их по согласованию с министром внутренних дел⁹.

Превращение фабричной инспекции Законом от 14 марта 1894 года в разветвленную надзорную службу, охватывающую всю Европейскую Россию, и расширение сети губернских по фабричным делам присутствий потребовало создания некоего центрального органа, который мог обобщать накопленный опыт, воплощать его в инструкциях и правилах в развитие действующего фабричного законодательства и регулировать деятельность инспекции и присутствий. Ответом на эту потребность явилась новая реорганизация фабричной инспекции и создание Главного присутствия по фабричным и горнозаводским делам на основании Закона от 7 июля 1899 г.¹⁰ Одновременно были реорганизованы губернские присутствия по фабричным делам в присутствия по фабричным и горнозаводским делам, их состав был пополнен окружным горным инженером и двумя представителями промышленности¹¹.

А. В. Новиков

г. Кострома

**СОЦИАЛЬНЫЕ И МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В РОССИИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОСТРОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПО ФАБРИЧНЫМ
И ГОРНОЗАВОДСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЯ**

Губернские по фабрично-заводским делам присутствия до сих пор не являлись специальным предметом изучения в исторической литературе и рассматривались лишь в связи с образованием и деятельностью фабричной инспекции¹. Действительно, само возникновение данных присутствий связано с формированием службы фабричной инспекции. Законом от 3 июня 1886 г. были утверждены «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»², которыми определялись полномочия инспекции и были учреждены Губернские по фабричным делам присутствия. Закон 1886 г. распространялся лишь на 9 округов, затронув столичные и крупные промышленные губернии (включая, например, Владимирскую). В Костромскую губернию фабричная инспекция и губернское по фабричным делам присутствие приходят лишь после реорганизации инспекции Законом 14 марта 1894 г. «О преобразовании учреждений фабричной инспекции и губернских механиков», который распространял «Правила о надзоре...» еще на 13 губерний, включая Костромскую, Тверскую, Ярославскую и другие губернии Европейской России³.

К ведению губернских присутствий, согласно данных «Правил», относилось:

- а) издание обязательных постановлений о мерах к охранению жизни, здоровья и нравственности рабочих;
- б) решение дел о нарушениях «Правил» и Устава о фабричной и заводской промышленности заведующими фабриками и заводами;
- в) рассмотрение жалоб на распоряжения чинов фабричной инспекции;
- г) составление дополнительных правил, касающихся подручных или артельных рабочих;
- д) разрешение сомнений, встречаемых чинами инспекции при применении фабричного законодательства⁴.

С момента своего создания фабричная инспекция стала ареной борьбы за влияние на эту службу со стороны Министерства внутренних дел и Министерства финансов. А. Ф. Вовчик отмечал, что данное противоборство завершилось компромиссным решением «Особого совещания Министров от 15 июля 1898 г.», издавшего инструкцию о пределах компетенции местных органов МВД и Министерства финансов в деле надзора за фабрично-заводскими заведениями и разграничении сферы действий полиции и инспекции⁵. Однако на этом соперничество ведомств не завершилось. Сравнивая «Наказы чинам фабричной инспекции» от 1894 и 1900 гг. А. Ю. Володин пришел к выводу, что цели надзора инспекции менялись от исправления законодательства и добавления

советоваться по этому делу. Пусть оно останется между нами одними и от всех других будет удержано в глубокой тайне. Я обяываю вас к этому честным словом и долгом присяги и слишком уверен в каждом из вас, чтобы не надеяться на точное исполнение»³. Все комитеты работали под контролем императора: в работе некоторых он принимал участие, в некоторых председательствовал. Продолжительность существования комитетов была различной: от нескольких дней и месяцев до нескольких десятков лет. В последнем случае состав их мог претерпеть существенные изменения. Деятельность некоторых из них выходила за рамки второй четверти XIX в. и николаевского царствования.

Первым в череде николаевских комитетов был Секретный комитет 6 декабря 1826 г. (прекратил существование в марте 1832 г.) Ему было предложено пересмотреть систему государственного управления сверху донизу. Как писал принимавший самое активное участие в работе Комитета М. М. Сперанский, надо было «продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, попусением исполнителей или их злоупотреблением совратилось с своего пути»⁴. В результате здесь были рассмотрены проекты почти всех учреждений России и попутно – закон о дворянских выборах, сословный, крестьянский и иные вопросы. Члены Комитета за закрытыми дверями могли позволить себе, вслед за декабристами, критику организации и деятельности государственного аппарата, произвола губернского начальства, «поразмышлять» о принципе разделения властей и др. Разработанные в Комитете проекты организации всех звеньев государственного аппарата России были шагом (хотя и робким) вперед по сравнению с тем, что она представляла собой в это время. Несмотря на это, проекты Комитета встретили резкую критику членов Государственного совета, царя (Николай вообще заявил, что в казне на реализацию предложенных мер денег нет⁵) и членов его семьи, поэтому из всех предположений осуществлены были немногие.

На повестке дня комитетов, созданных позднее, также ставились вопросы управления и частичных реорганизаций в системе государственных учреждений. Как правило, комитеты создавались по одному конкретному вопросу. Комитеты по выработке учреждений различных органов государственной власти (например, Особый комитет по проектам положения о Комиссии прошений и наставления статс-секретарю для принятия прошений 28.12.1834 – январь 1835 г.; Особый комитет для пересмотра учреждения Государственного совета и Государственной канцелярии, 28.11.1839 – апрель 1842 г., Комитет о пересмотре устава о службе гражданской, 9.11.1846 – 1853 г. и др.), по оптимизации их структуры, расходов, делопроизводства создавались наряду с финансовыми, сословными, крестьянскими и др. Органически примыкая к Комитету 6 декабря, они начинали свою работу с изучения его материалов, черпая из них всю «преобразовательную премудрость». Нарботки некоторых из них были утверждены высочайшими указами, положены в основу судебной реформы, других актов.

Особое место занимает Комитет 2 апреля 1848 г. – своего рода посредник между Министерством народного просвещения и царем («глаза царя»), которому весной тревожного 1848 г. была поручена неофициальная цензура всех выходящих в России и привозимых из-за границы изданий. Большинство историков относят этот Комитет к числу самых реакционных учреждений николаевского периода правления. Комитет был закрыт 5 декабря 1855 г., дела его были переданы в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии.

Вторая группа представлена главным образом территориальными комитетами. В отличие от большевиков, осуществивших полную советизацию территории страны за полгода (в том числе и национальных окраин), самодержавие временно допускало для них «особенную» систему управления. В рассматриваемый период в вопросе об управлении национальными окраинами боролись централизаторская (она все же преобладала) и децентрализаторская тенденции. Территориальные комитеты позволяли сочетать функции управления и надзора. Одновременно с управленческими они осуществляли еще и законосовещательные функции – рассматривали проекты реформ организации управления подведомственными территориями. Случалось им вводить и уже разработанные проекты реформ. К их числу в первую очередь следует отнести два Сибирских комитета (28.7.1821 – 9.1.1838 г.; 17.4.1852 – 31.12.1864 г.) несколько Кавказских (1838 – 29.1.1882 г., это были своего рода посредники между местными властями и царем), Комитет западных губерний (1831–1848 гг.), Комитет по делам царства Польского (1831–1841 гг.), созданные в непосредственной связи с восстанием в Польше. Задачей последних было введение на подведомственной им территории таких порядков, которые в будущем исключили бы возможность подобных явлений. Если в западных губерниях царизм преследовал цель укрепить западные границы и оградить население от беспокойной Польши, в Сибири – извлечь «пользу» из массы кочующих и бродячих «инородцев», всячески поощряя оседлость в целях взимания налогов, то на Кавказе надо было укрепиться в военно-стратегическом плане, использовать его экономический потенциал в интересах всей страны – «сделать край сей полезным для России». В 1845 г. в законодательном порядке на Кавказе было оформлено наместничество, глава которого М. С. Воронцов наделался огромными полномочиями, прежде относящимися к ведению министерств. С тех пор деятельность наместника и очередного Кавказского комитета была направлена на содействие «твердому слиянию» этого региона с «прочими частями империи»⁶.

Особое место в системе высших комитетов занимает Еврейский комитет, на повестке дня которого были вопросы управления не конкретной территорией, а представителями одной национальности без строго определенного места жительства (правда, с начала века проводилась политика расселения евреев преимущественно в западных и юго-западных губерниях). Кроме того, Еврейский комитет до последних дней своего существования не получил той самостоятельности, какой, например, располагал Кавказский комитет. В течение почти четверти века Еврейским комитетом рассматривались вопросы

учитывая, что во многих уездах (например, Варнавинском) раскольники распались на многочисленные толки²⁰. В Кологривском уезде, где было особенно распространено отходничество, с трудом указывались категории занятий. Большинство крестьян почти не проживало дома, многие работавшие в лесах в зимнее время там же и жили. Местонахождение же зимниц, кроме находящихся в лесу рабочих, никому не было известно²¹.

Отчеты счетчиков и заведующих содержат много интересных фактов, раскрывающих неизученную сторону проведения первой всеобщей переписи. Ряд отличий, характерных для каждой рассматриваемой губернии, делает их уникальными, интересными для дальнейшего изучения. Только по одним отзывам участников переписи можно получить представление об особенностях развития губерний. Объединяет изучаемые области продуктивная работа административных учреждений, чиновников, провинциальной интеллигенции, волонтеров из самых разных сословий. Ответственность и самоотдачу счетчиков можно считать маленьким подвигом, благодаря которому первая всеобщая перепись населения Российской империи прошла успешно.

Примечания

¹ Население Империи по переписи 28 января 1897 года по уездам. Составлено Центром статист. комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. Спб., 1897. Вып. 1. С. 610.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб.: Изд. центр. статист. комитета МВД, 1899–1904.

³ *Плюшко Б. Г. Елисеева И. И.* История статистики. М.: Финансы и статистика. 1990. С. 104.

⁴ Положеніе о первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи // *Пландовский В.* Народная перепись. Спб.: Изд-во Император. Спб. ун-та., 1898. С. 320–328.

⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 13, 14.

⁶ *Пландовский В.* Народная перепись. С. 342–350.

⁷ Там же. С. 322.

⁸ Общий свод по Империи результатов разработки, данных Первой всеобщей переписи населения произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. / [предисл.: Н. А. Троицкий]. Спб., 1905. С. 1–3.

⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93.

¹⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 575, 580.

¹¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 425, 445–446.

¹² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 575–580.

¹³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 573.

¹⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 600–602.

¹⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 600–602.

¹⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 189. Л. 10.

¹⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 384–389.

¹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 798–800, 598.

¹⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 695, 455–470, 603–310.

²⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 690, 710–711, 819–823.

²¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 93. Л. 807–807 об.

О том, как протекал процесс переписи в Ярославской и Костромской губерниях, сохранился обширный материал, заключенный в «Своде извлечений из отзывов о первой всеобщей народной переписи 1897 г.»⁹. Это отзывы заведующих переписными участками и самих счетчиков. Самые большие трудности выпали на их долю в сельской местности. Счетчиками, как правило, становились лица духовного звания, учителя сельских школ и гимназий, фельдшеры, волостные писари, их помощники и т. д. По данным журналов уездных переписных комиссий, в этот список входили также крестьяне и мещане, редко встречаются дворяне.¹⁰ Состав счетчиков Костромской губернии интересен в сравнении с Ярославской. В первой лица духовного звания не вызывали никаких нареканий и, как и все счетчики, заслужили похвалу; иначе дело обстояло в Ярославской губернии. Судя по отчетам, счетчики из духовных званий в губернии встречались редко, и часто их работа оценивалась негативно. Например, один из заведующих участками Угличского уезда отмечает отсутствие у священников интереса к делу, грубую критику всех распоряжений, уклонение от инструкций и т. д.¹¹ Похвалой в Ярославской губернии, помимо учителей, особо были отмечены крестьяне¹². Костромская и Ярославская губернские переписные комиссии отмечали нелегкий труд счетчиков во время переписи: «Вся тяжесть и главная работа по народной переписи легла на счетчиков, которым кроме переездов из селения в селение, перехода из избы в избу пришлось переписать в 2-х экземплярах переписных листов до 900 штук, за вознаграждение в 12 рублей. Если бы счетчики предвидели, что от них потребуется, то ни один из них не изъявил бы желания за это вознаграждение принять участие в переписи»¹³. В отчетах комиссий высоко оценен самоотверженный труд счетчиков. К концу переписи многие из них простудились и заболели¹⁴. «Счетчик должен был делать перепись путем обхода каждого двора, что было затруднительно, ему приходилось перебираться со своей канцелярией из дома в дом. Получение сведений от хозяев без посторонних лиц, знающих их семейное положение, было неточно и неверно. Кроме того, в убогих хижинах или кельях счетчику приходилось писать на коленях, на лавке вместо стола при освещении лучины»¹⁵.

Большое значение в успешном проведении переписи сыграло отношение к ней населения. В Ярославской губернии, в целом, к переписи отнеслись спокойно и доброжелательно. В Костромской губернии счетчики наталкивались на сопротивление местных жителей из числа раскольников. В Варнавинском и Макарьевском уездах они не желали пускать счетчиков, считая перепись «делом Антихриста»¹⁶. Сведения о раскольниках собирались у соседей. Счетчики обеих губерний во время работы столкнулись с рядом непредвиденных трудностей: путаницей крестьян в формах хозяйств¹⁷, отсутствием конкретных и точных данных о воинской повинности (у мужчин)¹⁸ и возрасте (у женщин)¹⁹. В Костромской губернии сбор точных данных о раскольниках и уходящих на заработки (отходниках) был сильно осложнен. Счетчики без подсказок не знали наверняка, считать ли браки раскольников действительными для переписи и как писать их вероисповедание,

об определении места жительства евреев; о правах на приобретение ими земель; о процентной норме допуска их в вузы; о создании еврейских школ; об отбывании евреями воинской повинности; о мерах обращения евреев в христианство и др.

Каждый из этих комитетов внес свою лепту в реформирование государственного аппарата николаевской России. Одной из задач историков в настоящее время может стать анализ влияния некоторых их предложений на законодательную деятельность и политику царизма в эти и последующие годы.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. 1828. Д. 305.

² *Архипова Т. Г.* Высшие комитеты России II четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности): дис ... канд. ист. наук. М., 1970.

³ *Корф М. А.* Император Николай в совещательных собраниях // Сборник РИО. Т. 98. Спб., 1896. С. 138.

⁴ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. Спб., 1861. С. 334.

⁵ Сборник РИО. Т. 74. Спб., 1891. С. 424.

⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 495. Л. 16.

А. С. Сенин

Москва

ПОПЫТКИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом военных действий на основании Положения о полевом управлении войск в военное время были созданы Ставка верховного главнокомандующего и полевой аппарат на фронтах¹. До Февральской революции Ставка оставалась единственным органом стратегического руководства действующей армией. Положение, по свидетельству бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, «составлялось в предположении, что Верховным главнокомандующим будет сам император»². Поэтому перед его авторами не стоял вопрос о единстве работы фронта и тыла. Но Николай II назначил Верховным главнокомандующим популярного в войсках великого князя Николая Николаевича. На практике даже после отстранения великого князя от этой должности и возложения командования на императора никакого единства фронта и тыла в борьбе с врагом не произошло. И причина здесь не только в личности российского монарха.

Очевидно, что разработчики Положения исходили из скоротечности войны в Европе и рассчитывали в основном обойтись запасами мирного времени. Вопрос о переводе всей экономики страны на военный лад не рассматривался. Юридически не были оформлены отношения между Советом министров

страны и Ставкой. Правительство, как высший в стране орган исполнительной власти, стремилось влиять на военную администрацию на театре военных действий. Последняя не без успеха противодействовала этим поползновениям. Совет министров рассчитывал иметь при Ставке своего представителя не ниже рангом начальника штаба. Негативная реакция Ставки вынудила главу правительства И. Л. Горемыкина отступить. В результате была учреждена должность состоящего при начальнике штаба по делам гражданского управления, и с санкции Верховного главнокомандующего на нее был назначен помощник статс-секретаря Государственного совета Н. Л. Оболенский.

Непростым оказались отношения Ставки с Военным министерством, хотя по логике военного строительства именно здесь было необходимо полное взаимопонимание. Военное министерство, на которое легла основная тяжесть организации материально-технического снабжения армии, управлялось по законам мирного времени, в которых почти ничего не говорилось об особенностях его работы в военное время. Военный министр, согласно Положению о полевом управлении войск в военное время, мог сноситься с Верховным главнокомандующим в случае необходимости, но ничего требовать от него не смел. Но и Верховный главнокомандующий не имел права отдавать распоряжения военному министру. Согласование их работы зависело от императора.

Главнокомандующий армиями фронта, согласно Положению, должен был «сноситься» с Военным министерством, то есть не требовать, а просить, «и от военного министра зависело, исполнить или нет обращенную к нему просьбу того или иного главнокомандующего фронтом»³. Не были отрегулированы отношения главных управлений министерства с управлениями военных округов на театре военных действий. Все складское хозяйство этих округов подчинялось управлениям Военного министерства. Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства А. А. Маниковский писал: «Создавшаяся с первых же шагов применения «Положения» обстановка внесла большую путаницу в работе ГАУ, распоряжения которого в некоторых случаях даже не исполнялись артиллерийскими складами и арсеналами, находящимися на театре войны»⁴. Следствием этого была неравномерность обеспечения войск артиллерийскими снарядами, несогласованность обеспечения с оперативными планами боевых действий, которые разрабатывались в Ставке. По мнению многих военных специалистов, имело место дублирование функций основных учреждений Ставки и Военного министерства. Они держались замкнуто и работали разобщенно⁵.

По существу, с началом войны вся территория Российской империи была условно разделена на две части: театр военных действий с действующей армией под руководством Ставки и остальные районы страны, где действовали законы мирного времени. Председатель Государственной думы 4-го созыва М. В. Родзянко так охарактеризовал отношения Ставки и Совета министров: «Тыл живет под командованием правительства, а далее – демаркационная линия. Тут уже правительство не смеет ни шагу сделать»⁶.

империи 1897 г.» (ред. Н. А. Тройницкого)² – было издано в количестве 89 томов по всем губерниям и областям Российской империи. Костромской губернии посвящался 18 том, опубликованный в 1903 г., Ярославской – 50 том, вышедший из печати в 1904 г.

Оба издания, состоящие из сводных таблиц и комментариев к ним, полно и подробно отражают основные общественные и экономические сферы развития губерний. В предисловии каждой книги дается краткое географическое и историческое описание губерний. Статистические данные сгруппированы по основным вопросам: сословный и национальный состав, демографическое состояние населения, семейное положение, вероисповедание и грамотность, виды хозяйства и ремесел, занятий. Кроме того, в изданиях составлены таблицы по возрастному составу и физическим недостаткам. Опубликованные Центральным статистическим комитетом издания представляют собой ценнейший и единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России в конце XIX в. Однако не меньший интерес, чем сами результаты переписи, представляет процесс ее подготовки и проведения в губерниях.

Вопрос реализации всеобщей переписи населения ввиду значимости и сложности решался долго. В 1877 г. проект уже был готов и даже представлен Государственному совету, но лишь в 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте его одобрил. 5 июня 1895 г. Николай II утвердил проект, начертав на положении: «Быть посему»³. Для общего руководства переписью была организована Главная переписная комиссия, возглавляемая министром внутренних дел. На комиссии лежал чрезвычайно ответственный и сложный труд: выработка общей программы переписи, всевозможных инструкций, наставлений, бланков, отступлений от правил⁴. Основной единицей переписи было хозяйство. Исходя из разных форм хозяйства, в переписи учитывались 3 категории населения: наличное, оседлое и приписное. В соответствии с этим использовались переписные листы трех видов (А, Б, В). Основная тяжесть работ – опрос населения, сбор данных, их проверка – легла на организованные в губерниях и уездах переписные комиссии. Они состояли из местных чиновников и, как показывают архивные данные, включали весь состав губернских статистических комитетов⁵. Губернии делились на переписные участки, во главе с заведующими участками. Сбором данных на каждом участке занимались счетчики.

В городах применялся метод «самоисчисления»⁶ (счетчик лишь приносил, забирал и проверял заполненные хозяевами переписные листы), а в сельской – метод опроса (переписные листы заполнялись счетчиком при опросе каждого хозяйства). Опросный лист содержал анкету из 14 вопросов: имя (фамилия, прозвище), семейное положение, возраст, пол, сословие, вероисповедание, место рождения и постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие (промысел, ремесло), физические недостатки (болезни)⁷. Переписные листы раздавались и заполнялись в селе за 30–20 дней, в городах – за 10–5 дней до дня переписи. В указанный день счетчики собирали заполненные листы и вносили в них, если требовалось, исправления⁸.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1287. Л. 20.
² Розанов А. И. Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882.
³ РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 1117. Л. 1.
⁴ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 206. Л. 1 – 4 об.
⁵ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 209 (3). Л. 12–12 об.
⁶ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 210. Л. 1–1 об.
⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2394. Л. 88 об. – 90.
⁸ Там же. Л. 92.
⁹ Костромской календарь за 1895 год. Кострома, 1895. С. 128.
¹⁰ Там же. С. 129.
¹¹ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 213. Л. 2–6 об.
¹² Костромские епархиальные ведомости (далее – КЕВ) 1890. № 4. Ч. 1 (официальная). С. 32–33.
¹³ ГАКО. Ф. 130. Оп. 2. Д. 609. Л. 381–382.
¹⁴ КЕВ. 1898. № 12. Ч. 1 (официальная). С. 101.
¹⁵ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 165. Л. 1–4.
¹⁶ КЕВ. 1885. № 21. Ч. 1 (официальная). С. 212–213.
¹⁷ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 36 прил.; Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного вероисповедания за 1895 год. СПб., 1896. С. 32 прил.
¹⁸ ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 175. Л. 6 об.

В. Л. Еремеева

г. Кострома

**УЧАСТИЕ КОСТРОМСКОГО И ЯРОСЛАВСКОГО
 ГУБСТАТКОМИТЕТОВ В ПРОВЕДЕНИИ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ
 ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Всеобщая перепись, проведенная 28 января (9 февраля) 1897 года путем непосредственного опроса всего населения, была первой и единственной всеобщей переписью населения в Российской империи. Актуальность изучения данной темы не ослабевает. Без использования данных первой всеобщей переписи (1897), невозможно составить ясную картину социальной и экономической жизни России в конце XIX века. Данные переписи содержат ценнейшие сведения о численности, составе и хозяйственной деятельности населения в масштабах всей Российской империи.

Собранные и обработанные данные всеобщей переписи были опубликованы Центральным статистическим комитетом в нескольких изданиях¹, основное из которых – «Первая всеобщая перепись населения Российской

По мере затягивания войны возникла неизбежность мобилизации тыла на работу для фронта, в связи с этим в обществе все чаще стали указывать на недостатки военного управления. Так, 23 февраля 1916 г. на объединенном заседании комиссии во военным и морским делам и сельскохозяйственной комиссии единогласно был принят проект «пожеланий» к руководству страны. В нем подчеркивалось, что Положение о полевом управлении войск не соответствует требованиям современной войны, ибо делит территорию государства на две части, управляемые на разных основаниях и разными властями.

16 июня 1916 г. начальник штаба Ставки М. В. Алексеев в докладной записке Николаю II предложил сосредоточить всю власть «во всех внутренних областях империи» в руках одного полномочного лица, которое именовалось бы «верховным министром государственной обороны». Ему «необходимо предоставить объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министров, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий»⁷. Однако против такого предложения неожиданно выступил М. В. Родзянко, увидевший в предложении Ставки «командовать тылом», попытку ущемить права общенности, лишить ее возможности влиять на управление страной⁸. 28 июня 1916 г. в Ставке состоялось заседание Совета министров с участием Николая II. Большинство министров выступило против планов Алексеева. Николай II поддержал своих министров, поскольку и сам опасался назначить диктатора в тылу.

После Февральской революции роль Ставки уменьшилась в связи с тем, что Временное правительство стало не только высшим исполнительным, но и высшим законодательным органом до Учредительного собрания. В марте 1917 г. в Военном министерстве был составлен доклад «Об изменении в верховном управлении действующей армии», в котором признавалось, что «управление действующей армией и органами Военного министерства, находящимися вне театра войны», оказалось совершенно разобщенным, и рекомендовалось сосредоточить всю власть в руках военного министра⁹. Затем в Военном министерстве составили проект приказа со словами «Верховный главнокомандующий подчиняется Временному правительству, получая указания от него через военного министра»¹⁰. Но в связи с намечавшимся наступлением на фронте правительство и военные власти решили ничего не менять.

Работавший в июне Всероссийский съезд военных инженеров высказался за воссоздание Совета государственной обороны¹¹. Предполагалось включить в его состав членов Временного правительства, лиц верховного командования армией и флотом, представителей общественных организаций. Фактически предлагалось создать чрезвычайный орган для мобилизации всех сил страны в целях успешного завершения войны. Против этой идеи решительно выступил Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. В письме главе Временного правительства Г. Е. Львову он подчеркнул: «Лично я, как Верховный главнокомандующий, неся всю ответственность перед

Россией за ведение войны, не мог бы помириться со стеснением прав, предоставленных мне положением о полевом управлении войск в военное время»¹². Начальник Кабинета военного министра сообщил А. Ф. Керенскому, что на создание очередной канцелярии денег нет. Проект положили под сукно.

Под впечатлением от очередного поражения на фронте генерал-лейтенант В. Е. Борисов представил начальнику Главного управления Генерального штаба записку «О новой организации Верховного командования нашими армиями». Он предложил перенести Ставку в Петроград, так как все жизненные вопросы армии и флота решаются в столице. При этом Ставка превращалась в чисто оперативный орган, а общее руководство вооруженными силами передавалось Верховному полевому совету. Бывший Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев осудил все проекты управлять армией из столицы, в которой власть уплывала из рук Временного правительства. «Неужели генералу Борисову, – писал Алексеев, – желательно открыть двери штаба Совету рабочих и солдатских депутатов?»¹³

25 июля в прессе появились сообщения о решении Временного правительства образовать Комитет обороны¹⁴. Но никаких материалов о его деятельности не сохранилось, и он не упоминался ни на августовском Государственном совещании в Москве, ни в ходе дебатов в Предпарламенте в октябре 1917 г. в Петрограде.

Таким образом, интересы отдельных групп российской государственной бюрократии, политической и военной элиты оказались выше стратегических интересов воюющей страны, важнее элементарного здравого смысла.

Примечания

¹ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914. Положение разрабатывалось много лет и было утверждено императором за три дня до начала войны.

² Яхонтов А. Н. Тяжелые дни // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 21.

³ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. М.; Л., 1930. Т. 2 С. 26; Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 125.

⁴ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 107-108.

⁵ См.: Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 125.

⁶ Цит. по: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С. 163.

⁷ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 345, 346.

⁸ Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 164.

⁹ РГВИА. Ф. 29. ОП. 3. Д. 223. Л. 21.

¹⁰ Там же. Ф. 2003. ОП. 2. Д. 767. Л. 27.

¹¹ Совет государственной обороны, высшее государственное учреждение, существовал с июня 1905 г. по август 1908 г. Он был призван провести в вооруженных силах необходимые преобразования после неудачной для России войны с Японией.

¹² РГВИА. Ф. 366. ОП. 1. Д. 82. Л. 18–18 об.; 19–19 об.

¹³ Там же. Ф. 2003. ОП. 1. Д. 694. Л. 150–153.

¹⁴ Армия и флот свободной России. 1917. 25 июля.

В то же время консистория старалась пресекать появление неофициальных изданий и брошюр духовного содержания. Довольно любопытный случай произошел с прошением священника Гавриила Гусева об издательстве газеты общественной жизни, школы и благотворительности под названием «Трезвон». Гусев был редактором Костромских епархиальных ведомостей в 1885 году, а в 1886 издание газеты было приостановлено на 1 год, так как Гусевым был выпущен нецензурированный номер ведомостей. В итоге консистория отклонила прошение, присовокупив к этому данные о неудовлетворительном состоянии здоровья священника¹⁵. Согласно материалам Костромских епархиальных ведомостей, были нередки случаи, когда авторы и издатели брошюр и книг, имевшие отношение к пастырскому служению, обращались к благочинным с просьбами о содействии к распространению этих изданий через рассылку по церквам, вызывая этим недовольство духовенства епархиальным начальством. Консистория предписала благочинным, через напечатание в епархиальных ведомостях, чтобы они не оказывали содействия частным лицам в издании и распространении книг и брошюр¹⁶.

Не менее важным аспектом в деятельности епархиальной администрации было открытие библиотек при церквах, особенно в деле борьбы с расколом и сектантством. Согласно данным Всеподданейших отчетов обер-прокурора, с 1895 по 1905 год количество библиотек возросло с 677 до 703¹⁷. В Государственном архиве Костромской области (ГАКО) содержится немало документов по открытию библиотек. В основном это дела просительного характера, как, например, рапорт благочинного священника Константина Сокольского об открытии в 4 Макарьевском благочинническом округе общей библиотеки. Прошение было передано в Федоровско-Сергиевское братство, чтобы было сделано соответствующее распоряжение об открытии библиотеки¹⁸.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века Костромская духовная консистория принимала участие в общественной и культурной жизни губернии. Нельзя сказать, что это участие было чересчур активным, так как основными ее задачами было осуществление епархиального управления и духовного суда в епархии. Тем не менее, консистория осуществляла делопроизводство при открытии и деятельности различных обществ и православных братств, имевших благотворительную, просветительскую, миссионерскую направленность, а члены консистории являлись непосредственными участниками в деятельности братств и обществ, при этом могли занимать в них главенствующие должности. С развитием издательской деятельности в епархии, появлялась возможность доносить официальную информацию через печатные издания, но в то же время возникала необходимость контроля за неофициальными книгами и брошюрами через предписания благочинным. Для развития миссионерской деятельности необходимо было учреждать благочиннические библиотеки, так как для бесед, полемики и споров со старообрядцами была нужна соответствующая литература. В целом можно констатировать, что Костромская консистория проводила в жизнь синодальную политику на епархиальном уровне.

братствами. В 1887 году было открыто братство преподобного Сергия, задачей которого являлось осуществление миссионерской деятельности, борьба с расколом и сектантством. Члены консистории принимали активное участие в деятельности братства. Так, в 1895 году председателем совета Федоровско-Сергиевского братства был кафедральный протоиерей, член Костромской духовной консистории И. Г. Поспелов⁹. Он же был и участником Костромского комитета православного миссионерского общества, наряду с двумя другими членами присутствия консистории – Павлом Богословским и Александром Красовским¹⁰. А в 1893 году Иоанн Поспелов разработал проект устава Общества хоругвеносцев при костромском кафедральном Успенском соборе, которое было учреждено 2 сентября 1894 года¹¹.

Открытие православных братств и обществ, безусловно, оказывало влияние и на деятельность консистории. Председателям приходилось обращаться к епархиальной администрации, чтобы сделать определенные распоряжения. Например, в 1889 году председатель комитета Православного миссионерского общества просил сделать распоряжение преосвященного, чтобы был произведен тарелочный сбор в Неделю православия на распространение христианства в империи, а также чтобы священники произнесли поучения о миссионерском деле. Консистория, в свою очередь, приказала объявить о содержании распоряжения председателя общества печатными указами, которые были разосланы во все соборы, церкви и монастыри¹².

В консисторию доставлялись и денежные сборы (кружечный и тарелочный) на благотворительные нужды. Так, в 1894 году в консисторию поступали деньги: 1) на содержание и украшение церквей внутри империи и за границей; 2) на помощь православному духовенству; 3) в пользу православных церквей и школ в Западном крае; 4) на восстановление православия на Кавказе; 5) на распространение православия между язычниками империи; 6) в пользу иерусалимской церкви Св. Гроба Господня; 7) на улучшение быта православных поклонников в Палестине; 8) на общество Красного Креста¹³. Случалось так, что сборы доставлялись не в консисторию, а напрямую в благотворительное общество. Известно несколько таких случаев. В 1898 году консистория в очередной раз дала разъяснение благочинным и прочим должностным лицам епархии, чтобы они вербный сбор в пользу Императорского Палестинского общества и сбор кружечный в пользу палестинских поклонников предоставляли в консисторию, а не в местный отдел Палестинского общества¹⁴.

С 1885 года у Костромской консистории появилась возможность обращаться к духовенству епархии со страниц газеты «Костромские епархиальные ведомости», номера которой издавались с периодичностью раз в две недели. Издание состояло из двух частей: официальной и неофициальной. В первой части публиковались значимые указы и распоряжения Костромской духовной консистории и прочая официальная информация. Практически в каждом номере, в первой части газеты, публиковались данные из консистории о награждении духовных лиц, перемещении из одного прихода в другой, увольнении за штат, определении духовных лиц на места, информация о вакансиях духовенства и ряд других сведений.

Л. М. Артамонова

г. Самара

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В САМАРЕ

Настоящая статья рассматривает преломление культуры большого национального торжества предреволюционной России в провинциальной среде на примере празднования в Самаре 300-летия династии Романовых. Столичные торжества 1913 г., а также мероприятия, происходившие в ряде провинциальных городов России, нашли отражение в литературе. Это, прежде всего, касается мест, исторически связанных с призванием Михаила Романова на царство¹. В публикациях последнего времени освещаются отдельные сюжеты, отражающие, например, привлечение к торжествам органов власти и самоуправления, учителей и учащихся, военных и гарнизонных чинов в отдельных местностях². Однако проведение этого праздника в ряде городов, в том числе в Самаре, остается практически полностью обойденным вниманием со стороны историков и краеведов.

Для подготовки к этому юбилею, приуроченному к 21 февраля 1913 г., еще 9 апреля 1910 г. был учрежден Комитет для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых. В его состав вошли представители министерств императорского двора, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, финансов, военного и других ведомств. Председателем был утвержден А. Г. Булыгин, известный автор проекта закона об учреждении Государственной думы в 1905 г. В задачи Комитета входила разработка юбилейных мероприятий, руководство их подготовкой, издательская деятельность. Так, Булыгин от имени Комитета разослал по городам издание «Россия под Скипетром Романовых»³. Самарский губернатор в январе 1912 г. направил всем предводителям дворянства губернии около 9 000 экземпляров этой книги для бесплатного распределения в каждое волостное правление и другие учреждения. Оставшиеся экземпляры предназначались для раздачи сельскому населению в день празднования⁴.

Порядок обязательных и самых торжественных мероприятий юбилея был утвержден на высшем уровне и опубликован 6 февраля 1913 г. Празднование открывалось 21 февраля торжественной литургией во всех храмах и церквях Российской империи, после нее совершался молебен с возгласением многолетия императору, его семье и всему царствующему дому. Церковные службы сопровождалась крестными ходами и «целодневным» колокольным звоном. По окончании молебна во всех гарнизонах проходили парады войск⁵. Четверг 21 февраля объявлялся нерабочим днем⁶.

21 февраля 1913 г. был издан Высочайший манифест, подчеркивавший значимость отмечаемого события в истории России. Тогда же был издан царский указ о даровании подданным различных милостей и льгот⁷. Николай II тем самым поощрял проведение благотворительных акций, которые являлись одной из важных составных частей юбилейных торжеств.

Провинциальные власти при подготовке к 300-летию династии Романовых руководствовались Положением Совета министров 9 апреля 1910 г., в котором рекомендовались совместные действия различных органов и учреждений. В связи с предстоящим знаменательным событием создавались юбилейные комитеты и комиссии с участием местных властей, духовенства, общественных организаций. Вопросы подготовки к юбилею обсуждались и решения по ним принимались также на дворянских съездах, земских собраниях, в городских думах. Директивные указания о порядке празднования шли по линии отдельных министерств и ведомств, например, от Министерства народного просвещения через директоров и инспекторов народных училищ руководителям учебных заведений.

Несомненно, учитывался опыт проведения недавних юбилейных торжеств по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г. Этим во многом объясняется сравнительно поздняя активизация деятельности местных властей и общества по подготовке празднования 300-летия династии Романовых. Все и так хорошо представляли порядок действий, формы торжеств, программу религиозных, военных, гражданских и культурных мероприятий. Некоторая задержка с подготовкой юбилея объяснялась и другими причинами: выборами в IV Государственную думу, Балканской войной, болезнью наследника престола. Тех горожан, кого занимала не политика, а местные проблемы, тогда особенно волновали громкие споры, шедшие в Самаре, вокруг прокладки канализации и устройства трамвая.

К началу 1913 г. было достигнуто соглашение по протокольным вопросам между двумя основными ведомствами, отвечавшими за юбилей, министерствами внутренних дел и императорского двора. В частности, были определены состав и численность губернских делегаций на торжества в Петербурге от дворянства, земства, городских самоуправлений, волостных старшин, общественных организаций. Именно обсуждение посылки делегаций на столичные мероприятия привело к созыву 4 января первого совещания у самарского губернатора Н. В. Протасьева по юбилейным делам⁸.

На 18 января было назначено еще одно совещание под его председательством. Оно состоялось как «заседание комиссии по разработке программы празднования 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых» и прошло в расширенном составе. На совещание были приглашены чиновники, губернский и уездные предводители дворянства, председатели земских управ, представители горожан, духовенства, учительства⁹.

Внимание к деятелям образования не было случайным. Как и на 100-летию Отечественной войны 1812 г., значительное внимание уделялось молодежи, прежде всего ее организованной части – учащимся¹⁰.

21 января в Самаре состоялось совещание заведующих городскими приходскими школами по вопросу о праздновании юбилея Дома Романовых, где была выработана его программа для народных училищ. Совещание сочло также необходимым организовать с 25 января 3–4 раза в неделю в Пушкинском народном доме исторические чтения для учащихся¹¹.

чтобы заручиться их поддержкой, приходилось с ними выпивать, даже будучи приверженным к трезвому образу жизни².

Министр внутренних дел Д. А. Толстой в 1885 году особенно выделял Костромскую губернию как одну из неблагополучных в плане народной трезвости, причем отметил, что мероприятия светской власти по борьбе с пьянством не встречают поддержки от духовенства, которое зачастую само и является дурным примером для прихожан³. Такое положение дел требовало активных действий со стороны епархиального начальства. Начиная с 90-х годов XIX века в епархии стали открываться общества трезвости, в основном при приходских церквях. Причем священники и благочинные сами писали рапорта на имя преосвященного Виссариона, а от консистории только требовалось выполнить необходимую «бумажную» работу. Так было, например, в 1897 году, когда священник Николаевской церкви в Кинешемском уезде Павел Белоруков обратил с рапортом о создании общества трезвости, «...заметив в своих прихожанах приверженность к водке и желая ослабить этот порок... приглашал их составить общество трезвости». Прихожане вняли просьбам и организовали общество трезвости из 15 человек. Прощение было доставлено в консисторию, которая не усмотрела препятствия к учреждению в приходе общества трезвости⁴.

Другим примером служит рапорт священника Преображенской церкви 3 Нерехтского благочинного округа Михаила Спасского, в котором священник сообщил, что в его приходе уже давно существует секта хлыстов, в числе нравственных требований которых первое место всегда занимала безусловная трезвость. Поэтому они вызывали уважение у православных, которых могли увлечь в лжеучение. Для противодействия сектантам Михаил Спасский и обратился с рапортом в консисторию, которая, рассмотрев прошение, запросила представить проект устава, а затем и учредила общество⁵.

А в 1906 году была образована Епархиальная комиссия народной трезвости с целью регулирования действий обществ трезвости, учреждения новых, а также чтобы результаты деятельности этих обществ были внесены в годовой отчет по епархии. Председателем был назначен благочинный протоиерей Андроников, а делопроизводителем – член Костромской духовной консистории, протоиерей Александр Горицкий⁶. В 1909 году комиссия по народной трезвости была переименована в комитет с аналогичным названием. В 1910 году комитет давал разъяснения по вопросам, касающимся обществ трезвости, получал специальные издания и брошюры от издательских фирм, изыскивал средства для приобретения на складе при комитете трезвенной литературы. Член консистории, протоиерей А. Горицкий, составил брошюру «Поминальные обеды», которая в количестве 20 000 экземпляров была разослана за счет Федоровско-Сергиевского братства в приходы епархии для бесплатной раздачи⁷. К концу 1910 года в епархии состояло 121 приходское общество трезвости, причем 32 были открыты в течение указанного года. В обществах трезвости состояло 8 410 человек⁸.

Во второй половине XIX – начале XX века в Костромской епархии появляется несколько церковно-общественных союзов, именуемыми православными

придать городу парадный вид. Готовы – это значит возродить памятник на Сусанинской площади. Готовы – это и знать основное о воцарении дома Романовых и о его представителях. Эти беседы и эта книга – маленький вклад в подготовку к исторической дате. Книга написана простым, живым языком, адаптированным к восприятию воспитанниками разнообразной исторической и нравственно-духовной информации. Книга была презентована на торжественном юбилее, посвященном 10-летию Романовского реабилитационного центра инвалидов Костромской области и вызвала там значительный интерес. Планируется ее вручение великой княгине Марии Владимировне, главе Российского императорского дома с 1992 г., которая собирается приехать на празднование 400-летия дома Романовых в Кострому.

П. А. Комиссаров
г. Кострома

КОСТРОМСКАЯ ДУХОВНАЯ КОНСИСТОРИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С началом Великих реформ в общественной и духовной жизни Российской империи произошли серьезные изменения. Духовенство стало активным участником общественной жизни, появляется ряд газет и журналов как на общегосударственном, так и на епархиальном уровне. Открываются православные братства и общества, оживляется миссионерская деятельность. С приходом к власти обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева в 1880 году, контроль за деятельностью духовенства возрастает, однако Победоносцев по-прежнему требовал от духовных лиц, прежде всего епископов, активной деятельности. Следствием этого явилась возросшая роль Костромской духовной консистории – своего рода епархиальной администрации – на общественную жизнь.

Согласно отчетам преосвященных, во второй половине XIX века главным пороком населения Костромской епархии была нетрезвость¹. Приходское духовенство, особенно на селе, должно было быть примером благочестия и нравственности для своей паствы. На практике это если и имело место, то далеко не везде. Во взаимоотношениях священников с причтом церкви, с одной стороны, и с мирянами – с другой, было немало противоречий. Бедность, особенно в сельских приходах, нередко ставила приходских священников в зависимость от прихожан, в первую очередь церковных старост. В таких ситуациях пастырь уже не мог быть примером для подражания, а, наоборот, вынужден был подчиняться воле паствы. Подтверждение этому мы находим в воспоминаниях сельского священника Саратовской губернии Александра Ивановича Розанова. Автор повествует о том, как он закончил духовную семинарию, приехал на село и как нелегко ему было найти общий язык с сельскими жителями, в частности,

Образовательные учреждения более высокого уровня проводили свои мероприятия самостоятельно. Так, педагогический совет Самарского учительского института – среднего специального учебного заведения по подготовке учителей городских школ – наметил программу из 3 пунктов: 1) 20 февраля – торжественное всенощное бдение и панихида по всем почившим членам царствующего дома; 2) 21 февраля – участие в торжественном богослужении, молебне и, возможно, в крестном ходе; 3) после религиозной части праздника был запланирован торжественный акт в институте, музыкальный вечер и танцы. Программа была утверждена попечителем Казанского учебного округа, который разрешил ее профинансировать скромной суммой в размере 150 рублей. Она отличалась от праздника 26 августа 1912 г. меньшим участием воспитанников в общегородских торжествах из-за зимнего времени. Не было молебна на площади, а в соборную церковь, вмещавшую 4 тыс. человек, власти выдавали билеты-пропуска, отдавая средним мужским и женским заведениям города, включая учительский институт, по 10 мест для «депутации» от каждого¹².

Первое торжественное мероприятие в рамках юбилея прошло в Самаре именно по школьному ведомству. 31 января был устроен юбилейный утренник для ряда приходских мужских, женских и смешанных училищ. Собралось до 700 детей, причем участвовало в пении и декламации более 100 девочек и мальчиков. Мероприятие началось пением гимна «Боже, царя храни!». Затем был прочитан очерк царствования Дома Романовых, который сопровождался «туманными картинками» – диапозитивами, а также музыкальными, литературными, театральными номерами, общее число которых составило 27. Весь утренник с антрактом продолжался 3 часа¹³.

В сельские школы инспекцией народных училищ были разосланы не только готовые программы праздника, но и весь необходимый материал. Учителям и учительницам оставалось только выбрать детей и разучить с ними этот материал. Уже с 16 февраля дети освобождались от классных занятий, и все их внимание отдавалось подготовке к юбилею¹⁴. Особо пристальное внимание деревенским школам уделялось не случайно. В отличие от городов, школы в сельской местности, наряду с храмами, являлись, как правило, единственными центрами культуры и юбилейных торжеств.

В городе, конечно, особенно губернском, перечень юбилейных мероприятий и мест их проведения был более обширным¹⁵. Наряду с богослужениями и парадом, 21 февраля в Самаре состоялось торжественное заседание городской думы, а 21–22 февраля в Пушкинском народном прошли бесплатные юбилейные народные чтения по обширной программе: 1) очерк о Смутном времени, который иллюстрировался световыми картинками, декламацией и отдельными сценами из драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина; 2) хоровые номера; 3) любительская театральная историческая картина «Костромские леса» с отрывками из оперы «Жизнь за царя».

Кроме мероприятий в учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения, земству и городу, торжественные акты и вечера прошли в частных образовательных учреждениях. Так, в торговой школе и на

бухгалтерских курсах М. К. Миронова 21 февраля собралось до 700 человек учеников, курсантов и их родителей. Сам организатор школы и курсов прочитал реферат по основным событиям истории Дома Романовых, после выступил хор, отдельные ученицы пели сольные номера и играли на фортепиано, а ученики в спортивных костюмах выполняли гимнастические упражнения, после концерта состоялись танцы.

Несмотря на зимний день, центральная часть города была заполнена гуляющими. Утром и днем их привлекли торжественное богослужение и парад, а вечером – праздничная иллюминация, особенно богатых домов и банков, присутственных мест и общественных организаций, культурно-просветительских и образовательных учреждений, в украшении которых были использованы электрические гирлянды. Движение по центральной Дворянской улице пришлось даже на время закрыть, поскольку ее перекрывали толпы, собиравшиеся у наиболее эффектно оформленных зданий.

Из губернской тюрьмы было освобождено 102 человек, попавших под амнистию. Для остальных заключенных были отменены все работы и дисциплинарные наказания, предоставлено улучшенное питание. Кроме того, по случаю юбилея самарский полицеймейстер снял взыскания с полицейских чинов, легковых и ломовых извозчиков, оштрафованных до 21 февраля. Военнослужащим гарнизона были устроены спектакль в театре-цирке «Олимп» и юбилейные чтения в расположении воинских частей.

Для 5 000 бедняков Самары за счет города 21 февраля были организованы бесплатные обеды в нескольких народных столовых в разных точках города. Обед состоял из двух блюд: щей со 100 г мяса и каши с подсолнечным маслом, и каждому выдавалось по 400 г черного и белого хлеба. Расходы на питание одного человека составили около 20 копеек, а потому городская дума выделила 1000 рублей. Распределение контрамарок на обеды проводилось органами местного самоуправления в течение нескольких дней до праздника, получить же пищу можно было с утра до 5 часов вечера.

Все же последовательный монархический характер праздника импонировал не всем. В развернутый отчет о праздничном дне 21 февраля либеральная самарская газета «Волжское слово» поместила сообщение об аресте своего редактора и издателя В. В. Ветрова. Поводом к нему послужило то, что в праздничном номере газеты, наряду с обильными официальными материалами и праздничными сообщениями, была помещена хроника «политических событий и крупнейших фактов за 300 лет». В их числе упоминались революционные выступления 1905–1907 гг., еврейские погромы и убийства депутатов Государственной думы, арест социал-демократической фракции и роспуск Думы в 1907 г., Ленский расстрел и «подъем экономической забастовочной войны» [так в газете. – Л. А.] в 1912 г.¹⁶ Однако большинство местных газет, включая праволиберальный октябристский «Голос Самары», не позволяли заподозрить себя в нелояльности, целиком поддерживали официальную направленность торжеств.

Этим торжествам нельзя было отказать в зрелищности и эффективности воздействия на значительную часть населения в плане исторического просвещения,

Д. А. Волков

г. Кострома

КОСТРОМА – КОЛЫБЕЛЬ ДОМА РОМАНОВЫХ: ИЗ ОПЫТА НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ РОМАНОВСКОГО РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Уже более восьми лет я работаю методистом в Романовском реабилитационном центре инвалидов Костромской области. Учреждение очень хорошо зарекомендовало себя в регионе, ежегодно его специалистами реализуются инновационные проекты. Главной задачей в работе они ставят интеграцию лиц с инвалидностью в общество, в связи с чем проводят инклюзивные мероприятия и решают вопросы жизнеустройства инвалидов. В мои функции входит разработка и проведение мероприятий, направленных на нравственно-патриотическое воспитание детей и молодежи с ограниченными возможностями. Вот некоторые из этих мероприятий: «4 ноября – День национальной независимости. Иван Сусанин – патриот земли Русской»; «Александр Невский – патриот земли Русской»; «Славные герои земли Костромской: Юрий Смирнов. Их именами названы улицы города: герои-костромичи»; «Патриот земли Русской – А. В. Суворов»; «900 дней мужества и стойкости. К 65-летию снятия блокады с Ленинграда»; «Поклонимся великим тем годам... О героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны»; «Этот день мы приближали как могли. Этот день Победы» и др.

В рамках проекта «Православные символы Костромского края» были проведены беседы о Богоявленско-Анастасиинском кафедральном соборе г. Костромы, о Свято-Троицком Ипатьевском мужском монастыре г. Костромы, о Чудотворной Феодоровской иконе Божьей Матери и др.

Мероприятия проводились социальными педагогами Романовского реабилитационного центра инвалидов в Нее, Нерехте, Костроме. По всем мероприятиям предоставлялись развернутые конспекты выступлений как педагогов, так и детей, предлагались различные формы их проведения (встречи с ветеранами, конкурсы рисунков, конкурсы чтецов стихов, творческие работы).

Два проекта – «Православные символы Костромского края» и «Я вижу Божий Мир. Энциклопедия русской иконы» – финансируются грантами Православного центра им. Серафима Соровского.

Последним мероприятием, проведенным мною совместно с моей мамой, заслуженным учителем России Ниной Владимировной Волковой, была разработка тринадцати бесед с воспитанниками реабилитационного центра под названием «Кострома – колыбель династии Романовых». Затем эти беседы были опубликованы отдельной книгой. В предисловии к ней мы написали, что в 2013 году Россия и весь цивилизованный мир будут отмечать 400-летие дома Романовых. В Кострому на эту дату буквально нахлынут туристы (и российские, и зарубежные). Костромичи должны быть готовы к этому. Готовы – это значит

ему какой-то ордер (приказ) на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увели по Торговой улице по направлению к Обвинской...»⁹. Как видим, долгое время судьба Михаила Романова никого не интересовала. Газеты не писали про то, как он пребывал в Перми, про Михаила Александровича начали писать только тогда, когда он пропал, и то совсем небольшую статью.

Вскоре было дано опровержение. В газете «Трудовая коммуна» опубликована статья «Не верьте слухам»: «...слухи гуляют даже по страницам газет. Сколько дней, например, гулял слух об убийстве бывшего царя, о судьбе его семьи, и любящий всякую бросающуюся в глаза выдумку газеты размазывали этот слух на все лады, а потом выяснилось, что ничего подобного не было...»¹⁰.

Подводя итог, можно обозначить следующие проблемы в изучении данной темы: 1) газеты несут не так много информации о пребывании Михаила Романова в Перми; 2) плохая сохранность; 3) низкое качество печати не мешают при этом анализу периодической печати, который показывает огромную пропасть между народом и властью в культурной сфере развития страны. Для широких масс остаются прежние ориентиры, что и при царской власти, новая власть не хочет смириться с этим.

Примечания

¹ *Бабиченко Д.* Жизнь без царя. Особая концелярия «Дело 001». URL: <http://delo001.ru/gu/145.htm> (дата обращения: 10.01.2013).

² *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Материалы следствия. М., 2001.

³ *Мельгунов С. П.* Пермское злодеяние // Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. М.: Вече, 2005. 544 с.

⁴ См.: *Краснов В. Г.*: Четырехсотлетию Дома Романовых посвящается. М., 2011. 176 с.; *Краснов В. Г.*, Пермский крест: Михаил Романов. М., 2011; *Свалов Г. Н.*, Где расстрелян Михаил Романов. Березники, 2002; *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 240–262.

⁵ *Лыкова Л. А.* Пермь: Тайна гибели Михаила Романова. Пермь, 2010. 72 с.; *Лыкова Л. А.* Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. М., 2007.

⁶ *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М.: МГУ, 1999.

⁷ *Мясников Г. И.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова. СПб., 1995.

⁸ *Хрусталева В. М., Лыкова Л. А.* Судьба претендента на Российский престол великого князя Михаила Романова (рус.). Из книги «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы». Сайт «Музей Михаила Романова в Перми».

⁹ Трудовая коммуна. 1918. 13 июня.

¹⁰ Трудовая коммуна. 1918. 27 июня.

патриотического воспитания, благотворительных акций, культурных мероприятий и массовых развлечений. Праздник отличался неплохой организацией даже в провинциальной Самаре, не располагавшей такими средствами и возможностями, какие имели столичные или исторические города, отмеченные особым вниманием правящей династии.

Примечания

¹ Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1993; *Рубанков К. С.* Празднование 300-летия дома Романовых (1913 г.) в воспоминаниях членов династии и их приближенных // Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности». Кострома, 2009 и др.

² *Шилов А. В.* Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Прикамье и торжества в Ныробе // Чердынский край: прошлое и настоящее: материалы научных конференций. Чердынь, 2003; *Потапов В. В.* Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Короче // Летопись Белогорья. Фото, видео, заметки и статьи из прошлого. Белгород, 2012 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://belstory.ru/goroda/korotcha/prazdnovanie-300-letiya-tsarstvovaniya-doma-romanovh-v-korotche.html>; *Бажин В. В.* Празднование 300-летия дома Романовых в г. Царевококшайске // Архивы Марий Эл. Йошкар-Ола, 2013 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: arh-mari.ru/doc/vestmagi-el/2007/4..doc; *Козлов Ф. Н.* Празднование 300-летия дома Романовых в учебных заведениях Чувашского края // Государственный исторический архив Чувашской Республики. Чебоксары, 2013 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.gia.archives21.ru/text/2013_03_13.doc и др.

³ Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год / под ред. П. Н. Жуковича. СПб., 1913.

⁴ Волжское слово. 1913. 31 янв. № 26.

⁵ Высочайше утвержденный церемониал торжественного празднования 300-летия царствования дома Романовых 21-го февр. 1913 года. СПб., 1913. С. 1.

⁶ Правительственный вестник. 1913. 17 февр. № 40. С. 1.

⁷ Правительственный вестник. 1913. 21 февр. № 43. С. 1–3.

⁸ Волжское слово. 1913. 9 янв. № 7.

⁹ Голос Самары. 1913. 20 янв. № 17.

¹⁰ *Артамонова Л. М.* «Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества»: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте // Самарский земский сборник. 2012. № 1.

¹¹ Волжское слово. 1913. 23 янв. № 19.

¹² ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 35. Л. 20, 27–28.

¹³ Волжское слово. 1913. 1 февр. № 27.

¹⁴ Волжское слово. 1913. 5 февр. № 29.

¹⁵ Здесь и далее: Волжское слово. 1913. 26 февр. № 44.

¹⁶ Волжское слово. 1913. 21 февр. № 43.

Н. А. Качур

г. Омск

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

В преддверии 400-летия династии Романовых мы невольно задаемся вопросом о роли того или иного государя в судьбе российских земель. Особое место в династии Романовых занимает Екатерина II. Немецкая принцесса, прибывшая в Российскую империю в 1744 г., «скоро полюбила Русский народ и его обычаи и стала такою Русскою, что и многим природным Русским можно было бы от нея поучиться»¹. Екатерину многие исследователи признают русской «по духу»², не забывая ее немецкие корни и обращая внимание на ментальные особенности, характерные данной нации³. Опуская подробности ее происхождения, следует признать, что Великая императрица оставила заметный след в русской истории. Мнения и оценки ее царствования настолько полярны в научном сообществе, что сложно принять ту или иную версию. Для нас важен факт, что императрица живет в народной памяти с момента своего правления до наших дней. Память о Екатерине периодически актуализируется и обретает новые смыслы. Какой она представлялась потомкам? Существует ли разница между тем образом императрицы, который сложился в императорской России, в советской России и в современной России? В ближайшее время эта проблематика выходит на первый план. Данная статья посвящена образу Екатерины накануне и во время 300-летнего юбилея династии. Однако, чтобы приступить к рассмотрению образа в указанный период, отметим некоторые общие положения предстоящего исследования, озвучим тему, значимость ее изучения, основные подходы.

В перспективе предполагается выявить «актуальность» воспоминаний или «актуальность» формирования, динамики, свойств образа Екатерины II в течение 135 лет (1873–2008). Для этого необходимо определиться с основными понятиями: «культурная память», «места памяти», «образ», «память информативная», «память креативная». Учитывая эволюцию содержания перечисленных понятий, обозначим некоторые акценты, важные для нашего исследования, и первое, к чему мы обратимся, есть «культурная память».

Необходимо отметить, что «современную историческую науку отличает интерес к проблемам исторической памяти»⁴. Школы исследователей исторической (культурной) памяти сложились к концу XX в. в зарубежной историографии. «Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, все они имеют важную общую характеристику – главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нем, тот образ, который запечатлился у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался проверке и коррекции с помощью методов исторической критики»⁵. В России сравнительно недавно ученые обратились к теме «историческая память». Крупнейшие работы,

станутся темы, которые замалчивались в советское время. В широкий научный оборот были введены новые источники, которые позволили по-новому взглянуть на устоявшиеся проблемы. Жизнь и смерть Михаила Романова снова становится востребованной темой. Выходит целый ряд работ, в которых проблема рассматривается с новых сторон⁴.

Наиболее значимый вклад в разработку данной проблемы внесла Л. А. Лыкова⁵. В своей монографии автор впервые делает попытку комплексного анализа имеющихся источников. При этом не был использован весь исследовательский потенциал периодической печати.

В условиях революции были сняты все запреты. Полная политическая свобода привела к появлению множества разнообразных газет, например: «Свободный путь», «Искра», «Голос кунгурского совета крестьянских рабочих и солдатских депутатов», «Известия Пермского Губисполкома», «Трудовая коммуна» и другие. Главная тема газет – это политическая жизнь. Старому укладу здесь уже не было места. На первый план выходят газетные жанры, компактные по объему, насыщенные злободневной информацией⁶. В условиях революции корреспондентам газет не интересна тема царской семьи, пишут про общую ситуацию в стране с акцентом на призыв в армию.

В кризисных условиях издавалось множество разнообразных газет, но многие из них балансировали на грани закрытия. Не выдерживали конкуренции других изданий, либо не хватало средств для выпуска изданий, часто не хватало квалифицированных специалистов. Дефицит бумаги, нехватка техники часто приводили к нерегулярному выпуску газет, это осложняет работу современных исследований.

Основным источником информации является личный дневник Михаила Романова и воспоминания его убийц⁷. Строго говоря, сведениям из газет исследователи не придавали особого значения, так как информация в газетах не передавала полноту картины происшедшего. Это вызвано тем, что власть была обеспокоена ситуацией, стремясь не допустить народных волнений. Упоминание о побеге Михаила Александровича одновременно с информацией о Николае II должно было заставить читателей провести параллели и задуматься о возможном побеге и бывшего царя⁸. Одна из главных проблем – это малое количество достоверной информации. Зато привлечение периодической печати позволяет достоверно отследить смену культурных ориентиров в обществе. Советская власть старалась отгородиться от царского прошлого, поэтому не допускала публикаций о бывших царях, в том числе и о Михаиле Романове. В то же время для народа тема царской семьи оставалась важной. Пермьков волновала судьба Михаила Александровича. Как отражение общей ситуации появляется статья «К истории наших дней. Похищение Михаила Романова» в журнале «Трудовая коммуна»: «В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера в Перми, где проживал бывший великий князь Михаил Александрович Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили

И. В. Звягина

г. Пермь

МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О МИХАИЛЕ РОМАНОВЕ В ПЕРМИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В этом году исполняется 400 лет с момента воцарения династии Романовых в России. И хотя Российская Федерация не является больше монархией, эти события по-прежнему вызывают большой интерес. В последние несколько лет средства массовой информации активно публикуют статьи, посвященные подготовке юбилейных торжеств. За право проведения этих мероприятий боролись регионы России, непосредственно связанные с династией Романовых (Кострома, Нижний Новгород, Санкт-Петербург)¹. В этих городах организованы специальные фонды по организации празднования четырехсотлетнего юбилея. Например, в Костроме действует «Фонд Российской государственности и 400-летия династии Романовых». Как итог, по всей стране запланированы юбилейные мероприятия (Романовские фестивали, научные форумы и т. д.).

Среди них особое место занимает проведение тематических конференций, посвященных изучению проблем, связанных с деятельностью правителей династии Романовых. Данные мероприятия имеют высокое научное значение. Несмотря на пристальный интерес ученых-историков, краеведов, политологов, культурологов, философов к трехвековому периоду правления династии, до сих пор остается масса нераскрытых вопросов. Среди прочих не последнее место сегодня занимает проблема изучения пребывания Михаила Романова в Перми в 1918 г. Взгляд историков приковывает прежде всего тайна гибели Михаила Романова и его секретаря Н. Н. Джонсона.

Изучение обстоятельств убийства Михаила Романова началось практически сразу. 24 декабря 1918 г. Пермь была занята частями адмирала Колчака. Сразу же для проведения следственных мероприятий был назначен Н. А. Соколов, который к тому моменту уже занимался расследованием расстрела царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. Результаты расследования были опубликованы в мемуарах следователя². Основное внимание автор уделяет расследованию убийства Николая и его семьи. Лишь небольшое внимание автор уделяет убийству Михаила Александровича, о самом пребывании в Перми не сказано ничего.

Исследования советского периода по данной проблеме оказались сильно подвержены политической конъюнктуре. Негативное отношение к царской власти сделало проблему непопулярной, немногие историки лишь поверхностно рассматривали судьбу Михаила Романова. К его убийству относились как к местной инициативе пермских рабочих³. Одна и та же информация кочевала из работы в работу.

Новый этап изучения проблемы возникает с образованием демократического государства. Для историков открываются новые горизонты. Актуальными

служащие для нас методологическим ориентиром, написаны Ф. Б. Шенком, Л. П. Репиной, И. М. Савельевой, А. В. Полетаевым и др.

В труде Ф. Б. Шенка используется понятие «место памяти». Для него «местом памяти» выступает историческая личность (Александр Невский). Одновременно он указывает на объяснение данного термина Пьером Нора. Для «мест памяти» характерно наличие относительно стабильного «материального» ядра, переменчивого символического значения и функциональной задачи вызывать воспоминания. Далее видим, что Пьер Нора относил к «местам памяти» не только историческую личность, но и эмблемы, памятники и здания, институции и девизы⁶. Синонимичные термины встречаем в работе Л. П. Репиной, рассматривающей концепцию Яна Ассмана⁷. «Места памяти» Ф. Б. Шенка – «пункты фиксации» или «объективированные формы» культурной памяти Я. Ассмана. «Пунктами фиксации» являются тексты, изображения, монументальные постройки. Ф. Б. Шенк упоминает тексты не как «место памяти», но как источниковую базу своего исследования, относя к источникам также изображения (иконы и т. д.), пропагандистский плакат времен Великой Отечественной войны.

В труде И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «историческая память» представляет собой опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти⁸. По мнению Я. Ассмана, «культурная память отличается как от науки, так и от коммуникативной памяти, базирующейся на обыденном опыте индивидов и групп»⁹. Мы в своем исследовании примем определение Л. П. Репиной. «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»¹⁰. В качестве «места памяти» пока предполагается по возможности охватить тексты, где представлен образ императрицы.

Категория «образ» актуализируется в последнее десятилетие и транслируется на различные сферы жизни социума¹¹. Термин заимствован исторической наукой из искусствоведения и литературоведения. Введенный В. Г. Белинским в русскую литературу в статье о Фонвизине и Загоскине (1838) и позднее в статье «Идея искусства» (1841), он означал «своеобразную форму отражения жизни, которая присуща искусству как особой идеологии, «художественно осваивающей мир» (К. Маркс)». С точки зрения марксизма-ленинизма, «образ – такая форма классового отражения действительности, которая, во-первых, отражает общественные отношения через показ человека в его связи с обществом и природой; во-вторых, отражает эти отношения обобщенно, типизируя, что, в частности, приводит к художественному вымыслу; в-третьих, дает это обобщенное отражение общественных отношений в чувственных очертаниях, индивидуализировано»¹². Итак, «образ» наделяется тремя основными

признаками: индивидуализацией, типизацией и художественным вымыслом. Одновременно «образ» наделяется «историчностью», является одной из исторических условных форм отражения жизни.

Сравнительно недавно категория «образ» закрепились в исторической науке. Наряду с тем, что мы встречаем работы об образе исторической науки, образе города¹³, образе государственного служения, образе России, образе декабриста, известны исследования и образов русских императоров династии Романовых. Так, А. А. Турыгин обращается к образу Николая II, П. А. Ремнев и Т. А. Сабурова – к образу Александра I. Сегодня «образ» соотносится не только с общественными явлениями и процессами, но и с человеком (антропологизация наук об обществе и о политике, мощное воздействие «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма¹⁴). К образу человека имперской эпохи также обращаются исследователи. Здесь для нас принципиальное значение имеет понимание учеными сущности понятия «образ» в контексте своих исследований. Под «образом декабриста», к примеру, «понимается совокупность мыслительных конструкций, в которых различными способами запечатлены актуальные для определенной социальной или политической группы характерные черты участников декабристского движения. Образ декабриста – собирательный, включающий в себя как научные, так и обыденные, как коллективные, так и индивидуальные представления, оценочные суждения»¹⁵. «Образ императора» конструируется исследователями на основе представлений современников о нем¹⁶. Отметим факт наличия работ, где представлен образ Екатерины II¹⁷. Данные работы также основываются на представлениях современников эпохи и в основе своей располагают источниками личного происхождения. Однако ученые берут во внимание не только текст как «место памяти», но и литературные произведения, живопись современников и потомков.

Несмотря на наличие специальной библиографии¹⁸, посвященной Екатерине II, трудов с объектом исследования «образ Екатерины II, сложившийся у потомков в конце XIX – начале XXI в.», не встречается. Предпримем попытку рассмотреть образ Екатерины II в российской культурной памяти в упомянутое выше время, взяв за основу корпус текстов как одно из «мест памяти» о ней. Здесь мы опираемся на положение Ю. М. Лотмана: «общая для пространства данной культуры память обеспечивается наличием некоторых константных текстов или единством кодов, или их инвариантностью, или непрерывностью и закономерным характером их трансформации». Если отождествить память с хранением текстов, то можно выделить память информативную и память креативную (творческую). Информативная память подразумевает итоги познавательной деятельности. Память этого рода имеет плоскостной вид, расположенный в одном временном измерении, и подчинена закону хронологии. Она развивается в том же направлении, что и течение времени. Творческая память – память искусства. Здесь активной оказывается потенциально вся толща текстов. Актуализация тех или иных текстов подчиняется сложным законам общего культурного движения и не может быть сведена к формуле «самый новый – самый ценный». Данный вид памяти имеет синусоидный характер – наиболее простой вид смены культурного

Поляков занимал эту должность с 1913 по 1917 г.)⁸. Государь остался «отменно доволен» состоянием войск и объявил приказом от 20 мая благоволение начальствующим лицам, а нижним чинам пожаловал по 5 руб. имеющим знаки отличия Военного Ордена, по 3 руб. имеющим шевроны и всем прочим – по 1 руб. Также царская семья посетила юбилейную земскую выставку. Интересно отметить, что сотрудник редакции газеты «Костромская жизнь» Виктор Алексеевич Копытов (псевдоним Коптев), получивший билет на открытие этой выставки, по происхождению был казаком Царицынской станицы Астраханского казачьего войска⁹.

В тот же день царский пароход покинул Кострому. Перед отъездом Анастасия Михайловна сфотографировала терскую сотню, еще раз побеседовав с А. Г. Рыбальченко. Но сами казаки уехали не сразу. 25 мая офицеры устроили банкет в гостинице «Кострома», сопровождавшийся игрой хора трубачей и песенниками. Утром 27 мая сотня убыла в Москву, а 20 июня она уже направлялась из Грозного к месту службы – в Персию.

Таким образом, в торжествах 1913 г. в Костроме приняли участие воинские части терских и кубанских казаков – Собственный Его Императорского Величества Конвой и сводная 5-я сотня 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска. Также в Костроме присутствовал предводитель дворянства Донской области и, по крайней мере, один уроженец Астраханского казачьего войска. Не исключено, что в Костроме в то время проживали представители и других казачьих войск страны. Прибытие в Кострому кавказских казаков вызвало неподдельный интерес со стороны костромичей, которые благодаря этому, хотя бы отчасти, познакомились с песенно-танцевальной культурой казачества. Казаки Кизляро-Гребенского полка приняли активное участие, наравне с другими воинскими частями, во всех мероприятиях юбилейных торжеств, за что были отмечены благодарностью, а их командиры были удостоены беседами с представителями царской семьи – с самим Николаем II и великой княгиней Анастасией Михайловной.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об – 28.

² Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С. 230–231.

³ ГАКО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

⁴ Эсадзе Б. С. Памятка Гребенца. Очерк многовековой доблестной службы Престолу и Отечеству 1-го Кизляро-Гребенского Генерала Ермолова полка Терского казачьего войска и участие 5-й сотни полка в юбилейном торжестве 300-летнего царствования Дома Романовых в г. Костроме. М., 1913. 224 с. С. 144.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Клейн Э. Г. Из истории военной музыки на костромской земле. URL: <http://cosmograph.ru/muzyka-2498/> (дата обращения: 12.02.2013).

⁸ ГАКО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

⁹ ГАКО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 29. Л. 41.

Н. С. Панков, И. Л. Бирюков, Х. К. Нероев, Г. Ф. Андрюнькин, младшие урядники И. А. Лукьянцев и И. А. Борщ и штаб-трубач Н. Х. Коротный. Как отмечал Б. С. Эсадзе, «их бивак сразу стал привлекать массу любопытных, стекавшихся отовсюду посмотреть на невиданных дотоле казаков, у которых, как и на Кавказе, музыка, пение и танцы сменяли конные учения, джигитовку и др. служебные занятия. Но гребенцы не стали терять свободное время на одни развлечения, а партиями, при офицерах, отправлялись осматривать святыни и достопримечательности города... Около Ипатьевского монастыря гребенцы встретили братьев-казаков, чинов Собственного Его Величества конвоя, которые, в числе 20 человек при 3-х офицерах, приехали в Кострому для занятия караула у Царских покоев и охраны Государя...»⁶. Здесь мы видим противоречие с ранее упоминавшейся численностью прибывших конвойцев – 191 нижний чин, да и офицеров, как упоминалось, в Кострому прибыло не три, а тринадцать. Скорее всего, в данном случае Б. С. Эсадзе ошибся, так как он писал не историю Конвоя и данную информацию мог просто не перепроверить. Возможно, что гребенцам встретились именно 20 казаков с тремя офицерами.

19 мая Эриванский и Пултусский полки и терская сотня были выстроены вдоль дороги от пристани в Ипатьевский монастырь. Казаки находились непосредственно у его стен, так что Николай II, выйдя из экипажа, обратился к ним: «Здорово, гребенцы!» На обратном пути царской семьи сотня ее конвоировала, и А. Г. Рыбальченко следовал верхом у коляски, в которой сидел император. Николай II отнесся к нему очень внимательно, интересуясь, как сотня разместилась в Костроме, не болеют ли люди, как влияет на казаков климат Персии. После прибытия к пристани был оставлен хор трубачей, которому было разрешено играть во время высочайшего завтрака. А командир полка, командир сотни и полковой адъютант были приглашены командиром Конвоя к завтраку на свитский пароход. Э. Г. Клейн в своей работе упоминает, что казаки «исполнили несколько маршей, а также «Индийскую зарю» Кристмана, увертюру «Царица лесов» Иванова, серенаду «Вздохи сердца» Сара, попури из оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки»⁷. Что касается маршей, то это были марш-привет Собственному Его Величества конвою капельмейстера Томсона, его же марш «Весна идет», торжественный марш с фанфарами Вронского, и «Отголоски Гребня» Ипполитова.

После завтрака Николай II принял полковую депутацию казаков, во время этого приема казаки поднесли наследнику, как своему атаману, шашку. Государь побеседовал с А. Г. Рыбальченко, И. Ф. Шаликовым и А. Г. Астаховым. А. Г. Рыбальченко присутствовал и на рауте в Дворянском собрании, где его удостоила беседой великая княгиня Анастасия Михайловна, бывшая шефом 1-го Хоперского полка Кубанского войска, в котором он ранее служил.

20 мая, как уже упоминалось, казаки вместе с другими войсками приняли участие в параде после закладки памятника 300-летию дома Романовых. Отметим, что в этой церемонии участвовал Н. И. Поляков, в области войска Донского предводитель дворянства (коллегский советник Николай Иванович

«забывания» и «припоминания»¹⁹. Предполагаемая работа будет включать в себя два вида памяти. то есть итоги как познавательной, так и творческой деятельности. Однако не будут приниматься на рассмотрение те тексты, которые не заключают в себе оценочные суждения, ведь аксиологичность – одно из свойств культурной памяти²⁰. В тексте, кроме того, должно быть обобщение заложенной в нем идеи, но если такого обобщения нет, то оно будет делаться нами при условии наличия развернутого повествования. «Значение образа не заключено лишь в нем самом, оно неразрывно связано с его окружением, с контекстом в произведении»²¹. Таким образом, надписи, слова, несущие в себе констатацию факта, приниматься нами в расчет не будут, к примеру запись на памятнике Э. Фальконе «Петру I Екатерина II», и т. п.

Как отмечает известный ученый, писатель, переводчик, Бронислав Виноградский, «история живет в образах. Умение сохранять образ прошлого в сознании каждого из представителей страны определяет жизнестойкость народа, его силу, его будущее. Страну нужно видеть и понимать в образах, и если основных образов нет, нужно их создать»²².

Представим некоторые результаты исследовательского поиска. Чуть более 100 лет назад о Екатерине в юбилейные дни писали немного. Лишь некоторые издания, посвященные дому Романовых, содержат характеристики Екатерины.

В книге «Россия под скипетром Романовых. 1613–1913»²³, например, Екатерина представлена как последовательница Петра Великого. Подобно Петру, за свой ум и государственные способности, она заслужила имя «Великой». «Великая» Екатерина не только потому, что продолжила дела Петра I, но и потому, что сумела сделаться русской по духу, снискала общую любовь и ласковое прозвание «матушка-императрица». В этой работе императрица изображена убежденной противницей крепостного права, но освободить всех крестьян от крепостной зависимости она не могла, во-первых, потому, что не встретила себе сочувствие среди многих своих приближенных, а во-вторых, потому, что взгляды самой императрицы изменились после пугачевского бунта. Далее говорится о том, что при Екатерине большое развитие получило просвещение, в сравнении с правлением Елизаветы. Екатерина, будучи сама женщиной широко образованной, считала первым своим делом распространение просвещения среди своего народа. В таком же пафосном духе продолжается повествование. Она – покровительница русских писателей. Во время войны с Турцией показана ее мужественность, смелость и вера в силу своего народа. Она милостивая и грозная победительница, окруженная блестящей свитой. Императрица предстает перед нами идеальной и безукоризненной. Следующий коллективный труд, изданный к 300-летию Дома Романовых²⁴, – «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Здесь мы видим не только образ императрицы в статье В. В. Каллаша, но можем говорить и об образе всего ее царствования. Образ Екатерины, данный Каллашом, включает в себя внешние и внутренние качества, деятельностные аспекты жизни правительницы. С первых страниц Екатерина – бедная ангальт-цербская принцесса, чудесно превратившаяся в русскую великую княгиню, гонимая жена, ставшая «повелительницей полмира». Екатерина – «творимая легенда», сохранившая свою

свежесть в общем сознании и до сих пор. «Идеализация была тем больше и законнее, что в самых свойствах Екатерины для нея слишком много было данных».

Вскоре, однако, В. Каллаш меняет свои взгляды в отношении задуманных ею дел и исполнением их. Екатерина ничего не доводила до конца: «... предприятие, от которого была получена своя доля приятно щекочущаго «мглистого фи-миама» восторгов и лести, забрасывалось и часто навсегда испарялось из памяти, сменялось новыми начинаниями и планами: было взято, что нужно, а остальное постепенно разрушалось при полном равнодушии и инициатора, и его помощников. Чем больше знакомилась Екатерина с русским обществом, тем более наталкивалась она на результаты коренных жизненных противоречий и тем в большия противоречия впадала сама. Тщеславие, привычка говорили, что все обстоит благополучно, что какия-нибудь серьезные осложнения невозможны, разумок часто должен был подчеркивать разницу между словом и делом, – подготавливать материал для грустного вывода, что “много пустоты в глубочайших изысканиях и в блистающих делах, кои величавостью приготавливаются потомству к прославлению”... Победный гром часто заглушал голос разсудка...»

Как известно, Екатерина осталась в памяти еще как писательница и литератор. В. Каллаш, хотя и признает Екатерину «прабабушкой» наших сатирических журналов, но считает ее дилетантом в этом деле. Творчество императрицы – это литературное убожество. В конце своего повествования историк приходит к выводу о том, что «личность (очевидно, имелась в виду Екатерина. – Н. К.), как мы видели, далеко не всегда умела и хотела приспособиться к среде, всегда подчинялась своим особым законам, идеи часто расплывались, учреждения слабо прививались. Это не лишает, конечно, личность исторического значения – поскольку она шла в ногу с общественным движением, – поскольку были влиятельны, благовременны и полезны пропагандируемые ею идеи, – поскольку создаваемые ею учреждения были жизнеспособны, продолжали и укрепляли просветительныя традиции, в которых более всего нуждалась “темная Русь”. В отведенных размерах деятельность Екатерины имела большое значение: благо вложить хоть крупницу в общую сокровищницу народной культуры, а она вложила их больше одной. При ней, например, было упрочено среднее образование. В обиход общественной, в частности педагогической, мысли вошло несколько здравых, гуманных идей. Замечается подъем духа в обществе и литературе, который нес с собою неисчислимыя последствия. Екатерининскими учреждениями долго жила и Россия XIX в. Ее искренний интерес к прошлому новой родины оказал несомненное, хотя, по мнению современного ученого, еще не учтенное влияние на нашу историческую науку».

Итак, образ Екатерины в данном юбилейном издании двойственен. Личность Екатерины играла то положительную, то отрицательную роль, во всяком случае, приковывала к себе внимание современников и позднейших поколений.

В историко-литературном журнале «Исторический вестник»²⁵ представления перекликаются с образом Екатерины, сложившимся в предыдущих изданиях. Так, она является продолжательницей дел Петровых, она сумела при всей трудности своего положения на троне сохранить самодержавие, как его утвердил

Высочайшего пребывания в Костроме 19 и 20 мая, одним из главных торжеств была закладка памятника 300-летия Царствования Дома Романовых. На площади... были выстроены 13 Лейб-гренадерский Эриванский полк и сотня 1-го Кизляро-Гребенского полка... Эриванцы и гребенцы были командированы в Кострому, как старейшие полки Русской Армии... После Костромы Царская Семья, посетив Ярославль, отбыла в Москву... Конвой нес особенно усиленную службу, ибо, кроме наряда в Императорских поездах и сотни, командированной в Москву... специальными эшелонами отправлялись офицеры и казаки Конвоя во все места, которые Государь изволил посетить. (В командировках находились: в Ярославле... сотник А. Федюшкин, в Суздале – подьесаул Г. Рашипиль, в Костроме – подьесаул В. Савицкий и сотник М. Скворцов, во Владимире – сотник В. Зборовский)². Мы видим, что в Костроме присутствовал В. Савицкий, который не упомянут в списке лиц управления дворцового коменданта. С другой стороны, из списка следует, что А. Федюшкин и Г. Рашипиль присутствовали и в Костроме. И если у Н. В. Галушкина речь идет о сотнике В. Зборовском, то в списке назван хорунжий Зборовский. Скорее всего, речь идет об одном человеке, но странно, что в таком важном случае была допущена ошибка в чине офицера.

В состав почетного караула во время празднования юбилея дома Романовых входил не только начальник Конвоя, но и командир Кизляро-Гребенского казачьего полка А. Г. Рыбальченко³. Хотя обычно сотню его полка, прибывшую в Кострому, называют сводной, в книге Б. С. Эсадзе она названа 5-й. Противоречия в этом нет, так как сам Б. С. Эсадзе объяснил механизм формирования сотни: «Особые условия службы гребенцов в Персии не позволяли вызвать в Россию не только весь полк, но даже и какую-либо отдельную его сотню... Поэтому было решено отправить в Кострому сводную сотню... придав ей № той сотни полка, из которой будет выбрано наибольшее число людей»⁴. Интересно, что идея вызова казаков в Кострому была «инициативой снизу». Командир полка, «стремясь укрепить в гребенцах, заброшенных судьбой на далекую чужбину, связь с матерью-родиной... в сентябре 1912 г., возбудил ходатайство об отправке полка в Россию... Начальник 3-й Кавказской казачьей дивизии, генерал-лейтенант П. Л. Хелмицкий... усиленно ходатайствовал о командировке на Романовские юбилейные торжества... гребенских казаков, как потомков единственной части войск русской армии, которая принимала непосредственное участие... в избрании первого царя из Дома Романовых...»⁵. Согласие было получено, и 15 марта сотня прибыла в Грозный, а 24 апреля туда же прибыл полковой хор трубачей. В 10 часов утра 9 мая казаки вступили в Кострому. У нас есть возможность назвать имена прибывших офицеров и младших чинов. Это полковник А. Г. Рыбальченко, полковой адъютант подьесаул А. Г. Астахов, командир 5-й сотни есаул И. Ф. Шаликов, сотники В. Г. Карин и Н. П. Бирюлькин, хорунжие Б. Д. Томашевский и В. М. Старицкий; вахмистр сотни, подхорунжий Ф. П. Бугаев; взводные урядники подхорунжий И. П. Кулебякин, вахмистр А. Н. Фролов, подхорунжий В. А. Малаев, вахмистр Л. С. Палашкин, старшие урядники А. С. Юсупов,

⁶ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М.: Мол. гвардия, 2004. С. 61–65.

⁷ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27–28.

⁸ Козляков В. Н. Герои Смуты. С. 104.

⁹ Козляков В. Н. Михаил Федорович. С. 66.

¹⁰ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Козляков В. Н. Михаил Федорович. С. 90–94.

¹² Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. С. 50–54.

¹³ Чугунов Е. А., Иванцов Д. С. Романовская эпоха в трудах костромских исследователей: по страницам «Вестника КГУ им. Н. А. Некрасова» // Романовские чтения. История Российского государства и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008. С. 270–281; 400-летие династии Романовых и Костромской край // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности. Кострома, 2009. С. 335–339.

А. Г. Митров

г. Кострома

КАЗАКИ НА ЮБИЛЕЕ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОСТРОМЕ В 1913 Г.

В 1913 г. Россия праздновала юбилей династии Романовых, часть торжеств состоялась в Костроме. Какую же роль в них сыграло казачество, бывшее верной опорой трона?

Охрану государя, как обычно, составляли казаки Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Он включал 1-ю и 2-ю Кубанские и 3-ю и 4-ю Терские сотни. Командиром Конвоя в 1913 г. был генерал-майор Ю. И. Трубецкой. Правда, в Кострому прибыл не весь конвой. Согласно списку лиц управления дворцового коменданта, участвующих в охране представителей дома Романовых, конвой возглавлялся есаулом А. С. Жуковым, в его составе были подъесаулы И. А. Ветер, Г. А. Рашпиль, К. И. Панкратов, Б. Д. Макухо, Г. И. - Гулыга, А. И. Щербаков; сотники Федюшкин, Скворцов, Шведов, Белый, Шкуропатский; хорунжий Зборовский и 191 нижний чин¹. Если судить по фамилиям, в Костроме могли быть и кубанцы, и терцы. Впрочем, книга Н. В. Галушкина по истории Конвоя позволяет ответить на этот вопрос, по крайней мере, в отношении офицеров. Рашпиль, Гулыга, Скворцов, Шведов, Шкуропатский, Зборовский были кубанцами, Щербаков и Федюшкин – терцами.

19 мая 1913 г. пароход «Межень» доставил Николая II на пристань у Ипатьевского монастыря. Вот как описывал прибытие царской семьи в Кострому Н. В. Галушкин: «При входе Государя в Ипатьевский монастырь, его встретил костромской архиепископ и в монастыре, в присутствии всей Царской Семьи и лиц ее сопровождавших, был отслужен благодарственный молебен... Во время

Петр Великий, в полной неприкосновенности. Но, в отличие от Петра, «правительница выше всего поставила свое доктринерство и философию, свое личное “я”, подчинив им реальные потребности страны, ея исторический опыт, наследие старины и живую волю народа». С этой стороны, методы и характер ее управления государством отличались от таковых же Петра I. «Одно, что было у них общего и в чем Екатерина справедливо считала себя ученицей и последовательницей Петра, – это любовь к России, вечная, упорная работа на нее и сознание своей обязанности стоять на страже и службе русского народа. Екатерина, как и Петр, “Великая”. Она так же, как великий преобразователь России, в своей политике культурных мероприятий выдвигала с особенной силой именно начала просвещения. Из-под скипетров двоих “Великих” государей Россия становилась государством мирового значения, соединенным тесными узами родства, близости и общих экономических интересов с государствами, имевшими за собою многовековые культуры и поставленными в географические и климатические условия более благоприятные, нежели она. ...Эпитеты “Великие”, поднесенные им потомством, заслужены ими по тому же праву, по какому лишь немногие западно-европейские монархи его на себе носят». В данном очерке присутствует и критика. Наряду со всеми достоинствами, показаны и недостатки правления. Характер своей внутренней политике она придала специально дворянский, при ней это сословие донельзя умножилось, кристаллизовалось в своих правовых сословных интересах и стало как бы своего рода начальством над всем прочим населением империи. «Слова у нея часто расходятся с делом, а иногда с этими словами исчезает даже самое дело, почему последнее иногда и гибнет, оставляя по себе лишь красивый след в ея манифестах, в ея письмах и даже в представлении загнивших и зачарованных современников». Несмотря на критичный и противоречивый образ, данный в иллюстрированной хронике, на признание Екатерины случайной представительницей в доме Романовых, авторы склоняются к оптимистичному, даже пафосному выводу: «Таким образом, имя Екатерины горит на экране отечественной жизни яркими буквами и символизирует непрестанное движение России навстречу прогрессу и к великодержавности об руку с прочими культурными государствами».

Обобщая разные характеристики, приходим к заключению, что в специально изданной литературе к 300-летию дома Романовых, Екатерина, в целом представлена яркой государыней, достойно занимающей место в доме Романовых и оставившей заметный след в русской истории. Однако, ее образ далеко не безоблачен и светел. Здесь нет того романтизированного образа, традиционного для первой половины XIX в., где Екатерина – умная, сострадательная, добрая «матушка-императрица»²⁶. Во второй половине XIX в. возникла критическая струя в представлениях о «золотом веке» Екатерины II. В это время стали издаваться такие документы, как донесения иностранных послов при екатерининском дворе, историки получили возможность обратиться к подлинным документам эпохи, и, разумеется, после того, как в России постепенно ослабевали препоны цензуры и наступали относительно благоприятные для свободы мысли и творчества времена. Но в полной мере это могло иметь место только после

отмены цензурных ограничений, ибо еще в конце позапрошлого – начале прошлого веков эти ограничения давали о себе знать²⁷. Очевидно, что эта критическая струя к юбилею династии набрала свою силу. Забывание начатых дел, несогласование слов и проводимых мероприятий, увлечение просветительской философией и стремление проводить их в жизнь вразрез с русской действительностью, распространение и усугубление развития крепостного права – все эти и другие подобные характеристики придают ее образу негативный оттенок²⁸. Поскольку мы говорим о культурной памяти, то важно определить «актуальность» воспоминания императрицы. Конечно, Екатерина здесь «всплыла» в народной памяти, благодаря празднованию 300-летия династии Романовых. Основанием послужила юбилейная дата.

Примечания

- ¹ Настольная книга для народа. СПб., 1891. С. 123.
- ² См., напр.: Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 4, 2000.; XVIII век. 1993. Сб. 18. С. 4.; Россия под скипетром Романовых, 1613–1913. М., 1991. С. 93–94 и др.
- ³ См., напр.: Русская история с древнейших времен Покровского М. Н., при участии Никольского Н. М. Т. 3. М. 1924. С. 160; *Иванов В. И.* Русская Императрица немецкой крови // Русский Дом. 2007. № 10. С. 34–35; *Виноградов В. Н.* Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 134 и др.
- ⁴ *Сабурова Т. А.* Образ Александра I и формирование идентичности русского общества первой половины XIX в. // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию НГПУ 17–19 нояб. 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 178.
- ⁵ История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
- ⁶ *Шенк Ф. Б.* Указ. соч. С. 23.
- ⁷ История и память... / под ред. Л. П. Репиной. С. 50.
- ⁸ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Указ. соч. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 407.
- ⁹ История и память... С. 48.
- ¹⁰ Там же. С. 22–24.
- ¹¹ *Денисов Ю. П.* Образ Б. Н. Ельцина в российском публицистическом дискурсе 2000-х гг.: дис. ... канд. полит. наук. Омск, 2009. С. 3.
- ¹² Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939 [Электрон. ресурс]. Сайт «Академик»: dic.academic.ru; Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия. М., 2006 [Электрон. ресурс]. Сайт «NLIT.RU»: <http://www.nlit.ru> > o/obraz.htm, дата обращения 25.10.10.
- ¹³ См., например, близкое к нашей теме: *Сизинцева Л. И.* Екатерина II в Костроме: у истоков образа // II Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности»: материалы конф. Кострома, 2009.
- ¹⁴ *Денисов Ю. П.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁵ *Васильева Е. Б.* Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. С. 11–12.
- ¹⁶ *Турьгин А. А.* Образ царя Николая II и Российской империи в западной политической карикатуре: возможности и границы «другой политической истории» // II Романовские чтения...; *Ремнев П. А.* Трансформация образа Александра I в восприятии декабристов // Вестник Омского ун-та. 2010. № 2. С. 179–187; *Сабурова Т. А.* Указ. соч.

На первый план выходит исторически присущий россиянам патриотизм, беззаветная любовь и преданность интересам Отечества, готовность пожертвовать жизнью ради высоких духовных и нравственных идеалов. Эти традиционные для россиян свойства национального менталитета сохраняют свою актуальность при любой политической и экономической модели общества. Они являются залогом стабильного поступательного развития страны и особенно актуальны при демократической модели общественного устройства, которая предполагает гармонизацию отношений между личностью и государством, высокий уровень социальной ответственности всех граждан за будущее России. Именно этот концептуальный подход лег в основу разработки регионального плана мероприятий, посвященных празднованию 400-летия окончания Смутного времени и возрождения российской государственности в 2013 году. При его подготовке учтены предложения исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований, учреждений и общественных организаций.

Мероприятия, предусмотренные планом, будут проходить с марта по август 2013 года. Предполагается, что в их числе состоятся весьма значимые события в сфере культуры, науки, туризма, спорта, молодежной политики. Начало празднования будет приурочено к традиционным Романовским чтениям, проводимым Костромским государственным университетом имени Н. А. Некрасова в марте 2013 года. Завершение – к 69-й годовщине образования Костромской области и Дню города Костромы в августе 2013 года. Мероприятия в сфере культуры, туризма, спорта и молодежной политики будут проводиться также на территории муниципальных образований Костромской области. В их числе музейные и библиотечные выставки, краеведческие чтения, тематические вечера и др. Они рассчитаны на все возрастные категории жителей и гостей региона – от детской и молодежной аудитории до взрослых граждан и лиц пожилого возраста. Принять участие в праздничных мероприятиях и прикоснуться к славным страницам российской истории сможет каждый желающий житель Костромской области, других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Примечания

- ¹ *Тюменцев И. О.* Смутное время в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. Гл. II.
- ² *Козляков В. Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова: сб. тр. Всерос. науч. конф. Рязань, 11–12 апр. 2011 г. / отв. ред. В. Н. Козляков. Рязань, 2011. С. 3–10.
- ³ *Козляков В. Н.* Герои Смуты. М.: Мол. гвардия, 2012. С. 188–242.
- ⁴ *Тюменцев И. О.* Из истории избирательного Земского собора 1613 г. // Исторический опыт русского народа и современность. Дом Романовых в истории России: материалы к докл. 19–22 июня 1995 г. СПб., 1995. С. 74–82.
- ⁵ *Козляков В. Н.* Герои Смуты. С. 103.

отказ от мести своим политическим противникам, от репрессий – вот что является заслугой царя Михаила Федоровича Романова, его отца Патриарха Филарета, матери старицы Марфы Ивановны.

Более чем 300-летнее царствование династии Романовых оставило неизгладимый след в российской истории и культуре. Именно правление этой царской, а затем императорской династии ознаменовалось петровскими преобразованиями, победой русского оружия в Отечественной войне 1812 года, реформами Александра II и П. А. Столыпина. Именно в романовскую эпоху жили и творили выдающиеся российские ученые, поэты, писатели, композиторы и художники, чьи имена и сегодня являются визитной карточкой нашей страны: М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, П. И. Чайковский, К. П. Брюллов, И. Е. Репин и др. С царским домом Романовых неразрывно связана история практически всех городов и регионов России. В их числе Москва – древняя столица страны, в которой венчался на царство М. Ф. Романов и до начала XVIII века правили его потомки; Нижний Новгород, где было сформировано народное ополчение; Ярославль, ставший накануне освобождения Москвы главным политическим центром страны, в котором заседал созданный Д. М. Пожарским и К. Мининым Совет всея земли. Но именно Костромская земля сыграла в судьбе основателя новой династии особую роль. Именно здесь преданные сторонники помогли будущему государю спастись от врагов, а в Троицком соборе Ипатьевского монастыря состоялся один из важнейших, ключевых актов преодоления Смуты – чин наречения Михаила Федоровича Романова на царство. И здесь же он и его мать, великая государыня инокиня Марфа, получили твердые гарантии покорности со стороны русского народа¹².

Именно поэтому Костромская область со второй половины 1990-х годов выступала с инициативой организации на общероссийском уровне празднования 400-летия окончания Смутного времени, возрождения российской государственности и восшествия на русский престол династии Романовых¹³. Главной задачей этого празднования является актуализация того огромного опыта, который был накоплен за четыре столетия российской истории, чтобы сделать его фундаментом современного экономического, культурного и духовного возрождения страны. В рамках указанного концептуального подхода в Костромской области был осуществлен ряд организационных мероприятий, в частности, учрежден Романовский фестиваль, проводившийся в регионе с 2009 по 2012 год. В то же время события, которым посвящены грядущие юбилейные торжества, имеют еще одну весьма значимую составляющую. Преодоление Смуты и наступившее вслед за этим возрождение российской государственности – это, прежде всего, подвиг народа, миллионов простых россиян, представителей всех сословий, различных этнических и конфессиональных групп. В данном контексте фигура Михаила Федоровича Романова как исконно российского, православного монарха является важным, но не единственным фактором всенародного единения.

¹⁷ Ганженко М. Б. Образ Екатерины II в живописи и поэзии XVIII века и в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Русская словесность. 2007. № 6. С. 9–14; Alexander John T. Catherine the Great: Life and Legend. Oxford, 1989. P. 329–341.

¹⁸ Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций. М. 2004.

¹⁹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении [Электрон. ресурс]. Сайт «Лотман – Память в культурологическом освещении»: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm>, дата обращения 15.11.10.

²⁰ Федоров С. В., Николаева О. П. Понятие культурной памяти. Структура и формы ее актуализации (размышления о целях и задачах гимназического образования в современной социокультурной ситуации) [Электрон. ресурс]. Сайт «Соборное дело»: http://www.pravstvennost.info/library/news_detail.php..., дата обращения 15.11.10.

²¹ Неизвестный автор [Электрон. ресурс]. Сайт «NLIT.RU»: <http://www.nlit.ru/o/obraz.htm>, дата обращения 25.10.10.

²² Виноградский Б. Геополитическая история духа русского народа. Пространство духа и образов [Электрон. ресурс]. Сайт «Slon.ru»: <http://www.vinogradski/post/56876>, дата обращения 07.12.10.

²³ Россия под скипетром Романовых, 1613–1913; К трехсотлетию царствования Дома Романовых: Альбом портретов и снимков с исторических картин, находящихся в Зимнем и Царскосельском дворцах, в музее императора Александра III, оружейной палате, Третьяковской галерее и пр. Объяснительный текст к картинам и краткий очерк истории России с 1613 г. СПб., 1913.

²⁴ Три века. Россия от Смуты до нашего времени: в 6 т. Т. 3: XVIII век. Первая половина; Т. 4: XVIII век. Вторая половина. Сб. М., 1992 (Репринт).

²⁵ Россия под скипетром Дома Романовых (по случаю 300-летия царствования Дома Романовых), 1613–1913 гг. Иллюстрированная хроника Б. Б. Глинского // Исторический вестник. 1913. № 1. С. 40–50.

²⁶ Каменский А. Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 73.

²⁷ Екатерина II: pro et contra: антология. СПб., 2006. С. 13.

²⁸ Очерки русской истории. М., 1912.

В. Г. Андреева

г. Кострома

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой очень рано почувствовал в себе силу, способную изменять мир и людей. По мере продвижения по жизни, прохождения определенных периодов отведенного ему времени, писатель и мыслитель по-разному оценивал воздействие своих произведений на общество.

Может быть, убеждения позднего Толстого-публициста, отрицающего многие современные ему порядки и правила, негативно относившегося к церкви, государству, судам, воинской службе, справедливо кажутся нам очень жесткими. В публицистике Толстой поставил задачу прямого воздействия на общество словом с целью его преобразования. Категоричность позиции мыслителя, его крайности

нередко не привлекали думающих людей (хотя многие проблемы были подняты Толстым верно), а, наоборот, только отталкивали. Художественное творчество писателя более гармонично, не лишено интуитивных прозрений. «Только в сфере чистого искусства раскрылась его подлинная интуиция. Здесь он видел жизнь и мог религиозно служить людям, помогая им познавать и любить Богом данную жизнь в ее тайнах», – отметил архиепископ Иоанн Сан-Францисский¹.

Отношение Толстого к власти, к правящим персонам в художественных и публицистических произведениях очень разноречиво и неоднородно: в романах и повестях Толстой чаще чувствует допустимую меру иронии и осуждения, в то время как в некоторых статьях обличение власти оказывается чрезмерным.

Прежде чем обратиться к конкретным примерам и оценкам, отметим, что Толстой «имел уникальный генофонд, подкрепленный еще и родственными узами с величайшими умами России – Пушкиным, Чаадаевым, Одоевским, Тютчевым...»². Вне всякого сомнения, чувство своей особой роли, стремление сделать жизнь лучше и светлее, высокий уровень духовно-нравственного и интеллектуального развития, а также ощущение себя не рядовым, а избранным, продолжателем великой миссии становления на земле добра и правды, позволяли Толстому обращаться к высшим лицам государства без какого-либо подобострастия. Более того, в поздних публицистических работах Толстого мы сталкиваемся с данными царю предложениями писателя, содержащими реальную и необходимую, по его мнению, программу действий.

Так, в обращении «Царю и его помощникам» (1901) Толстой представляет четыре первостепенные задачи, решение которых может способствовать прекращению волнений в обществе. Разумеется, обращение не лишено свойственных Толстому преувеличений, так, в нем еще раз ярко представлена мысль о доброте большинства людей: «Люди все не могут желать раздора и вражды, а всегда предпочитают жить в согласии и любви с своими братьями» (34, 240)³. Однако предложения Толстого продуманны, вески, выстроены на основе долгой и скрупулезной аналитической работы, о чем говорит и их градация: каждый из планов-предложений имеет подпункты. Итак, Толстой предложил царю: во-первых, «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами», во-вторых, «перестать применять так называемые правила усиленной охраны, уничтожающей все существующие законы и отдающей население во власть очень часто безнравственных, глупых и жестоких начальников», в-третьих, «уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию», наконец, в-четвертых, «уничтожить все стеснения религиозной свободы» (34, 241–243).

Обращение Толстого представляет собою попытку повлиять на убеждения царя, на мнение того, в чьих руках находилась огромная сила и мощь. Неслучайно в начале статьи появляется образ братства, где деяния одних неизменно отражаются на других.

Совсем в другом духе написана статья «Единое на потребу. (О государственной власти)» (1905), которая предназначалась для напечатания в Англии. Примечательно, что, по рекомендации Черткова, Толстой дважды переделывал описание русских царей, смягчая их. Известно, что даже крестьяне, которым было

была неполной. Ведь сразу после нее развернулась ожесточенная борьба между сторонниками различных кандидатов на престол, среди которых были и иностранные претенденты: польский королевич Владислав Ваза, шведский – Карл-Филипп и представители русского родовитого боярства. Несмотря на деятельность Совета всея земли и Земского собора, Россия оказалась в преддверии нового витка междоусобицы⁴.

И вот в этот критический для государства момент на первый план вышла фигура Михаила Федоровича Романова. Именно он, будучи потомком древнего боярского рода и близким родичем (внучатым племянником) последнего русского царя из династии Ивана Калиты – Федора Ивановича, сумел объединить вокруг себя все здоровые силы российского общества, представителей разных лагерей, среди которых были и вчерашние сторонники самозванцев, Василия Шуйского, польского и шведского королевичей. Личность М. Ф. Романова стала для всех россиян символом единения перед лицом национальной катастрофы. Только с воцарением в 1613 году на российском престоле династии Романовых была поставлена финальная точка в событиях Смуты. Данный тезис сегодня также активно подвергается сомнению. Действительно, и после восшествия на престол Михаила Федоровича Романова отдельные политические силы внутри страны, а также иностранные государства, прежде всего Речь Посполитая, стремились вновь свергнуть страну в пучину Смуты. В 1613–1614 годах казачий атаман Иван Заруцкий и самозваная «царица» Марина Мнишек попытались организовать сопротивление новому правительству на юге⁵, а 1614–1615 годах атаман Баловень (М. И. Баловнев) поднял восстание в центре России⁶. В 1615 году кровавый рейд по русской территории совершил знаменитый польский полковник Александр Лисовский⁷.

Хотя военные действия, связанные с вышеперечисленными событиями, порой охватывали значительные области государства, они, в отличие от походов Лжедмитрия I, Ивана Болотникова и Лжедмитрия II, не получили широкой общественной поддержки и не угрожали новым структурным кризисом. Напротив, несмотря на слабость армии, связанную с социально-экономическими и демографическими последствиями Смуты, правительству нового государя удалось довольно быстро подавить казачьи восстания, которые закончились печально для их вождей: И. М. Заруцкий был посажен на кол⁸, а М. И. Баловнев – повешен⁹. Лисовскому также пришлось покинуть пределы страны. Вскоре после этого похода он скончался под Вязьмой, упав с лошади¹⁰. Неудачей закончилась и попытка королевича Владислава «вернуть» себе московский трон в 1616–1618 годах¹¹. Все эти факты свидетельствуют о том, что именно в 1613 году произошли те ключевые события, которые сделали невозможным возвращение Смуты. С окончанием внутренних неурядиц иностранная интервенция стала бесперспективной, потеряла смысл, и Российская держава сумела вскоре восстановить и мирные отношения с соседями, и свой международный авторитет. Прекращение междоусобицы, восстановление традиционных политических и социальных институтов, возвращение страны к нормальной мирной жизни, возрождение духовных, нравственных устоев общества, принципиальный

и Швеции. Далеко не каждому государству удавалось выйти из такого структурного кризиса без потери значительной части своей территории либо вовсе утраты национальной независимости на десятки, а то и сотни лет. Как же россиянам удалось преодолеть Смуту, остановить распад общества и предотвратить крушение государства?

Внимательное рассмотрение всей совокупности исторических фактов позволяет прийти к выводу, что, только преодолев политические, сословные, национальные разногласия, поступившись личными амбициями, а также некоторыми правами и вольностями, полученными в период Смутного времени, и объединившись вокруг фигуры Михаила Федоровича Романова, российские бояре и дворяне, духовенство, купцы и посадские люди, крестьяне и казаки смогли спасти свою Родину от распада и гибели. Значение именно такого финала этой исторической драмы сегодня оценивается весьма неоднозначно. Очень соблазнительно было бы представить, что те традиции местного самоуправления, сословного представительства и активного участия различных социальных слоев в решении судеб страны, которые помогли россиянам преодолеть Смуту, сохранились бы и в послесмутное время. Но этого не произошло. Россия вернулась к той системе управления, которая существовала при Иване Грозном, только без опричнины и масштабных политических репрессий. Да и могло ли в тех исторических условиях быть иначе? Историкам, например, хорошо известна судьба соседа и давнего соперника России – Речи Посполитой, которая уже в XVIII веке оказалась в сходной ситуации. Политическая элита этого государства не сумела преодолеть сословных и конфессиональных разногласий, поступиться шляхетскими вольностями ради единства страны. В результате территория Речи Посполитой в конце XVIII столетия стала объектом раздела между соседними более могущественными государствами, в число которых, наряду с Австро-Венгрией и Пруссией, входила и Россия.

Разумеется, преодоление Смуты не было одномоментным актом. Это была длительная борьба, которая сопровождалась как победами, так и поражениями.

Восстания «замосковных» и поволжских городов против грабительских действий польско-литовских отрядов, находившихся на службе самозванного «царя» Лжедмитрия II в 1609 году, в которых активное участие приняли Кострома и Галич¹, героическая оборона Смоленска от войск польского короля Сигизмунда III, неудачная попытка первого народного ополчения во главе с Прокопием Ляпуновым в 1610–1611 годах освободить Москву от иноземного гарнизона² и, наконец, организация второго народного ополчения во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским, деятельность которого завершилась освобождением российской столицы, созданием своеобразного временного правительства – Совета всея земли и созывом Земского собора³ – таковы основные вехи этой борьбы. Сегодня мы с полным основанием отмечаем как общегосударственный праздник День народного единства 4 ноября – в память о подвиге участников ополчения Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, которые в ходе тяжелых и кровопролитных боев поздней осенью 1612 года освободили Москву и Московский Кремль от иноземного гарнизона. Но эта победа

прочитано сочинение Толстого, сочли описание царей резкими и не лишенными брани. И в окончательном варианте статьи описание это все еще осталось очень жестким. Приведем лишь некоторые характеристики: «душевнобольной Иоанн IV», «зверски жестокий, пьяный Петр», «ходившая по рукам, безграмотная, распутная солдатка Екатерина первая», «грубый, необразованный жестокий солдат Николай», «неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный Александр II», «совсем глупый, грубый и невежественный Александр III» (36, 169). На фоне указанных более чем отрицательных характеристик исключение Толстой делает для царствующего в это время Николая II, называя его «самым обыкновенным, стоящим ниже среднего уровня, грубо суеверным и непросвещенным человеком» (36, 168).

Но описание, отрывки из которого мы привели выше, в контексте всей статьи оказывается попыткой создания у читателя резко негативного отношения не к императорам российским, а к власти вообще, какой бы она ни была. В это время Толстой не видит возможности присутствия у власти нравственных, честных людей. Он довольно долго, образно, и, как это свойственно публицистике Толстого, несколько путано рассуждает об изменении форм насилия, но не о его исчезновении. Через отвержение обманов и суеверий, при котором, кстати, отрицание Толстого окончательно теряет разумные основания, публицист выходит к утверждению единого вероучения. Наконец, вся статья завершается *призывом к внутренней работе над собой*. Тогда читателю, знакомому с публицистикой Толстого, становится ясна основная цель статьи, а жесткие характеристики императоров тускнеют на фоне самокритичных описаний самого Толстого. Сразу же вспоминается его самобичевание, например на страницах «Исповеди»: «Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодейния всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершил...» (23, 5).

Недостаток многих публицистических работ Толстого состоит в неспособности писателя находить компромиссы и видеть светлые стороны: обличение переходит все допустимые рамки, становясь средством привлечения внимания к идеям. Между тем, рассуждения Толстого, посвященные императорам и не омраченные его поздним отрицанием, созданы, как правило, на основе позитивных эмоций и впечатлений от положительных изменений в жизни и обществе. В наброске «О царствовании императора Александра II» (1877) Толстой кратко перечисляет заслуги царя и светлые замыслы на фоне ошибок, допущенных в России. Вопрос состоит в том, что побудило Толстого создавать статью об императоре? Разумеется, особое признание царствующей особы и ее роли.

В художественных произведениях писателя мы находим еще более разнообразные, глубокие описания и характеристики императоров. Благодаря письмам Толстого к императорам, его высказываниям, обращенным к близким людям, чувствам, выраженным по поводу тех или иных событий в царской семье, мы можем говорить об особом трепете, с которым Толстой относился к Романовым. По воспоминаниям С. А. Толстой, Лев Николаевич был искренно огорчен

убийством Александра II, недоумевал по поводу спокойствия и равнодушия к этому событию в Туле и ее окрестностях.

Некоторые молодые герои Толстого видят в государе кумира, образец для поклонения и подражания. Николай Ростов, к примеру, от этого чувства к императору не освободится с возрастом, даже пройдя войну. И все потому, что Александр I, несмотря на присущие ему человеческие слабости, изображен царем-победителем. Не Александр I выиграл войну 1812 года, но у Толстого он явился проводником высшей воли, фигурой, ассоциирующейся у народа с Россией и ее судьбой, свободой. В «Войне и мире» автор показывает, как общее рождается из суммы частных волей. Для этого он, к примеру, перечисляет поступки и мнения героев (императора Александра, Барклая де Толли, Николая Ростова), находящих на разных уровнях влияния на жизнь России. А вот Степан Касатский, в молодости испытывавший влюбленный восторг по отношению к Николаю I, начнет отречение от своей прошлой жизни именно с этой любви.

Толстой делает акцент на том, что император, как и любой человек, смертен, он слуга Божий, и не должен забывать об этом, о своем грядущем ответе. Неслучайно рядом с образом Александра I появляется у Толстого образ старца Федора Кузьмича (по легенде именно под этим именем император жил в Сибири). Самой ужасной и не соответствующей облику человека, а тем более государя, считает Толстой чрезмерную жестокость. Сердце, разум, все существо царя в повести Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» противятся тому самому порядку, который он установил, – это же противоречие, неспособность жить по-прежнему характерны для Толстого и его кающихся героев поздних повестей. Александр I, точнее уже Федор Кузьмич, видит проведение солдата сквозь строй (эпизод этот как символ крайней жестокости и тупого повиновения, в результате которого бесчеловечность растет и множится, повторяется у позднего Толстого). В повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» ярко виден также мотив ухода и отречения не только от прошлой жизни, но и от обязанностей, от трудностей, которые необходимо было решать. Герою позднего Толстого легче отказаться от «Я», по всей видимости, подобное действие со стороны императора, «придуманное» Толстым, было очень созвучно планам об уходе самого писателя: «А между тем я чувствовал, что если я не признаю, что это так и должно быть, что это хорошо, то я должен признать, что вся моя жизнь, все мои дела – все дурно, и мне надо сделать то, что я давно хотел сделать: все бросить, уйти, исчезнуть» (36, 62–63).

Близкое к публицистике по производимому впечатлению, но, вместе с тем, созданное по тонким художественным правилам описание государя видим мы в «Хаджи-Мурате». Создавая главы о Николае I, Толстой старался сделать их живыми, показать подробности жизни императора-человека, подверженного влиянию других людей, зависящего от настроения, нередко жестокого и любящего роскошь. В. А. Туниманов отмечает: «Толстой остро нуждался в непредвзятых свидетельствах современников о частной жизни императора. С этой целью он обращался ко многим лицам, могущим сообщить нужные факты или предоставить доступ к закрытым документам»⁴.

повторяет драму образованного и глубоко верующего русского человека, аристократа, сформировавшегося в старой России, впитавшего в себя ее культуру, посвятившего свою жизнь служению Российской империи и вынужденно ставшего свидетелем и хроникером ее крушения. «Записки» – не просто свод фактов и наблюдений, это готовое учебное пособие на тему «Россия, которую мы потеряли». Неравнодушные свидетельства В. А. Друцкого-Соколинского – еще один шаг на пути познания отечественной истории.

Примечания

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

² Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918). Орел: РКФ «3 июля»; РИГ «Невероятный мир», 1994. С. 68.

³ Друцкой-Соколинский В. А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел: Вариант В, 1996. С. 319.

⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. С. 196.

⁵ Дневники императора Николая II. М.: Orbita, 1991.

⁶ Там же.

⁷ Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 г. / сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Изд. Костром. губерн. учен. архивной комиссии, 1914. С. 203.

⁸ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 286.

И. В. Рогов, Е. А. Чугунов

г. Кострома

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ 400-ЛЕТИЯ ОКОНЧАНИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В 2013 году Россия с полным основанием может отметить целый ряд весьма знаменательных событий своей истории, связанных с завершением такого периода, как Смуты. Этот период продолжался 8 лет: с падения в 1605 году царской династии Годуновых до восшествия в 1613 году на российский престол династии Романовых, последующее правление которой продолжалось в течение более 300 лет.

Смутное время стало серьезным испытанием для Российского государства. Оно сопровождалось распадом традиционной системы управления, разрушением исторически сложившихся отношений между различными социальными и сословными группами, междоусобной войной и вторжением иноземных войск, а потом и открытой интервенцией со стороны соседних государств – Речи Посполитой

которое произвела картина столпившегося на волжском берегу народа на хроникера торжеств – члена Костромской губернской ученой архивной комиссии Н. Н. Виноградова: «Вот она здесь – вся Кострома – исконная древняя матушка Русь! Вся она дышит одной горячей любовью к своему Царю-Батюшке, одним глубоким искренним желанием увидеть его ясные царские очи и в восторженных восклицаниях излить свое преданное сердце, выразить весь веками скопленный восторг и энтузиазм»⁷.

Воспоминания В. А. Друцкого-Соколинского, тональность которых также далека от сухого и будничного стиля императорских дневников, свидетельствуют о том, что в начале XX в. для подавляющего большинства русских людей даже такой царь оставался воплощением сакральной идеи власти. Мемуарист признавался, что костромские торжества стали «кульминационным пунктом величия и великолепия режима и династии»: царь и царица казались небожителями, от которых исходило «нездешнее» сияние⁸. Спустя два года, в тревожные дни войны, князь увидел венценосную семью совсем иной – простой, будничной и печальной, смиренно сошедшей к народу, «как бы ища у него поддержки, как бы желая в прикосновении с землей обрести силу для дальнейшей борьбы и терпения»⁹. В последний раз В. А. Друцкой-Соколинской видел императрицу летом 1916 г. в Могилеве. Тогда же Николай II подарил новоиспеченному минскому губернатору золотой портсигар с бриллиантовым двуглавым орлом на крышке. Последняя встреча В. А. Друцкого-Соколинского с Николаем II состоялась в марте 1917 г. на станции Орша, через которую проезжал конвоируемый из Могилева в Царское Село император. Здесь на мгновение встретились взгляды бывшего самодержца и его верноподданного – бывшего минского губернатора. «Я невольно взмахиваю рукой, держащей шапку, – вспоминает В. А. Друцкой-Соколинский. – Государь смотрит прямо на меня, видимо, узнает, и Его рука поднимается и... крестит меня...»¹⁰.

Романовские торжества стали важным этапом служебной карьеры В. А. Друцкого-Соколинского. К юбилею царского дома князь был пожалован званием камер-юнкера. 18 мая 1913 г., накануне торжеств, он узнал важную новость: в Петербурге уже подписан приказ о назначении костромского советника губернского правления могилевским вице-губернатором. Естественно, царские чествования плавно перетекли в многодневные проводы князя к новому месту службы. Все это, само собой, делалось с костромским купеческим размахом и сопровождалось обильными ужинами, разлитым морем шампанского и даже ночным шествием под духовой оркестр Кизляро-Гребенского казачьего полка. Свой выезд из Костромы В. А. Друцкой-Соколинский сравнивал с исходом евреев из Египта: ему было «накручено» в дорогу такое количество баулов, тюков и узлов, что по пути князь даже был вынужден выбросить за окно один из чемоданов.

Итак, осталась в прошлом патриархальная и милая Кострома. Впереди были служба в западных пределах империи, испытания и тревоги мировой войны, лихолетье войны гражданской, эмиграция, трудная жизнь на чужбине, незатихающая боль расставания с родной землей... Судьба В. А. Друцкого-Соколинского

В конце статьи хочется остановиться на письме Толстого Александру III, вступившему на престол после убийства отца. Просьба Толстого о смягчении участи убийц вызвана не только его мировоззрением этого времени, но и озабоченностью за судьбу императора и страны, которая всегда была присуща писателю и публицисту. Слова Толстого – не просто удачный художественный ход, они как нельзя лучше доказывают, что великий русский писатель всегда чувствовал лежащую на себе ответственность за Россию и ее правителей: «Я, ничтожный, не признанный и слабый, плохой человек, пишу письмо Русскому Императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. <...> Я думаю себе: если ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или прочтут и найдут, что оно вредно, и накажут тебя за это. <...> Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал Царю то, что ты хотел сказать, и что Царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: Если бы тогда кто-нибудь сказал мне это! – Если это случится так, ты вечно будешь раскаиваться...» (63, 44).

Примечания

¹ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 1999. С. 201.

² Никитина Н. А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 15.

³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Здесь и далее ссылки на указанное издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁴ Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 639.

Р. Ю. Мальцев

г. Кострома

ПАРТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Предприниматели Российской империи начала XX в. обладали огромным экономическим потенциалом. В то же время, в связи со спецификой политического строя, реальной политической властью они не обладали. В итоге они были вынуждены проводить лоббирование своих интересов в подковерных играх правящей верхушки. Дополнительные сложности вызывала и организация управления торгово-промышленным сектором экономики, сосредоточенная в финансовом ведомстве. Такой способ управления не давал предпринимателем нужной свободы. Только в 1905 г. в условиях политического кризиса было организовано Министерство промышленности и торговли¹.

В интересах экономической модернизации самодержавный режим допускал объединение предпринимателей в представительных и совещательных

организациях. В начале XX в. в России насчитывалось около 150 таких объединений: полуказенные комитеты торговли и мануфактур (15), купеческие управы (3), биржевые комитеты (85), съезды промышленников и торговцев (27)². Уровень их компетенции был жестко ограничен вопросами торгово-промышленной политики. Отсутствие единства в среде самих промышленников, разногласия и размолвки так же не способствовали объединению. До 1905 г. в провинции и столицах было несколько попыток организовать на основе различных профессиональных союзов и обществ. В 1900 г. в г. Костроме был учрежден Комитет Торговли и Мануфактур с составом 12 членов, с распространением его действий на губернии: Костромскую, Ярославскую, Вологодскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Тверскую, Владимирскую, Смоленскую, Псковскую. Все расходы принимались на счет владельцев промышленных заведений³.

Задачи политические до первой русской революции предприниматели имели возможность решать на уровне местного самоуправления – представительских организаций и городских муниципалитетов. Например, Н. А. Найденов, один из богатейших предпринимателей начала XX в., 30 лет с 1877 г. до своей кончины в 1905 г. возглавлял Московский биржевой комитет – ведущую организацию российских предпринимателей пореформенного времени, будучи одновременно гласным Московской городской думы⁴. Таким образом, к выборам в Государственную думу представители буржуазии уже имели определенный опыт участия в деятельности представительных организаций. Еще одним направлением деятельности предпринимателей было объединение на почве православия. С осени 1903 г. в Иваново-Вознесенске и Костроме формируются Общества соборных хоругвеносцев. Само движение имело успех во Владимирской губернии, где к 1912 г. было около двух десятков таких обществ. В Костроме кружок действовал довольно вяло, количество членов общества колебалось от 40 до 60 человек. Это были в основном представители городской буржуазии: Ботников, Кашин, Прянишников, Зотов. Показательно, что лидером местных октябристов позднее стал один из видных «хоругвеносцев» городской голова Г. Ботников. Аналогичная ситуация была во Владимирской губернии: здесь в хоругвеносцы входили «лица разных правых политических убеждений, включительно до октябристов». Владимирская администрация сама стремилась, чтобы хоругвеносцы, придерживаясь консервативных идей, не стали «средством объединения единомышленников какой-либо одной политической партии»⁵.

События начала 1905 г. ускорили процесс политического самоопределения предпринимательского мира и вызвали острую конфронтацию его консервативного и либерального крыльев. На это оказало влияние разделение предпринимателей на два лагеря, которые соответствовали промышленным центрам империи. Первым был Петербург, дельцы которого были тесно связаны с военно-промышленным комплексом и соответственно с центральной буржуазией и банками. Вторым была Москва – центр легкой и пищевой промышленности, которая наиболее пострадала от кризиса 1900–1903 гг. К 1905 г. она стала центром предпринимательской

20 мая в саду губернаторского дома, где проходила встреча Николая II с волостными старшинами, коллежский советник В. А. Друцкой-Соколинский был представлен государю: «Царь молча подал мне руку, пристально взглянул на меня и, не сказав ничего, двинулся дальше»³. Несомненно, этот пристальный взгляд сыграл не последнюю роль в дальнейшей служебной карьере князя. Любопытно, что хроникер юбилейных событий член совета Губернской ученой архивной комиссии Н. Н. Виноградов, дотошно перечисляющий всех костромских чиновников, ни словом не обмолвился о присутствии В. А. Друцкого-Соколинского на приеме в губернаторском саду. Возможно, князь появлялся там на короткое время, поскольку, согласно должностному предписанию, обязан был неотлучно находиться в билетном бюро. На общей фотографии, сделанной в губернаторском саду и запечатлевшей земских начальников и волостных старшин Костромской губернии, а также непременных членов губернского присутствия, В. А. Друцкого-Соколинского, судя по всему, нет.

Организаторы юбилейных мероприятий предприняли меры безопасности, которые сегодня, несомненно, назвали бы беспрецедентными. Высокие руководители из Министерства внутренних дел и Министерства Двора в целом остались довольны губернскими чиновниками, проявившими распорядительность и расторопность. Правда, В. Ф. Джунковский прошелся по начальнику губернского жандармского управления Л. Н. Эрнсту, который, по словам генерала, «много напортил своей подозрительностью и бестактностью»⁴. Подозрительность эта, впрочем, была оправдана имеющимися агентурными сведениями о замышлявшихся революционным подпольем террористических актах по пути следования царя и его свиты. Самым тревожным моментом, по свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, было посещение императором земской выставки, расположившейся на пространстве между Дебринской улицей (ныне – ул. Кооперации) и Волгой. Здесь, при большом скоплении людей, в толчее, проще всего было осуществить злодейский замысел. К великой радости костромских начальников, и прежде всего коллежского советника В. А. Друцкого-Соколинского, все обошлось.

«Интересно, но утомительно»⁵, – записал в дневнике Николай II, подытоживая свои впечатления от посещения костромской земской выставки. Знал ли лаконичный император о тех душевных муках и тревожных ожиданиях, которые изводили заведующего костромского билетного бюро, обрекали его на бессонные ночи? Скупой на слова и, увы, лишенный литературного дара царь феноменально бесстрастен даже тогда, когда речь идет о событиях, способных воодушевить и тронуть самого толстокожего созерцателя. Вот что видит, например, император с борта парохода «Межень», отплывающего от пристани на костромском левобережье: «Народ стоял сплошной стеной по берегу даже в воде по колени». И далее без перехода – про обед в «плавучей столовой»⁶. Как характерен этот казенный и холодный стиль для дневниковых записей последнего российского самодержца! Как хорошо иллюстрируют они увеличивающийся зазор между идеократическими запросами русского народа и человеком, который должен был этим чаяниям отвечать! Сравним с впечатлением,

Во время реставрационных работ 1960–1970-х гг. древние фрески были восстановлены, что, несомненно, вызвало бы глубокое моральное и эстетическое удовлетворение В. А. Друцкого-Соколинского, не единожды попрекавшего владыку за слишком усердное желание «поправить» древнее письмо.

В апреле 1913 г., за месяц до юбилейных мероприятий, В. А. Друцкой-Соколинский был назначен заведующим билетного бюро, в функции которого входила выдача разрешительных билетов на торжества. Заметим, что такую должность вряд ли предложили бы мздоимцу, человеку нечистому на руку! Назначение князь принял с тяжелым сердцем, ибо на него ложилась огромная ответственность за недопущение неблагонадежных лиц на места встреч публики с его императорским величеством и августейшей семьей. Воспоминание о недавнем убийстве П. А. Столыпина в киевском театре, куда убийца премьер-министра Богров пришел легально, по выданному ему билету, не добавляло князю положительных эмоций. Был момент, когда губернатор Стремоухов, напутствуя князя, обронил мысль о том, что если с государем в Костроме что-то случится, то отцам губернии придется пустить себе пулю в лоб. Трудолюбие и ответственность В. А. Друцкого-Соколинского вкупе с иными мерами, предпринятыми ответственными чинами, обеспечили августейшей фамилии полную безопасность. Мемуары В. А. Друцкого-Соколинского содержат интересные свидетельства, касающиеся работы административных органов, полиции и секретных служб Российской империи для обеспечения неприкосновенности важных персон.

19 и 20 мая 1913 г. (дни пребывания Николая II в Костроме) прошли без эксцессов, если не считать того, что у некоторых костромичей, которые должны были произносить приветственные речи императору, все слова – то ли от растерянности, то ли от страха, то ли по причине корневого костромского косязыка – вылетели из головы. Известно, что на торжествах (на закладке памятника в честь 300-летия дома Романовых и в Ипатьевском монастыре) инкогнито присутствовал Григорий Распутин. Об этом сообщает в своих мемуарах генерал В. Ф. Джунковский, в ту пору товарищ министра внутренних дел¹. По его сведениям, Распутин обращался в бюро, но ему, согласно предварительной инструкции того же В. Ф. Джунковского, было отказано в билете. В воспоминаниях В. А. Друцкого-Соколинского на сей счет нет никаких сведений. Возможно, Распутин обращался за содействием непосредственно к губернатору Стремоухову. Ненавидимому царедворцами «старцу» удалось-таки, видимо, при прямом содействии императрицы, попасть на торжества. «Я никогда Распутина не видел»², – заявлял В. А. Друцкой-Соколинский в «Записках русского губернатора». Кстати, в этой мемуарной книге Григорию Распутину посвящено несколько страниц – конечно, самого нелицеприятного свойства. Князь, как и другие русские аристократы, полагал, что сибирский хлыст сыграл самую зловещую роль в крушении русской монархии. Заметим также, что, при всей нелюбви к Распутину, В. А. Друцкой-Соколинский осудил его убийство. Возмущения князя вызвало и благодушное отношение общества к убийцам «старца», из которых сделали едва ли не спасителей отечества.

опозиции⁶. Экономическая связь костромских и ивановских текстильных предприятий с первопрестольной сближали провинциальных предпринимателей с наиболее политически активными слоями отечественных буржуа.

Костромской комитет торговли и мануфактур во главе с А. И. Коноваловым, уже являвшимся инициатором образования Всероссийского общества льнопромышленников, во второй половине 1905 г. предложил образовать общество для защиты интересов фабрикантов. Как отмечалось самими участниками, главнейшей задачей является организация союза фабрикантов и заводчиков для планомерной работы в смысле противодействия стихийному забастовочному движению, возникшему в рабочей среде под влиянием усиленной агитации крайних элементов.

Процесс участия предпринимателей в партийном строительстве проходил в провинции, как и в центре, по следующей схеме: продвижение в Думу собственных партий – провал их на выборах в Первую Думу – поиск партии, наиболее близкой по идейному содержанию. Далее участие в выборах уже от нее.

Программы партий буржуазии были схожи, отличались они деталями. Наиболее крупной была Торгово-промышленная под руководством Г. А. Крестовникова (он заменил умершего в конце 1905 г. Найденова на посту председателя Московского биржевого комитета). Программным документом партии являлось воззвание к избирателям, оно был подписан 87 видными деятелями деловой элиты центрального региона (среди которых был и костромич А. И. Коновалов). Идейными принципами партии, аналогичными программным требованиям октябризма, являлись: полное содействие правительству в проведении в жизнь новых начал, возвещенных Манифестом 17 октября, ограждение «закономерного правопорядка», сохранение целостности России, предотвращение ее автономизации («мы не признаем возможности давать окраинам особые, опасные для целостности России, права»). Кроме того, партия выступала за протекционизм в промышленной сфере; «увеличение крестьянского землевладения в тех случаях, где это является необходимым, при содействии реорганизованного Крестьянского банка»; за «установление условий труда, быта и рабочих организаций в соответствии с результатами, достигнутыми в более развитых промышленных странах»⁷.

Процесс создания партий предпринимателей, бурно шедший в течение 1905 г., закончился полным крахом. В 1906–1907 гг. многочисленные мелкие партии промышленников исчезают с политической арены. Невозможность привлечь на свою сторону избирателей, отсутствие мощной партии, прагматизм предвыборных программ⁸ стали камнем преткновения на пути к политической власти. Они «были как бы генеральными штабами без армий, они умирали от неизлечимого равнодушия избирателей»⁹.

В разгар предвыборной кампании 1906 г. упоминания о партиях буржуазии мелькали на страницах периодической печати и в донесениях полицейских чинов с завидной регулярностью. Иваново-Вознесенский полицмейстер сообщал в ноябре 1906 г.: «Г. Гороховец прошлые выборы в гос. Думу выделялась партия Торгово-Промышленная под руководством городского головы Кобякова»¹⁰. Март 1906 г. Шуя: участие в компании принимают две партии – народной свободы и торгово-промышленная – и два союза – русских людей и «Союз 17 октября»¹¹.

К 1907 г. партии промышленников прекращают свое существование, а члены этих партий в большинстве вступают в союз с объединениями, близкими по содержанию программ – мирного обновления и октябристов.

Муромский уездный исправник пишет в докладе губернатору 8 декабря 1906 г.: «торгово-промышленную партию можно считать распавшейся, так как и в прошлом году некоторым из записавшихся в нее лиц указывалось, что она к своей программе включила некоторые условия, на которые многие не соглашались и считали, что они обмануты»¹².

Предвыборные кампании 1907 г. отличалась от выборов в первую Думу более обдуманным участием в партийных объединениях представителей предпринимательства. Можно говорить об ориентации буржуазии на правое крыло партийного многообразия.

Нужно отметить факт участия представителей буржуазии в деятельности партий как левого, так и правого толка. К числу кадетской партии, например, принадлежало, по словам муромского исправника, «большинство торговцев, преимущественно из незначительных, приказчиков и служащих торговых фирм, лавок и магазинов»¹³.

Основными для предпринимателей партиями в период первой революции стали «Союз 17 октября» и партия Мирного обновления. Из 15 членов бюро Костромского отдела «Союз 17 октября» 5 значились в письме, направленном в ЦК партии, как промышленники и фабриканты. В то время как в аналогичном органе партии в Ярославле из 10 членов 2 были промышленниками¹⁴. Похожая ситуация по количеству предпринимателей была и у партии Мирного обновления.

По стране подлинное лицо партии октябристов также определяли представители крупного бизнеса, торгово-промышленные и финансовые дельцы, помещики, крупноцензовая интеллигенция. Именно они возглавляли руководящие органы местных отделов. Из 238 человек, входивших в 23 губернских и уездных комитета, промышленники банкиры, торговцы, домовладельцы и помещики составляли 39 %, крупноцензовая интеллигенция – 37,8 %, чиновники – 16,4 %, т. е. более 93 % всего руководящего состава¹⁵.

Таким образом, разногласия в среде предпринимателей помешали создать общероссийскую политическую организацию. К осени 1905 г. возникло несколько региональных партий буржуазии. Ведущими среди них были Прогрессивная экономическая, Умеренно-прогрессивная, Торгово-промышленная, Всероссийский торгово-промышленный союз и Партия правового порядка. После провала попытки создания собственной партии предприниматели должны были определиться в политических предпочтениях. В сложившихся условиях крупная буржуазия тяготела к октябристам, мелкая – к черносотенцам, а средняя делила симпатии между теми и другими и (в значительно меньшей степени) кадетами¹⁶.

Примечания

¹ История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 1999. С. 230.

А. В. Зябликов

г. Кострома

РОМАНОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1913 Г. В МЕМУАРАХ КНЯЗЯ В. А. ДРУЦКОГО-СОКОЛИНСКОГО

Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский родился в Петербурге 5 июля 1880 г. в семье чиновника Военного министерства. В 1901 г. он окончил Императорское училище правоведения, получив чин титулярного советника, и начал службу чиновником в Министерстве юстиции. В 1903–1905 гг. князь служил в переселенческом управлении под началом А. В. Кривошеина. В 1905 г. В. А. Друцкой-Соколинский получил назначение в Привислинский край на должность правителя канцелярии петроковского губернатора. В мае 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский добился перевода в Кострому, где в должности советника губернского правления прослужил 6 лет. В мае 1913 г. князь был назначен вице-губернатором Могилевской губернии, а в августе 1916 г. – минским губернатором. После революции В. А. Друцкой-Соколинский отправился на юг России, где примкнул к Белому движению. После его краха, в 1920 г., бывший минский губернатор, как и тысячи соотечественников, оказался на чужбине. Живя в Европе, он написал воспоминания («Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914)», «На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918)», «Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920–1943)») – интереснейшее повествование о своей жизни, важное свидетельство порубежной эпохи, размышление над причинами крушения Российской империи. Значительная их часть посвящена воспоминаниям о службе в Костроме. Князь В. А. Друцкой-Соколинский умер в Италии в 1943 г., так и не увидев свои сочинения напечатанными.

Особая страница воспоминаний посвящена приготовлениям к 300-летию юбилею дома Романовых и самим торжествам. В. А. Друцкой-Соколинский описывает предъюбилейную строительную «горячку» 1912 г., масштабные реставрационные работы в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, который чиновник, будучи действительным членом Губернской ученой архивной комиссии, посещал едва ли не ежедневно и даже отваживался давать художникам и костромскому архиерею советы исторического и искусствоведческого толка. Заметим, что сам князь самокритично называет себя «полным профаном» в археологии и древней церковной живописи, однако его впечатления и суждения, содержащие в себе много интересных подробностей, помогают лучше понять направление и содержание реставрационных работ, а также уяснить, что такое духовная цензура в действии: последнее слово всегда оставалось не за руководителем работ художником и архитектором Д. В. Милеевым и даже не за председателем комитета по ремонту Ипатьевского монастыря вице-губернатором И. В. Хозиковым, а за архиепископом Тихоном, который даже не был членом означенного комитета. Нужно признать, что «поновление» фресок 1912 г. порой шло в ущерб их художественной самобытности и цельности.

- ³ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862. С. 366.
- ⁴ *Барыков В.* Указ. соч. С. 15.
- ⁵ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. С. 369.
- ⁶ Там же. С. 100.
- ⁷ Там же. С. 16.
- ⁸ *Пирогов В. Г.* Очерки фабрик Костромской губернии // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1884. Вып. 6. С. 56.
- ⁹ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. С. 367.
- ¹⁰ *Дюбюк Е.* Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время. Труды костромского научного общества. Вып. I. Кострома, 1914. С. 102.
- ¹¹ *Пирогов В. Г.* Указ. соч. С. 155.
- ¹² *Дюбюк Е.* Указ. соч. С. 115.
- ¹³ *Пирогов В. Г.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁴ *Макарьев П. Ф.* Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне Мировой войны. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXII. Кострома, 1921. С. 38–41.
- ¹⁵ *Пирогов В. Г.* Указ. соч. С. 166.
- ¹⁶ *Макарьев П. Ф.* Кострома как центр льняной промышленности. Кострома, 1923. С. 13.
- ¹⁷ *Макарьев П. Ф.* Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне Мировой войны. С. 38–41.
- ¹⁸ Кострома: Путеводитель / Белов М. Н., Кудряшов Е. В. и др. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. С. 13.
- ¹⁹ *Пирогов В. Г.* Указ. соч. С. 169–170.
- ²⁰ Там же. С. 169.
- ²¹ Там же. С. 171–173.
- ²² Исторический очерк возникновения и развития Анонимного Общества Костромской Льнопрядильной и Бумажной Мануфактуры. Русские фабрики «Гратри, Жерар и Михиной». М., 1913. С. 8.
- ²³ Там же. С. 2–3.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГАКО. Ф. 516. ОП. 1. Д. 7. Л. 6.
- ²⁶ Исторический очерк возникновения и развития Анонимного Общества Костромской Льнопрядильной и Бумажной Мануфактуры. Русские фабрики «Гратри, Жерар и Михиной». С. 3.
- ²⁷ Там же. С. 19.
- ²⁸ *Макарьев П. Ф.* Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне Мировой войны. С. 29.
- ²⁹ Там же. С. 34.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 35.
- ³³ Там же. С. 27.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 38–41.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.

- ² Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 122.
- ³ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 207. Оп. 1. Д. 6573. Л. 8.
- ⁴ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 232.
- ⁵ Государственный архив Владимирской области (ГАВО) Ф. 14. Оп. 4. Д. 3668. Л. 3.
- ⁶ Партии российских промышленников и предпринимателей. С. 9.
- ⁷ Там же. С. 568.
- ⁸ Партии российских промышленников и предпринимателей. См., напр., программу Торгово-промышленной партии. С. 134–145.
- ⁹ *Берлин П. А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922. С. 243.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 32.
- ¹¹ Клязьма. 1906. 12 марта.
- ¹² ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 44 об.
- ¹³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 44 об.
- ¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 115. Оп. 1. Д. 100. Л. 7.
- ¹⁵ *Киселев И. Н., Карелин А. П., Шелохаев В.* Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4.
- ¹⁶ *Селезнев Ф. А.* Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. 2006. № 1. С. 47.

О. В. Чуракова
г. Архангельск

ЖЕНЩИНЫ ДОМА РОМАНОВЫХ: ПОМОЩЬ ФРОНТУ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война явилась испытанием для всего российского общества: коррективам подверглась внутренняя политика, экономика, общественная жизнь страны, изменилась массовая психология и индивидуальное сознание людей. «Проверку на прочность» прошли и представители правящего Дома Романовых. Мужчины царствующей фамилии были призваны на фронт, а на плечи женской половины семьи легли заботы по оказанию помощи фронту и семьям фронтовиков.

Прежде всего, августейшие дамы, обладая большими финансовыми возможностями, эффективно занимались сбором средств на нужды фронта и семей фронтовиков. Часть из них оказывали помощь деньгами и вещами, но не принимали активного участия в работе общественных организаций и комитетов, в служении в госпиталях и лазаретах. Но большинство женщин семьи Романовых предпочли лично вставать во главе создаваемых учреждений (комитетов, комиссий), становились начальницами лазаретов, санитарных поездов, санаториев. Большие или маленькие лазареты создали все представительницы Дома Романовых. Эта работа объединяла их с другими российскими «патриотическими дамами», усилиями которых были

созданы в годы мировой войны многочисленные общества, союзы, лиги, комиссии, дамские комитеты. Названия обществ «Самаритянка», «Солдатская рубашка», «Армия спасения», «Братский отклик» говорят сами за себя. В столице и провинциальных городах стараниями женщин открывались народные столовые, швейные мастерские, молочные кухни, амбулатории, собирались пожертвования; дамы-аристократки и простые работницы шили белье, кисеты, превращали дворцы, имения и свои квартиры в госпитали, лазареты, санатории для выздоравливающих бойцов.

Нашли свое место в благотворительной деятельности и женщины из императорской фамилии. Самый большой вклад в дело помощи фронту внес Елизаветинский комитет. Его создательница, великая княгиня Елизавета Федоровна (сестра императрицы Александры Федоровны)¹ всегда занималась делами милосердия: состояла попечительницей и председателем множества благотворительных обществ, а после гибели мужа учредила Марфо-Мариинскую обитель. Во время войны обитель стала одним из крупнейших российских госпиталей. К заботам о раненых прибавилась еще и необходимость призрения детей-сирот, душевно-больных воинов (хотя и считается, что Россию меньше коснулась «оружейный шок» и газовые атаки Первой мировой, контуженых и психических больных было огромное количество), решение квартирных вопросов и трудоустройство раненых и инвалидов, трудовая помощь семьям фронтовиков на селе и многое другое. Материалы елизаветинского комитета рисуют картину поистине героических усилий по организации всенародной помощи больным и раненым воинам, семьям защитников отечества².

С сентября 1914 года заработал Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны (дочери Николая II) для оказания помощи пострадавшим от военных действий. Больше всего внимания комитет уделял проблеме беженцев. Деятельность Татьянинского комитета по оказанию помощи беженцам³ достаточно хорошо освещены в изданных отчетах⁴ и периодике того времени, архивных материалах⁵.

Пример самоотверженности продемонстрировала сестра императора Николая II великая княгиня Ольга Александровна⁶. С первых дней войны и вплоть до середины весны 1917 года она работала сестрой милосердия и лишь однажды брала недельный отпуск – после своей свадьбы с ротмистром Н. Куликовским. Ольга Александровна не оставляла работу в госпитале даже после свержения самодержавия (причем, весной 1917 года она весьма нелегко переносила беременность). Ее письма сестре Ксении исполнены искренней любви и сострадания к раненым «солдатикам», полны переживаний и за судьбу страны, и за августейших родственников⁷. Ольга описывает глаза умирающих «солдатиков», assisteрует на самых сложных операциях и не покидает госпиталь даже после падения самодержавия, когда семья Романовых подверглась гонениям. Интересно, что с началом войны в ее письмах, написанных на английском языке, появляется все больше русских фраз. Вместо английского «I» Ольга пишет русское «Я», что весьма показательно для национальной самоидентификации членов царской семьи в период мировой войны.

Подводя итог всему вышесказанному об оборудовании текстильных фабрик Костромской губернии, можно сказать, что уровень их механизации был выше, чем в других губерниях Европейской России; ей, по выражению П. Макарьева, «могут позавидовать не только русские промышленные центры, но даже отдельные государства».

Механизация фабрично-заводской промышленности сопровождалась концентрацией производства. По этому показателю Костромская губерния выделялась среди других губерний страны: так, если в обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Европейской России в 1908 г. среднее число рабочих на одном предприятии составляло 104 человека, то в Костромской губернии в старых границах было 378 человек. Объем производства на одно предприятие соответственно равнялся 209,8 тыс. руб. и 4 603 тыс. руб. Около 70 % всех рабочих в Костромской губернии было сосредоточено на предприятиях с числом рабочих от тысячи и более. На костромских текстильных предприятиях трудилось около 8 600 человек³⁵.

Итак, текстильная промышленность занимала первое место среди всей обрабатывающей промышленности губернии по мощности установленных двигателей и численности рабочих³⁶. Кострома являлась колыбелью механического льнопрядения в регионе. На фабриках Костромы в 1912 г. числилось 63,5 тыс. льнопрядильных веретен, т. е. 16 % всех льнопрядильных веретен России и 41 % льнопрядильных веретен полосы высоких льнов. На костромских фабриках работало 1 427 механических ткацких станков, т. е. 25 % льноткацких станков полосы высоких льнов.

Кострому можно назвать важным центром льняной промышленности в стране, который долгое время питал своей льняной пряжей как яковлевские фабрики под Нерехтой, так и фабрики Ярославской губернии. Из общего выпуска тонких и средних тканей в губернии на Кострому приходилось 40,4 %. Такого скопления фабрик, как в городе Костроме, нигде не было³⁷. К числу причин, определявших роль Костромы в развитии льняной промышленности, можно отнести тот факт, что данное производство создавалась не одновременно, как в новых промышленных районах, а в ходе длительного исторического развития, пройдя все стадии развития, от домашнего производства, через светелку кустаря и мануфактуру – к фабрике. Фабрики и заводы Костромской губернии вплоть до начала Первой мировой войны находились в лучшем положении, чем промышленные предприятия других губерний Центральной России с точки зрения возможности получить внутри своей и из соседних губерний нужное сырье, топливо по сравнительно невысокой цене, вследствие более совершенной оснащенности оборудованием, машинами, двигателями местных силовых станций³⁸.

Примечания

¹ Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 3. Московская промышленная полоса. СПб., б. г. С. 139.

² Барыков В. Кустарная промышленность в Костромской губернии. Ткацкий промысел. Кострома, 1914. С. 15.

По числу прядильных веретен Товарищество большой костромской мануфактуры занимало первое место в мире, далее за ней следовала льнопрядильня Товарищества костромской льняной мануфактуры братьев Зотовых³⁰. По производительности труда костромские льнопрядильни в силу наличия самого передового оборудования занимали первое место в России³¹. Что касается ткацкого производства и уровня его механизации, следует отметить, что по числу бумагокрутильных веретен костромская губерния занимала шестое место в государстве, а льнокрутильных – второе. Самая крупная бумагокрутильня находилась на фабрике Товарищества Мануфактур Гратри, Жерар и Михиной (7 916 крут. веретен), а самая крупная льнокрутильня – на фабрике Товарищества большой костромской мануфактуры (4 312 крут. веретен). Второе место по числу крутильных веретен в губернии занимала фабрика Товарищества костромских мануфактур братьев Зотовых (2 804 крут. веретен).

Костромская губерния по числу механических льноткацких станков занимала перед Первой мировой войной первое место, а бумаготкацких – четвертое. Первое место по числу механических льноткацких станков в губернии занимала ткацкая Большой костромской мануфактуры (867), следующее за ней место – ткацкая Товарищества мануфактур Коновалова (4 555), второе – Товарищество мануфактур А. Красильникова (3 333).

На ткацких фабриках наряду с механическими станками работали и ручные. О соотношении между числом ручных и механических ткацких станков в губернии можно судить по следующим цифрам: в Костромской губернии в хлопчатобумажных – 32 040, в льняных – 3 353, ручных 145³². Процент ручных ткацких станков на русских фабриках вообще, и в частности на костромских, по сравнению с иностранными, ничтожен: они использовались главным образом для изготовления сложных тканей, так называемых гербовых и дворцовых. В целом Костромские ткацкие фабрики по механизации производства стояли не ниже, а выше зарубежных³³.

По числу двигателей Костромская губерния занимала 15-е место в Европейской России, по общей мощности двигателей – восьмое. Первое место она занимала по средней мощности двигателей. В крупной промышленности Костромской губернии использовались два вида двигателей – паровые и внутреннего сгорания. С появлением на рынке дизелей, с одной стороны, и паровых турбин – с другой, паровая машина на крупных фабриках была вытеснена. На средних и мелких фабриках и заводах с паровой машиной конкурировали менее совершенные типы двигателей внутреннего сгорания³⁴. Более крупными двигателями в 1908 г. были оборудованы силовые станции хлопчатобумажных фабрик, второе место по размеру двигателей занимали в губернии силовые станции льнообрабатывающей промышленности. Это объясняется тем, что переоборудование силовых станций более крупных хлопчатобумажных фабрик в губернии началось раньше, чем льнообрабатывающих. К началу Первой мировой войны переоборудование первых уже заканчивалось, вторых только начиналось, например, к организации силовых станций на Большой костромской мануфактуре приступили лишь накануне войны.

Активно участвовала в деле помощи фронту «коренная немка» княгиня Мария Павловна – старшая, используя свой опыт времен русско-японской войны. Традиции благотворительности помогли включиться в работу королевы эллинов великой княгине Ольге Константиновне. Она, как и все женщины Дома Романовых, в свое время основала образцовую больницу, открыла медицинские курсы для женщин и сама посещала их. Во время Первой мировой войны приехала в Россию, работала в госпиталях, помогая раненым. В одном из писем она писала: «Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом»⁸.

Многие из женщин царствующей фамилии впервые в жизни почувствовали себя социально востребованными, а некоторые даже нашли свое призвание в общественном служении. Осталась в России после развода со шведским принцем кузина императора великая княгиня Мария Павловна – младшая («Золушка Романова» – будущая основательница парижского модного агентства «Китмир»). Два с половиной года она проработала старшей сестрой в госпитале в прифронтовом Пскове и отмечала: «то было самое счастливое время моей жизни, когда я с радостью делала нужную, полезную работу в условиях, сопряженных с опасностью»⁹.

Весьма неоднозначно может быть оценена деятельность императрицы Александры Федоровны в военный период. Спектр мнений о ней самый полярный. С 1915 года Всероссийское общество здоровья в память войны 1914–1915 годов под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны оказывало помощь фронту. По утверждению одних, императрица не работала в обществе сама, ее титул лишь служил прикрытием для функционирования общества и склада имени ее августейшей особы. Склад очень активно и в больших количествах снабжал армию медикаментами, одеждой, медицинским оборудованием. Но документы архивов свидетельствуют о том, что все, даже мелкие текущие дела, решались с ведома императрицы¹⁰. Другое мнение – из лагеря семьи: императрица была слишком поглощена заботами о складе и своем Царскосельском госпитале и мало времени уделяла решению общегосударственных проблем¹¹.

Примечания

¹ Великая княгиня Елизавета Федоровна родилась в 1864 г. в семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и его жены Алисы Английской (дочери английской королевы Виктории). В 1884 году она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, пятого сына императора Александра Второго. Как генерал-губернатор Москвы Сергей Александрович показал себя жестким правителем и в феврале 1905 года был убит бомбой террориста Ивана Каляева. После смерти мужа Елизавета Федоровна занялась созданием Марфо-Мариинской обители милосердия, ставшей центром социального служения и благотворительности. Елизавета Федоровна открыла в Москве курсы сестер милосердия, трудовой приют, бесплатную столовую, библиотеку, больницу для бедных женщин, лазарет для воинов, амбулаторию с бесплатной выдачей лекарств, два странноприимных дома, приют для женщин, страдающих чахоткой, а годы Первой мировой войны – лазареты по всей стране. В период послереволюционных гонений Елизавета Федоровна отказалась покинуть Россию, была арестована и убита большевиками в Алапаевске в 1918 году.

² Еженедельник Комитета ея императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1914. № 1. С. 1–9; Еженедельник Комитета ея императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 1. С. 2–79; Ежемесячник Комитета ея императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 6. С. 13–85.

³ Матвеева Н. Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004; РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 814. Л. 1–62.

⁴ Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915; Комитет Е.И.В. вел. кнж. Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий, 14 сент. 1914 – январь 1916: сб. документов. Т. 1, 2. Пг., 1916, 1917.

⁵ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 423. Л. 12; РГИА. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14.

⁶ Великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) была младшей дочерью императора Александра III и его жены Марии Федоровны. Первым браком великая княгиня Ольга Александровна была замужем за принцем Петром Ольденбургским, а в 1916 году вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии Кирасирского полка Николая Александровича Куликовского, родила ему двоих сыновей (в 1917 и 1919 гг.). Всю свою жизнь великая княгиня Ольга Александровна шефствовала над образовательными и богоугодными учреждениями и организациями. В эмиграции Ольга Александровна жила в Дании и Канаде.

⁷ ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 210. Л. 15 об. – 25; ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 223–225; ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 212. Л. 57–83.

⁸ Куликовская-Романова О. Н. Продолжение традиции благотворительности царственных женщин Дома Романовых [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/32790.htm> [1.02.2013].

⁹ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003. С. 162.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–38; ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–56; РГИА. Ф. 525. Оп. 6. Д. 433, 448, 517.

¹¹ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003. С. 190.

Н. А. Дружнева

г. Кострома

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ

Кострома. 19 мая 1913 г. Царский кортеж медленно продвигался к зданию Романовского музея. «Общий энтузиазм народа, так близко видевшего своего монарха и его августейшую семью, буквально не поддается никакому описанию. Лица всех сияют безграничной радостью и ярко отражают на себе все обуревающие их восторженные чувства. Вот одна древняя старушка, будучи не в силах иначе выразить охватившие ее чувства, протеснилась сквозь ряды и бросилась на колени к проезжавшей коляске с их императорскими величествами. Из глаз ее льются радостные слезы... губы что-то шепчут... руки простерты к тому, что в данный момент составляет весь смысл ее жизни. Чудная, умилительная картина...

© Н. А. Дружнева, 2013

и системы для производства тяжелых, сложного переплетения цветных тканей – узорчатого тика и пестрого бумажного трико. Там же был устроен крутильный отдел в 6 848 веретен. Между зданиями льнопрядильной и бумагопрядильной была построена общая котельная и здание, где размещалась паровая машина, которая обслуживала одновременно две фабрики²⁴. Нижеприведенная таблица дает представление о достаточно высоком уровне механизации производства фабрики (см. табл. 2).

Таблица 2

Общее количество оборудования к 1913 г.²⁵

Вид оборудования	Количество
Паровая машина балансирующая, с вертикальными цилиндрами системы	2
Помпадур 540 индекс сил	1
Паровой котел с 2-мя подогревателями с площадью нагрева 550 кв. м.	2
Паровой котел с 2-мя подогревателями с площадью нагрева 550 кв. м.	2
Паровой котел с 2-мя подогревателями длиной 30-4-4	1
Паровой котел ланкоширской системы с 2-мя внутренними трубами длиной 27-06-7 с 2-мя форсунками	1
Паровой котел с подогревателями	5

К 1908–1909 гг. стало ясно, что смешанное производство не может успешно развиваться. Было решено остановить ткачество (1909), а затем совершенно ликвидировать льнопрядильное производство, что и было сделано в 1910 г. Эта перемена дала толчок для дальнейшего расширения бумагопрядильного производства за счет освободившейся паровой силы и свободного помещения в льнопрядильной. Количество веретен было увеличено на 22 372 и к 1912 г. составило 61 828. Одновременно с прядильным отделом был значительно расширен и крутильный отдел. Если на момент открытия фабрики в нем имелось 6 848 веретен, то в 1908–1909 гг. количество веретен возросло до 11 028²⁶.

Ежегодный рост производства фабрики выглядел так: если в 1899–1900 гг. ее обороты составляли 420 тыс. руб., то в 1903–1904 гг. уже 1,322 млн руб., а в 1910–1911 гг. они составили 3,050 млн руб.²⁷. Итоги механизации в прядильном производстве в начале XX в. выглядели следующим образом. Его уровень определялся в первую очередь количеством веретен²⁸. По числу льнопрядильных веретен Костромская губерния среди Европейской России в 1912 г. занимала первое место, бумагопрядильных – пятое, уступая первенство Московской, Владимирской и Петербургской. По числу прядильных веретен хлопчатобумажная промышленность Костромской губернии опережала промышленность (в отдельности) Швеции, Голландии и Дании, а по числу льнопрядильных уступала место только Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии, Бельгии и другим государствам Европы²⁹.

до отделки тканей. В 1915 г. здесь производилось свыше 300 тыс. пудов пряжи и 9 млн аршин тканей¹⁸.

Льнопрядильная фабрика Товарищества братьев Зотовых, основанная А. А. Зотовым в 1859, также являлась одним из крупнейших предприятий в городе и губернии. Вырабатывая льняную пряжу и нитки, фабрика имела отделения: сортировочное, чесальное (механическое и ручное), приготовительное, ватерное, крутильное, крутильное для ниток, мотальное, сушильное и паковочное. В движение фабрика приводилась 3-мя паровыми машинами, из которых одна в 120 сил и две по 60 сил. Количество ватеров – 100 (веретен 15 496). Среднее число рабочих на 1882 г. – 1 729¹⁹.

Материалом для производства служили лен и куделя, которые закупались на базарах Костромской и Вологодской губерниях. Выработка пряжи и ниток составляла в год 123 тыс. пудов на сумму 1,283 млн руб. Сбывались изделия в Москву, село Великое (Ярославская губерния), Муром и Вязанки (Владимирская губерния) и в Вичугский край²⁰.

В 1880 г. была основана ткацкая и белильная фабрика «Товарищества льнопрядильни братьев Зотовых». Была она расположена на речке Запрудне; ткацкая и белилка помещались в двухэтажных каменных зданиях. В движение фабрика приводилась 2 паровыми машинами – в 40 и 20 сил; паровых котлов – 4. Ткацкая имела 123 ткацких станка, 5 развивальных; белилка – 4 варочных котла для пряжи, 3 – для полотна, гидравлический пресс, крахмалку, сушилку (барабаны), паковочный гидравлический пресс и другое оборудование. На предприятии в 1882 г. было 470 рабочих. Часть пряжи раздавалась для крестьян на дом, приблизительно на 100 ручных станков. Фабрика перерабатывала пряжу и нитки собственного производства, изготавливая полотна механического качества, белые, ручные белые, равендук, коломенку суровую ручную, носовые белые платки, мешочное полотно, суровый двуниток для брезентов – всего до 32 тыс. кусков, на которые расходовалось пряжи до 20 тыс. пудов (стоимость 350 тыс. руб.). Белилкой было сварено и выбелено пряжи и ниток до 20 тыс. пудов, выбелено полотна до 16 тыс. кусков. Товар сбывался по преимуществу в Москву, Петербург и на Нижегородскую ярмарку²¹.

Костромская льнопрядильня Гратри, Жерар и Михиной под данным названием возникла в 1899 г. с приобретением в собственность льнопрядильной фабрики от Торгового дома «Г. И. Михин и К». Основателями фабрики были бельгийские фабриканты Гратри и Жерар. Основной капитал составлял 10 млн франков, заключавшийся в 20 тыс. акций с номинальной стоимостью по 500 фр.²² В момент покупки льнопрядильня Торговый дом «Г. И. Михиной и К» состояла из 6 000 веретен. Машины все были устаревшими. В 1900 и 1901 гг. оборудование почти все было заменено новым и вся фабрика значительно улучшена²³. Вновь созданная фирма преследовала цель объединить два совершенно разнородные производства: льнопрядение и бумагопрядение. В 1899–1900 гг. была построена рядом с существующей льнопрядильной новая бумагопрядильная с первоначальным числом веретен 23 244. Через два года в здании бумагопрядильной была открыта ткацкая в 75 станков разной величины

Между тем красивое белое, с башнями по краям, построенное городским архитектором Н. И. Горлицыным в стиле древних теремов XVII столетия, здание Романовского музея начало наполняться избранной публикой...»¹

Остановимся же на пороге этого здания, не последовав за многочисленными гостями, а постараемся вспомнить, как и когда все начиналось.

26 августа 1897 г. при Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК) по инициативе ее председателя Н. Н. Селифонтова был открыт особый «Романовский отдел» «для собирания и хранения сведений и данных о предках родоначальника ныне благополучно царствующего дома царя Михаила Федоровича»². Причем разрешение на право именоваться «Романовским» было дано высочайшим дозволением. После этого началась активная работа по выявлению и сбору документов по истории рода Романовых. В частности, был составлен библиографический список из 950 наименований книг и печатных статей по истории рода Романовых, Шестовых и т. д. Из синодиков костромских монастырей были сделаны выписки о лицах из рода Романовых, Шестовых и родственных им родов – Салтыковых и Морозовых³.

За два года до того, в августе 1895 г., в связи с приближающимся в 1896 г. 300-летием со дня рождения царя Михаила Федоровича и предстоящим в 1913 г. 300-летним юбилеем вступления его на Российский престол, члены архивной комиссии И. П. Шипов и Н. М. Бекаревич посетили Домнинскую вотчину Романовых и привезли оттуда 27 документов, датированных не ранее чем 1626 г., а Бекаревич выполнил 34 фотографии местности и «разных предметов древности»⁴.

Создание Романовского отдела нашло горячий отклик в сердцах костромичей. «Губернское земство сразу же удвоило отпускаемую им архивной комиссии денежную субсидию, увеличив ее до одной тысячи рублей. Нерехтский помещик Н. Н. Коптев пожертвовал 400 рублей, член архивной комиссии Геннадий Васильевич Юдин из Красноярска прислал 500 рублей»⁵.

По ходатайству Н. Н. Селифонтова, Академия наук разослала во все губернии России циркулярные письма, в соответствии с которыми членам КГУАК был открыт доступ к любым архивным документам, связанным с историей рода Романовых. После чего Романовский отдел стал активно пополняться большим количеством архивных документов и рукописей, предметами старины. Таким образом, КГУАК накопила большое количество документальных и вещественных источников. Практически сразу же возник вопрос о постройке в Костроме здания, приспособленного под нужды музея. Для всестороннего рассмотрения и изучения этого вопроса была организована Особая комиссия из 12 членов.

Местное дворянство в декабре 1897 г. предоставило в распоряжение архивной комиссии для постройки предполагаемого здания музея небольшой участок земли по Павловской⁶ улице и выделило из суммы дворянства 1000 рублей. Такое же пособие было назначено архивной комиссии и со стороны костромского городского управления.

В конце 1898 г. Совет архивной комиссии обсудил вопрос «об устройстве особого здания для библиотеки, архива и музея комиссии, которое бы вполне отвечало своему назначению»⁷.

Первый проект был заказан губернскому инженеру Л. А. Треберту, его эскиз хранится в фондах музея-заповедника, он датирован мартом 1899 г. Треберт составил проект-смету на постройку музея на сумму 55 тысяч рублей. Симметричная композиция, суховатый мелкий декор позволяют отнести проект к постройкам «кирпичного стиля». 29 июня 1901 г. этот проект был одобрен министром внутренних дел Д. С. Сипягиным⁸. Его же костромской губернатор И. М. Леонтьев представил через великого князя Сергея Александровича на воззрение и одобрение императора Николая II в феврале 1903 г., о нем же шла речь в 1904 и в 1905 гг.⁹ Но средств на постройку здания у комиссии не было. К тому же в 1900 г. скончался основной идейный вдохновитель постройки музея Н. Н. Селифонтов. Проект не получил дальнейшего продвижения, и дело сооружения здания музея в Костроме приостановилось на довольно продолжительное время.

В конце 1904 г. член КГУАК А. И. Черницын сделал доклад, в котором констатировал крайнюю тесноту, неудовлетворительность и непригодность к занятиям архивным делом помещения музея, занимаемого архивной комиссией в Дворянском собрании. К этому вскоре присоединилось новое осложнение. Дворянское депутатское собрание постановило считать сделанное дворянством пожертвование земельного участка под постройку музея неприкрытым, если в течение 5 лет архивной комиссией не будет построено на нем здание музея¹⁰.

Вопрос о строительстве здания музея с каждым годом становился все актуальнее. В 1906 г. комиссия, безвозмездно размещавшаяся в шести комнатах нижнего этажа и одной комнате верхнего этажа Дворянского собрания, вынуждена была освободить комнату на верхнем этаже. Пришлось срочно переносить ценнейшую библиотеку, завещанную Н. Н. Селифонтовым, в нижние помещения, уже и без этого перегруженные архивными документами, книгами, музейными предметами. Члены комиссии пришли к выводу о необходимости ходатайствовать перед правительством о выделении субсидии и начале сбора частных пожертвований для постройки музейного здания.

В 1907 г. по инициативе костромского губернатора А. П. Веретенникова был создан Строительный комитет по постройке здания музея. В него, кроме самого губернатора, вошли: директор народных училищ И. П. Виноградов, губернский архитектор Л. А. Большаков, городской архитектор Н. И. Горлицын, священники В. А. Соколов, В. А. Андроников, вице-губернатор князь А. Н. Оболенский, инженер Л. А. Треберт и А. И. Черницын, избранный казначеем комитета. Комитет разослал обращения о пожертвовании средств на постройку здания. Было собрано более 12 тысяч рублей. Самую большую сумму – 10 000 рублей – прислал из Красноярска купец Г. В. Юдин.

В 1908 г. городским архитектором Н. И. Горлицыным был разработан новый проект постройки музея и составлена смета, причем музей предложено было назвать Романовским, согласно желанию Г. В. Юдина и ввиду предстоящего 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых.

Составленные архитектором Н. И. Горлицыным два варианта проекта здания музея, датированные 3 и 4 апреля 1908 г., были представлены императору

мануфактуры». Находилась она на окраине города Костромы, на реке Кострома. Товарищество включало в себя льнопрядильное, ткацкое, белильное, отделочное производства. Помещалась фабрика в двух каменных корпусах, крытых железом и освещаемых газом. Льнопрядильни приводились в движение двумя паровыми машинами, среднего давления, в 80 и в 100 сил (с 8 паровыми котлами). В ткацкой использовалась одна паровая машина в 25 сил – с двумя котлами. Все работы механические, за исключением ручной чески льна и размотки пряжи. Среднее число рабочих в 1882 г. было 1 800. Материалом для производства служили лен, очески и кудель, закупаемые главным образом в губерниях Костромской, Вологодской и Ярославской¹⁵.

Фабрика имела свои склады и вела торговлю в Петербурге, Москве, Харькове, Варшаве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону. Ткани ее отличались добротностью и пользовались большим спросом. На международных выставках в Париже (1900), Турине (1911) Товарищество получило большие призы, ткани его неоднократно отмечались на Нижегородской ярмарке золотыми медалями. За 50 лет – с 1866 по 1917 г. – чистая прибыль владельцев составила 14,9 млн. рублей. Часть ее пошла на расширение предприятия (приобретение машин и оборудования, строительство новых корпусов), немногим менее половины – 6,4 млн руб. – было распределено между владельцами. Как видно из нижеприведенной таблицы, производство льняной ткани на фабрике за 46 лет увеличилось в 23 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Объем производства льняных тканей (в тыс. погонных аршин)¹⁶

Годы	Объем
1868–1869	418
1878–1879	450
1888–1889	1 677
1898–1899	2 729
1908–1909	5 168
1913–1914	9 583

К 1915 г. фабрика выросла в крупнейшее предприятие отрасли с 54 тыс. веретен и 800 ткацкими станками. Вначале здесь развивалось прядильное производство, на котором к 1900 г. было уже 52,6 тыс. веретен. По числу веретен и производству пряжи фабрика в начале XX в. превосходила льнопрядильни Швеции, Голландии и Дании вместе взятые. Фабрика занимала первое место в мире по числу веретен, работавших под одной кровлей¹⁷.

С 1900 г. быстро развивалось ткацкое, красильное, бельно-отделочное производства, брезентовая и механическая мастерские. По данным на 1915 г., Большая костромская льняная мануфактура (так она стала называться с 1912 г.) превратилась в комбинат с полным циклом производства – от обработки льна

производства достигала 1 073 тыс. руб., всего перерабатывалось в год льна, кудели и пакли до 170 тыс. пудов на 695 тыс. руб.¹⁰

Анализируя уровень и характер предреформенного производства, В. Г. Пирогов отмечал: «Если по числу рабочих и сумме производства фабричная промышленность Костромской губернии в канун реформ и имела черты крупного производства, то в техническом отношении в конце 50-х годов фабрика отличалась примитивностью оборудования. Паровая машина на фабрике была исключением...»¹¹.

Всего к концу 1850-х гг., по данным Е. Дюбюка, в губернии имелось 11 заведений, применявших пар, в них было 18 машин с более чем в 380 сил, из них 11 машин – на предприятиях Костромы. Единственной отраслью, где в это время прочно завоевала себе положение паровая машина, было льнопрядение. В хлопчатобумажной промышленности делались первые шаги по применению в производстве пара¹².

Именно в этих отраслях в первые пореформенные десятилетия быстрее всего совершается переход на вольнонаемный труд и паровую энергетику. На долю текстильного производства в губернии приходилось 65,4 % мощностей установленных двигателей и 71,4 % процента всего числа рабочих. О развитии в Костромской губернии механического льнопрядения сообщается в «Историко-статистическом обзоре промышленности России»: «В 1861–1862 гг. положение наших льнопрядильен сделалось весьма критическим. Цены на лен повышались, в зиму 1861–62 гг. дошли до 4. руб. 60 коп., и даже дороже за пуд, а между тем на пряжу требований не было. Чтобы дать сбыт последней, фабриканты стали отпускать ее в кредит крестьянам, с риском потерять на своих должниках значительную часть ссуды. <...>

Наступление американской междоусобной войны и польского восстания вывело льнопрядильни из критического положения, в котором они находились. Американская война повысила цену на хлопок и изделия из него и вызвала усиление выделки полотен. Последнее не осталось и без влияния польского восстания, потребовавшее усиленных поставок для нашей армии. Благодаря этому, наши льнопрядильни получили возможность увеличить производство»¹³. Стали возникать и новые льнопрядильни.

В Кострому, как центр тонкой льняной промышленности, льны шли гужом почти со всей территории Костромской губернии, из прилегающих к ней местностей Вологодского уезда, из Даниловского, Любимовского и Пошехоно-Володарского уездов Ярославской губернии и из северо-западной части Кинешемского уезда. Кроме того, город Кострома получал довольно большое количество льнов высокого качества по железной дороге из Вологодской и Северо-Двинской губерний. Большинство льнов перерабатывалось на фабриках Костромы, и лишь небольшое количество их из Костромы отправлялось в село Яковлевское и за пределы губернии¹⁴.

Наиболее крупным и быстро растущим предприятием явилась открытая П. и С. Третьяковым, В. Коншиным и Н. К. Кашиным в декабре 1866 г. льнопрядильная и ткацкая фабрика «Товарищество Большой Костромской Льняной

Николаю II на воззрение и одобрение. Они развивали замысел Л. А. Треберта (симметричность композиции, суховатый декор), но отличались обилием значимых изображений как скульптурных, так и мозаичных (Михаил Федорович, Петр I, Александр II, Николай II, сцена встречи Великого московского посольства 1613 г. и т. д.).

8 мая 1908 г. члены общего собрания архивной комиссии решили изменить свои первоначальные планы, предложив построить здание музея на Сенной площади г. Костромы. В протоколе говорилось, «что проектируемому зданию музея, с именем которого предполагается соединить память о важнейшем событии в жизни русского народа – избрании на царство Михаила Федоровича Романова, необходимо придать и соответствующий его значению наружный вид, и поставить его на открытом месте, например на площади, где бы оно было видно отовсюду, а около здания устроить сквер. Таким местом для постройки здания музея, по мнению членов общего собрания комиссии, могла бы послужить Сенная площадь»¹¹.

В конце мая 1908 г. в Департамент общих дел МВД костромским губернатором генерал-майором Веретенниковым было направлено донесение, в котором говорилось, что на «постройку проектируемого архивной комиссией Романовского музея в Костроме имеется 17 тыс. рублей, 10 из которых пожертвовано потомственным почетным гражданином Юдиным, 1000 – Костромской городской думой, остальные 6 – разными лицами». Кроме того, костромским дворянством был пожертвован участок земли в центре города, рядом с Дворянским собранием. Что же касается проектов, то на тот момент их имелось три, и стоимость работ по ним исчислялась от 70 до 100 тысяч рублей¹².

17 сентября 1908г. губернатор получил уведомление из Департамента общих дел МВД о том, что на ходатайство КГУАК о присвоении проектируемому музею наименования «Романовский» получено высочайшее соизволение. «Вместе с сим, его императорскому величеству благоугодно было выразить принципиально свое августейшее соизволение пожертвовать какую-либо сумму от монарших щедрот для упомянутого музея»¹³.

Так как по сравнению с проектом Треберта проект здания музея Горлицына имел большие размеры и участок земли был мал для указанной цели, то Строительный комитет ходатайствовал перед дворянским депутатским собранием об увеличении размеров земельного участка на несколько сажен по Павловской улице. Одновременно было направлено ходатайство в городское управление об отводе места под постройку музея на Сенной площади, которую в этом случае предполагалось обратить в сквер. Но городское управление не удовлетворило просьбу Строительного комитета, прежде всего по экономическим соображениям, а вместо Сенной площади со своей стороны предложило для указанной цели пруды – Медный, Боровков и Космодамианский, Покровскую площадь и Малый сквер при Успенском кафедральном соборе. Но Строительный комитет не принял ни одного из этих предложений как по техническим, так и по экономическим соображениям и остановился в конце концов на прежнем участке. Тем более что Дворянское депутатское собрание нашло возможным

увеличить размеры пожертвованного ими участка земли на несколько сажен в сторону дворянского дома. В протоколе заседания предводителей и депутатов Дворянского собрания от 17 января 1909 г. говорится: «...предоставить архивной комиссии 20 сажен по лицу Павловской улицы от дома Касаткина и 15 сажен вглубь двора, с обязательством со стороны комиссии разбить сад по всей свободной от здания музея земле и предоставить на границе означенной земли пространство, необходимое для склада годовичного запаса дров и устройства мусорной ямы. Здание должно быть возведено в пятилетний от 27 мая 1908 года срок. Отведенная земля должна оставаться собственностью Дворянства и предоставляется архивной комиссии доколе на ней помещается указанное здание всецело занятое Романовским музеем». Причем при голосовании 29 человек высказались за предоставление земли, а 5 человек – против¹⁴.

После получения высочайшего разрешения на наименование музея «Романовским», 21 июня 1909 г. во время работы IV областного историко-археологического съезда, состоялась закладка здания музея. Первый камень был заложен в восточном фасадном углу. В торжественной церемонии принимали участие представители духовенства во главе с Тихоном, архиепископом Костромским и Галичским, участники IV областного археологического съезда, костромской губернатор и другие представители местной государственной и выборной власти.

Осенью 1909 г. губернатор А. П. Веретенников разослал всем членам архивной комиссии прошения о пожертвовании на строительство Романовского музея. Костромские газеты печатали советы по сбору средств. Предлагалось установить «кружечные сборы» в церквях, проводить благотворительные вечера и концерты, а учащиеся гимназий призывали на один день отказаться от булочек и сладостей и пожертвовать сэкономленные деньги на благородное дело – строительство Романовского музея.

В конце того же года КГУАК выпустило обращение «к лицам, сердцу которых дорого прошлое Отечества и, в частности, Костромского края» с изображением будущего здания музея о сборе пожертвований на достройку музея. В нем, в частности, говорилось, что «всякое пожертвование, хотя бы самой малой суммы, будет принято с глубокой признательностью и навсегда останется в памяти будущих поколений, так как будет занесено в особую книгу на хранение в Музее, пожертвования же более крупные будут отмечены на особой мраморной доске»¹⁵. Пожертвования направлялись на имя казначея строительной комиссии по постройке музея или в губернское и уездное казначейства Костромской губернии.

23 ноября 1912 г. канцелярия Императорской Академии художеств сообщила, что совет Академии выделяет в пользование Романовского музея художественные произведения согласно списку¹⁶. Расходы по упаковке и пересылке произведений в Кострому легли на руководство музея. В начале февраля 1913 г. дополнительно к ранее выделенным произведениям Академия выделила еще 18 гравюр.

Император Николай II не забыл своего обещания. 21 ноября 1912 г. на имя костромского губернатора П. П. Шиловского от управляющего кабинетом его

выразилось в создании крупного механического завода в Костроме. Д. И. Шипов в 1852 г. устроил в Костроме небольшое заведение для производства валов, по образцу валов из красной меди, привозимых из Англии. Вначале это была небольшая меднолитейная кузница на 2 горна, но постепенно, по мере роста спроса фабрикантов на чугунную отливку, Шипов пристроил к меднолитейной чугунолитейню, затем гвоздильное отделение, пароводную верфь и таким образом в короткое время превратил свое предприятие в крупнейший металлический завод в губернии. В 1858 г. сумма производства завода достигала 700 тыс. руб.; в 1860 г. здесь работал 761 человек, заработная плата составляла 130–180 руб. серебром. Двигателями на механическом заводе служили 4 паровые машины. Механический завод Шипова производил молоты, насосы, токарные и сверлильные станки, паровые котлы, оборудование для текстильных фабрик, речные суда, паровые машины, водокачки, локомобили, гидравлические прессы, вентиляторы для очищения воздуха, машины для сельского хозяйства⁵.

В 1853 г. возникает в Костроме первая льнотрепальная фабрика братьев Зворыкиных. В 1854 г. на реке Солонице купец Крейцер ставит водяную льноприготовительную фабрику. Такая же фабрика (Данилова) появляется в 10 верстах от Костромы. На всех этих фабриках лен перерабатывался по фламандскому способу холодной вымочки. Крупнейшей из них была фабрика Крейцера: сумма производства в 1858 г. достигала 250 тыс. руб. сер., вырабатывалось до 70 тыс. пудов льна⁶.

Крымская война, резко усилившая спрос на полотняные изделия для армии, подействовала оживляющим образом на полотняную промышленность. В Костромской губернии это обстоятельство совпало со временем возникновения первых льнопрядильных фабрик⁷.

Застрельщиком механических льнопрядилен стал нерехтский полотняной фабрикант А. В. Брюханов. Полагаясь на свою опытность, он решил открыть в 1854 г. льнопрядильню в Костроме. Отсутствие конкуренции, дешевизна льна и возможность получить необходимые механизмы на месте вселяли надежду на успех дела. Пригласив в компаньоны московского купца А. А. Зотова, Брюханов устроил льнопрядильню первоначально на 1 500 веретен. С самого начала фабрика работала очень успешно. В движение она приводилась двумя паровыми машинами. На фабрике перерабатывалась пряжа от № 10 до № 100. Все прядильные аппараты были выписаны из Англии, кроме пяти ватеров, приготовленных на механическом заводе Шипова в Костроме⁸.

В 1858 г. Зотов отделился от Брюханова и устроил в Костроме свою отдельную фабрику на 400 веретен, а Брюханов, пригласив в компаньоны Михина, увеличил свою льнопрядильню до 3 500 веретен. В 1860 г. Зотов поставил вторую льнопрядильню. Фабричное производство приводилось в движение двумя паровыми машинами, из которых одна бельгийского завода Жиллэнь, а другая механического завода Шипова. Все прядильные аппараты были выписаны из Англии. Стоимость машин, прядильных аппаратов и станков составляла 300 тыс. руб.⁹

В 1861 г. на обеих зотовских льнопрядильнях работало уже 8 500 веретен, на фабриках Брюханова и Зотова 6 000 веретен; работало 1 526 рабочих, сумма

И. В. Голубева, Е. С. Дворецкая

г. Кострома

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В Г. КОСТРОМЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Вторая половина XIX в. – время завершения промышленного переворота в России. Отмена крепостного права, высвободившая рабочие руки и создавшая спрос на промышленную продукцию, послужила стимулом к росту промышленности, причем в лучшем положении оказались те производства, где труд оброчных крестьян возобладал еще до реформы. Так было в текстильной промышленности, где развитие оброчной системы и рост отхожих промыслов создали обширный контингент вольнонаемных рабочих, труд которых стал доминировать еще до реформы. Промышленное развитие Костромского края, и прежде всего города Костромы, подтверждает этот тезис.

В 1850-х гг. в Костроме насчитывалось 25 предприятий с общим оборотом свыше 1 300 тыс. руб. В том числе механическо-судостроительное производство достигало суммы около 700 тыс. руб., льнопрядильное – 250 тыс. руб., кожевенное – 174 тыс. руб., свечно-сальное – 66 тыс. руб., табачное – 56 тыс. руб. и полотняное – 36 тыс. руб.¹

Костромская губерния истари славилась полотняной мануфактурной промышленностью. Еще в XVII в. парусины и холст отправлялись из Костромы через Архангельск в Голландию; ткани, вырабатываемые в Костромской губернии в XVIII столетии, также вывозились за границу и очень ценились в Англии. Всего к концу XVIII столетия в Костромской губернии числилось 35 полотняных фабрик, из них 14 в городе Костроме².

Однако с 1823 г., вследствие падения спроса на фламское полотно и равендук в Англии и Америке, куда они преимущественно вывозились, а затем быстрого понижения цены на эти изделия, фабрики стали сокращать производство, и владельцы, пострадавшие от этого кризиса, почти все вынуждены были закрыть свои заведения. Из прежних полотняных фабрик в Костроме осталось только одна – купца Колодкина, основанная в 1755 г. Фабрика производила полотно и коломенки на сумму около 50 тыс. руб.³ Падение экспорта русского полотна произошло вследствие того, что в Западной Европе техника льняного прядения и ткачества быстро шла вперед, наши же льняные фабрики использовали почти все те же способы обработки, которые сохранились со времени их основания при Петре I⁴.

По мере падения роли полотняных фабрик быстро начала развиваться бумажная промышленность и льняная камчатная, что в свою очередь послужило толчком для развития других, тесно связанных с ними производств. Накануне Крестьянской реформы в губернии уже насчитывается 44 бумаготкацких фабрики с 6 390 рабочими. Рост текстильного производства в свою очередь явился мощным стимулом к развитию целого ряда других производств, поставлявших на рынок сырье, вспомогательные материалы, оборудование. Последнее

императорского величества сообщили, что «государь император высочайше повелел отпустить 35 тысяч рублей на окончание внутреннего устройства и внутренней отделки Романовского музея и меблировку этого здания, а также на некоторые работы по внешней отделке, необходимые для открытия музея»¹⁷. В декабре того же года из Костромского казначейства поступили 25 тысяч рублей на имя казначея строительной комиссии Черницына в счет высочайше дарованных 35 тысяч¹⁸.

Строительные работы безостановочно продолжались в течение четырех лет. В строительный сезон 1909 г. был выведен фундамент, построен первый цокольный этаж и треть второго этажа здания. В 1910 г. были выведены стены остальных двух этажей, выточены украшения из белого камня на здании, положены все железные балки, устроена крыша из оцинкованного железа. В 1911 г. достроено крыльцо, окончена кладка крыльца, сделаны железобетонные своды, оштукатурены стены внутри и снаружи здания, проведены водопровод, канализация и устроено паровое отопление с вентиляцией. В 1912 г. была произведена внутренняя отделка здания. В январе 1913 г. в Царскосельском дворцовом управлении были заказаны витрины для музея на сумму 4172 рубля по специально разработанным образцам.

Романовский музей был открыт 19 мая 1913 г. в присутствии императора Николая II и членов его семьи. Музей на протяжении 100 лет не меняет своего названия и предназначения и по-прежнему радует посетителей богатой художественной коллекцией.

Примечания

¹ Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 г. Кострома, 1914. С. 78–79.

² Особый журнал КГУАК, заседания 26-го августа 1897 года по случаю открытия при комиссии «Романовского отдела». Кострома, 1897.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Сухарева Т. Костромской художественный музей: события, факты, люди. Кострома: Костромаиздат, 2006. С. 8–9.

⁶ Ныне пр. Мира.

⁷ Журнал годовичного общего собрания членов КГУАК 23 января 1905 года. // Костромская старина. Вып. 6. Кострома, 1905. С. 37.

⁸ Журнал заседания КГУАК 27 ноября 1902 г. Кострома, 1902. С. 2.

⁹ Журнал заседания КГУАК 19 ноября 1901 г. Кострома, 1901. С. 30; Костромская старина. 1905. Вып. 6. С. 37.

¹⁰ См. Отчет казначея строительной комиссии А. И. Черницына // ГАКО. Ф-179. Оп. 2. Д. 20. Л. 24–41 об.

¹¹ Журнал заседаний КГУАК за 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. Кострома, 1909. С. 140.

¹² ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 19–19 об.

¹⁶ Там же. Д. 30. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 32. Л. 28.

¹⁸ Там же. Д. 32. Л. 23.

Н. А. Молибога, М. Б. Овчинникова

Москва

**ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ, ВЕРЕ И ЧЕСТИ
(СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМАНОВА)**

Великий князь Сергей Александрович Романов – порфирородный сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны – родился 29 апреля 1857 г. В честь этого события московский митрополит Филарет (Дроздов) в проповеди произнес, что рождение великого князя – «знамение во благо», знак благословения Божия для только что начавшегося царствования.

Воспитание младенца было поручено фрейлине Анне Федоровне Тютчевой (дочери великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева). Она просветляла его мирозерцание, закаляла характер и направляла его сердце к любви родной истории.

Государь назначил воспитателем своего сына в отрочестве капитан-лейтенант Дмитрия Сергеевича Арсеньева, а впоследствии – и попечителем юноши. Их искренняя духовная дружба длилась в течение многих лет. «Я убедился, что Сергей Александрович был доброе, чрезвычайно сердечное и симпатичное дитя, нежно привязанное к родителям и особенно к матери, которую он всегда обожал, к своей сестре и младшему брату; он очень много и интересно играл и, благодаря своему живому воображению, игры его были умные, и мне легко и даже приятно было принимать в них живое участие... Я к нему привязался всей душой»¹.

Опасение за состояние легких великого князя побудило родителей зимой 1865 г. отправить его в Москву. Решение это было одобрено святителем Филаретом, митрополитом Московским, с которым Сергей Александрович впоследствии часто общался. В это же время началась его многолетняя дружба с архиепископом Ярославским Леонидом, которая продолжалась до смерти владыки в 1876 г. Тесное знакомство с великим князем давало возможность владыке подавать духовные наставления своему собеседнику. «Я говорил, они слушали внимательно... о молитве, о правиле молитвенном, о том, что она всегда должна жить в душе... что есть молитва, которая должна быть открыта, и другая, внутренняя, сокровенная, что пред Богом мы все равны, что с тех больше спросится, кому больше дано, что смирение одно возвышает человека пред очами Божиими и что в их высоком положении христианскими добродетелями особенно много можно послужить ближним и уготовить себе высокое место в будущей жизни»².

Обучение великого князя было тщательно продумано. Государь император заботился также о том, чтобы сын его постигал и жизненную науку. Когда Сергею Александровичу было около 18 лет, Александр II поручил А. Ф. Кони, занимавшему тогда должность прокурора, ознакомить великого князя с настоящим состоянием тюрем столицы. «Через много лет, в 1898 г., в Москве, Великий князь, которого я просил как московского генерал-губернатора содействовать осуществлению мысли о постановке памятника великому тюремному

объемов при относительно слабо выраженной или вообще невыраженной фронтальности отразилась главная идея православного храмостроения – быть символическим зримым воплощением Бога на земле, невидимого и вездесущего.

Утрата сакрального наследия в советские годы нанесла ущерб тому уникальному символическому пространству, которым обладали русские города, в том числе и Кашин, до революции 1917 г. Города предстают перед нами не только памятниками материальной культуры минувших эпох, но и памятниками духовными, оставившими нам образец своих представлений о соотношении небесного и земного в повседневной жизни, архитектурную модель, созданную коллективом. Осмысление этой культурной информации в культовом зодчестве, представляющее собой совокупность кодов и смыслов, мир форм и стилей, текстур и цвета, не потеряло своего значения и сегодня. Архитектура Кашина на протяжении многих веков определяла художественный образ города, семиотику его пространства, обращалась к внутренним сферам духовной жизни, отражала культурно-религиозные смыслы той или иной эпохи. Формирование сакрального пространства в Кашине происходило по примеру древнерусских средневековых городов. Сакральное пространство Кашина в дореволюционный период позволяет проследить его основные функции: защитную, организующую, сакральную.

Примечания

¹ *Элиаде М.* Трактат по истории религий. М., 2009. С. 140–146.

² См.: Сакральная топография средневекового города. М., 1998; *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Известия Института христианской культуры Средневековья. Т. 1. М., 1998. С. 13–22.

³ Там же. С. 13–14.

⁴ *Кудрявцев М. П.* «Москва – Третий Рим». М., 1986; *Мокеев Г. Я.* Типология древнерусских городов // Сб. научных трудов ЦНИИ теории и истории архитектуры «Архитектурное наследие». 1977. № 25; *Кудрявцев М. П., Мокеев Г. Я.* О своеобразии древнерусской архитектуры // Юный художник. 1981. № 7. С. 20–23; *Гаряев Р.* Проектировался ли русский средневековый город? // Российский ежегодник. 1989. Вып. 1. С. 124; *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 13–22.

⁵ *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 13–22.

⁶ *Krautheimer R.* Three Christian Capitals. Topography and Politics. Berkeley; Los Angeles; London, 1983.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Л. 2–3.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ *Кошелевский В. Н.* Летопись города Кашина. С. 82.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 108.

¹³ *Кошелевский В. Н.* Город Кашин. С. 54.

¹⁴ *Трифонов И. О.* Город как сакральное пространство. М., 2006. С. 5.

¹⁵ *Кириков Б. М.* Кашин. Л., 1987. С. 12.

¹⁶ *Кошелевский В. Н.* Город Кашин. С. 14.

¹⁷ *Кириков Б. М.* Указ. соч. С. 22.

града Иерусалима, отмечают исследователи, часто переносился на понятие русского провинциального города¹⁴. Градостроительная система города формировалась по законам русского провинциального градостроения. Она включала в себя собственно город (кремль), торг и посад, слободы, монастыри, храмы¹⁵. В основе градостроительной композиции Кашина, как считают исследователи, лежит символика Христа Спасителя – Крест. Идейным центром храмовой застройки сакрального пространства города стал Воскресенский собор. От собора на продольной и поперечной оси располагались 33 храма – возраст Христа, принявшего смерть. Воскресенский собор был окружен «горным ожерельем» церквей, расположенных за излучиной реки – числом 24, что должно было вызывать мысль о Горнем престоле – Небесном граде Иерусалиме¹⁶. Структура городского пространства предрегулярного Кашина определялась радиально-концентрической. Уличная сеть скреплялась небольшими пространствами площадей, на которых располагались архитектурные акценты. Так, многие проезды были ориентированы на церковные здания. Площади заполняли композиционный смысл сакрального пространства провинциального города. Каркас панорамы смысловых акцентов пространства формировали объемы церквей и монастырей. Как пишет исследователь Б. М. Кириков, «приходские храмы были общественными центрами посада и слобод – в пределах своих локальных зон всегда ставились на возвышенных, хорошо обозримых местах. Архитектурные доминанты – церкви, монастыри – являлись главными объектами притяжения приходов, символами “духовной оседлости”»¹⁷. В XVIII столетии в Кашине окончательно оформилась градостроительная система с регулярной застройкой. План 1775 г. закрепил идею о городе – «Кресте», в котором важную роль продолжали играть монастыри и церкви. Регулярная рядовая застройка ориентировалась на строгие красные линии (сакральные маркеры). Монастыри и церкви города служили определенными смысловыми, организующими звеньями сообщества горожан, формирующим маркером «духовности», культурности социума города и его окрестностей.

Таким образом, формирование сакрального пространства города в дореволюционной России происходило параллельно формированию и складыванию города как такового. Сакральное пространство провинциального Кашина определялось градостроительными особенностями рельефа и способствовало формированию городов-храмов (монастырей) внутри городской среды. В этом проявилась знаковая, маркировочная функция церквей в городском пространстве. Она обусловила коммуникацию внутри города. Не менее значима для сознания русского общества была их градозащитная функция. Исконная функция города – защита – символически, как ни странно, была более выражена у храмов. Центральным объектом в пространстве города был собор, который, по сути, структурировал город, становился его символом и был связан церквами. Эта связь могла подчеркиваться особой схемой расположения улиц, проведением крестных ходов от храма к храму, которые способствовали духовному единению горожан.

Храм наделялся по отношению к городу и защитной функцией. В центричности построения православных церквей, в компактности и законченности их

человеколюбцу... Феодору Петровичу Гаазу, вспомнил наш объезд петербургских мест заключения и сказал мне: “Я много видел тяжелых картин на своем веку, но ничто не произвело на меня такого подавляющего действия, как то, что вы мне показали тогда, – этого нельзя забыть!”»³

В 1877 г., вступив в совершеннолетие, великий князь принес присягу на верность служения Царю и Отечеству. Он честно служил им всю свою жизнь.

Шла Русско-турецкая война 1877–1878 гг. 21 мая 1877 г. Государь, наследник и великий князь Сергей Александрович отправились в действующую армию. Император Александр II намеренно подвергал сына трудам и испытаниям. 5 июля 1877 г. по просьбе самого Сергея Александровича его направляют в действующую армию, в Рущукский отряд. Во время боя турки открыли сильный артиллерийский огонь, «причем взорвали в 19-й конной батарее передок, находившийся в 50-ти метрах от Великого князя Сергея Александровича, состоявшего при колонне», – рассказывает в походном дневнике Леонид Михайлович Чичагов, впоследствии – священномученик митрополит Серафим (Чичагов)⁴.

Смерть матери, скончавшейся в 1880 г., стала тяжелейшим потрясением для великого князя. «Этот удар был страшный удар, и видит Бог, как я и до сих пор не могу еще придти в себя, – напишет он через год. – С Ее смертью все, все переменялось. Не могу я словами выразить все, что наболело на душе и на сердце, – все, что у меня было святого, лучшего, – все в Ней я потерял – вся моя любовь – моя единственная сильная любовь принадлежала Ей».

В 1881 г. от руки террориста погиб император Александр II. Великий князь считал, что одной из причин, которые привели отца к трагической гибели, было проведение либеральных реформ. Под влиянием всего перенесенного у Сергея Александровича сложилось твердое убеждение в том, что спасти от нравственной и политической гибели – и отдельно взятого человека, и страну – может только приверженность исторической и духовной традиции, верность православию и самодержавию.

Неудивительно, что Сергей Александрович нажил себе множество врагов в «передовом» русском обществе, охваченном либеральными и даже революционными настроениями. Политические противники в России пустили в ход появившиеся еще в Петербурге слухи о его «ненормальности» и «тайной порочности». Замкнутый, погруженный в духовные переживания, не имеющий вкуса к великосветским увеселениям, великий князь тяжело переживал унижительные нападки, но никогда не показывал этого окружающим.

В 1881 г. великий князь совершил паломничество на Святую землю. По возвращении он основал Православное палестинское общество, сыгравшее исключительную роль в деле утверждения православия на Святой земле, и стал первым его председателем. Общество ставило перед собою три главные цели: защита и утверждение православия в Святой земле; облегчение православным паломникам путешествия в Палестину и попечение о них в самой Палестине; изучение и ознакомление русских людей с прошлым и настоящим Святой земли.

В 1882 г. великий князь вступил в ряды лейб-гвардии Преображенского полка командиром 1-го батальона. «Этому началу своей действительной службы Его

Императорское Высочество отдалось со всем жаром своей пылкой натуры, причем всегда первым был он на службе и служил для всех образцом исполнения служебных обязанностей»⁵.

В 1884 г. произошло одно из самых значительных событий в жизни великого князя Сергея Александровича – женитьба на принцессе Гессен-Дармштадтской Елизавете. Молодые поселились в имении Ильинское, которое незадолго до смерти императрица Мария Александровна завещала своему сыну. По свидетельству современников, это был необыкновенно счастливый союз. Люди бесчестные и недобрые пытались с помощью клеветы очернить их отношения. Собственные свидетельства преподобномученицы Елизаветы, ее чувства в день трагедии 4 февраля 1905 г. и в последующие месяцы и годы разоблачают эту ложь. «Только бы мне жить по правде, так, как желал бы мой Серж. Я бы хотела когда-нибудь стать достойной того, что была его женой»⁶.

Сергий Александрович был для Елизаветы Федоровны не только супругом, но и ее наставником. Божественный Промысел избрал великого князя в деле, значение которого переоценить невозможно: обратить в православие и дать нашей Церкви великую угодницу Божию преподобномученицу Елизавету. Решение жены принять православие глубоко тронуло любящую душу Сергея Александровича. «Великая княгиня по собственному внутреннему побуждению решила присоединиться к православной Церкви. Когда она сообщила о своем намерении своему супругу, у него, по словам одного из бывших придворных, «слезы невольно брызнули из глаз»⁷.

26 февраля 1887 г. великий князь Сергей Александрович был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Преображенского полка. Строго относясь к своим обязанностям, великий князь с отеческим вниманием и заботой относился к своим подчиненным. Во время маневров под Нарвою, чтобы испытать тяжесть солдатского снаряжения, он надел его на себя и с ружьем прошел маршем десять верст. Сослуживцы по полку, как офицеры, так и солдаты, относились к нему с любовью. Оставляя в 1891 г. полк, великий князь оставил из личных средств 10 тысяч рублей для оказания помощи нуждающимся в полку.

В октябре 1888 г. Сергей Александрович и Елизавета Федоровна посетили Святую землю и поклонились святым местам в Иерусалиме, побывали в храме св. равноапостольной Марии Магдалины, где 23 года спустя были погребены святые останки великой княгини Елизаветы.

26 февраля 1891 г. великий князь Сергей Александрович был поставлен на высокую и ответственную должность московского генерал-губернатора. Люди православно-патриотических настроений восприняли назначение великого князя с большим удовлетворением. Это было время, когда Россия, по словам архиепископа Анастасия (Грибановского), «под крепким скиптром Александра III достигла расцвета своего могущества и силы, и притом в чисто национальном духе»⁸.

На тех же принципах, что и царь-мироотворец, строил свою деятельность как генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Он «старался поднять нашу древнепрестольную столицу в различных отношениях, особенно

пространственно-планировочной организации и в архитектурном облике, не поколебали в XVIII – начале XX в. ни европеизация Петра I, ни реформы Александра II, сопровождавшиеся бурным развитием капитализма. За храмами сохранялся статус ведущего типа зданий в городах, которые, в свою очередь, заняли ведущее место в иерархии пространства бытовавших типов поселений. В их облике, панорамах, застройке улиц и площадей сохранялась господствующая роль храмов. Особенно очевидна она в небольших уездных провинциальных городах, составлявших основную массу городов России. Осмысление сакрального пространства российского города можно проследить на материалах провинциального Кашина, в котором сложилось особое пространство городское и сакральное. Как оно формировалось и какие функции ему принадлежали – эти вопросы являются наиболее интересными.

В Кашине к 1917 г. уже сложилось сакральное пространство города. Кашин – город с богатой историей и духовной традицией; был в свое время духовным центром Тверской епархии с большим количеством православных храмов, монастырей, духовных учебных заведений. На начало XX в. в Кашине проживало населения 7 544 человек, по преимуществу православных⁷. В городе проживало духовенство, которое составляло 711 человек⁸ и представители не православных конфессий: римско-католики (19), протестанты разных исповеданий (7), магометане (1), иудеи (6)⁹. Архитектурными доминантами городского пространства Кашина являлись культовые постройки. В пространстве города центр фиксировался храмом, который в этой позиции имел градообразующее значение.

На начало XX в. в Кашине действовали: Воскресенский кафедральный собор, Успенский собор, Вознесенский собор. В кафедральном соборе находились мощи святой благоверной княгини Анны Кашинской. Все церкви Кашина: Богоявленская, Богословская, храм Рождества Богородицы на болоте, Введенская, Спасская, Стефаньевская, Крестознаменская, Троицкая, Входаиерусалимская и др.¹⁰ – играли важную роль при организации городского публичного пространства. Центр города сохранил стародавнюю «уличанскую» систему расположения храмов. Центральные улицы города назывались по имени святых, храмов. Так, например, ул. Ильинская была названа по имени храма-центра этой улицы¹¹. Так было и с улицами Петропавловской и Введенской, Вознесенской и другими¹². К началу XX в. в Кашине насчитывалось 25 храмов (3 собора, 21 церковь, 1 домашняя церковь). Действовали и монастыри: Николаевский Клобуков мужской, Сретенский девичий, Дмитровский Солунский мужской¹³. Они были центром паломничества благочестивых горожан всех частей города, центром округа. Монастыри образовывали духовные и просвещенные центры городского пространства на окраинах. В систему православных компонентов городского пространства входили также и духовные учебные заведения: духовная семинария, духовное и епархиальное училище, церковно-приходские школы при церквях и монастырях. Эти постройки создавались для осуществления образовательной функции церкви, формировали религиозность населения, грамотность, культурность. Образ храма как дальнего Небесного

⁹ ГАТО*. Ф. 12. Оп. 1. Д. 137. Л. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 157. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 166. Л. 2.

А. А. Фёдорова

г. Тверь

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИИ

Изучение сакрального пространства провинциального города отличается, прежде всего, особым восприятием горожанами символов пространства, которые составляют неотъемлемую часть пространства города. Сакральное пространство – это священное место, ограниченное невидимой стеной, которая должна совпадать с видимыми границами государства, города, поселения, дома, храма, самого человека, и имеющее функциональное предназначение – оградить внутренний сокровенный центр от чужеродной среды, от запредельного внешнего хаоса. Сакральное – святое, священное – важнейшая мировоззренческая категория. По мнению исследователей¹, она предполагает реальное «присутствие Божие» и неотделима от «чудотворного». В данной статье сакральное рассматривается в рамках категории «духовная культура», содержание которой определяется на религиозном, художественном уровнях. В историографии «сакральное пространство» часто ассоциируется с сакральной топографией пространства города, в котором ключевая роль отводилась духовным компонентам: храму, монастырю, территории вокруг храма, церковному кладбищу. Сакральное пространство города изучалось в нескольких аспектах: формальный анализ композиции города как целого и места в нем архитектурных доминант², как структура города – взаимосвязанной системы высотных акцентов³. В ряде работ⁴ закономерности формирования градостроительной структуры получали значение неких иконических знаков. Исследование сакральной топографии города базируется, прежде всего, на выверке конкретных историй отдельных памятников и их престолов; системы служб и религиозных процессий; нельзя его отделить ни от общего изучения истории города, ни от общей истории зодчества. В исследовании процесса становления сакральной структуры христианского города сложилось несколько направлений: литургическое⁵, историко-художественная традиция изучения сакральной структуры в рамках градостроительства и архитектуры⁶.

Все направления отражают проблему понимания сакрального пространства в городе. Главную роль храмов в системе русских поселений, в их

в смысле хранения в ней, как исконно русского центра, ее национально-исторических преданий. И поникшее было в прежнее время, под воздействием чуждых нам влияний, значение ее святынь, исторических достопримечательностей, самого уклада жизни московской при нем поднялось, возвысилось и стало виднее во всех концах России»⁹.

Зная, какие пагубные последствия имеет всякий дух общественной непокорности, желающий вызвать социальные нестроения и взаимную вражду между людьми, генерал-губернатор Сергей Александрович решительно боролся против разрушительных сил. Историк последнего царствования пишет, что великого князя «революционные круги считали главою партии сопротивления. Великий князь Сергей Александрович, много лет занимавший пост московского генерал-губернатора, действительно был человеком твердых консервативных воззрений, способный в то же время и на смелую инициативу»¹⁰.

Человек истинно христианской нравственности, он, несмотря на свою сугубую занятость, деятельно, а не номинально участвовал во многих просветительских и благотворительных организациях, оказывая им помощь как почетный председатель или попечитель: Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей; Комитета для оказания пособий вдовам и сиротам, пострадавшим на войне; Московского общества покровительства беспризорных и освобожденных из мест заключения несовершеннолетних; Московского совета детских приютов, Иверской общины сестер милосердия. Большое внимание генерал-губернатор уделял образованию рабочих и горячо принимал к сердцу их умственные и нравственные интересы.

Большим событием в жизни великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны было присутствие на торжествах в дни прославления преподобного Серафима Саровского в июле 1903 г.

После поездки в Саров великий князь вернулся к своим обязанностям, исполнять которые становилось все труднее. Россия как бы раздвоилась. Одни дорожили вековыми отечественными традициями православной Руси, другие были одержимы мятежным духом, жаждой разрушения. «Наступает время и наступило уже, когда к русским людям, верным долгу, вере и чести, верным родине и царю, заветам верности и благородства, применимо слово молитвы церковной: “вменихомся яко овцы заколения!”»¹¹

1 января 1905 г. было удовлетворено прошение великого князя об отставке, за ним сохранился лишь пост командующего Московским военным округом. Сергей Александрович был генерал-губернатором Москвы 14 лет и оставался верен, как воин на всех фронтах, до тех пор, пока не началось ограничение царской власти. Служение новому типу царства представлялось Сергею Александровичу лишением духовно-нравственной основы, и для него стало «нравственно невозможно оставаться на службе». К решению уйти в отставку он шел несколько лет.

Решение об убийстве великого князя было принято партией социалистов-революционеров. Осуществление этого преступления стало делом их боевой организации. Мотивы убийства можно оценить скорее как идейные, а не политические.

4 февраля 1905 г. Сергей Александрович выехал из Николаевского дворца в губернаторский дом. В 2 ч. 47 м. на Сенатской площади Кремля в его карете разорвалась со страшной разрушительной силой бомба, брошенная уроженцем Варшавы И. П. Каляевым. Тело убитого было растерзано, и великая княгиня Елизавета Федоровна с великим самообладанием собирала его по частям. Останки были уложены на носилки, покрыты шинелью стоявшего здесь солдата, перенесены в Чудов монастырь и поставлены близ раки святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси.

Православные люди, откликнувшиеся на кончину великого князя, единодушно называли эту смерть мученической: «Да, он был воистину наш, потому что всегда он был жив духом древней Москвы... Пусть же он останется нашим и по кончине своей: пусть останки его пребудут навсегда в стенах священного Кремля, где Бог судил ему кончить жизнь мученически», – писал в «Московских ведомостях» священник Иосиф Фудель¹².

После убийства великого князя Сергея Александровича архимандрит Анастасий (Грибановский) сказал, что злодеи хотели запятнать Кремль царственной кровью, но лишь «создали новый опорный камень для любви к Отечеству», дали «Москве и всей России нового молитвенника».

Преподобный Сергей (до монашества – протоиерей Митрофан Сребрянский) записал: «7 февраля. Сейчас служили мы панихиду по новомученику царствующего дома великом князе Сергее Александровиче. Царство Небесное мученику за правду!»¹³

Мысль о том, что смерть ее дорогого супруга была мученической, укрепляла великую княгиню Елизавету Федоровну: «Великим утешением в моем тяжелом горе служит сознание, что почивший Великий Князь находится в обители святителя Алексия, память которого он глубоко чтит, и в стенах Москвы, которую он глубоко любил, и в стенах Кремля, в которой он мученически погиб»¹⁴.

Примечания

¹ Из записок адмирала Д. С. Арсеньева // Русский архив. 1910. № 11. С. 426.

² Авчинников А. Г. Великий князь Сергей Александрович: иллюстрированный биографический очерк. Екатеринославль, 1915. С. 11.

³ Кони А. Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т. 1. С. 195.

⁴ Чичагов Л. М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995. С. 385.

⁵ Авчинников А. Г. Указ. соч. С. 27.

⁶ Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011.

⁷ Анастасий (Грибановский), архиепископ. Светлой памяти великой княгини Елизаветы Федоровны // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 71.

⁸ Там же.

⁹ Неоцененной памяти скончавшегося мученической смертью Великого Князя Сергея Александровича (издание Комиссии по устройству чтений для рабочих). М., 1905.

¹⁰ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 271.

8 параллельных и 2 подготовительных классов¹³. Выпуск гимназисток составил 41 чел.¹⁴ К 1 января 1917 г. гимназия состояла из 8 основных классов, 9 параллельных и 3 подготовительных. В том же году в гимназии обучалось уже 979 гимназисток¹⁵.

В Тверской Мариинской гимназии, как и в других женских гимназиях Тверской губернии, в основном обучались дочери дворян, духовенства и городских сословий. Преподавание учебных дисциплин в женских гимназиях Тверской губернии проходило в соответствии с учебным планом 1874 г., утвержденным Министерством народного просвещения. Если сравнивать учебные планы мужских и женских гимназий, то можно сделать следующие выводы. В целом по недельной учебной нагрузке учебный курс женских гимназий был приближен к курсу мужских гимназий и даже несколько превышал его (соответственно 206 и 214 учебных часов). Вместе с тем, в женских гимназиях половина учебной недельной нагрузки отводилась на изучение таких учебных дисциплин, которые в мужских гимназиях не изучались: педагогика, рисование, рукоделие. Больше часов, чем в мужских гимназиях, отводилось на изучение французского или немецкого языков, меньше – на изучение классических языков. Таким образом, программа женских гимназий была в большей мере ориентирована на возможность работать ее выпускницам в сфере общего образования.

Если говорить о дальнейшем трудоустройстве выпускниц тверских гимназий, то здесь, к сожалению, у нас не имеется полных сведений о дальнейшем жизненном пути гимназисток. Есть единичные случаи, когда гимназистки Мариинской гимназии оставили воспоминания о годах обучения, которые свидетельствуют об их жизненных целях и планах и активной жизненной позиции.

Таким образом, можно сказать, что в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в. увеличивается число женских гимназий, в которых растет число обучающихся и выпускниц 8 класса; ученицы гимназий были представительницами различных сословий, в том числе и из крестьян (хотя и единицы); учебные программы по основным дисциплинам в основном соответствовали программам мужских гимназий. В целом можно подчеркнуть, что женское гимназическое образование было вовлечено в модернизационные процессы, протекавшие в стране, и являлось ресурсом для развития российской провинции.

Примечания

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. XLIII. Тверская губерния. СПб., 1904. С. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Обзор Тверской губернии за 1875 год. Л. 38.

⁶ Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Справочная книга, составленная по официальным сведениям к 1 января 1905 г. Изд. Департамента общих дел МНП, 1907. С. 674.

⁷ ГАГО*. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

⁸ Там же.

и большим количеством учебных заведений, в которых женщины могли получить среднее образование.

Одним из видов учебных заведений, где женщины могли получить среднее образование, были гимназии. Согласно ведомости о распределении учебных заведений по учебным округам, губерниям и областям, в Тверской губернии к началу 70-х гг. XIX в. насчитывалось 2 женские гимназии: 1 гимназия в Твери и 1 гимназия в Вышнем Волочке⁵. К 1 января 1905 г. в Тверской губернии уже существовало 6 женских гимназий⁶ (Бежецкая, Весьегонская, Осташковская, Ржевская, Тверская Мариинская гимназия, Тверская женская гимназия А. А. Римской-Корсаковой). Женские гимназии Тверской губернии были созданы в период с 1870 по 1904 г. путем преобразования из женских училищ и прогимназий. В уездных городах и губернском центре располагались гимназии ведомства Министерства народного просвещения и частные женские учебные заведения. Учебная и воспитательная деятельность в женских гимназиях Тверской губернии проходила согласно Положению о женских гимназиях и прогимназиях 1870 г. Если в предыдущих законодательных актах целью женского образования провозглашалось воспитание домохозяйки и жены, то в Положении 1870 г. это не находит отражение, но пока еще и не были сформулированы новые задачи. Однако при этом отмечается, что женскому образованию необходимо придать «более практический характер», что, как показывает практика, предполагало возможность более широкого применения способностей выпускниц.

К началу XX в. самой многочисленной по количеству учениц и по преимуществу привилегированной была Тверская Мариинская гимназия. Она единственная из всех женских гимназий Тверской губернии располагала собственным зданием, остальные арендовали помещения. В Мариинской гимназии был установлен 7-летний срок обучения и утвержден восьмой класс для подготовки к педагогической деятельности. Выпускницам 7 класса выдавался аттестат, позволявший работать учительницей начальной школы, окончившим 8-й класс – аттестат домашней учительницы и домашней наставницы. Введение дополнительного класса открывало более широкое поле для педагогической деятельности выпускницам гимназии. На 1 января 1882 г. гимназия состояла из 8 основных классов и 1 подготовительного с общей численностью в 404 ученицы⁷. В том же году выпуск учениц составил 45 чел., в их числе 23 выпускницы, окончившие 7 классов, и 22 ученицы, получившие аттестат домашней учительницы и домашней наставницы⁸. С каждым новым учебным годом численность учениц в гимназии неуклонно возрастала, и это влекло неизбежную потребность в открытии параллельных классов и в расширении здания. В 1885 г. численность учениц достигла 448⁹. По окончании общего курса (7 классов) аттестат учительницы начальной школы получили 6 чел. из общей численности в 49 чел.¹⁰ 43 гимназистки пожелали продолжить обучение в 8-м дополнительном классе. В том же году выпуск гимназисток, окончивших 8-й класс, составил 27 чел.¹¹ На 1 января 1906 г. общее число учениц в гимназии составило 570 чел.¹², и в том же году гимназия состояла из 8 основных классов,

¹¹ *Восторгов И. И., прот.* Кровавое помешательство // Полн. собр. соч. М., 1915. Т. 3. С. 69.

¹² *Фудель И., прот.* Незабвенной памяти Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1905. Вып. 1. С. 33.

¹³ *Сребрянский М., прот.* Дневник полкового священника. М., 1996. С. 250.

¹⁴ Цит. по: *Фудель И., прот.* Незабвенной памяти Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича. С. 16.

О. А. Кашинская
Москва

ЭПОХА ПАВЛА I КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Царствование Павла I, признанное в историографии рубежным в процессе перехода от раннего нового времени к «зрелому» новому времени русской истории, правомерно рассматривать как систему знаков и символов, формировавших павловский культурный ландшафт. Эстетическими элементами этого ландшафта и его смысловыми доминантами являются дворцовые и усадебные комплексы, создававшиеся в строгом соответствии со вкусами самого императора и его представлениями о прекрасном, о том, как вернее обозначить власть императора на символическом языке.

Общепринятые представления о грубом и резком разрыве Павла I с духом и логикой предшествовавшего царствования не могли получить быстрого сио-минутного подтверждения на языке символов и образов. В этом смысле эстетический и пропагандистский прогресс Павла I по причине непродолжительного его царствования был обречен остаться репетицией самого себя. Будь у Павла Петровича больше исторического времени, наверняка и результат символического осмысления новых идей нового царствования был бы более впечатлительным.

Жизнь цесаревича Павла Петровича можно разделить на два периода. Первый обнимает собой тридцатилетие со дня его рождения до пожалования ему загородных имений, Павловска и Гатчины. Второй включает в себе остальные годы его жизни до вступления на престол. В этот период жизни цесаревича выработывается его характер и мировоззрение, которые ко времени его воцарения сложились окончательно и проявились во всей полноте в его царствование.

В историографии этот период принято называть «гатчинским». Гатчинский период начинают с 1783 г., когда императрица Екатерина II подарила сыну мызу Гатчина с прилегающими землями и деревнями по случаю рождения у цесаревича Павла Петровича первой дочери Александры¹. Но фактически первые признаки уединения и затворничества появляются еще в 1777 г., когда великий князь Павел Петрович впервые получил в собственность загородные земли и возможность хоть недолгое время жить вдали от двора матери,

заниматься различными делами без ее контроля. Подарок от императрицы Екатерины II в честь рождения первого внука – несколько сот десятин земли, которые были расположены в пяти верстах от Царского Села с двумя деревнями Линна и Кузнецы, которые стали основой имения Павловск, представляли собой почти сплошную лесную чащу, пересекаемую извилистой речкой Славянкой. Однако в течение первых четырех лет великий князь Павел Петрович и его жена Мария Федоровна лишь формально были владельцами Гатчины и Павловска. Это было из-за того, что любое их распоряжение должно было поступать на утверждение императрицы Екатерины II, которая следила, чтобы не происходило превышение суммы, которая ассигновывалась на устройство Гатчины и Павловска, из-за этого было много затруднений. Особенно энергичная деятельность по благоустройству имений относится к 1795–1796 гг. С 1796 г. они начинают застраиваться домиками на участках, которые раздавались владельцам, не только приближенным к ним особам и некоторым придворным служителям, но и отставным нижним чинам.

По свидетельству М. И. Семевского, «в архиве Павловского городского правления хранилось множество жалованных грамот на землю, которые были подписаны цесаревичем Павлом Петровичем в 1794–1796 гг.». Из вышесказанного можно сделать вывод, что цесаревич Павел Петрович предчувствовал смерть императрицы Екатерины II, поэтому стремился максимально использовать оставшееся время для практической апробации своих идей.

По сути, цесаревич Павел Петрович стремился сделать из имений Гатчины и Павловска полноценные городские центры, поэтому через несколько дней по вступлении на престол, которое произошло 7 ноября 1796 г., он объявил новый статус Гатчины и Павловска как городов.

Первым известным нам упоминанием о Гатчине считается запись в новгородской оброчной писцовой книге 1499 г., где написано, что «село Хотчино над озерком Хотчиним...»². Осенью 2006 г. исполнилось 210 лет со дня присвоения Гатчинской мызе статуса города. По мнению А. А. Тришиной, занимающейся гатчинским периодом Павла I, книги, изданные в разные годы, конечно же, несут печать своего времени. Однако, вступая в противоречия, лишь дополняют одна другую.

Список книг об императоре Павле I, доступных современному читателю, состоит из более чем двух сотен названий разного рода источников: это литература мемуарная, художественная, монографии. Император Павел I был личностью незаурядной и противоречивой, что подчеркнуто в изложении любым из авторов. Неизменно утверждение о том, что гатчинский период в жизни Павла Петровича, то есть период его предцарствования, – это годы взаимовлияния человека на город и города, местности на человека.

В подтверждение можно привести пример с гатчинским пейзажным парком, который устроен в стиле английского сада, что является классическим образцом «естественного» парка, в котором по берегам водоемов, оттеняя зеркальную гладь воды, живописно располагаются массивы деревьев. Парк XVIII в. – это открытая книга, символы которой читаются поэтично, философски, чувственно.

А. В. Цыганова

г. Тверь

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Начало 1860-х гг. ознаменовало собой период глубоких реформ в различных областях жизни страны. Наметившиеся преобразования неизбежно влекли за собой реформирование образования, которое имело целью приведение всей системы образования в соответствие с социально-экономическими потребностями страны. Одним из ключевых моментов реформирования образования стала средняя школа. Реформа среднего образования затронула как мужскую школу, так и женскую. Изучение истории среднего образования в дореволюционной России является важной задачей для исследователей, актуальность которой все более возрастает ввиду процессов реформирования современного среднего образования.

Следует отметить, что в целом по истории среднего образования в России сложилась достаточно широкая историографическая база. Но история становления и развития женского образования в дореволюционной России на сегодняшний день остается малоизученной. И в данном случае существенный пробел представляет собой вопрос о развитии женского образования в российской провинции. Процесс становления и развития провинциальных гимназий (и мужских, и женских) не представлен в рамках целостного взгляда на региональное образование, не определено место гимназий в региональной образовательной системе. Тверская губерния не является исключением. Но, несмотря на отсутствие исследовательских работ по женскому образованию, можно рассмотреть процессы изменений в системе женской школы второй половины XIX в. на примере российских губерний и отдельных учебных заведений, так как источниковая база является достаточной для рассмотрения данных аспектов.

Тверская губерния занимала выгодное географическое расположение между двумя экономическими и политическими центрами – Петербургом и Москвой. По грамотности Тверская губерния занимала одно из первых мест среди других областей и губерний Российской империи. По данным переписи, во всей губернии, включая городское и сельское население, в совокупности мужчин и женщин, грамотными были 24,5 %¹. Грамотность мужчин среди сельского населения составляла 37,45 %; женщин – 9,22². Грамотность у городского населения среди мужчин составляла 62,81 %; женщин – 42,54³. Во всей губернии среднее образование имели 2,93 % мужчин и 5,43 % женщин; высшее образование имели 0,26 % мужчин и 0,04 % женщин⁴. Таким образом, по среднему образованию женщины превосходили мужчин на 2,5 %, но в области высшего образования очевидно превосходство мужчин над женщинами на 0,22 %. Это можно объяснить как тем, что в губернии вообще преобладало женское население, так

⁹ *Миллер А. И.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе*. М.: Новое изд-во, 2004. С. 270.

¹⁰ *Макарычев А. С.* Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // *Политическая наука*. 2003. № 3. С. 14.

¹¹ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 277–310.

¹² *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география. С. 183.

¹³ Там же.

¹⁴ *Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика* / под ред. В. А. Колосова. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 30–38.

¹⁵ *Said E. W.* Orientalism. NY.: Pantheon books, 1978.

¹⁶ См. последнее по времени обсуждение: *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 691–699; *Knight N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeb Khalid // *Ibid.* P. 701–715; *Todorova M.* Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeb Khalid // *Ibid.* P. 717–727.

¹⁷ *Hechter M., Levi M.* Ethno-Regional Movements in the West // *Nationalism* / ed. by J. Hutchinson, A. D. Smith. Oxford, NY.: Oxford University Press, 1994. P. 184–195.

¹⁸ *Эткинд А. М.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1 (59). С. 107. См. также: *Эткинд А. М.* Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299.

¹⁹ См.: *Балли Ш.* Язык и жизнь. М.: Эдиториал УРСС, 2003; *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // *Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы* / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Пичугина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125; *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997; *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

²⁰ См.: *Заковоротная М. В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1999; *Сверкунова Н. В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2002; *Хотинцев В. Ю.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002; *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003; и др.

²¹ *Сорокин П. А.* Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2: Социальная анатомия: учение о строении сложных социальных агрегатов. С. 210, 213.

²² *Ремнев А. В., Савельев П. И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.)*: сб. науч. ст. / отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печат. двор», 1997. С. 10–11.

²³ См.: *Бусыгина И. М.* Региональное самосознание в Германии: исторические предпосылки и современное состояние // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы симпозиума* (Тверь, 5–7 марта 1999 г.) / под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной. М.: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. С. 12.

²⁴ *Applegate C.* A nation of provincials: The German idea of Heimat. Berkeley, LA (Cal.): University of California Press, 1990; *Confino A.* The Nation as Local Metaphor: Württemberg, Württemberg, Imperial Germany and National Memory, 1871–1918. Chapel Hill (NC), University of North Carolina Press, 1997.

Отметим, что от своих заморских собратьев пейзажные парки России отличаются тем, что достаточно большие участки в них уделялись для хозяйственных нужд, садоводства и прочего. По звону колокольчика к ступеням Карпенного пруда подплывали карпы, фирменным блюдом стола считались гатчинские форели, которых разводили в прудах Ботанических садов. Лесная оранжерея с экзотическими фруктовыми деревьями. Поэма Делиля появилась в 1782 г. Выход ее был приурочен к празднествам в Трианоне, посвященным графу и графине Северным. Русские переводчики «пейзажной» поэмы появились в России позже – в 1814 г., автором являлся А. Палицын, а в 1816 г. автором являлся А. Воейков. Павлу Петровичу поэма была известна в подлиннике. Лирика французского аббатства, похоже, нашла отклик в сердце человека впечатлительного, и гатчинский парк – это не только услада для глаз. Гатчинский парк – это парк романтических прогулок, места отдыха, размышления, где за каждым поворотом тропинки – новая пейзажная картина, которую Делиль «предсказывал» и описывал. «Движение смысл и жизни пейзажу придает. Пусть лес волнуется, качается, поет, пестрому ковро из полевых растений ...»

Отметим, что в гатчинском парке немного архитектурных сооружений, не насыщен он скульптурой – так, некоторые акценты, «случайности», которых должно было быть больше. Например, львы на ступенях портала «Маска», статуи в Павильоне Орла... Малый каменный мост предполагалось дополнить восьмью вазами для декоративных растений и четырьмя скульптурами лежащих львов. Вензелем Павел I с четырьмя барельефами, «означающими славу», планировалось украсить Горбатый мост.

На четырех низких постаментах из пудостского камня, расположенного по сторонам Карпинского моста, предполагалось установить скульптурную группу, изображающую «изобилие рек». Статуи, вазы и чаши-курильницы должны были стоять в Амфитеатре, фигуры четырех кентавров и четырех сатиров – в композиции большого Трехаркового моста на Круговой дороге.

Отметим пышный, триумфально-величественный замысел не осуществленных проектов... Гатчинский дворцово-парковый ансамбль не похож на Михайловский замок в его архитектурно-скульптурной насыщенности. По сути, Гатчинский и Павловский парки – это открытые пейзажные дома, где «воздух здоров, вода удивит». Не Павел сказал о северной природе так, а Григорий Орлов. Однако и Павел, похоже, думал приблизительно то же. А ему в привычках, в поведении и вкусах приписывают солдафонство.

Считается, что в Гатчине Павел Петрович любил территорию собственного сада с его регулярными «правильностями» – планировкой, «трельяжной сеткой» аллей, в которой можно было укрыться от случайных взоров, и смотровой площадкой с видом на пруд-кувшин. Не плац, а панорама сада виделась Павлу Петровичу из окон его личных покоев. И прогуливался он здесь, на виду в своем парке, где попадались на глаза то фигура Флоры, то скульпы, голова Геры, то бюсты римских полководцев.

Недалеко от дворца располагается еще один геометрический участок парка – Сильвия, то есть «лес». А в нем: статуя женского белого мрамора, которая

покрыта драпировкой, в левой руке держит чашу, а в правой – книгу... Отметим, что нет на этом участке парка Венеры с амуром и рыбой, указание о реставрации, которое в 1795 г. содержится в документах. Заметим, что была Сильвия, то есть «лес», на котором заканчивалась площадь, а теперь нет. Лесная оранжерея. Дворец, конюшни, Остров любви, Павильон Венеры, Зверинец, Мельница, лабиринт – все напоминало о Шантильи и о том времени, когда Павел Петрович в заграничном путешествии почувствовал наконец волю, где он наслаждался культурой, искусством «старушки» Европы. Во многих местах побывал он, но именно резиденция «Шантильи», запомнилась Павлу I на всю жизнь. Ему и карта была подарена, которую он прикажет повесить в своем кабинете, она носит название «Охота в Шантильи», автором-живописцем ее является Лепан.

Отсюда, можно сделать вывод, что с этого периода начинает оформляться окружение Павла, которое оказало впоследствии, после вступления великого князя Павла Петровича на престол, значительное влияние на его личность.

Примечания

¹ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 194.

² *Тришина А. А.* Павел I. Гатчинский сюжет. Гатчина: ПИ ЛФРАН, 2006.

Е. А. Тарнягина
г. Архангельск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Образ Николая II в представлениях современных историков претерпел значительные изменения по сравнению с советской историографией. Последнего императора нет более необходимости представлять общественности как «первого помещика» или непримиримого классового врага, изменилась политика страны – изменились и концепции, подходы. Однако в наши дни личность Николая II до сих пор остается загадкой и вызывает острые дискуссии. Современная историография исключает единую точку зрения на историческую личность, но образ Николая II является ярким примером того, какими диаметрально противоположными и непримиримыми могут быть оценки, зависящие от политических взглядов и притязаний историков. С каждым годом количество работ растет, однако качественные труды, в которых авторы применяют новые методы исторического исследования и достижения современной науки, встречаются нечасто.

Изучая личность императора, историки одновременно изучают и противоречивые события периода заката царствования династии Романовых, которые играют ключевую роль в понимании истории современной России. Николай II,

Большое значение для нашего исследования имеет мысль И. М. Бусыгиной, подкрепленная материалами германской истории, что территориальная (региональная) идентичность является одной из важнейших составляющих национальной идеи как проявление связи с «малой родиной»²³. В этом отношении Бусыгина идет в фарватере классических исследований С. Эпплгейт и А. Конфино, посвятивших свои работы изучению «Heimatkunde» – движению за изучение «родного края» силами местных энтузиастов в кайзеровской Германии. Исследователи пришли к выводу, что это движение (вполне сопоставимое с российским краеведением) не противоречило формированию национального самосознания в Германской империи, а, напротив, способствовало его развитию²⁴. «Заново созданная» усилиями местных немецких краеведов региональная идентичность служила неплохим посредником между ближайшим окружением отдельного человека и всей германской нацией.

Примечания

¹ *Кун Т. С.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. С. 11.

² См.: *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки: сб. переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.

³ См.: *Ляпунов А. А.* О некоторых особенностях строения современного теоретического знания // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 39–50; *Крымский С. Б., Кузнецов В. И.* Мировоззренческие категории в современном естествознании. Киев: Наукова думка, 1983; *Черноволенко В. Ф.* Мировоззрение и научное познание. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1970; *Алексеев П. В., Панин А. В.* Теория познания и диалектика. М.: Высш. шк., 1991; *Касавин И. Т.* Познание в мире традиций. М.: Наука, 1990.

⁴ *Касавин И. Т.* Указ. соч. С. 108–176.

⁵ См., напр.: *Агаркова А. А.* Мифопоэтика как способ создания образа региона (на примере Донбасса): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2002; *Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 181–191; *Борисенок Т. В.* Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2001; *Заиченко О. В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX – начала XX в.: Анализ отечественных историографических концепций. Омск; Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000; *Родигина Н. Н.* Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006; и др.

⁶ См.: *Замятин Д. Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004; *Он же.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003; и др.

⁷ *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы. М.: ИНИОН, 2001. С. 33–65. (Политическая наука: Современное состояние и перспективы развития: Проблемный темат. сб. 2001. № 1).

⁸ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

может быть рассмотрена в качестве пространственно-образующей структуры социального пространства, так как фиксирует принадлежность людей к неодинаково развитым территориям. Территориальная общность складывается и существует как относительно замкнутое, обособленное в пространстве социальное образование, где действуют свои культурные ценности, формируется определенный тип отношений между людьми²⁰. Как писал П. А. Сорокин: «...из всех связей, которые соединяют людей... связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь. ...В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы “ярославца”, “помора”, “сибиряка” и т. п.»²¹.

Совокупность трех факторов (территория – объединение людей внутри определенного географического ареала, формирующего условия жизнедеятельности; социальное взаимодействие – совокупность норм и правил поведения, которых должны придерживаться члены группы; психокультурная характеристика, связанная с наличием прочных связей между индивидами или обязательств среди членов территориальной общности) выступает источником формирования территориальной идентичности. То, что жители региона осознают неявно, неосознанно, приобретает четкую и чеканную формулу в трудах образованного меньшинства. Проект «территориальная идентичность», как правило, фиксирует (а то и развивает) наличие неких самостоятельных форм и типов жизнедеятельности, традиций, опыта, идеалов и символов, которые необходимо оберегать, защищать и развивать. В конечном итоге территориальная идентичность видится как переживаемые или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, ее символы, формирующие осознание территориальной принадлежности индивида, его чувство причастности и нерасчлененности.

Территориальные идентичности имеют особое значение в России, поскольку весь предшествующий ход исторического развития страны был связан с формированием на ее огромном пространстве территориальных общностей, заметно выделяющихся своей индивидуальностью, имеющих свою социокультурную специфику, территориальную идентичность. На материалах Сибири к такому выводу пришли А. В. Ремнев и П. И. Савельев: «...население, проживающее в данном регионе, осознает себя принадлежащим к особой территориальной общности, имеющей свою хозяйственную и социокультурную специфику, регионально идентифицирующей себя, противопоставляя жителям других регионов. Такая самоидентификация носит, как правило, надэтнический характер и определяется не национальной, а территориальной принадлежностью, сообщаемой в собственных глазах и глазах окружающих особенные, социально значимые психологические и даже антропологические черты... Несмотря на динамичность административных и экономических границ, региональное сообщество имеет достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего исторического единства»²².

какие бы оценки ему ни давались, остается символом исчезнувшего государственного строя и целой эпохи. Отношение к личности последнего императора определяет и отношение к своему прошлому, к пониманию причин и последствий общественных потрясений.

В 1985 г. М. С. Горбачев сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества. Однако начавшиеся процессы переосмысления истории не коснулись оценок личности последнего императора вплоть до конца 1980-х гг. В историографии и в учебной литературе главенствовала марксистская концепция, а советский, крайне негативный и отталкивающий образ Николая II переходил из одной книги в другую. Отдельных характеристик личности императора не встречалось, о них можно было догадываться только в контексте, так как главный герой повествования был один – пролетариат. Главный враг народа, кровопийца, тормоз развития страны, марионетка в руках окружения – таким Николая II изображали К. Ф. Шацилло, В. А. Уланов, Е. Д. Черменский и другие. В учебной литературе, что показательное, даже если и встречалось иллюстративное изображение императора, то лишь в карикатурной форме. В исследованиях авторы использовали исключительно узкий круг источников, которые подвергались тщательному отбору по идеологическому принципу.

В октябре 1987 г. 70-летие Октябрьской революции отмечалось постановкой в юбилейном докладе М. С. Горбачевым новых проблем советской истории. Большое влияние на историографию и публицистику оказала западная переводная литература. К. Ф. Шацилло, А. В. Ремнев, Н. Ерошкин, Г. Волков в ответ на буржуазные западные точки зрения, предполагающие другие, немарксистские, причины Февральской революции и предпринимающие попытку отделить личность последнего самодержца от режима, все же продолжали придерживаться в работах классического образа Николая II. Дневники императора интерпретировались крайне непрофессионально, искажался первоначальный смысл фраз, говорилось о влиянии окружения на слабовольного царя, хотя некоторые записи свидетельствовали об обратном. Характеризуя персону государя, историки игнорировали источники, показывающие личность Николая II с другой, непривычной советской науке, стороны. Это свидетельствует исключительно о субъективности авторов, продолжающих создавать образ «ограниченного, жестокого, равнодушного к народным нуждам правителя, непримиримого поклонника самодержавия, религиозно-мистически настроенного обывателя... склонного к “тихим семейным радостям” вроде чтения вслух исторических романов и наклейки в альбомы фотографий»¹.

На фоне работ в период с 1987 до начала 1990-х гг. выделяется труд Г. З. Иоффе, в котором историк привел новые источники и уделил большое внимание образу Николая II. Принципиально новыми явились утверждения исследователя об отсутствии влияния на государя Распутина и Александры Федоровны. Интересным является то, что автор опирается на достижения в этом вопросе советской историографии. Г. З. Иоффе представляет Николая II человеком, борющимся за власть до конца, но не стремящимся к восстановлению неограниченного

самодержавия слабым реформатором, характер которого соответствовал обреченному на гибель царскому режиму.

В учебной литературе до 1990-х гг. характеристика императора оставалась соответствующей представлениям о нем марксистской концепции. Таким образом, дать новые оценки личности Николая II оказалось не так просто и потребовало времени, новых методов работы с источниками и накопившимся опытом.

Год распада СССР явился переломным для исторической науки, историки только начали приступать к поиску новых концепций, появился доступ к архивным документам, в области публикации источников предреволюционного периода наблюдался издательский бум, сравнимый по своей интенсивности с межвоенной эпохой, а по ряду как количественных, так и качественных характеристик ее намного превосходящий. В 1990-х гг., в связи с появлением плюрализма мнений в историографии и сменой политического режима, в прессе стали публиковать статьи апологетического характера по отношению к личности Николая II на фоне ажиотажа вокруг найденных останков царской семьи. Читатель впервые узнает о предполагаемых находках в публикации Г. Рябова, в которой автор рассказывает не только о следственном деле, но и размышляет над образом царя, придя к выводу, что государь не совершал преступлений против своего народа. Причины возникновения апологетики и переоценок личности Николая II обсуждали среди историков – специалистов по началу XX в., в частности можно выделить международный коллоквиум в РАН в 1990 г. по теме «Российское общество в начале XX века. Кризис самодержавной власти». Возросшую потребность в идеализации императора и самодержавного строя в обществе И. В. Алексеева (Российский государственный педагогический университет) расценила как желание людей сильной власти и связывание всех успехов Российского государства с самодержавием². Наступивший плюрализм мнений в историографии превратил труды историков в место для борьбы политических идеологий и доказательств правильности своей точки зрения. Субъективным и малодоказательным является описание личности Николая II, исходившее из личной позиции исследователя, «как правильно должно было развиваться государство». Ученые подтверждение своей точки зрения находили в большинстве случаев в мемуарах бывших царских министров и людей, выразивших свое неудовлетворение личностью Николая II как правителя и его политическим курсом. Исследователи-апологеты используют тот же механизм написания работ, отбирая лишь те источники, в которых идеализируется Николай II, или те, в которых утверждения носят чисто эмоциональный характер (к примеру, работы О. А. Платонова). В 1990-е гг. впервые появляются книги, полностью посвященные биографии государя. Выходит в свет труд А. Н. Боханова о личности Николая II в серии ЖЗЛ и как отдельное издание. Автор, по мнению современных историков, открыто поддерживающий монархическую форму правления, на примере множества источников раскрывает мировоззрение императора и видит причины революции не в личности императора, а в разложении нравов общества, с чем многие не согласны. А. Н. Боханов, тем не менее, остается одним из ведущих специалистов по персоне Николая II,

вызвало обоснованную критику¹⁶, вылившуюся, в частности, в недавнее оформление теории внутреннего колониализма (ориентализма). Разработанная на Западе концепция М. Хечтера и М. Леви¹⁷ была адаптирована для российского материала А. М. Эткиндо. По его мнению, «в отличие от колонизации в классических империях с заморскими колониями в разных концах света колонизация в России имела центростремительный характер. Главные пути русской колонизации были направлены не вовне, а внутрь метрополии: не в Турцию, не в Польшу и даже не в Сибирь, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Тут государство раздавало латифундии и подавляло восстания. Здесь открывали общину и записывали фольклор... Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России были обращены внутрь собственного народа... Россия колонизовала саму себя, осваивала свой собственный народ. То была внутренняя колонизация, вторичная колонизация собственной территории»¹⁸. Идея Эткиндо об «интеллектуальном» освоении собственного народа представляется весьма перспективной для изучения основ конструирования территориальной, национальной или идеологической идентичности. Изучение внутренней России вылилось в один из захватывающих и актуальных проектов русской интеллигенции в связи с тем, что переплеталось с другими мировоззренчески значимыми вопросами, провоцировавшими идентификационные искания русских интеллектуалов.

Важным для нашего исследования стало основополагающее положение работ лингвистов Ш. Балли, Р. М. Блакара, Р. Водак, культуролога М. Фуко об исключительно широких возможностях печатного текста как инструмента социальной власти, социального программирования¹⁹. Книги наряду с периодическими изданиями в традиционном обществе, каким была Российская империя, являются одними из основных институтов формирования, структурирования и трансляции общественного мнения. В указанных работах именно за интеллектуальной элитой гуманитарного профиля (историки, этнографы) признается возможность наибольшего влияния на конструирование образа региона, что и предопределило повышенное внимание к данной категории исследователей и их трудам.

Этой же группе интеллектуалов в отсутствие публичной политики, чем характеризовалась Российская империя на протяжении XVIII–XIX веков, принадлежит первенствующая роль в конструировании территориальной (региональной) идентичности – понятия, лишь недавно вошедшего в арсенал гуманитарных наук. В русских средневековых источниках присутствуют названия (самоназвания) «киевляне», «новгородцы», «владимирцы», «костромичи» и др., но предметом детального рассмотрения территориальная идентичность, ее источники и способы формирования стали лишь недавно.

Понятие «территориальная идентичность» тесно связано с понятием «территориальная общность». Территориальная общность наряду с другими общностями (этническими, профессиональными, конфессиональными, демографическими и иными) занимает одно из главных мест в социальной структуре. Она выступает одним из субъектов общественных отношений и, следовательно,

Для выявления образа (образов) региона в общественном мнении значимым является замечание Д. Н. Замятина относительно того, что географические образы могут формироваться в коллективном сознании стихийно, могут быть выявлены, реконструированы, подчеркнуты заинтересованными силами, но могут культивироваться вполне целенаправленно. В процессе их формирования представления, знаки и символы формализуются, меняют свою форму в зависимости от целей, задач, условий, а также характеристик самих создателей образа¹³.

Усилиями отечественных ученых, работающих в рамках рассматриваемого концептуального подхода, выявлен ряд особенностей географических образов¹⁴, соотносящихся с нашими собственными выводами и наблюдениями, которые сделанны на основе анализа разноплановых исторических источников, позволяющих реконструировать образ региона в общественном мнении:

А. Инерционность. Географические образы изменяются гораздо медленнее, чем «объективный» мир, но зато они существуют дольше, чем географические реалии, на которых они основаны.

Б. Многослойность. Любой географический объект может рассматриваться на разных пространственных уровнях. Образ многогранен, поскольку разные его стороны обращены разным адресатам и составляющие его представления разделяют разные социальные группы.

В. Противоречивость. В сознании человека, равно как и в коллективном сознании, причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств.

Г. Антитетичность. Достаточно часто смыслообразующие характеристики образа региона в изучаемую нами эпоху строились как антитезы, бинарные оппозиции.

Д. Территориальность. При ментальном картографировании территории человек или социальная группа подразделяет регионы на «свои» и «чужие», при этом сознательно или бессознательно подчеркивается протяженность «своих». В результате в образе, как правило, присутствует представление о границе территории. При этом географы выделяют две ключевые функции границ: контактные, обеспечивающие взаимодействие с другими территориями, и разделительные.

Итак, основываясь на работах теоретиков конструктивизма, мы предполагаем, что образ региона – это не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными (или политическими) элитами.

Конструирование образа как инструмент самопознания, помогающий определить набор ценностей, норм и эталонных поведенческих сценариев «своего» формирующегося территориального (политического) сообщества, впервые был описан в классической работе Э. Саида, родоначальника теории «ориентализма»¹⁵. Применение идей Саида к истории Российской империи

его работы активно критикуются и цитируются. Историк показывает императора как образованного, волевого, правителя, наделенного лучшими человеческими качествами и добродетелями.

В учебной литературе историографический кризис получил широкое отражение. В 1990-е гг. перестал существовать единый стандарт и появилась масса разнообразных и разнокачественных учебников. Образы личности Николая II, которые исследователи описывали в своих трудах, оказались на страницах пособий. В учебниках признавалась дискуссионность ряда исторических вопросов, однако кардинальных переоценок личности государя не встречалось. Исключением является учебник А. Н. Боханова, М. М. Горинова и В. П. Дмитренко.

В 2000-е гг. личность Николая II вновь оказалась в центре общественного внимания. Большой резонанс вызвала канонизация императорской семьи Русской православной церковью. В историографии также продолжались споры, однако стали появляться качественно новые исторические исследования, меняющие привычное восприятие персоны государя. Так, в 2004 г. Ю. Ф. Горбунова в исследовании пришла к выводу, что новые методы в работах историков отсутствуют, большинство ученых лишь поменяли минусы на плюсы или же продолжают придерживаться советских оценок. Появились ли качественно новые работы в современной историографии после 2004 г.? Интерес представляет статья С. В. Куликова 2009 г., опубликованная в журнале «Российская история», в которой автор, основываясь на большом количестве архивных источников, представляет Николая II в качестве инициативного реформатора, имевшего свою либерально-консервативную программу. Д. А. Андреев в статье 2011 г., также используя документы, на примерах доказывает, что государь постепенно при жизни Александра III вникал в суть государственных дел, интересовался политикой и проявлял инициативу. После смерти отца, по выводам автора, император не попал под влияние великих князей, а в некоторых проектах даже выступал против них. В опубликованных трудах И. В. Зимина в 2011 г. подробно, чего ранее не было, изучается повседневная жизнь царской семьи, где государь представлен как трудолюбивый и ответственный правитель.

Анализ развития историографии с 1985 г. показывает, что трансформация образа Николая II стала происходить относительно недавно, и в настоящее время мы наблюдаем начальный этап этого процесса. Консервативность современной учебной литературы наглядно демонстрирует этот факт. При этом на оценку личности последнего императора до сих пор значительное влияние оказывает политическая конъюнктура. Историческая фигура Николая II не должна оставаться заложником политических процессов. Изучать личность Николая II необходимо, прежде всего исходя из его мировоззрения и жизненных установок, привлекая междисциплинарные методы исследования.

Примечания

¹ Дневник последнего самодержца // Огонек. 1987. № 37. С. 25.

² Реформы или революция? Россия 1861–1917 гг.: материалы междунар. коллоквиума историков / отв. ред. В. С. Дякин. СПб.: Наука, 1992. С. 273.

А. В. Устинов

г. Кострома

**ОБРАЗ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ
В РОМАНЕ Д. Л. МОРДОВЦЕВА
«ЗА ЧЬИ ГРЕХИ? ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»**

Роман Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол» был создан автором в конце 1870-х гг. и впервые увидел свет в журнале «Русская мысль» в 1880 г. Главные герои романа – реальные исторические лица, участники драматических событий второй половины XVII в., приведших к расколу Русской церкви, а затем и к коренной ломке всех государственных устоев в период правления императора Петра Первого, чья грандиозная фигура, по словам одного из ведущих специалистов литературы XVII в. А. М. Панченко, до сих пор «словно бы застит историкам глаза»¹.

Царевна Софья (1657–1704) – дочь царя Алексея Михайловича Романова (1629–1676) от первого брака с Марией Ильиничной Милославской (1624–1669). В качестве регентши (1682–1689) правила Россией при совместном царствии братьев Ивана V и Петра I (1672–1725). В этот период возвысился фаворит Софьи князь Василий Васильевич Голицын (1643–1714), с именем которого связаны неудачные боевые действия против войск крымского хана в 1687 и 1689 гг. В 1689 г. молодой Петр низложил свою сводную сестру, а затем принудил к пострижению в монахини и заточению в монастырь. Фаворит Софьи Голицын был сослан в Архангельский край, где и умер в 1714 г². Домашним учителем Софьи и других детей царя Алексея в 1667 г. был назначен известный духовный писатель и просветитель Симеон Полоцкий (1629–1680), чей образ также представлен в романе «Великий раскол».

Среди источников, использованных Мордовцевым для создания достоверности литературного портрета юной царевны, следует отметить историко-этнографическое исследование И. Е. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» (1869), исторические труды Н. И. Костомарова «Лекции по русской истории» (1861), средневековые переводные рукописные книги «География генеральная» Б. Варениуса, «Книга, именуемая Лусидариос, сиречь Златы бисер», стихотворные произведения С. Полоцкого («Вертоград многоцветный», 1678).

Царевна Софья Алексеевна не относится к числу главных действующих лиц, среди которых – протопоп Аввакум, патриарх Никон, боярыня Морозова и царь Алексей Михайлович. Тем не менее, ее место в системе образов произведения является важнейшим для раскрытия отношений между главными героями, воплощения авторского взгляда на раскол как культурное явление и создания особого фона для описанных в романе событий. Созданный теплыми и доверительными тонами образ позволяет говорить о царевне Софье как о любимой героине автора.

сознанием интеллектуальной элиты идея (проект) нации базировалась на признании общности происхождения и истории, на разделяемых представителями воображаемого сообщества символах и была генетически связана с такими культурными системами, как религиозное сообщество и династическое государство. Названная идея формировалась и функционировала благодаря таким институтам общественного мнения, как: пресса, поддерживающая представления об общности истории и социальных интересов; распространение специфических родных языков как инструментов административной централизации; унифицированная система образования; перепись, конструирующая критерии этнической, социальной, региональной стратификации; карта, визуализирующая представления о «своей» и «чужой» территории; музей, демонстрирующий идею исторической преемственности⁸.

Формирование национальной идентичности самым непосредственным образом связано с националистическим присвоением пространства в воображаемой (символической) географии, под которым, вслед за А. И. Миллером, понимается сложный комплекс дискурсивных практик, включающих в себя идеологическое обоснование, символическое, топонимическое, художественное освоение определенного пространства таким образом, чтобы общественное сознание осмысливало это пространство как часть именно «своей» территории⁹.

Мы разделяем предположение приверженцев конструктивизма о том, что обращение к категории идентичности приводит к восприятию регионов не столько как территорий или административно-управленческих единиц, сколько как «живых», социально и интеллектуально конструируемых пространств. Их границы определяются не географическими категориями, а общей идентичностью («чувством принадлежности», набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам)¹⁰.

В работе М. Бассина, оказавшей большое влияние на современную отечественную империологию, показана история конструирования русскими географических и геополитических образов самих себя – восприятия России как особого рода географической целостности. На основе анализа работ русских интеллектуалов, занимавшихся географией, – В. Н. Татищева, Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского, П. Н. Савицкого – американский географ доказал символичность географических представлений о территории и «естественных» границах Российской империи, их идеологическую и историческую обусловленность¹¹.

Одним из базовых подходов для сравнительного анализа образа региона в сознании россиян, его эволюции, условий и механизмов его формирования и трансформации является концепция географических образов, сформулированная в работах Д. Н. Замятина и его последователей. В самом общем виде географический образ страны или региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)¹².

На втором этапе формирования традиции оба типа социальности приходят в равновесие («нормальная наука»). В этот период, с одной стороны, имеется необходимость в социально направленной познавательной деятельности, а с другой – возможность проводить эту деятельность при помощи созданного исследовательского аппарата и предоставление результатов в форме, соответствующей социальным потребностям.

Третий этап – этап затухания традиций – характеризуется тем, что внутренняя и внешняя социальности вступают в конфликт, не удовлетворяя запросам друг друга, что фактически означает начало «научной революции». Начинается процесс формирования новой традиции.

Таким образом, использование категории «научная традиция» в конкретном историко-научном исследовании позволяет не только выявить качественно разные этапы развития научного знания, но и делает возможным рассмотрение социальных механизмов, обеспечивающих как преемственность научной деятельности, так и обуславливающих ее разрыв.

Представляется, что использование понятия «научная традиция» позволит:

- а) определить внешние факторы, оказывавшие воздействие на развитие регионоведческих штудий в течение XVIII – начала XX века (потребности и запросы Российского государства и общества, господствующие парадигмы в науке указанного времени). Выполнение данной задачи в качестве самостоятельной проблемы предполагает выяснение вопроса о периодах развития регионоведческих исследований в России;

- б) изучить механизмы, обеспечивающие преемственность исследований в регионе в выделенный период (организационные формы науки, система научных коммуникаций, система подготовки специалистов);

- в) рассмотреть типы познавательной деятельности (круг разрабатываемых проблем, методика и методы);

- г) выделить в развитии регионоведческих исследований периоды доминирования различных традиций и определение способов их формирования.

В последние десятилетия категория «образ» из исследовательского лексикона филологов и психологов начала освоение новых предметных полей гуманитарных дисциплин. На рубеже XX–XXI веков появились работы историков, культурологов, историографов, авторы которых реконструируют образы различных социокультурных феноменов в индивидуальном и групповом сознании россиян⁵. Социологи и специалисты в области гуманитарной географии все чаще обращаются к изучению географических образов (регионов, страны, мира) в сознании представителей этнических, социальных, конфессиональных сообществ⁶. На наш взгляд, продуктивно адаптировать используемые в гуманитарных науках подходы для моделирования образа региона как интеллектуально-конструкта и изучения его как феномена общественного мнения.

Одной из основополагающих для нас является идея А. И. Миллера⁷ о том, что регионы – такие же воображаемые сообщества, как и нации, механизм конструирования которых детально описан в хорошо известной работе Б. Андерсона. Как утверждает классик современного конструктивизма, порожденная

Раскол в романе представлен в противоборстве двух сторон – правой (стороне «чисто русского типа» во главе с протопопом Аввакумом) и левой (стороне власти «немецкого» толка)³. Автор изображает раскол в столкновении культурных, исторических, национальных, религиозно-духовных противоречий, действующих в масштабах одной страны, одного вероисповедания и даже одной семьи. Царевна Софья в этом столкновении играет роль резонера: в ее образе собрано авторское отношение к России как к стране, раздираемой на две стороны волей нескольких сильных личностей, ни в чем не желающих примириться и даже пойти на временный компромисс.

С образом Софьи связан традиционный для русской культуры «женский» образ лебедя: «Увидали ее, свою любимицу царевну, и от радости начали крыльями махать... Царевна вся порозовела от этого лебединого привета... Надо их, лебедушек, покормить... да и учиться надо»⁴. Этот же образ связывает Софью с боярыней Морозовой: «И в душе ее, как мрачной туче, память молнией прорезала прошлое и нарисовала светлую картину девичества. Лебеди на пруду в рязанской вотчине... Она их кормит, а над головой кукует кукушка, и солнце, боже мой, какое яркое да ласковое...»⁵

Для Софьи Феодосия Прокопьевна Морозова – «тетя Федосьюшка», которая «кармливала ее коломенской двухсоюзной пастилой»⁶. По отношению к Софье боярыня Морозова проявляет себя как персонаж, олицетворяющий старые русские порядки, для которых принципиальной являлась духовная доминанта всей повседневной жизни. Дом Морозовых, справедливо предположил историк И. Е. Забелин, «скорее, чем другие, должен был служить наиболее полным выражением идеалов Домостроя»⁷. Противоположную роль по отношению к образу Софьи играет Симеон Полоцкий, домашний учитель царевны, что позволяет автору представить в романе конфликт духовного и светского образования: «Вон и ноне пресветлую царевну Софью Алексеевну разным планидам “да кентрам” научают замест перстного сложения, и Бог весть, что из царевны выйдет...»⁸ К ее образу апеллирует Аввакум, переживая о том, чему учит юную царевну «хохол» Симеон Полоцкий: «Ну, научат добру эти хохлы, научат...»⁹ В свою очередь, боярыня Морозова накануне поругания в своих мыслях обращается к Софье, уповая на ее, царевны, жалость: «Бедная Софьюшка! Воистину ей будет жаль меня, и помолится она о душе своей тети Федосьюшки... Только уж пастилки ей коломенской двухсоюзной не даст тетя Федосьюшка...»¹⁰

Софья «своя» для всех: царя Алексея Михайловича, Аввакума, Морозовой, Брюховецкой, даже для лебедей, вбирающих в себя русскую традиционную символику. Интересно, что и А. Н. Толстой, описывая Софью в романе «Петр Первый», также связал с ней лебединые черты, правда используя их как контраст: «Не плавно, лебедем, как подобало бы девице, – она вошла стремительно...»¹¹ Используемый Мордовцевым образ *лебедя* – это традиционная для русской культуры XVIII–XIX вв. метафора души, воплощаемая в образе «девственно-чистой птицы»¹². Вместе с этим, «лебединый» образ Софьи – это нежная и чуткая душа всей России. И именно ей предстоят страдания от последствий грядущего раскола.

По мере развития действия царевна Софья меняется. Если в самом начале она – милый ребенок, который с интересом прислушивается к разговорам старших во время рассказа Аввакума в царицыных палатах о даурских скитаниях: «...молодые боярыни, по-видимому, все усерднее и усерднее работали над своими жемчугами, только подчас выступавшие на щеках пунцовые пятна да дрогнувшая рука обнаруживали их внутреннее волнение. Маленькая царевна Софьюшка также вся превратилась в слух»¹³. Взрослея, она с интересом занимается со своим учителем разными науками – географией, астрономией и арифметикой. Но душа ее – русская, нежная, чувствительная – от этих занятий тянется к другому – к своим любимым лебедям: «Увидали ее, свою любимицу царевну, и от радости начали крыльями махать... Царевна вся порозовела от этого лебединого привета... Надо их, лебедушек, покормить... да и учиться надо...»¹⁴. Софья влюбляется в юного красавца Василия Голицына и, кажется, забывает обо всем на свете.

Но раскол проникает в самое сердце, раздирая на несколько частей все святое и неделимое, что есть в русском обществе, – семью. «И царь Алексей Михайлович спит, и царица Наталья Кирилловна спит, и царевна Софьюшка баинькает, и Васенька князь Голицын спит, и дьяк Алмаз Иванов дрыхнет... Царю грезятся столтники, царице – лазоревы цветочки, царевне Софьюшке – Васенька княжич, Васеньке – царевнушка Софьюшка, Алмазу Иванову – гусиное перо... Ночь в Пустозерске... Все спит и там... Не спит только Аввакум в своей земляной тюрьме: молится, кричит до Бога, звеня цепями...»¹⁵

Зная о страданиях своей любимой «тети» Морозовой, Софья решается на протест: «Первая взбунтовалась пятнадцатилетняя царевна Софьюшка, бросила учиться, закинула куда-то и “арифметику”, и “премудрости цветы”, и всякие “верты”, и географию с ее “перинками” и “антиками” и задумала идти в монастырь, постригаться... Одно только ее смущало: как же с лебедями быть, которые без нее соскучатся?.. Одним словом, царевна Софьюшка рвала и металла, и как ее отец ни умастил, что возьмет с собою на “Навуходоносорово действо”, она дулась теперь и твердила о монастыре»¹⁶. Ключевую роль играет царевна Софья и в финале романа. Теперь она противопоставляется уже юному Петру. Царские дети по-разному восприняли отеческий гнев, связанный с «раскольниками». И если «Петруша» изображается как жестокий и завистливый ребенок, который топил «щенят и котят»¹⁷, то царевна Софья – как романтическая и нежная девушка, влюбленная в своего «Васеньку» Голицына¹⁸. Судьба России известна читателю: будущий император Петр проявит себя как жестокий реформатор и противник старой веры: «Не милы затем остались ему раскольницы и раскольники, когда он и царем стал и брил российское царство начисто...»¹⁹.

Царевна Софья не однажды появляется в произведениях Мордовцева. Кроме романа «Великий раскол», частые упоминания о ней можно встретить в другом историческом произведении писателя – «Тень ирода», больше известном как «Идеалисты и реалисты» (1876), упоминается она и в романе «Державный плотник» (1895), посвященном Петру Первому. Ей посвящен рассказ

служит основанием традиции. Основание традиции обеспечивает получение знания, запрограммированного признанными к настоящему времени средствами познавательной деятельности: объяснительными концепциями, теориями, методами. Используя иную терминологию, оно выполняет функцию парадигмы и определяет «нормальный период» развития науки. Таким образом, внешняя социальность познания включает в себя господствующую в данный период в науке парадигму, а также запросы общества на данном этапе развития.

Внутренняя социальность (или обусловленность познания внутринаучными факторами) образуется специфическими типами познавательной деятельности и формами познавательного общения. Формы познавательного общения, посредством которых исследователь приобщается к схемам, нормам и идеалам научной деятельности, характерным для данной парадигмы, И. Т. Касавин называет «ядром традиции». Познавательное общение реализуется благодаря социальным формам организации научной деятельности (объединения ученых, система подготовки кадров, система научных коммуникаций), в рамках которых осуществляется передача исследовательского опыта. Усвоение схем, норм, идеалов научной деятельности осуществляется наиболее эффективно в ходе непосредственного общения между членами научного сообщества. Поэтому самым плодотворным механизмом трансляции искусства познания, а также норм и ценностей научного сообщества считается такой тип самоорганизации ученых, как научная школа, так как она предполагает постоянные личные контакты между исследователями и, в первую очередь, между учителем и учениками.

Типы познавательной деятельности, по мнению И. Т. Касавина, уже не являются собственно компонентом познавательной традиции, хотя и невозможны вне ее. При проведении историко-научных исследований важно осознавать, что именно в типах познавательной деятельности фиксируется качественное отличие периодов развития науки (научной дисциплины). Строго говоря, это специфический научно-исследовательский аппарат, порожденный конкретной парадигмой и формами познавательного общения.

При этом типы познавательной деятельности обладают определенной автономией по отношению к обоим видам социальности познания и, более того, способны к относительно самостоятельному развитию под влиянием запросов внутринаучной логики. Их изменение может повлечь за собой перестройку форм познавательного общения, а затем и внешней социальности познания.

Именно это взаимодействие, по мнению И. Т. Касавина, определяет путь формирования и смену традиций. Он выделяет два пути формирования научной традиции: интенсивный и экстенсивный.

Интенсивным путем формирование идет в том случае, когда внешнесоциальные рамки традиции (т. е. парадигма и запросы общества) корректируются или меняются под давлением внутрисоциального развития (новых типов познавательной деятельности и форм познавательного общения). Экстенсивный путь предполагает формирование внутрисоциального типа познания (т. е. организационно-научного аппарата) исходя из внешнесоциального, т. е. мировоззренческого, предпосылочного, устоявшегося знания и общественных потребностей.

понятие «парадигма», подразумевая под ним признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения¹. Парадигмальное знание не имеет непосредственного конкретно-научного смысла, а является условием и предпосылкой определенного вида теоретической деятельности по объяснению и систематизации эмпирического материала. Безраздельное господство определенной парадигмы Т. Кун назвал периодом «нормальной науки», который заканчивается, когда парадигма расшатывается под давлением проблем, неразрешимых в ее рамках. Период кризиса парадигмы и утверждения новой в процессе борьбы с конкурирующими он определил как «научную революцию». Не вдаваясь в тонкости различий, отметим, что аналогичный смысл имеет и понятие «исследовательская программа», введенное в методологию науки И. Лакатосом².

В отечественной литературе по методологии научного познания также возник целый комплекс понятий, в которых нашли отражение различные элементы философского уровня научного познания: «интертеория» (А. А. Ляпунов); «стиль мышления» (С. Б. Крымский, В. И. Кузнецов); «картина мира» (В. Ф. Черноволенко); «архетип теоретического мышления» (П. В. Алексеев, А. В. Панин); «познавательная традиция» (И. Т. Касавин)³.

Категория «парадигма» при рассмотрении развития гуманитарных наук может быть использована с известными ограничениями. Развитие науки, по Т. Куну, шло исключительно интерналистским путем, что совершенно не учитывало роли социальных факторов, обеспечивавших «нормальное» развитие науки или переход научного сообщества на качественно иной этап производства знания. Конструирование категории «парадигма» было проведено Т. Куном на материалах исключительно естественных и фундаментальных наук, без учета особенностей гуманитарного знания, особенно раннего этапа того или иного научного направления, для которого была характерна цельность и единство.

Поиск наиболее адекватных целей исследования концептуальных моделей остановил наш выбор на категории «научная традиция» (синоним: «познавательная традиция»). Как указывалось выше, понятие «традиция» определяется не только как передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени элементы социального и культурного наследия, но и как процесс и способы социального наследования. И. Т. Касавиным была разработана адаптированная к познавательному процессу модель традиции⁴. Приведем ее основные характеристики, которые положены в основу настоящего исследования.

Познавательная традиция объединяет в себе два типа социальности познания – внутренний и внешний. Внешняя социальность познания (или обусловленность познания внешними факторами) включает в себя уже выработанные, доказавшие свою состоятельность средства познавательной деятельности, а также запросы общества на определенном этапе развития. И. Т. Касавин использует для обозначения внешней социальности познания понятие «предпосылочное знание». Предпосылочное знание выполняет особую функцию: оно

«От острога до царского порога»²⁰. Особое место образ Софьи Алексеевны занимает в новелле-фантазии Мордовцева «Тишайший у меня в гостях»²¹ (1905), в которой ее основная функция – попытка духовного примирения двух противоположных сторон раскола. Всеми своими историческими произведениями, посвященными событиям XVII и XVIII вв., автор пытается показать раскол Русской церкви как ключевое и трагическое событие всей последующей Русской истории. А образ царевны Софьи для Мордовцева остается символом трагедии и одновременно надежды на соединение двух частей русской жизни: правой, основанной на традиционных духовных ценностях, и левой, для которой доминирующими оказались власть и прогресс западноевропейского толка.

Примечания

- ¹ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 15.
- ² Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол / вступ. ст. и комм. С. И. Панова и А. М. Ранчина. М.: Правда, 1990. С. 591.
- ³ Там же. С. 579–580.
- ⁴ Там же. С. 525.
- ⁵ Там же. С. 377.
- ⁶ Там же. С. 446.
- ⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 111.
- ⁸ Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. С. 344.
- ⁹ Там же. С. 247.
- ¹⁰ Там же. С. 468.
- ¹¹ Толстой А. Н. Петр Первый. – М.: Правда, 1969. С. 18.
- ¹² Косяков Г. В. Мифопоэтика образа крылатой души в русской романтической поэзии // Вестник ТГУ. 2007. № 294. С. 24.
- ¹³ Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. С. 242.
- ¹⁴ Там же. С. 525.
- ¹⁵ Там же. С. 499.
- ¹⁶ Там же. С. 540.
- ¹⁷ Там же. С. 588.
- ¹⁸ Там же. С. 589.
- ¹⁹ Там же. С. 525.
- ²⁰ Мордовцев Д. Л. От острога до царского порога // Собр. соч. Исторические рассказы. Пг., 1914. Кн. 38. С. 202–214.
- ²¹ Мордовцев Д. Л. Тишайший у меня в гостях // Исторический вестник. СПб., 1905. Т. 99. С. 61–72.

РАЗДЕЛ II

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

Т. Г. Леонтьева, Д. А. Беговатов
г. Тверь

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Общеизвестно, что взаимоотношения государства и церкви в дореволюционной России складывались отнюдь не просто, но логика исторического процесса неуклонно подталкивала церковь и государство к тесному сотрудничеству. Наиболее отчетливо потребность в практическом взаимодействии обозначились в середине XIX в., когда российская власть вынуждена была встать на путь реформ. Для этого был необходим своего рода ретранслятор модернизационного проекта, способный соответственно «переформатировать» сознание масс. Совершенно очевидно, что наиболее органично довести до православного большинства империи новые ценности могли те, кто был духовно близок населению империи. В аграрной стране, где подавляющее большинство населения составляло крепостное крестьянство, в роли основных «глашатаев прогресса» предстояло выступить православным священникам.

Весьма символично, что долгожданное освобождение крестьян 19 февраля 1861 г. было провозглашено в приходских храмах. Далее последовал ряд законодательных актов, выдвигающих православных священников на авансцену событий. После освобождения крестьян в связи с развитием фабричного производства в условиях стремительного роста народонаселения и усиления миграционных процессов, был востребован совершенно иной тип гражданственности, социализации и общественных практик. Стало очевидным, что невежество основного производителя – крестьянина – становится угрожающим для системы, а потому только распространение духовно откорректированных знаний в народной среде может привести к хозяйственным успехам, а равно к развитию общественной нравственности и укреплению правопорядка.

Между тем в стране с многомиллионным населением (61 175 923 человек на 1863 г.), которое предстояло «цивилизовать», начальным обучением было

РАЗДЕЛ III

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ РОССИИ (VII – НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ)

А. Д. Шипилов
г. Кострома

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Современное науковедение определяет науку (научную дисциплину) как системное образование, единое в своих многообразных взаимодействующих и взаимозависимых характеристиках. Наука – знание и вместе с тем процесс познания. Анализ науки как процесса познания, методов и средств его осуществления приводит к осмыслению природы полученного знания, оценки теоретико-методологического арсенала ученого. Рассмотрение науки как социального института предполагает изучение способов социальной организации и взаимодействия исследователей, норм и ценностей, регулирующих деятельность научного сообщества. Вместе с тем важен факт взаимозависимости науки и общества. Наука, являясь одной из движущих сил общественного развития, в свою очередь, подвержена воздействию конкретных социополитических и социокультурных обстоятельств. Общим местом науковедческих исследований последних лет стало признание факта детерминации процесса и результатов научного поиска факторами мировоззренческого порядка.

Наряду с представлениями, сформировавшимися в Новое время, об эмпирическом и теоретическом уровнях научного познания, науковедение XX века пришло к признанию существования глубинных структур, определяющих схемы, нормы, образцы, идеалы научного познания, своего рода «бессознательного» уровня в научном познании. В рамках поисков новой методологической единицы, которая вместе с понятиями теоретического и эмпирического позволила бы дать более полное представление о структуре исследовательской деятельности, в философии науки и науковедении оформился целый ряд понятий. Наибольшую популярность в западной литературе обрели методологические концепции Т. Куна и И. Лакатоса. Т. Кун ввел принципиально новое базисное

он как всечеловек необъятен и неисчерпаем. Этот человек – для всех всечеловек и всем он родной: родной сербам, родной болгарам, родной грекам, родной французам, родной он всем людям на всех континентах. Он – в каждом из нас, и каждый из нас может найти себя в нем»¹⁴.

Примечания

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1972–1990. С. 104.

² Там же. Т. 25. С. 98.

³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958. Т. 20. С. 638.

⁴ Там же. Т. 19. С. 358.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 211.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1996–1998. Т. 6. С. 470.

⁸ Там же. С. 471–472.

⁹ Там же. С. 474.

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 45.

¹¹ Там же. С. 101.

¹² Там же. С. 161, 414.

¹³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 220.

¹⁴ *Иустин (Попович)*, преподобный. Достоевский о Европе и славянстве. Достоевский – всечеловек. URL: http://www.pagez.ru/olb/228_15.php (дата обращения: 2.02.2013).

охвачено всего 1 024 308 человек¹. В сельской местности процент грамотных к середине XIX в. был ничтожно мал. Применительно к русской деревне этот показатель нарастал незначительно². Даже по итогам Первой всероссийской переписи населения (1897 г.) по всей стране был всего 21 % грамотного населения. При этом представители других вероисповеданий опережали православных: у католиков было 32 %, у иудеев – 38, у лютеран – 70 % грамотных³. В церковной среде идея ликвидации неграмотности находила поддержку. «Реформы застали нашего крестьянина совершенно неподготовленным... Чтобы правильно воспользоваться свободой, необходима более или менее высокая степень умственно-нравственного развития», – такие высказывания иереев отражали настроения всего духовенства⁴.

Неудивительно, что в 1864 г., а затем повторно в 1884 г. православному духовенству было предписано создать образец совершенного учебного заведения для народа – приходскую школу. Священники имели педагогический опыт: практически во всех школьно-преподавательских коллективах низшего звена лица духовного звания или соответствующего образования составляли более половины их состава. Однако приходская школа мыслилась ее создателями не только как «рассадник грамотности». Одновременно решались и другие задачи: контроль над стихией «самодеятельного образования» в деревне; русификация национальных окраин, а позднее и создание своеобразного барьера против «гангрены атеизма», которой якобы были поражены земские школы.

Уже в 1860-е гг. открылось 9 тыс. школ, обучавших 159 тыс. крестьянских детей «элементарным знаниям»⁵. Но, как ни парадоксально, средств на это выделялось крайне мало⁶. Попытка власти склонить земства к финансированию приходских школ в 1860-е гг. провалилась⁷. К 1870-м гг. численность церковных школ была сокращена вдвое (до 4 521), и они по существу вырождались в учебные заведения, готовящие церковнослужителей⁸. К концу 1870-х гг. представители светской и церковной власти сошлись в мнении, что интересы морального развития народа требуют доминирования духовенства в народном образовании⁹. Результат оказался парадоксальным: в 1880-е гг. церковная школа становится частью светской общеобразовательной системы.

Одновременно с учительскими обязанностями священникам вменили еще и религиозно-просветительские функции – в мае 1864 г. вышли «Основные правила для учреждения церковных братств». Приходские священники получили полномочия вовлекать в братства неограниченное количество лиц разных сословий, чтобы соединить усилия и финансовые средства не только для поддержки «одержимых физическими недостатками» и беднеющих прихожан, но и повышения их культурно-образовательного уровня. Очень скоро братства распространились по всей империи, и к 1880-м гг. в каждой епархии в среднем действовали по два-три братства¹⁰. Там, где открывались братства, появлялись библиотеки, причем вовсе не обязательно в их фондах преобладали религиозно-назидательные издания. Анализ репертуара изданий показывает наличие сельскохозяйственных газет и журналов («Сельский вестник», «Деревня», «Крестьянское хозяйство»), художественной литературы, историко-географических

произведений. Но повсеместно взносов учредителей не хватало и приходилось выкраивать деньги из церковных сумм, подыскивать бескорыстных жертвователей.

Огромные усилия священников были направлены на снижение социальной напряженности, но они не достигали должного успеха. Уже в середине XIX в. стала осознаваться опасность того, что после отмены крепостного права община, настроенная на коллективное выживание и оставленная без присмотра со стороны помещиков, противопоставит себя всем – помещикам, земству, городу, наконец, государству¹¹. Единственной легитимной консолидирующей силой большинства населения оставался церковный приход. Готов ли был приход к решению модернизаторских задач?

В социополитических и экономических условиях середины XIX в. священник действительно наиболее естественно мог взять на себя «модернизаторские» функции, но только в обновленном (в статусе юридического лица) церковном приходе. Именно такой приход мог связать нравственный и хозяйственный потенциалы разных сословий не только *верой*, но и *доверием* власти. Обладая статусом юридического лица, приход (в лице причта) на микросоциальном уровне мог бы самостоятельно регулировать вопросы просветительские (строительство школ, открытие библиотек), каритативные (если не искоренения социальных пороков, то коррекции их последствий через организацию обществ трезвости, приходских попечительств, касс взаимопомощи), а, главное, финансово поддерживать духовенство. Словом, реформированный приход открывал возможность межсословного диалога. Необходимо учитывать, что светски образованные вестернизированные реформаторы не могли осуществить органичный поворот в умах (особенно крестьянских)¹².

Однако располагал ли в действительности приход требуемым модернизационным ресурсом? Исследования показывают, что он, будучи стеснен в правовом и финансовом отношениях, остался на периферии реформаторского процесса. Бесперспективность «приходской модернизации» была обусловлена низким статусом священнослужителей в обществе, их материальной зависимостью от прихожан, откровенным сервиллизмом духовных лиц, слепо следующих в фарватере государственной политики; разбалансированностью внутрицерковных связей и, как следствие, – понижением уровня веры, подмененной традиционной ритуалистикой¹³.

Конечно, сказывался принцип: «каков поп, таков и приход»: уровень подготовки священников оставался низким. Выходцы из духовного сословия неохотно шли в духовные семинарии, а иные и вовсе предпочитали их светским университетам. Служителями культа становились очень немногие представители высших сословий.

В результате уровень сопротивляемости духовного сословия трудностям пореформенной жизни неуклонно снижался. Власть, со своей стороны, ситуативно манипулировала приходом, опасаясь то крестьянской корпоративности, то усиления неподконтрольного влияния настоятелей на умы прихожан.

В июне 1876 г., размышляя о том, вступится ли Россия за славян, Достоевский восклицает: «Вопрос ли это? Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит *честно*...»¹⁰. Жертва в помощь сербам есть материальное выражение глубины народного сострадания. «Вся земля русская заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка Божия – все в одно слово... “на православное дело”...»¹¹. В ходе этой войны светлее, чем когда-либо на Руси, воссиял образ «лучшего человека»! Яркой иллюстрацией этого явилась история о старике-солдате, ушедшего вместе с малолетней дочерью сражаться с турками: «Хоть милостыню, а дойду до извергов и там сложу свои кости, а добрые люди приютят мое дитя...»¹².

В отличие от Достоевского, Толстой отдает предпочтение личному (гармонии души) перед общественным. «Сентиментальный морализм», по Ильину, есть венец мирской премудрости Толстого. Участие в войне он считает недостойным для христианина. Человеку важнее достигнуть внутреннего мира, живя по заповеди «непротивления злу насилием».

В «Дневнике писателя» Достоевский с горячностью оспаривает такую позицию Левина, доводя ее до абсурда. Он создает в своем воображении «толстовскую» сцену, в которой Левин не решается заколоть «турку», убивающего ребенка, а уходит к Кити¹³.

Однако жизнь и творчество Толстого оказывались порой шире провозглашаемых им идей. Отрицательно или, в лучшем случае, равнодушно относящийся к восточному вопросу, Толстой вдруг рвется на передовую, да так, что, по воспоминаниям вдовы писателя, близким едва удастся уговорить его остаться.

Сближает позиции Толстого и Достоевского мечта о достижении Царства Божьего на земле. У Достоевского тоска о земном рае нашла отражение в фантастическом рассказе «Сон смешного человека», в котором впервые ясно прозвучала мысль о коллективной духовности: «все отвечают за всех».

Вслед за Достоевским Толстой считает, что моральное перерождение людей способно решить социальные проблемы человечества и достигнуть мировой гармонии на этой земле. Христос у него – моралист (без чудес), пророк. Миросозерцание Толстого человекоцентрично и рационалистично. Забота о своей душе и приведет, в конечном счете, к земному раю.

Взгляды Достоевского, в отличие от Толстого, христоцентричны. Узко-этнические (южные славяне) и конфессиональные (православные христиане) интересы перерастают у него в интересы «всечеловеческие»: любя Родину, русское сердце любит всю планету. Решение восточного вопроса важно не только для южных славян, России и Европы, но и для всей земли.

Перешагнув геополитическое пространство, христианская мысль Достоевского переходит в разряд вневременных, «вечных», надмирных – «новая земля». По словам Иустина (Поповича), славянство во Христе способно пройти путь от всеславянства к всечеловечеству, к братству в служении Богу и людям. Достоевский, по его мнению, «принадлежит всем мирам и всем людям, ибо

имеет для нравственного уровня общества оздоровительный характер. Указывая на постоянно возрастающее движение русских офицеров и солдат в армию Черняева, Достоевский возражает тем, кто утверждает, что к Черняеву идут «потерянные люди, которым дома нечего делать»¹. Дискутируя с воображаемым оппонентом, он говорит о героически пролитой крови, славящей русское имя в Европе. Он считает, что «не всегда война бич, иногда и спасение». «Подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса»².

Иначе смотрел на военные события этого времени Л. Н. Толстой. Он относился к славянскому вопросу и движению русских добровольцев резко саркастически, как к «большому вздору», и наделял подвижников нелестными эпитетами: «ошалевшие», «беснующиеся в маленьком кружке», «представляющие себе, что с ними беснуется вся Россия, весь народ...» На самом деле они возбуждаются не народным одушевлением, а «одурманенным криком» толпы, при котором теряются права рассудка. Они одурманиваются официальной ложью в оценке поведения турок и сербов, в освещении событий войны. Толстой с горечью пишет, что разжиревших сербов «шли спасать худые и чахлые русские мужики. И для этих жирных сербов отбирали копейки под предлогом божьего дела у голодных русских людей»³.

Для Толстого любая война – бедствие и страдание, «мщение и убийство». Летом 1877 г. в последней части «Анны Карениной» Толстой отказывается славянскому движению в народном характере, считая добровольцев краснобаями, бездельниками и авантюристами. Старичок-военный утверждает в романе, что из его города пошел воевать «только один солдат, бессрочный, пьяница и вор, которого никто уже не брал в работники»⁴.

В «Дневнике писателя» за август 1877 года Достоевский подвергает резкой критике высказанную в эпилоге «Анны Карениной» позицию Толстого в отношении русских добровольцев: «Утверждать, что прошлогодние добровольцы были *сплошь* гуляки, пьяницы и люди потерянные, – по меньшей мере не имеет смысла»⁵. В очередной раз он подчеркивает народный характер Русско-турецкой войны: «...крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: “Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!”»⁶.

И. А. Ильин назвал антивоенную доктрину Толстого «разновидностью правового, государственного и патриотического нигилизма»⁷. «Страдание есть зло – вот главная, невидимая, предпосылка его премудрости... надо запретить одному причинять страдания другому, неважно, делается им это в воспитательных целях или в целях самозащиты»⁸. «Так духовный нигилизм становится неизбежным следствием sentimentalного гедонизма, – резюмирует Ильин, – а вся так называемая теория “непротивления злу насилием” – полным выражением обоих»⁹.

Проблематика войны в творческом диалоге Толстого и Достоевского тесно связана с осознанным выбором приоритета в пользу личных или общественных интересов.

Необходимо учитывать и тот факт, что переход от традиционалистских миропредставлений к инновационным может занять временной период длительностью не менее смены трех поколений. Но запастись терпением на такой срок российским реформаторам не удалось. Ни они, ни «реформируемые» в очередной раз оказались не готовы ответить на вызов времени и поэтому «эпоха Великих реформ», по сути, стала профанацией идеи эволюционного прогресса. Реформы не только не привели к созданию гомогенного социокультурного пространства, но и усилили противостояние культур верхов и низов, города и деревни, столиц и периферии.

Таким образом, ставка на православного священника как проводника модернизационных идей в дореволюционной России не оправдала себя¹⁴. Не будь этого – и, возможно, удалось бы избежать будущего масштабного брожения в умах, социального раскола, кровавой революции и Гражданской войны, которые положили конец существованию Российской империи и царствованию династии Романовых.

Примечания

¹ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 4–5.

² См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1904.

³ Церковно-приходская школа. 1905. № 4. С. 278–280.

⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7530. Л. 4, 11.

⁵ Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. С. 94.

⁶ Благовидов Ф. И. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891. С. 27–53.

⁷ Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 270, 280, 303–305.

⁸ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1905. № 1. Ст. 1.

⁹ Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. СПб., 1883. С. 57–58.

¹⁰ Подробнее см.: Литвак Б. Г. Православие в XIX в. // Русское православие: Вехи истории. М., 1989; Лепихин С., прот. На службе Богу, царю и отечеству. Елабуга, 2008. С. 84.

¹¹ См., напр.: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права, 1856–1861. М., 1996; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-середины 1870-х годов). М., 2002.

¹² См.: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

¹³ См.: Беговатов Д. А. Городское духовенство Тверской епархии середины XIX века: по материалам архива В. Ф. Владиславлева // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 30. Серия «История». Вып. 4. С. 137–151; Леонтьева Т. Г. Священник Иоанн Белостин: биография в документах. М.; Тверь, 2012.

¹⁴ См. подробнее: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. С. 242–246; Леонтьева Т. Г. Российское реформаторство: Генетический изъян? // Россия и современный мир. Проблемы, дискуссии, события. М., 2004. Вып. 4. С. 68–81; Леонтьева Т. Г. Православный священник, приход, власть и проблема устойчивости российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 693–700.

В. Р. Веселов

г. Кострома

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ И НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

400-летие окончания Смуты и воцарения династии Романовых – знаменательное событие общественной жизни, требующее глубокого осмысления с позиций историзма и с учетом современных реалий нашего бытия. До сих пор остаются невостребованными в отечественной историографии, да и в общественном сознании, такие актуальные и противоречивые проблемы, как генезис, особенности возникновения социальных конфликтов и смут, механизмы их погашения; взаимоотношения элиты и низов, поиски национального согласия; социально-политическая, культурно-психологическая специфика понимания и восприятия легитимности власти в российской истории; диалектика взаимосвязи властных и общественных институтов, центральных и местных учреждений в переломные исторические периоды; внешний фактор в развитии социальных потрясений в российском обществе и др.

К сожалению, в последние годы заметно снизился престиж исторического знания в обществе. Юбилейные даты все более воспринимаются через призму театральных представлений, публицистической шумихи и одностороннего, упрощенного толкования сложных событий прошлых эпох. Юбилейная ангажировка затрагивает нередко и научное сообщество, конференции, тематические сборники, вынужденные порой подстраиваться под «социальный заказ», политическую конъюнктуру, распоряжения чиновного круга. В руководящих органах страны сегодня много юристов, экономистов, но почти совсем отсутствуют профессиональные историки. Вместе с тем, вполне очевидно, что «трудно рулить» успешно государственным механизмом огромной Державы без исторического обозрения, понимания сущностных тенденций общественного развития. Неслучайно же Иван Грозный собрал богатейшую историческую библиотеку, а Иосиф Сталин сам редактировал учебники по истории.

В кремлевские кабинеты были вхожи советские академики-историки И. Минц, А. Панкратова, Б. Пономарев и др. Сегодня на политических тусовках, в избирательных и прочих кампаниях задействованы кинорежиссеры, шоумены, звезды эстрады и т. д. Голоса же профессиональных историков ныне не очень слышны во властных структурах, да и в обществе в целом. Подобная ситуация вряд ли способствует осмыслению уроков прошлого в контексте современных непростых проблем развития российской государственности.

Заметна сегодня и такая тенденция политической, идеологической жизни, как использование исторического материала в качестве простой иллюстрации для обоснования того или иного принимаемого решения. Однако история – не сборник готовых рецептов и подсказок для политических деятелей разного толка. Она скорее зашифрованная матрица сокрытых знаний, требующая напряженных усилий, правдивости и высокого профессионализма от тех, кто стремится разгадать ее тайны.

³ Бочкарев В. Н., Смирнов А. И. Ярославская Старина. Временник ярославского губернского архива. Ярославль, 1924. С. 25.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны. М., 1991. С. 73.

⁷ Определения Святейшего Синода от 20 июля 1914г. за № 6502 // Костромские епархиальные ведомости. 1914. 15 авг.

⁸ Костромская жизнь. 1914. 23 июля.

⁹ Костромская жизнь. 1914. 25 июля.

¹⁰ Костромская жизнь. 1914. 27 июля.

¹¹ Там же.

¹² Отбоева Д. А. Патриотическое движение в ярославском крае в связи с началом Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 316.

¹³ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны: пер с англ. М., 2012. С. 22.

¹⁴ Колгушкин Л. А. Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. С. 147.

¹⁵ Костромская жизнь. 1914. 4 сент.

¹⁶ Ярославские епархиальные ведомости. 1914 год. 16 окт.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Костромская жизнь. 1914. 24 авг.

¹⁹ Ярославские губернские ведомости. 1914. 22 июля.

²⁰ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 164.

²¹ Подсчитано нами по данным: Анфимов А. М., Корелин А. П. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 22.

²² Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 84.

С. Р. Шаваринская

г. Кострома

ВОЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ
ДОСТОЕВСКОГО И ТОЛСТОГО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-Х ГОДОВ

В течение 1876–1878 гг. читатели имели возможность следить за творческой полемикой Толстого и Достоевского на страницах журналов и в отдельных публикациях. Полемика эта перешагнула границы диспута о восточном вопросе (проблематику Балканской войны 1876–1877 гг.) и приняла глобальный (геополитический и вневременной) характер. Полярные позиции писателей по поводу одного из «вечных» вопросов человечества не обрели законченной формы. Они отражали определенный этап в развитии их мысли.

Всегда ли война бедствие? Характеризуя смерть как позорное явление, Достоевский, однако, считает, что война «справедливая», когда ее «идея свята»,

Еще одной особенностью проявления патриотических настроений в провинции стало массовое поступление молодежи в военные училища, запись добровольцами на фронт и санитарями в военные госпитали. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях тогдашний костромской гимназист 6-го класса Л. Колгушкин: «В местной газете “Поволжский вестник”... стали появляться призывы вступить в действующую армию добровольцами-вольноопределяющимися, а также открылся прием на ускоренный курс в военные училища и во вновь открываемые школы прапорщиков. Желающих... получить офицерское звание в первые два года войны было много»¹⁴. Так, в начале сентября 1914 года в Костромской духовной семинарии сразу 20 воспитанников оформляли документы для зачисления в добровольцы¹⁵, а 10 октября состоялась массовая манифестация ярославских семинаристов, которые «...с пением гимнов и молитв направлялись к Спасскому монастырю»¹⁶. Там они встретились с архиепископом Агафангелом, который приветствовал патриотические чувства учащихся и призвал молодых людей «...оказать помощь по уходу за ранеными»¹⁷.

Уникальным можно назвать событие, имевшее место на Сусанинской площади Костромы в конце августа 1914 года, когда «к толпе с призывом к бодрости обратился 104-летний крестьянин Двойников»¹⁸ – участник Севастопольской кампании и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, имевший несколько ранений и боевых наград.

Также период июля – августа 1914 года был ознаменован призывами к бойкоту германских и австрийских товаров, острой постановкой вопроса о преподавании немецкого языка в гимназиях и училищах¹⁹. Еще одной характерной особенностью первых месяцев войны стали поздравительные послания как в адрес Верховного командования русской армии, так и на имя командиров отдельных частей. Их направляли и отдельные лица, и организации, учреждения, сходы граждан, прихожане, группы рабочих и ремесленников²⁰.

И все-таки, несмотря на обилие примеров проявления патриотических чувств в столицах, губернских, уездных городах и крупных сельских населенных пунктах, мы не можем не отметить, что составляющее почти 85 %²¹ населения Российской империи крестьянство держалось в стороне от политической жизни страны и ничем, кроме безропотного следования на призывные участки и далее на фронт, своего патриотизма не выказывало. Дальнейшее развитие ситуации в стране показало, что «...без организации народных сил современные войны не могут быть ведены, а тем более выигрываемы»²². Представители же государственной власти так и не смогли понять, что патриотизм живет в народе до тех пор, пока он верит этой власти и видит ее действия, направленные на улучшение его политического и экономического положения.

Примечания

¹ Поволжский вестник. 1914. 19 июля.

² Костромская жизнь. 1914. 22 июля.

Отдельные материалы Романовских чтений отличаются явной идеологизированностью, упрощенным толкованием роли и места династии Романовых в российской истории. Юбилейная ретушь, исключительно позитивные оценки деятелей русского престола зачастую искажают реальную панораму исторических событий, оставляют вне поля зрения острые противоречия в истории царской династии. Справедливо отмечая важную роль Романовых в окончании Смуты, ряд авторов умалчивают о непоследовательности представителей боярского рода, их участии в смутных делах, в том числе в дворцовых интригах, борьбе за власть, развернувшихся сразу после смерти Ивана Грозного, а затем его сына Федора и кончины Бориса Годунова. Случайно ли, что Григорий Отрепьев был связан с боярским двором Романовых, а Филарет возглавил делегацию в Польшу с приглашением на престол королевича Владислава? Патриарх Гермоген сознательно пошел на смерть, выступив против изменников, а Филарет поддержал «тушинского вора». Тушинцы и поляки захватили власть и в Костроме, и потребовалась в 1609 году ожесточенная борьба патриотических сил за освобождение города. В 1612 году К. Минин и Д. Пожарский сменили костромского воеводу, сторонника поляков. Указанные конкретные примеры свидетельствуют о бесперспективности попыток «выпрямить» историю, придать ей краеведческую благодать, отойти от принципов историзма и диалектики.

Однако сегодня важно не только объективно расставить акценты и оценки событиям прошлого. Еще значимей осмысление уроков истории. В контексте рассматриваемого исторического юбилея обратим внимание на некоторые из них. Во-первых, исторический опыт русских смут убедительно свидетельствует, что они начинаются в сознании, в головах и душах людей, а затем уже разворачиваются на площадях и весах. Прервалась династия Рюриковичей, и сразу же встала проблема легитимности власти, не столько политическая первоначально, сколько идеологическая, ментальная, где особую роль играли слухи (убийство царевича), ощущения утраты прежних ценностей, нравственный вакуум и др. В преодолении смуты опять-таки, помимо социально-экономических, политических и прочих причин, решающую роль вновь сыграл фактор массового сознания, социальной психологии: польская интервенция обострила поиск национальной идентичности (мы и они), а хаос и разрушения в стране стали тем пороком сознания, за которым, как замечал еще знаток русской души Ф. Достоевский, дойдя «до края пропасти», наш соотечественник останавливается в своих метаниях и возвращается на привычную стезю.

В современной России более всего опасен кризис духовности, сознания. Политический курс страны можно существенно поправить в ходе одной избирательной кампании. На восстановление экономики потребуются годы, а на преодоление бездуховности нужны будут многие десятилетия. Вспомним, что Моисей водил свой народ по пескам 40 лет, чтобы сделать его свободным духом. Поколению родившихся в годы перестройки, а вернее «катастрофки» (по выражению А. Зиновьева), исполнилось сегодня 28 лет. Многие из них выросли на пепелище былых ценностей и не обрели новых духовных ориентиров.

Тут и Моисею было бы, наверно, не под силу вывести «потерянное поколение» из духовной смуты. Тем более что фигуры, подобной библейскому герою, на политическом небосклоне сегодня и не просматривается.

Еще один урок Смуты: власть должна быть сильной. Ее слабость провоцирует преступников, внутренних и внешних. Но что такое сильная власть? Твердая рука хозяина, армия со штыками? Этого мало. Нужно доверие общества власти, наличие у нее социальной опоры, что невозможно без социально ориентированной политики государства. У Ивана Грозного были причина и идея сакральной власти, у Петра Первого – служилое дворянское сословие и авторитет Российской империи, у Сталина – маргинальный, формирующийся рабочий класс и коммунистическая идеология. Сегодня удельный вес вооруженных лиц в погонах превысил все предшествующие исторические отметки. Однако государство разворачивается и слабеет. Нет социальной опоры и национально образующей идеи, а это дорога в смуту.

Именно власть была главным виновником всех русских смут, в том числе и в начале XX столетия. Сегодняшняя ностальгия определенных общественных кругов по Дому Романовых, попытки представить Николая Второго неким российским Гамлетом игнорируют исторические свидетельства его несостоятельности как руководителя великой Державы. До самого последнего дня своего царствования он упорно отклонял вопреки здравому смыслу требования широкой общественности о формировании правительства «народного доверия», подотчетного парламенту. Все командующие фронтами в своих телеграммах высказывались за его отречение. И это в дни войны! Именно государственную власть назвал главным виновником революции П. Струве, небезызвестный участник Белого движения. Ответственность за крушение государственного корабля возложил на капитана и другой приверженец монархической идеи – А. Солженицын. Чудовищное неравенство в современном российском обществе, олигархическая доминанта социальной политики существенно расшатывает позиции государственной власти и свидетельствует о ее недостаточном внимании к урокам истории.

Назовем еще один из них: ответственность самого общества, народа за свою судьбу, исторический выбор. Стало давней традицией списывать все грехи своего времени только на правителей: от Ивана Грозного до Б. Ельцина. Однако смуту порождает болезнь всего общества, нездоровый дух элиты и низов. В начале XVII века значительная часть элиты, боярства, дворян морально разлагается. Шуйские отравили своего молодого сородича, военачальника. Ляпуновы перебегают из лагеря в лагерь, от Болотникова в первое ополчение, пока один из них не погибает от рук своего союзника Заруцкого. Небезгрешны были и сами Романовы. Русская армия под Кромами переходит на сторону самозванца. Растет преступность, идет оскудение духа народа. Не в лучшем состоянии находится духовное здоровье общества и сегодня. Социальная апатия, усталость делают его восприимчивым к различным авантюрам.

Одним из целительных лекарств от общественного недуга, как показывает опыт прошлого, является уважительное отношение к своей истории, ее вдумчивое, заинтересованное, правдивое прочтение. История, по выражению Н. Карамзина,

«Война... возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма. В Москве, Ярославле, Казани... одни и те же народные восклицания... одно и то же объединение вокруг Царя, одинаковая вера в победу»⁶, – записал в эти дни в своем дневнике М. Палеолог, посол Франции в России.

Одной из форм проявления патриотических чувств костромичами и ярославцами в этот период стало их массовое участие в крестных ходах и молебнах, организуемых по определениям Святейшего синода⁷ и приуроченных не только к церковным праздникам, но и к дням объявления царских манифестов, отправки на фронт мобилизованных, а позднее – по случаям побед русской армии. Первый такой молебен был отслужен уже 22 июля в кафедральном соборе «...преосвященным Арсением в сослужении всего городского духовенства о здравии Их Величества и о ниспослании победы русскому воинству. Перед началом молебна был прочитан с амвона Высочайший Манифест. По окончании – у собора был произведен парад, в котором участвовал батальон Пултусского полка»⁸.

В этот же день в селе Серета, Нерехтского уезда, тысячная толпа народа «...с национальными флагами и портретами государя, с пением молитвы “Спаси, Господи, люди твоя” крестным ходом проследовала на железнодорожный вокзал, откуда отправлялась большая партия призванных запасных... По отправлении поезда толпа проследовала к памятнику Александру II, где был совершен молебен и читался Манифест... Говорились речи с призывом общего объединения и готовности самопожертвования за Родину»⁹. По аналогичному сценарию состоялись молебны в дни проводов нижних чинов запаса в Кинешме, Макарьево, Ветлуге, селе Родники.

Примечательные факты были отмечены в одном из номеров газеты «Костромская жизнь»: «25 июля в 12 часов дня Ахуном Костромской Подгородской татарской слободы в мечети было совершено торжественное молебствие о здравии Государя Императора, Главнокомандующего русской армией Великого Князя Николая Николаевича и о даровании победы русскому оружию»¹⁰. В это же время в местной синагоге прошло «торжественное богослужение в присутствии всех евреев, находящихся в Костроме». В выступлении председателя правления прозвучал призыв еврейского народа «...к единению и к служению Родине, Царю и всеобщему славянскому делу, ниспосланию российскому воинству и войскам всех дружественных народов победы над врагом»¹¹.

Таким образом, для всего населения Российской империи именно война стала той силой, которая «...была готова противостоять религиозной нетерпимости и национальному высокомерию»¹². Война на время примирила политические партии, сторонников различных религиозных конфессий, сделав всех их «русскими патриотами» – кавказцев и поляков, евреев и латышей, даже прибалтийских немцев, выступая от имени которых 26 июля на заседании Государственной думы барон Г. Е. Фелькерзам «провозгласил, что прибалтийские немцы... безусловно выполняют свой долг как верноподданные русского царя»¹³.

Одна из первых патриотических акций была проведена в Костромской губернии 18 июля 1914 года. Вот как описывал это событие корреспондент газеты «Поволжский вестник»: «Вчера, часов около 9 вечера, публика, собравшаяся на городском бульваре, потребовала исполнения народного гимна. Гимн был исполнен и покрыт громкими кликами “Ура”. Около павильона выросла толпа и потребовала вновь исполнения гимна. И как только музыка кончала, неслись клики: “Ура!”, “Да здравствует Сербия!”, “Да здравствует Франция!”. Клики сменялись требованиями сербского, французского и русского народного гимна»¹. Демонстрация с перерывами продолжалась еще несколько часов, по-прежнему сопровождаемая исполнением гимнов, торжественных мелодий и маршей.

Через два дня – вечером 20 июля – в Костроме состоялась еще одна патриотическая манифестация. Ее участники с портретами императора, русскими, сербскими и французскими флагами прошли с городского бульвара к памятнику Сусанину, а затем в сопровождении духового оркестра толпа народа численностью в несколько тысяч человек направилась к казармам Пултусского полка. «У казарм громовое “Ура” солдат отвечало крикам манифестантов. После многократного исполнения народного гимна с криками “Да здравствует русская армия!”, “Да здравствуют пултусцы!” толпа двинулась... к дому губернатора. Губернатор Стремоухов несколько раз выходил на балкон и приветствовал манифестантов возгласом “Да здравствует Россия!”. Манифестация продолжалась далеко за полночь»².

Сведения о проявлении патриотических настроений населением губерний содержатся не только в костромских и ярославских газетах. Не менее ярко настроения провинциального общества охарактеризованы в донесениях полицмейстеров и уездных исправников. Так, например, в августе 1914 года ярославский полицмейстер доносил, что «начавшиеся военные действия России с Австрией и Германией население города Ярославля встретило с большим сочувствием... и все свое внимание сосредоточило исключительно на ходе военных событий и известий, дающих населению уверенность в полной победе русского оружия; само же население неоднократно высказывало свои патриотические чувства, выражавшиеся в устройстве торжественных манифестаций, которые неоднократно происходили в городе без всякого нарушения спокойствия и порядка»³.

В рапорте мOLOGского уездного исправника за первую половину сентября сообщается: «...все слои населения преисполнены интересом к ходу событий на театре военных действий и в этом отношении высоко приподнято патриотическое настроение населения, готового по зову Царя-Батюшки идти до последнего на защиту Его и родины. Дополнительная мобилизация ратников ополчения протекла в полном порядке, без малейших каких-либо нарушений, и все призванные ратники шли с большим воодушевлением, сознавая государственную необходимость»⁴. В тот же период времени в донесении на имя губернатора Татищева рыбинский исправник так описывал настроения рыбинцев: «Во всех слоях общества усвоилось убеждение в серьезности переживаемого родной моментом и ввиду тяжелого для Отечества времени всюду слышатся общие суждения идти на все жертвы, которые потребуются для победы над врагом»⁵.

является в некотором роде и утешительницей, ибо она говорит нынешнему поколению о том, что были времена потяжелее сегодняшних, а Россия сумела справиться с трудностями и смутами, находила в себе силы для нового возрождения.

Хочется верить в достойное будущее страны. Нынешний юбилей дает основания для исторического оптимизма. Русской истории он по душе.

О. А. Лебедева

г. Кострома

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ МЕСТА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Одной из разновидностей религиозного туризма является паломничество. Под паломничеством понимают посещение святых мест и поклонение религиозным святыням. На наш взгляд, главные отличия этого вида туризма от религиозно-экскурсионного в мотивации поездок и составе путешествующих. Как правило, паломник – это глубоко верующий человек, готовый многим пожертвовать ради прикосновения к святыням. Основная цель таких поездок: показать свою преданность вере, стремление избавиться от физических или душевных недугов, выразить благодарность за блага, ниспосланные свыше, внести свой небольшой трудовой вклад в благоустройство посещаемого места. Для паломников экскурсия имеет второстепенное значение по отношению к определенным культовым действиям.

Паломничество имеет давнюю историю. Многие российские ученые одной из первых паломнических поездок называют поездку княгини Ольги в 957 г. в Константинополь, где она приняла крещение. В паломнические поездки по святым местам отправлялись и представители царствующей фамилии. Кроме выездного, в России всегда развивалось и внутреннее паломничество. В советские годы паломничество, особенно внутреннее, практически не существовало, им специально никто не занимался, а паломнические поездки носили разовый и индивидуальный характер. Но сегодня в этом направлении многое изменилось. Появились паломнические центры, активно разрабатывающие и организующие поездки по святым местам. Много таких уникальных мест и на территории Костромского края, о них мы и расскажем в статье, попытаемся определить значимость этого вида деятельности с духовной, экономической и просветительской точек зрения.

Во время поездок паломники посещают монастыри, храмы, поклоняются мощам святых, купаются в святых источниках, участвуют в церковных службах. Только на территории Костромы ныне действуют 3 монастыря, более 20 церквей и часовен, 6 домовых церквей¹. Все они могут рассматриваться как паломнические места. Работу с паломниками в Костроме ведут 3 паломнических центра: «Стезя» организует поездки по области и России; службы при Свято-Троицком мужском Ипатьевском монастыре (это самый крупный центр) и при Богоявленско-Анастасином монастыре.

По святым местам можно ездить и самостоятельно, но здесь нужна особая подготовка, целенаправленная работа и прежде всего знакомство с литературой. Истории монастырей Костромского края с указанием телефонов, адресов и главное – хранящихся в них святынях посвящен ряд изданий, которые являются своеобразным путеводителем по святым местам²; истории отдельных монастырей и святых посвящены небольшие издания, подготовленные епархией³. О многих значимых для паломников местах, может быть малоизученных в масштабах страны, рассказывается в литературе светского характера⁴.

Главный объект паломничества в нашей области – монастыри. Большинство из них были основаны в XIV–XVI вв., в так называемый период монастырской колонизации (освоения) края. Самые известные – Ипатьевский и Боговлянский. Первый – хорошо сохранился по причине покровительства со стороны Годуновых и Романовых, благодаря заботам музейных работников, понимавших его значимость и ценность в истории России. Монастырь важен для паломников своими святынями: чудотворной Тихвинской-Ипатьевской иконой Божьей Матери, частицей ризы Господней, частицей мощей святого мученика Ипатия Гангрского, уникальной выставкой икон и неповторимыми, чудесными фресками Гурия Никитина, великолепным резным иконостасом Троицкого собора, памятниками архитектуры.

Другой – Боговлянский-Анастасиин женский монастырь, основанный в 1426 г. учеником и сродником Сергия Радонежского, преподобным Никитой, в XX в. находился в плачевном состоянии. Только с 1991 г. происходит возрождение и восстановление некогда утраченных ценностей. В настоящее время монастырь – красивейшее архитектурное сооружение, с вновь сделанными умелыми мастерами росписями стен, сохраненными святынями – чудотворной Феодоровской иконой Пресвятой Богородицы, Смоленской-Костромской иконой-фреской Божьей Матери, мощами преподобного Никиты Костромского, преподобного Тимона, старца Надеевского, крестом-мощевиком с частицами 278 святых, складнем-мощевиком с частицами ризы Господней, пояса и ризы Пресвятой Богородицы, величественно возвышается в центре города. Транспортная доступность, удобный график работы, благожелательное отношение к прихожанам и приезжим сделали монастырь одним из самых посещаемых паломниками мест.

Кроме Ипатьевского и Боговлянского монастырей, Романовы посещали и отдаленный Свято-Троицкий Макариево-Унженский, основанный в 1439 г. преподобным Макарием Унженским и Желтоводским. Михаил Федорович Романов и его мать – инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова) были здесь дважды – поздней осенью 1612 г. и в 1619 г., так как старец Макарий почитался в народе покровителем пленных⁵. Ныне монастырь женский. Здесь сохранены мощи преподобного Макария Унженского и Желтоводского, список с чудотворной Макарьевской иконы Божьей Матери; святой источник преподобного Макария. В мае 1837 г. обитель посетил вместе с В. Жуковским великий князь Александр Николаевич – будущий император Александр II. В наши дни сюда активно направляются паломники, а связь их с родом Романовых, в особенности в год 400-летия Дома Романовых, придает этим святым местам особую ценность.

литературе, когда стремление научить читателя было присуще многим художественным произведениям, а просветительские установки стали органичными элементами мировоззрения русского общества XVII в.

Примечания

¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Московское царство. СПб., 1999. С. 283–284.

² Ключевский В. О. Русская история. М., 2006. С. 428.

³ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 18–19.

⁴ Софронова Л. А., Липатов А. В. Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 11–12.

⁵ Киселева М. С., Чумакова Т. В. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22.

⁶ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 12.

⁷ Привилегия на Академию // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 1 (январь – июнь 1773). Мышкин, 1891. С. 91–92.

⁸ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 260.

⁹ Сазонова Л. И. К вопросу о поэзии русского барокко // Вопросы литературы. 1985. № 8. С. 115.

¹⁰ Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 157–159.

¹¹ См.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 2001.

¹² Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 158, 161.

¹³ Симеон Полоцкий. «Предисловие ко благочестивому читателю» // Избр. соч. М., 2004. С. 207.

А. О. Гулин

г. Кострома

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ, ВЫЗВАННЫЕ НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В бесконечной череде европейских политических новостей, поступающих в российскую глубинку в середине июля 1914 года, известие об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии вызвало неподдельное возмущение среди различных категорий россиян. В поддержку этого небольшого славянского государства во многих городах империи прошли стихийные митинги, имели место также и другие формы выражения братской солидарности с сербским народом. Этими действиями было положено начало «волне патриотизма», прокатившейся по стране буквально через несколько дней в связи с объявлением Германией и Австрией войны России.

Задачам реализации культурного диалога соответствовала и такая особенность «школьного барокко», как сочетание ценностей античной и христианской культур, элементов традиционного миропонимания с «секуляризованными» идеями Нового времени. При этом, по мнению литературоведа Л. И. Сазоновой, если средневековое начало в барокко обеспечило его восприятие на русской почве, то черты Ренессанса способствовали обновлению русской литературы⁹. Единство «ренессансных» и средневековых, античных и христианских элементов было характерно для взглядов барочных деятелей как западнорусского, так и греческого происхождения. Считается, например, что в представлениях Симеона Полоцкого уживались мысли о духовном перенесении «писания божественного» с убеждениями о том, что в основе подлинного знания лежит обучение именно «еллинским премудростям»: грамматике, риторике и философии¹⁰. Похожая ситуация была и в отношении братьев Лихудов, чья преподавательская деятельность, с одной стороны, несомненно имела сильную схоластическую направленность, а с другой стороны, по мнению некоторых исследователей, воплощала в себе черты средневековой византийской традиции¹¹. В этом отношении «просветительство» греков и западноруссов одновременно служило и задачам «трансформации» русской культуры, приобщения ее к западным ценностям, и задачам сохранения в неприкосновенности ее «вероисповедных» основ.

Православных по вере грекофилов и латинствующих объединяли и особенности их «профессионального статуса» – практически все они были монахами. Как замечает академик А. М. Панченко, монашество не было для просветителей самоцелью, но служило средством посвятить себя литературе, было признаком принадлежности к особой корпорации – «монашеству книжному»¹². Служение монахов Богу соединялось со «служением знанию» в качестве писателей, учителей и проповедников – духовное «посредничество» в вопросах веры находило для них продолжение на литературном и педагогическом поприще. Примечательно понимание своей просветительской миссии Симеоном Полоцким, для которого литературная и учительная деятельность была опосредована необходимостью исцеления общества от духовных болезней, где задача писателя, как и врача, – «кормить» читателя «горячей и горькой» духовной пищей, имеющей силу «в здравии утверждения и от недугов предоблюдения»¹³.

«Просветительство» греков и западноруссов, таким образом, служило средством эффективного и «безопасного» перенесения западных идей на русскую почву – его целью было утверждение в России культурных ценностей, заимствованных у «иноверного» Запада, подвергшихся, в то же время, серьезной «барочной» обработке и перенесенных в «православную систему координат». Помимо «посредничества» в культурном диалоге с Западом, литературная и учительная практики греков и западноруссов приобретали в России немалую общественную «пользу» и даже государственную значимость – своеобразный «пафос просветительства». При этом деятельность «философов – лекарей душ» была отнюдь не безуспешной, чему свидетельство – особая ситуация в русской

Паломничество весьма значимо, так как кроме духовного и очищающего воздействия на верующих, оно оказывает просветительское влияние на умы и сердца людей: на маршруте происходит знакомство с историей края, ролью монастырей и храмов, которые порою являются настоящими шедеврами архитектуры, а судьбы некогда живших здесь святых являются примером беззаветного служения Богу и Отечеству. Значимо паломничество и с экономической точки зрения, потому что паломники жертвуют деньги, привозят продукты, вещи. Монастыри восстанавливаются, а вместе с ними сохраняются, живут большие и малые населенные пункты. Паломничество помогает человеку не замкнуться в своем индивидуальном мире. Несомненно, религиозный туризм, в том числе паломнический, на территории костромской земли будет одним из перспективных видов развития туризма.

Примечания

¹ Костромские святые. Кострома, 2004. С. 174.

² Монастыри Костромской епархии. Кострома, 2009. С. 288.

³ Зонтиков Н. А. Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский. К 555-летию со дня преставления, 1444–1999 гг. Кострома, 1999. С. 63; Преподобный Авраамий Городецкий, Галицкий и Чухломской. К 625-летию со дня преставления, 1375–2000 гг. Кострома, 2000. С. 86.; Баженов И. В. Костромской Богоявленско-Анастасин женский монастырь: ист. очерк. Кострома, 2007. С. 123; Зонтиков Н. А. Церковь пророка Божьего Или на Городище в Костроме. Кострома, 2003. С. 136; Он же. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. Кострома, 2010. С. 368 и др.

⁴ Демидов С. Храм Воскресения Христова на Дебре. М., 1995, С. 32; Любое издание книги «Памятники архитектуры Костромской области»; Бочков В. Н. Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 230.; Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь: ист. очерк. М., 2003. С. 160; Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004. С. 222 и др.

⁵ Как известно, отец Михаила Романова находился в плену в Польше и был освобожден летом 1619 г., так что вторая поездка в Макариево-Унженский монастырь носила благодарственный характер.

А. В. Зайцев

г. Кострома

ДИСКУРСИВНО-ДИАЛОГОВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТРЕНД МОНОЛОГИЗАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Феномен Смуты привел к массовому инверсионному, то есть скачкообразному, осознанию социумом необходимости воссоздания и укрепления государства. Смута в стране, где фактически исчезли даже ростки государственности, из разгула анархии превратилась в свою дуальную противоположность. На местах стали стихийно возникать локальные общественные очаги и силы,

имеющие четко выраженную общественную интенцию на создание и укрепление сильного и могущественного государства. Деятельность нижегородского купца Кузьмы Минина дает пример опыта независимых гражданских инициатив и самостоятельной активности населения страны. Избрание полководца князя Дмитрия Пожарского доказывает жизнеспособность древних вечевых социокультурных традиций.

После освобождения Москвы в январе 1613 года собрался Земский собор для решения вопроса о власти. Отличие этого Собора от предыдущих состоит в том, что он был созван по инициативе не «сверху», а «снизу», благодаря словной энергии вечевой культуры, которая представила востребовавшему ее социуму свои делиберативно-диалогические ценности и процедуры. Такое коммуникативное выражение народной воли служит серьезным аргументом в пользу того, что государство не должно искоренять дух гражданственности, политической инициативы и социальной свободы, ведь в противном случае любой власти грозит утрата ее легитимности, а государству – прекращение независимого существования и распад.

На Соборе присутствовали бояре, высшее духовенство, дворяне, люди посада, свободные крестьяне-общинники. Однако там не было представителей крепостного крестьянства и нерусских народов. Земский собор 1613 года был более многолюден, чем обычно. Хотя точное число участников неизвестно, историки предполагают, что оно приближалось к 700 человекам. Заседания чаще всего шли в Успенском соборе Кремля.

Борьба при обсуждении вопроса о власти была очень острой. На московский престол предлагали сына германского императора Рудольфа, шведского королевича Карла-Филиппа, Ивашку-Воренка (сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II). Но патриотично настроенный Земский собор отсекает чужестранных кандидатов, приняв решение о том, что царем должен стать выходец из российских земель.

Вслед за этим развернулась политическая борьба вокруг кандидатов из старинных боярских родов. В ходе ее использовалось все: агитация, демагогия и даже подкуп голосов. Полного списка кандидатов на престол до наших дней не дошло. Но известно, что выдвигались кандидатуры Василия Шуйского, Воротынского, Трубецкого, Милославского, Михаила Романова.

В итоге жарких дискуссий 7 февраля 1613 года Собор остановился на кандидатуре М. Ф. Романова. Но окончательный выбор отложили до тех пор, пока не выскажется народ. Города и провинция поддержали кандидатуру М. Ф. Романова, в основном это были средние слои (казачество, мелкие служащие). А 21 февраля в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное заседание Собора, на котором единогласно был избран царем Михаил Федорович Романов, а члены Собора присягнули царю на верность. Вслед за этим присягнули Михаилу Романову и все города.

Так Собор, избравший царя М. Ф. Романова от «всей земли», фактически сформулировал новый диалогический принцип государственного управления, который требовал дискурсивного участия в нем всех групп населения, разве

«изоляциизма». Отмечается, что для России барокко выступало связующим звеном с православными землями Украины и Белоруссии, которые являлись неким «пространством-посредником», сумевшим адаптировать западные ценности к традициям православия⁵. Диалог русской и западной культур, таким образом, стал возможен при непосредственном участии «культуры-посредника» (барокко) и «пространства-посредника» (западнорусских земель), утверждавших на русской почве идеи «культурного универсализма», способствовавших ориентации на взаимодействие с окружающим миром.

«Посредничество» в деле культурного диалога было характерно и для православных западнорусского и греческого влияний – идеи, привносимые в Россию греческими и западнорусскими «культуртрегерами» (латинствующими и грекофилами) служили задачам «европеизации» русской культуры, вовлечения ее в «европейское интеллектуальное пространство». К числу таких идей, прежде всего, относится «просветительство», понимаемое как установка на активную учительскую, преподавательскую деятельность, стремление сформировать «совершенного человека» посредством образования. Основу же образовательных приемов и средств, используемых греческими и западнорусскими просветителями, представляло так называемое «школьное барокко». Грекофилы и латинствующие, несмотря на то что обучались в разное время и в разных учебных заведениях Европы, были носителями одной и той же системы педагогических идей, объединявшей, по мнению советского исследователя А. Н. Робинсона, школьные традиции ренессансной культуры с элементами средневековой схоластики⁶. Выразителями идей «школьного барокко» были латинствующий писатель Симеон Полоцкий и грекофил Епифаний Славинецкий, прошедшие выучку в православной Киево-Могилянской коллегии, греки братья Софроний и Иоанникий Лихуды, закончившие католический Падуанский университет – во всех случаях организованные ими в России школьная и литературная практики воплощали образовательные принципы их *alma mater*.

Значимость просветительских установок грекофилов и латинствующих в развитии культурного диалога между Россией и Западом заключалась в том, что таким образом предоставлялись образовательные средства, позволяющие русским книжникам вполне эффективно усваивать западные культурные ценности. Неслучайно русские воспитанники греков и западноруссов (Сильвестр Медведев, Евфимий Чудовский, Федор Поликарпов и др.) успешно продолжали просветительскую и литературную деятельность своих наставников, реализуя в ней многие установки барочной культуры. Так, например, в «Привилегии на Академию», написанной Сильвестром Медведевым в начале 1680-х гг., учебный курс планируемой им высшей школы предполагал овладение «разными диалекты, греческим, славенским и латинским», а также изучение «науки гражданския и духовныя»⁷. По мнению исследователей, в «Привилегии» имело место осмысление опыта западноевропейской, прежде всего, схоластической науки и некоторое его дополнение. Как замечал историк А. В. Карташев, школьная часть в академическом проекте была даже полнее, чем в Академии Киевской⁸.

К. С. Диянов

г. Омск

**ГРЕКО-ЗАПАДНОРУССКОЕ «ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО»
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
РОССИИ И ЗАПАДА В XVII В.**

XVII в. в русской истории принято считать эпохой значительных изменений во всех сферах жизни общества, понимаемой в самом широком смысле как переходный период от Средневековья к Новому времени. В литературе давно утвердилась мысль о том, что XVII в. положил начало «европеизации» России, предпринятой Петром I. В начале XX в. русский историк Е. Ф. Шмурло писал: «эпоха Петра I и XVII век – продукты одной и той же мысли, духовно сродные друг другу: Петр I отнюдь не начинает новой истории, но лишь завершает дело своего брата, отца и деда»¹. Утверждение о близости различных по содержанию периодов русской истории («петровского» и «допетровского») в немалой степени основывается именно на их «духовном родстве», связанном с устремленностью русского общества на взаимодействие с западной культурой, желанием «учиться у Запада», перенимать его научные и культурные достижения.

В то же время, применительно к XVII в. «открытость» России иноземным влияниям была достаточно условной. Для русского общества того времени заимствование западных культурных ценностей выглядело делом сомнительным и даже опасным – «культурная походка» русских людей, по выражению В. О. Ключевского, выглядела как «судорожное движение вперед и раздумье с пугливой оглядкой назад»². Этому во многом способствовала «вероисповедно-православная» точка зрения, ставящая саму возможность использования продуктов западной культуры в зависимость от их религиозного содержания. Главным в процессе культурного диалога с Западом было стремление русских людей сохранить «чистоту» православной веры, оградить ее от посягательств иноземных «ересей», что, в свою очередь, делало невозможным восприятие элементов западной культуры напрямую, без соответствующей «вероисповедной переработки». В этой связи дополнительной преградой на пути культурных взаимовлияний являлось как раз отсутствие у русских книжников соответствующих средств, при помощи которых, как писал дореволюционный историк А. С. Лаппо-Данилевский, можно было бы подчинить православной точке зрения светские элементы чужеземной культуры, «отбросить сор» католичества или протестантизма³.

Преодоление «вероисповедных преград» на пути взаимодействия с Западом во многом стало возможным благодаря утверждению в восточнославянских землях культуры барокко. Исследователи указывают на тот факт, что барокко было «великим стилем», который объединил культуру западных, южных и восточных славян, а также народов Центральной и Юго-Восточной Европы⁴. Барочное культурное пространство благоприятствовало установлению диалога славянских, в том числе и православных, культур с Западом – следовательно, было одним из способов преодоления духовного и культурного

что за исключением крепостных крестьян. Такой консенсус вечевого типа неформально институционализировал диалогический принцип в новом политическом управлении страной. В его основу была проложена вечевая традиция и соборность, то есть договорная идея всеобщего согласия общества и власти, оттесняющая, пусть и временно, политический монолог на периферию общественно-политической жизни России.

М. Ф. Романов положил начало новой царской династии, которая правила три столетия, а Россия начала медленно выходить из социальной катастрофы, реанимируя общественную систему. «Восстановление государства шло трудно еще и потому, что царь Михаил не был государственным деятелем. Выход находили в постоянном диалоге с обществом в лице Земского собора»¹.

Земский собор стал постоянно действующим учреждением, заседавшим практически без перерывов все царствование М. Ф. Романова. Все важные решения разрабатывались при участии Собора и подписывались следующим образом: по царскому указу и по земскому приговору. Собор при основателе династии Романовых был высшим органом законодательной власти, без которого царь не мог принять ни одного закона и не мог внести изменения в законодательство.

Собор разделил с царем и исполнительную власть. Дело в том, что после Смутного времени невозможно было сразу восстановить порядок и закон, не опираясь на структуры, которые синергично были выработаны самим ходом истории. Таким образом, власть нового правительства вынуждена была базироваться не на силе, а на народной поддержке, коммуникации, дискурсе и диалоге. В первую очередь для того, чтобы устранить анархию, восстановить порядок в стране и легитимизировать власть Дома Романовых.

Однако и высшая власть, и миллионы простых людей так и не сумели развить и укрепить гражданскую культуру «соборного диалога», соответствующую масштабу и сложности стоящих перед социумом проблем. Постепенно выявилась внутренняя слабость господствующего раннего идеала всеобщего согласия. Латентные конфликты и инверсионные тренды оказались сильнее, чем социокультурная основа дискурсивно-диалогового согласия. Если в 1613–1622 годах соборы заседали почти постоянно, то затем они стали созываться все реже и реже. А в 1653 году Собор состоялся в последний раз.

Окрепшая монархическая власть перестала нуждаться в санкциях «всей земли», а «земские люди» не сумели закрепить свое право на делиберативное участие в решении государственных дел. Средневековое российское общество в процессе политической коммуникации так и не выработало надежного дискурсивно-диалогового механизма, способствующего углублению интеграции в процессе разрешения противоречий. В итоге вновь и вновь со стороны высшей государственной власти делались попытки решать проблемы через насилие и монологизацию управления. Да и «низы» то и дело пытались снова обращаться к печальному опыту Смуты. Это в конечном итоге и толкало все общество, включая и народ, и власть, к безмолвному компромиссу и согласию «на возврат к господству монологизации, где обе стороны выступали как две взаиморазрушительные силы»².

Специфика нового этапа дискурсивной истории российского социума, заключалась в очередном отторжении диалога и в возвращении к противоположному, то есть монологичному, полюсу в политическом управлении страной. «Политика монологизации в период империи несла в себе веру в способность власти лепить из общества все, что угодно, – пишет А. С. Ахиезер. – Эта вера была обратной стороной слабой веры народа в собственную способность к государственному творчеству. На этом было основано убеждение власти в безграничной возможности реформировать общество собственными силами. Но монологизация имела дорогую цену»³. Однако победа монологического начала вовсе не означает, что диалогическая традиция в дискурсивном управлении государством была чужда российской социокультурной традиции и политической культуре. Напротив, дискурсивное происхождение династии Романовых, соборно-вечевые интенции, противостоявшие авторитарно-монологическим трендам, подтверждают, что в коммуникации власти и социума издревле присутствовали не только команды, приказы, понуждение, пропаганда и манипулятивные технологии осуществления власти, но также и поиски компромисса, согласия, взаимопонимания на основе толерантного диалога государства и общества.

Примечания

¹ Отечественная история: учеб. пособие / под ред. Л. Н. Булдыгеровой, Н. Т. Кудиновой, С. М. Нечитайлова. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2004. § 13. Внешняя и внутренняя политика первых Романовых [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://09403.khstu.ru/studentsbooks/othistory/otucheb/posobie/v_13.htm.

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 31.

³ Там же.

А. С. Кокшаров

г. Кострома

К РЕКОНСТРУКЦИИ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДИ НЕРЕХТЫ XIX В.

Интересный пример градостроительства представляет собой торговая площадь исторического центра г. Нерехты. До сих пор исследователи не делали попыток воссоздать ее первоначальный образ, сложившийся как цельный к концу XIX в., хотя планировочное решение торговой площади заслуживает не только внимания, но и достойной оценки. В связи с этим данная статья преследует цель выявить планировочные и стилистические характеристики создания архитектурно-пространственной композиции торговой площади г. Нерехты. Временные границы создания торговой площади в данном исследовании обо-

читала английскую прессу. Пьер Жильяр, наставник Алексея, оставшийся с императорской семьей до самого конца, сообщал, что «единственным утешением императора во время его домашнего ареста в Царском Селе было чтение французской прессы», в частности «Журнале де Деба», где приводились статьи из газет, утверждавших, что «династию Романовых не трогают»⁷. Дети учили французские сценки для «развлечения и для памяти»⁸, хотя Николай любил русский язык, цитировал Пушкина, ценил Гоголя, при удобном случае одевался на русский манер.

Следует признать, что изучению русского языка и литературы как в царской семье, так и в королевских домах, уделялось большое внимание. Некоторым зарубежным принцессам, на которых женились Романовы, русский давался трудно, но большинство из них добились заметных успехов, в том числе последняя императрица.

Например, за время жизни с Петром Екатерина научилась свободно говорить на русском, немецком, шведском и польском языках, понимала немного по-французски, правда, читала и писала она по-русски плохо. Даже письма к мужу сначала писал за нее личный секретарь. Для прибывшей в Россию Екатерины были наняты три преподавателя, которые обучали ее Закону Божьему, русскому языку и танцам. Императрица выучила много русских народных пословиц и поговорок, которые любила при случае употребить.

Константин Константинович, внук Николая I, воспитывал детей строго, в религиозном духе, уделяя большое внимание языку. «Все должны были говорить по-русски чисто, не примешивая иностранных слов»⁹.

Отрадно, что потомки Романовых, живущие сегодня за рубежом, знают русский язык. С. Скотт, который брал интервью у князя Николая Романовича, отметил его «неотразимо элегантный русский», «живой» и «серьезный» язык «интеллигента из хорошей семьи». Автор также пишет, что «князь Никита Никитич с 66-й Ист-стрит в Нью-Йорке», праправнук Николая I, «говорит по-русски изысканно и аккуратно»; Владимир Кириллович, Вера Константиновна, брат Николая Романовича Димитрий или Эндрю Романов тоже хорошо говорят по-русски¹⁰.

Примечания

¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990.

² Там же. С. 66.

³ Скотт С. Романовы. Биография династии. М.: Захаров, 2006. С. 245–246.

⁴ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 297.

⁵ Скотт С. Указ. соч. С. 170.

⁶ Российские государи: 1598–1917. Смоленск: Русич, 2004. С. 349.

⁷ Ферро М. Николай II / пер. с фр. Г. Н. Ерофеевой. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 252.

⁸ Там же. С. 263.

⁹ Скотт С. Указ. соч. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 267.

6 лет. В семье были няни-англичанки, которые, правда, научили детей «вульгарному» английскому без звука «h» в начале слов, что пришлось позже исправлять.

В свою очередь, девушки из царской семьи выходили замуж за границу, им приходилось учить иностранный язык. Например, дочерям Петра I Анне и Елизавете были приглашены гувернантки из Италии и Франции, учитель немецкого языка из Лифляндии и учитель танцев из Франции. Впоследствии современники отмечали, что Елизавета в совершенстве знала французский и немецкий языки, понимала итальянский, шведский и финский. Мария, внучка Александра II, учила шведский язык. Позже она получила предложение писать статьи в шведскую газету. Мария Павловна приняла предложение, поручив писать статьи «какой-то старой соотечественнице. Сама она лишь прочитывала их, вставляя пару фраз». Статьи были предметом «разнотолков», особенно в Дании, которую Мария покинула. Большой успех и хорошие гонорары принесли Марии мемуары, которые она писала «главным образом по-французски, читая главу за главой своим французским друзьям». Мемуары «были изданы в двух томах сначала по-английски, а потом и на многих других языках»⁵. Известны также «Мемуары», написанные Екатериной Алексеевной собственноручно на французском языке и предназначавшиеся только для императорской фамилии, которые были опубликованы по специальному разрешению императора Николая II академиком А. Н. Пыпиным в начале XX в. Правда, как отмечают исследователи, «писала Екатерина Алексеевна на французском, немецком и русском одинаково безграмотно и письма, и литературные труды»⁶.

В-третьих, иностранный язык служил в качестве средства восприятия и постижения культуры мира. Романовы в разные эпохи изучали разные иностранные языки. К 10 годам Алексей Михайлович выучил древнегреческий язык, а позднее немного и польский. Федора обучали латыни и польскому языку, а потом древнегреческому. Благодаря своей француженке-гувернантке Кардель, София (Екатерина II) рано познакомилась с произведениями Расина, Корнеля и Мольера, а вот учитель немецкого языка Ватер не сумел привить своей ученице любовь к немецкой литературе. Елизавета предоставила воспитателю Панину право самому выбирать, каким языкам обучать Павла. В результате в учебный план вошли русский, итальянский, латинский и немецкий языки. Особое внимание уделялось французской литературе (Корнель, Вольтер, Руссо), поэтому Павел Петрович знал французскую литературу, как и французский язык, в совершенстве. Бомарше, почувствовав в цесаревиче знатока, читал ему еще не напечатанную «Женитьбу Фигаро». В течение 8 лет сыновья великого князя Михаила Николаевича, младшего сына Николая I, обучались французскому, английскому, немецкому языкам. Двое старших, Николай и Михаил, также учили латынь и греческий, а троим младшим греческий и латынь не преподавались, поскольку сам отец испытывал большую неприязнь к этим языкам. В семье Николая II было принято читать за чаепитием. Дочерям император читал по-французски «Мещанина во дворянстве» или «Таргарена из Тараскона». Сам он просматривал русские газеты разных направлений, императрица

значены с начала разработки и утверждения генерального плана Нерехты в 1781 г. до окончания строительства основных зданий, сформировавших пространство площади (последняя четверть XVIII – конец XIX в.).

Нерехта издревле считалась торговым городом. Торговое дело всегда давало прибыль и увеличивало доход города за счет проведения базаров и ярмарок, а также торговых зданий. Известно, что в 1848 г. правительство рассматривало предложение Костромского губернатора по устройству новых ярмарок в городах Нерехте, Костроме: «...в представлении Господина Начальника Губернии от 30 мая сего года удостоверении, что в видах усиления доходов г. Нерехты и развития местной торговли и промышленности полезно учредить там три ярмарки: 1-ю с апреля по 4 мая. 2-ю с 21 по 25 июня и 3-ю 23 по 28 июля каждого года предписывает сделать зависящее распоряжение сего в исполнение...»¹. Видимо, торговые здания и помещения для проведения ярмарок уездного города приносили немалый доход. Благодаря этим решениям третья ярмарка в Нерехте была открыта в 1848 г.

Регулирование городской торговли началось еще в XVIII в. при разработке первого регулярного плана Нерехты. Об этом свидетельствует «конфирмованный» план Нерехты 1781 г., утвержденный Екатериной II. К тому времени торговая площадь ограничивалась р. Нерехтой с западной и северной ее стороны и деревянной застройкой кварталов с востока и юга. Главной доминантой служил Казанский собор, построенный в первой четверти XVIII в. Согласно начертанию генерального плана, предполагалось создание новой торговой площади на месте старого Торга, располагавшегося на правом берегу р. Нерехты на Суздальской улице. Старый торг складывался на перекрестке торговых путей и дорог Нерехты. К тому времени он представлял собой довольно хаотичную деревянную застройку из рядов и отдельных лавок, разбросанную от перекрестка до берега реки. Торговля производилась преимущественно у стен Казанского храма². Создание торговой площади в конце XVIII в. как нового торгового центра предусматривало ее расширение на регулярной основе в виде прямого угла в плане и радиусом р. Нерехты. Архитектурное оформление застройки площади предусматривало возведение каменных зданий с торговыми каменными лавками на первом этаже по ее периметру, а также отдельными «казенными» зданиями. Аналогом архитектуры должны были служить апробированные «образцовые» проекты. Р. Нерехта, разливаясь, ограничивала площадь с северо-западной стороны. Природный фактор не позволил оформить береговой фасад торгового центра. Кроме того, торговые деревянные корпуса площади затапливались, особенно страдали мясные лавки.

В первой четверти XIX в. торговая площадь ограничивалась с западной стороны казенными и общественными зданиями и по-прежнему имела деревянные торговые ряды с лавками, которые располагались вдоль ул. Суздальской. Они сдавались городским обществом в «арендное содержание», но их расположение не соответствовало регулярному плану. Застройка пространства торговой площади центра формировалась медленно и с отклонением регулярности проекта. Первые дома с торговыми лавками сформировали линию торговых

зданий (восточная сторона), но с отклонением от прямого угла вдоль ул. Суздальской. В 1820 г. по инициативе городской думы и губернских властей делается проект первого каменного корпуса гостиного двора (торговых рядов) посередине площади, что не соответствовало регулярному комфирмованному плану города (середина площади должна была быть свободной от застройки). Для этой цели в 1820 г. губернским архитектором Н. И. Метлиным был сделан проект каменного корпуса будущих рядов³. Строительство каменного корпуса окончилось только в 1836 г. Рядом с ним, с северного торца, еще несколько лет до 1847 г. использовался старый деревянный корпус рядов, 6 лавок которого сдавались в арендное содержание⁴. Весь комплекс рядов назывался «Гостиный Двор». Позади каменных строящихся торговых рядов были построены новые деревянные торговые лавки и «балаганы», насчитывающие несколько рядов. Ряды лавок предназначались для торговли разными товарами. Например, «красные» ряды располагались перпендикулярно к «Гостинодворской» площади и Суздальской улице. Так называлась торговая площадь в середине XIX в. Архитектура деревянных рядов была утилитарно простой и состояла из деревянного столбчатого каркаса, обшитого строганым тесом. Ряды лавок выстраивались в линии. Линий насчитывалось 8, включая каменный корпус: красная, перинная, холщовая, рукавишная, хрящевая, линия «от собору» – хлебная, щепетинная, крашенинная. В отличие от деревянных торговых строений, каменный корпус Гостиного Двора имел более презентабельный главный фасад с колоннадой ордерной системы классицизма (тосканский ордер). В середине XIX в. каменный корпус Гостиного Двора получил расширение – каменную пристройку с северного фасада на месте бывшего деревянного, пришедшего к этому времени в ветхость. Во второй половине XIX в., примерно в 1860-х гг., с южного фасада каменного корпуса были пристроены еще 6 лавок. Архитектура поздних пристроек в точности повторяет каменный корпус, запроектированный Н. И. Метлиным в 1820 г. В целом, сложился длинный корпус с главным фасадом с великолепной колоннадой вдоль площади.

Во второй половине XIX в. контур застройки периметра торговой площади сформировался полностью. Здесь уже существовали ранее построенные каменные здания (съезжий дом, присутственные места) и дома богатых владельцев из кирпича с оштукатуриванием фасадов, а также деревянные здания гостиниц, харчевни. На торговой площади, вдоль ул. Суздальской, была воздвигнута часовня. Она не была «привязана», что говорит об отсутствии профессионального решения исполнителей (властей). По законам регулярного градостроительства часовня должна была стоять на оси рядов, то есть напротив арки. Здания на площади выстраивались вдоль линии кварталов «сплошной фасадом», то есть дома плотно примыкали друг к другу боковыми торцами или с некоторыми разрывами. Здания не имели арок. Это были двухэтажные каменные дома с торговыми помещениями в нижнем этаже. Исключением стало одно только здание – городской управы (полицейского управления). Богатое нерехтское купечество вкладывало свои капиталы в недвижимость и торговлю, что не противоречило законам, а наоборот, развивало благосостояние

Александр Михайловичу, внуку Николая I, удалось «блеснуть при дворе японского императора» японским языком. «Оказавшись на банкете рядом с японской императрицей», великий князь набрался мужества, чтобы заговорить с ней по-японски о своих впечатлениях в стране. Правда, выяснилось, что «портовая жена» научила Александра разговаривать на жаргоне квартала Инасса³.

Константин Романов на свадьбе Марии Павловны и принца Вильгельма в апреле 1908 г. беседовал с сидевшим рядом шведским епископом на латыни, поскольку епископ больше «не говорил ни на каком языке». Увлекаясь и свободно владея иностранными языками, некоторые из Романовых выполняли литературные переводы. Например, Петр I давал рекомендации и наставления Ивану Никитичу Зотову, переводившему книгу Франсуа Блонделя «Новая манера укрепления городов» (в феврале 1709 г.), и Конону Зотову, переводившему с французского книги о флоте (в январе 1715 г.). По мнению царя, «сначала необходимо “выразуметь” смысл переводимого текста, а затем “на своем языке уже так писать, как внятнее может быть”». Для него важным была не столько «близость перевода к оригиналу, а суть дела, возможность усвоить смысл переводимого», лаконичность и понятность перевода «не праздной ради красоты, но для вразумления и наставления». Петр даже отправил в качестве образца отредактированный им перевод книги о хлебопашестве, убрав из него «лишние» места, которые «время только тратят и у чтущих отъемлют»⁴.

Известен перевод Владимира Палея, сына великого князя Павла в мorganатическом браке, сводного брата Марии Павловны и Дмитрия Павловича, на французский язык драмы Константина Константиновича «Царь Иудейский». Автор драмы, тоже занимавшийся переводами, был доволен и растроган до слез. А княжна Вера Константиновна даже работала переводчицей в Гамбурге в английском отделении Красного Креста, пока в 1951 г. не переехала в США.

Во-вторых, дети в царской семье, где родители были носителями разных родных языков, были билингвы (а иногда – полилингвы). Например, Александра Александровича обучали немецкому (родному языку матери), французскому и английскому. Как отмечается в литературе, французским языком он владел свободно, «но и на других умел неплохо изъясняться». В семье Константина Константиновича, внука Николая I, русский был первым языком для детей, на нем общались с отцом, а по-немецки – с матерью. Первым языком княжны Веры Константиновны был немецкий – язык матери и няни. На русском языке она разговаривала с отцом и братьями. Так же хорошо Вера говорила на английском. Хуже она владела французским (не могла писать). За 2 года в Швеции 12-летней Вере удалось немного выучить шведский язык. Николай II отлично владел датским, поскольку его мать была датчанкой и семья летом жила в Дании. С детьми Николай общался по-русски, а с супругой – по-английски, которым он владел в совершенстве.

Иногда, как в случае с внучкой Александра II, с детьми говорили только на иностранном языке. Мария Павловна не знала почти ни слова по-русски до

³ *Шутилов А. Д.* Деятельность земства по развитию народного образования во второй половине XIX – начале XX века // История России и Костромской край. Кострома, 1993. С. 91.

⁴ К истории начальных земских школ в Костромском уезде. Кострома, 1913. С. 38.

⁵ *Сизинцева Л. И.* «Одно из лучших в Костромской губернии...»: Земское дело в Ветлужском уезде // Ветлужская старина: ист.-краевед. сб. Кострома, 1995. С. 38–47.

⁶ *Андреев Я.* Краткий очерк деятельности Костромского губернского земства по народному образованию. Приложение к докладам по народному образованию губернского земского собрания сессии 1906 года. Кострома, 1906. С. 16.

⁷ Доклады Костромской уездной земской управы к 1896 году. Кострома, 1896. С. 98.

⁸ *Бердова О. В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома, 2002. С. 35.

⁹ См. напр.: Отчет Ветлужской уездной земской управы за 1901 год. Кострома, 1901. С. 67.

¹⁰ См.: *Шутилов А. Д.* Указ. соч. С. 100.

¹¹ Доклады Костромской уездной земской управы по народному образованию 1915 года. Кострома, 1915. С. 32.

Т. А. Казначеева

г. Кострома

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

При выборе иностранных языков для обучения и изучения во все времена определяющим фактором являлась политика, за ней следовала торговля. В царской семье иностранным языкам уделялось особое внимание. Необходимость филологической подготовки исследователи объясняют несколькими причинами.

Во-первых, в дворянской России иностранный язык был языком повседневного общения. При Петре I двор и высшее общество говорили на немецком и голландском языках, при Елизавете перешли на французский. «Юности честное зеркало» содержит рекомендации по использованию иностранных языков для молодежи: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранные языки, дабы тем навыкнуть могли; а особливо когда им что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать»¹. В присутствии прибывшей из Дании принцессы Минни (Марии Федоровны) при дворе говорили по-французски или по-немецки – языки, которые многие знали, ими свободно владела и Мария. Следует отметить, что при Императорском дворе уровень знания иностранных языков был показателем, делившим на «своих» и «чужих».

По нормам дипломатической практики XVIII – нач. XX в. родственные и официальные визиты проходили без переводчиков. Так, современник Петра Великого доносил из Кенигсберга: «Оба государя при встрече обнялись, сели в кресла и беседовали более полутора часов, так как царь довольно хорошо объясняется по-голландски»².

© Т. А. Казначеева, 2013

города и его архитектуру. Одна из ранних построек этой застройки первой половины XIX в. – дом Бородулина с бакалейной лавкой, а также жилой дом Полетаева с торговой лавкой, закрепляющий угол улицы на торговой площади⁵. Типы зданий с торговыми лавками соответствовали первоначальному замыслу генерального плана. Их архитектура сложилась в основном во второй половине XIX в. в исторических стилях эпохи эклектики.

Таким образом, торговая площадь в Нерехте складывалась постепенно, в течении всего XIX в. Она имела вытянутую форму, в основном каменную застройку по периметру площади, торговые здания Гостиного Двора, комплекс деревянных корпусов с лавками и гостиницы. Жизненная необходимость торговли в форме торговых рядов (Гостиного Двора), вызвала к изменению первоначальную пространственно-планировочную композицию площади. Однако в остальном отступление от первоначального регулярного плана было незначительным, так как периметр площади был застроен правильно, с небольшим отклонением геометрии. Размещение каменного корпуса торговых рядов в стиле классицизма сформировало «внутреннее» пространство компактной торговой площади, согласно русской традиции градостроительства начала XIX в. Колокольня Казанского собора, построенная в первой половине XIX в., дополнила композицию площади и явилась крупной запоминающейся доминантой в пространственном образе торговой площади Нерехты.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. б/ш. Д. 35. Л. 136–140. Указы Губернского Правления. Об учреждении трех ярмарок в Нерехте. 1848.

² ГАКО. Ф. 138.б/ш. Д. 756. Л. 1. План вновь учрежденного города Нерехты с окрестностями. 1781.

³ *Каткова С. С.* Юбилей гостиного двора // Костромская старина. 2000. № 20. С. 72–74.

⁴ ГАКО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 96. Л. 11. Книга исходящая Нерехтской градской думы в разные присутственные места на 1831 год.

⁵ Губернский дом (Кострома). 2000. № 1(38). С. 14–16.

А. В. Белова

г. Тверь

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК: СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ

Цель настоящего доклада – в выяснении перспектив изучения женской дворянской повседневности XVIII – середины XIX в. для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории и исторической этнологии сословий. Важно проанализировать роль женской дворянской повседневности в механизмах формирования культурных традиций в контексте проблемы функционирования дворянской культуры России.

© А. В. Белова, 2013

Содержание повседневной жизни женщины является темой, через которую мы понимаем женскую личность определенной эпохи, поскольку «повседневность» – это самое типичное, привычное, незамечаемое, ритуализованное, в конечном счете – это устойчивые стили жизни, подлежащие, однако, в отличие от близкого по смыслу «быта», субъективному переживанию и рефлексии. Строго говоря, под *женской повседневностью* я понимаю *способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализованного женского опыта* (как отрефлексированного, так и неотрефлексированного, то есть ментального; как вербального, так и невербального – телесного, эмоционального, а также культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и другого)¹. Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как, например, родство, брак, семья и другие, собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий. «Неинституционализованный опыт» только и был специфически женским, ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся.

Гендерная составляющая проблемы истории повседневности российского дворянства обусловлена тем, что при видимой патриархатности дворянской культуры определяющую роль в функционировании и воспроизводстве традиционного быта играли жизненные практики и ежедневные опыты женщин. Женская повседневность в провинции² отличалась плюральностью практик: участие в обычае гостевания, принятом между соседями по имениям, координирование хозяйственной жизни дворянской усадьбы, попечение об образовании детей, следование требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), заботы о собственном здоровье и здоровье детей, регулярное ведение обширной переписки. Если добавить к этому время, необходимое для ежедневного приема пищи и ухода за собой, и учесть, что в условиях усадебного быта день начинался и заканчивался раньше, чем в столицах, то станет ясно, что «обычный день» дворянки оказывался чрезвычайно насыщенным разными видами деятельности и эмоциональных реакций.

Гендерная специфика провинциальной повседневности была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин. То, что московские дворянские семьи часто были «многодевичьими», подметил в свое время еще П. А. Вяземский³. В Тверской губернии – провинции, расположенной между Санкт-Петербургом и Москвой, – это наблюдение современника также подтверждается документальными, генеалогическими и эпистолярными свидетельствами⁴. Уже в XVIII в. нередки были случаи, когда в дворянских семьях не просто дочерей было больше, но вообще при выяснении потенциальных наследников недвижимой собственности «сыновей и племянников и внучат родных сыновних детей... не имелось»⁵. Симптоматично и щепетильное прописывание подобных ситуаций законодателем⁶. У антропологов есть на этот счет мнение о большей «затратности» мужчин в сообществе⁷. Правда, на рубеже

земского бюджета) – привела лидеров земского движения к мысли о необходимости планомерного осуществления, исходя из накопленного опыта, необходимых задач по развитию системы народного образования.

Еще в 1900 г. Министерство народного просвещения предложило к осуществлению программу формирования школьной сети. Это предложение за № 1055 от 13 марта 1900 г. было разослано во все губернские центры, а оттуда и в уездные. Предполагаемая сеть подразделялась на 2 отдела: городской и сельский. Первый – «совокупность средних и низших учебных заведений, мужских и женских гимназий и прогимназий, реальных училищ разного вида, городских, по положению 1872 г., ремесленных и профессиональных училищ и начальных двухклассных и одноклассных приходских училищ». Второй тип объединял «сельские училища»⁸.

Для планомерной работы в области народного образования губернское земство в 1903 г. создает новую совместную комиссию, в состав которой вошли представители земства, заведующие оценочно-статистическим и санитарным отделением, книжным складом. По мнению комиссии, главной задачей обучения должно стать «всестороннее гармоничное развитие духовных и физических сил». В 1908 г. эта комиссия стала одним из подразделений специального отдела народного образования при губернской земской управе, занимавшегося разработкой перспективного развития народного образования и схемы учреждений просвещения. 7 декабря 1910 г. отдел подготовил и вынес на обсуждение губернского земства программу деятельности на ближайшие 10 лет, включающую 4 блока и обобщившую всю деятельность костромского земства в области образования: дошкольное образование (ясли, детские сады); школьное образование; внешкольное образование; вспомогательно-просветительские учреждения¹⁰.

Реализация данной программы была приостановлена с началом Первой мировой войны, когда в губернские и уездные земские органы поступило извещение Министерства народного просвещения, что «по обстоятельствам военного времени, оно не будет отпускать кредитов». Поэтому финансирование школьной сети пришлось сократить. Так, например, в 1914 г. вместо запланированных 6 школ в Костромском уезде была открыта одна, а общегубернские расходы земства снизились до 5,2 %¹¹.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. система образования в России, с одной стороны, заключала в себе целый ряд требующих разрешения проблем и противоречий, а с другой – продолжала развиваться: именно в этот период в Российской империи формируются все ступени образовательных учреждений. В то же время местная общественная инициатива с огромным отрывом опережала правительственные реформы и государственные решения возникавших проблем.

Примечания

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник / ред.-сост. А. М. Анфилов, А. П. Корелин. СПб., 1995.

² Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 129.

достаточно удовлетворена»¹. В 1906 г. МНП был выработан проект введения всеобщего обучения. Основные начала министерского проекта получили 3 мая 1908 г. силу закона, и с этого времени начинается широкий отпуск средств на народное образование и планомерное открытие школ, имеющее своей конечной целью обеспечить доступность начального обучения для всего населения Империи. Вопрос о всеобщем образовании был поднят уже в речи Николая II 27 апреля 1906 г. в Государственной думе 1-го созыва. То, что «просвещение народа» было поставлено в число первостепенных государственных задач, подтверждалось в Манифесте 9 июля 1906 г., в программной речи П. А. Столыпина, обращенной к членам Государственной думы 13 мая 1906 г., в речи председателя Совета министров 6 марта 1907 г. перед членами II Государственной думы².

Но на местах ситуация развивалась в первую очередь под влиянием общественной инициативы. Ведущую роль при этом играла земская общественность, которая традиционно уделяла большое внимание вопросам образования.

К моменту введения земских учреждений на территории Костромской губернии находилось 49 сельских школ, переданных дореформенными учреждениями в управление уездных земств³. В результате деятельности земства число земских школ только в Костромском уезде выросло с 9 в 1869 г. до 119 в 1913 г.⁴ К этому же году в Кинешемском уезде, по статистическим данным уездных земских управ на 1913 г., действовала 121 земская школа, в Кологривском – 116, в Ветлужском – 113, в Макарьевском – 110⁵. Одним из главных направлений в деятельности земства в 70–80-е гг. явилось обеспечение существующих и вновь открываемых школ преподавателями.

Созданная в 1894 г., по примеру Курского земства, комиссия по народному образованию предоставила в 1896 г. сессии Костромского губернского земского собрания доклад, в котором предложила развивать деятельность по трем основным направлениям: во-первых, подготавливать собственный педагогический персонал посредством «открытия образовательной школы при Григоровской женской гимназии для ознакомления с практическими приемами ведения школьного дела»; во-вторых, проводить курсы повышения квалификации «учащих»; в-третьих, «организовать для бывших учеников народных школ повторительные классы» (не был утвержден земством)⁶. В 1897 г. комиссия вносит еще несколько предложений: увеличить расходы выдаваемых с 1891 г. беспроцентных ссуд, снабдить школы учебными пособиями. В рамках реализации этих предложений 2–20 июня 1896 г. на средства губернского земства в Костроме стали проводиться педагогические курсы для учителей земских школ по арифметике⁷.

Динамика изменения удельного веса статьи расходов губернского земства на народное образование в период с 1891 по 1906 г. колебалась в пределах 4,5–6,4%. Подобная тенденция проявлялась и в уездных земствах. В 1906 г. правительство утверждает закон об отпуске земством пособий на введение всеобщего начального обучения⁸. Стабильная экономическая основа в виде гарантий – пособий государства (к 1910 г. на народное образование тратилось 26% губернского

XVII–XVIII вв. встречались многодетные дворянские семьи, в которых были, напротив, одни сыновья.

Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений – это была старшая женщина: бабушка, мать или старшая сестра. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например отсутствие мужчины в семье или (при его наличии) длительное нахождение его вне дома и даже проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье. «Женское» главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи. Наряду с сосредоточением в руках дворянки хозяйственных функций, вокруг нее, как правило, концентрировались коммуникативные связи семьи, о чем свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности. Для женщин было характерно *установление горизонтальных связей*, создание «сети отношений» (термин К. Гиллиган) с многочисленными родными, знакомыми (в том числе и заочными), и, вместе с тем, написание писем означало для них постоянно возобновлявшееся переживание собственной субъективности (одновременно и конструирование идентичности).

Используя категорию «провинциальный» для характеристики российского дворянства, исследователи подчас невольно оказываются в зависимости от негативной ценностной коннотации, сопряженной в русском языке и литературе с понятием «провинциальный». В контексте исторических исследований это выражается в оценке «столичного» как нормативного, а «провинциального» как девиантного и во многом предопределяет интерес именно к реалиям столичной повседневности. Вместе с тем, асимметричность такой оценки, на мой взгляд, очевидна. Важно учесть и то, что фактором национальной идентичности дворянок, естественно по-разному проявлявшейся у провинциалок и столичных жительниц, была своеобразная российская «двустильность», символически воспроизводившая известную дихотомию дворянской культуры, обращенной одной стороной к традиционному русскому быту, а другой – к западно-европейским образцам.

В реальных социокультурных условиях России провинциальные дворянки составляли подавляющее большинство по отношению к столичным, а провинциальные миры воплощали глубинный пласт корневой культуры, который либо вообще не был затронут европеизацией, либо подвергся ей весьма поверхностно. Важно изучать именно этот традиционный аспект дворянской культуры, что позволит решить чрезвычайно существенную проблему ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, то есть представление социальной общности как

религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворянок. Наиболее явно это проявлялось в культуре религиозных праздников, в свадебной, родинной и крестильной обрядности.

Исходя из внутренней родовой, этической природы дворянского сообщества, ядро которого составлял ограниченный круг родовитого («древнего») дворянства, оберегавшего свою замкнутость недопущением мезальянсов, а не из внешней юридической формы его описания как служилого сословия мужчин, обладавших в силу этого рядом привилегий, можно выявить и проанализировать те многообразные роли, которые играли в этом сообществе женщины, их участие в трансляции и репродуцировании различных жизненных этно- и социокультурных опытов, включая структурирующий, хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, опыт социализации детей обоего пола и др. В совокупности с прочими характеристиками это позволяет интерпретировать дворянскую культуру XVIII – середины XIX в. как традиционный тип культуры.

Постановка проблемы женской повседневности применительно к повседневной жизни российских провинциальных дворянок показывает, что результаты такого исследования позволят уяснить не только особенности самих повседневных опытов и переживаний, но и специфику гендерных отношений и идентичностей в культурной модели России, а возможно, и уточнить характеристику российской гендерной системы. Изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческих субъективностей в их многообразных проявлениях может стать в отечественной историографии, как и в западных, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. Однако новое качество последней во многом зависит от признания познавательного потенциала «пережитой» истории, от переоценки значения субъективных источников и собственно плюральности исторических субъективностей, переживаний и опытов для интерпретации прошлого.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

² Я опираюсь на изучение материалов более двух десятков родовых, семейных и личных фондов, архивов и коллекций Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО*): дворян Аболешевых (ф. 1022), Апыхтиных (ф. 1403), Бакуниных (ф. 1407), Глебовых-Стрешневых (ф. 866), А. В. Кафтыревой (ф. 1233), Кожиных (ф. 1222), Лихачевых (ф. 1063), Лихачевых (ф. 1221), Мальковских (ф. 1066), Манзей (ф. 1016), Озеровых (ф. 1017), Постельниковых (ф. 1230), Суворовых (ф. 1041), Голенищевых-Кутузовых, Загряжских, Квашниных-Самариных, Кутузовых, Кушелевых, Лонских, Травинных, Трубниковых и др. в фонде Тверской ученой архивной комиссии (ф. 103), коллекции «Кашинское дворянство» Кашинского филиала Тверского государственного объединенного музея. Однако из-за ограниченного объема статьи цитирование источников сокращено.

³ *Вяземский П. А.* Московское семейство старого быта // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 315.

А. С. Лазарев

г. Кострома

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Конец XIX – начало XX в. – один из важнейших и интереснейших периодов истории развития России. Это время становления капиталистического строя, которое сопровождалось неизбежными изменениями и реформированием всех сфер общественной жизни страны. Во многом это было связано с Великими реформами 60–70-х гг. XIX в. Отмена крепостного права в России, земская, городская, судебная, военная реформы, реформы в области просвещения способствовали активному формированию капиталистических отношений в Российской империи. Продвижение России по капиталистическому пути содействовало развитию техники, появлению новых машин, внедрению передовых производственных технологий. Развивались паровой, железнодорожный и водный транспорт, инфраструктура городского хозяйства. Завершение промышленного переворота, развитие капитализма в сельском хозяйстве требовали грамотных, умелых, квалифицированных работников.

Происходившие события не могли не затронуть и область культуры. Все это диктовало необходимость интенсивного развития просвещения, грамотности среди населения Российской империи. Вопрос развития и распространения образования был одним из основных в России рубежа веков. К этому времени сложился целый ряд потребностей в сфере образования, требовавших разрешения. Особенностью российской системы образования было то, что она находилась не только под влиянием государственных структур, но и различных общественных групп, которые стремились реализовать свое видение будущего России. Перемены, которые переживала страна, нашли свое отражение и в провинции.

Костромская губерния – один из многочисленных регионов России, имеющих древнюю историю и богатые культурные традиции. Целостное же изучение истории культуры одного края невозможно в отрыве от истории страны в целом. Поэтому изучение важнейших процессов, происходивших в культурной жизни губернии, невозможно осуществить без связей с общими закономерностями развития России в указанный период.

За 1911–1913 гг. расходы по Министерству народного просвещения (МНП) возросли с 1900 г. почти в 5 раз, составив в 1913 г. 14,6 % всех бюджетных расходов. При этом, как отмечалось в «Объяснительной записке к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 год» (СПб., 1912), недостаток в учебных заведениях был так велик и с каждым годом выдвигалось так много новых запросов в этой области, что «надо предвидеть еще в течение многих лет усиленные жертвы казны на народное образование ранее, чем потребность в нем будет

традиции сооружения храмов-памятников, в том числе миниатюрных часовен, по сути дела являющихся подобием статуарной формы из-за минимального внутреннего пространства: например, уничтоженная в 1922 г. часовня Александра Невского (Д. Н. Чичагов, 1882 г.) и сохранившаяся Плевенская (В. О. Шервуд, 1887); в Петербурге к юбилею Романовых был сооружен собор Феодоровской Божьей Матери по проекту С. С. Кричинского (1911–1913). Решение пьедестала в формах культовой архитектуры вполне закономерно.

Еще большее, чем в Костроме, значение в создании художественного целого играла архитектурная композиция памятника Александру II в Московском Кремле (А. М. Опекушин, П. В. Жуковский и Н. В. Султанов, 1893–1898 гг.; статуя уничтожена в 1918 г., окончательно демонтирована в 1928 г.). Именно пирамидальная сень в наибольшей степени воплощала основную идею памятника – собиравание Русской земли, образование великой державы. Примечательна позиция одного из авторов монумента, Н. В. Султанова, по вопросу о соотношении архитектуры и скульптуры в мемориальной композиции: «Русский народ, отучаемый в продолжении девяти веков восточным православием от скульптурных изображений Божества и Святых, совсем разучился понимать одно ваение в его чистом виде, а потому одна статуя обыкновенно ничего не говорит его уму и сердцу»⁵.

Судя по воспоминаниям современников, памятник в Кремле пользовался успехом, и даже большим, нежели следующая московская работа А. М. Опекушина – памятник Александру III (1900–1912 гг., находился рядом с Храмом Христа Спасителя, разрушен в 1918 г.). По сравнению с другими монументами этот выглядит намного проще, однако именно он позволяет говорить об определенной переоценке ценностей, воплощая мысль, что «ни Царь для народа, ни народ для Царя, а Царь вместе с народом становятся исполнителями воли Бога в деле Божиим»⁶. Определенная сакрализация власти, стремление вернуться к исконно православным корням, очищенным от чрезмерного западничества, прослеживается и в проекте костромского памятника.

При субъективности и спорности эстетических оценок важно подчеркнуть актуальность поиска монументального отражения наиболее значимых событий отечественной истории.

Примечания

¹ Голованов Н. В. Какой памятник и где его поставить / Н. В. Голованов. Кострома : типолитография А. Н. Чемоданова, 1911. С. 10–11.

² Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года / сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Губерн. тип., 1914. С. 117–119.

³ ГАКО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–20.

⁴ Буслев Ф. И. Памятник Тысячелетию России [Электрон. ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1862_1000_letie_rusi.shtml (дата обращения: 1.02.2013).

⁵ Цит. по: Памятник Александру II в Кремле [Электрон. ресурс]. URL: http://www.foto-list.ru/cities01_12.html (дата обращения: 1.02.2013).

⁶ Федоров, Н. Ф. О памятнике Александру III, о месте и значении этого памятника [Электронный ресурс]. URL: <http://nffedorov.ru/mbnff/biblio/nffbibl/iii/otech/os047.html> (дата обращения: 1.02.2013).

⁴ ГАГО*. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1 об.–2, 12 об., 15–15 об., 23 об.

⁵ Там же. Л. 12 об.

⁶ ПСЗ. 1. Т. 5. № 2789. Указ от 23.03.1714 о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах.

⁷ Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М., 2004. С. 166.

В. Н. Шульгин

г. Калининград

РУССКАЯ МЫСЛЬ XIX–XX ВВ. О НАРОДНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

Классическое русское наследие двух последних веков в одном отношении пока нами не востребовано. Это препятствует развитию России. До сих пор широко тиражируются ошибочные мнения людей, умаляющих или отрицающих вовсе феномен самобытности *народного духа*¹.

Проблема соотношения политики и духа народности стала осознаваться в XVIII в., когда русские художники слова и ученые стали приходить к выводу о вреде *подражательности* Западу. Первым задумался сам Петр Великий, переборщивший с мерой заимствований, допустимой для великого царства, давно понявшего суть своей вселенской миссии. В беседе с обрусевшим сановником А. И. Остерманом он сказал, что Россия сближается с Европой «для того, чтобы потом стать к ней ж...й»². С тех пор Россия то ближе подходит к решению этой задачи, почувствованной самим реформатором, то вновь отдалается даже от ее постановки. Благоприятствовали *русизму* Елизавета Петровна, изгнавшая немцев из политики, затем обрусевшая Екатерина II, считавшая Россию особой «вселенной», отчасти Александр III, а в новейшее время – «красный царь» Сталин³. Другие властители старой и новой России отступали от императивных требований русского народного духа, требующих соответствующей ему государственности.

Даже «хозяин земли русской», как по праву называл себя Николай II, последний (до сих пор) законный христианский государь, был далек от осознания сути того, что знали о сути *русской политики* представители школы Карамзина, Пушкина, Тютчева, в частности позднейшие славянофилы, почвенники, мыслители Серебряного века. В. В. Розанов в своем «Апокалипсисе...» обличил «системный» порок беспочвенности имперской элиты, усугублявшийся в течение XIX в., чуть только ослабленный при Александре III, но уже не могущий быть преодоленным. Розанов ценил Романовых, которые «были серьезнее всех», но и обличал за главный правительственный грех XIX в. – крен в беспочвенность. Он писал в ноябре 1917 г., подводя итоги Петербургского периода, что «консервативный» Николай I вместо внутреннего породнения с зиждетельным русским «осиянием царства» (Пушкиным, Жуковским, митрополитом Филаретом), «...хотел один сиять “со своим другом Вильгельмом-Фридрихом” которым-то. Это был плоский баран, запутавшийся в терновнике и уже приуроченный к закланию (династия)»⁴.

Непонимание верхами первичности духа народности в политике самобытного государства вселенского масштаба непрерывно наследовалось бюрократической петровской системой, оторванной от национальной России. Советы лучших людей страны власть не принимала. Между тем они с XVIII в., как Д. И. Фонвизин, призывали верхи к «национальному любочестию»⁵ и, как Н. М. Карамзин, – к возрождению «духа народного». Об этом Карамзин писал в секретной «Записке» 1811 г., адресованной царю⁶. Затем в течение целого столетия русская мысль лишь умножала эти думы, усиливала доводы, а практические деятели пытались личным жертвенным примером убедить верхи вернуться на родную почву. Декабристы-радикалы, несмотря на свой «чужеземный идеологизм» (выражение Пушкина) и противостояние Карамзину, боролись, как и он, за нравственное торжество русизма в российской политике⁷.

Выдвижение на русскую идейную авансцену XVIII–XIX вв. соображений о *духе народности* соответствовало новым общеевропейским настроениям, особенно характерным для соседнего немецкого мира. Носители *германизма* начиная с 50-х гг. XVIII в. стремились к преодолению космополитизма и подражательности французам. Фонвизин, пытливно изучавший Запад, далеко не случайно перевел одно рассуждение И. Г. Циммермана (Johann Georg Zimmermann), ставшего после ряда колебаний сторонником принципа *народности* в политике и жизни Германии. Основой этого подхода было убеждение целого ряда мыслителей XVIII в. в наличии у народов *особых характеров*. Правда, этот подход был раскритикован как «смехотворный» материалистом С. А. Гельвецием и агностиком Д. Юмом, обозвавшим его духовной «эпидемией». Однако такие видные представители западной мысли, как Монтескье, Э. Гиббон, В. Робертсон, явились сторонниками признания особых и «твердых национальных характеров»⁸.

Фонвизин анонимно публикует в Петербурге (1785) свой перевод «Рассуждения о национальном любочестии» Циммермана. Немецкий мыслитель проводил близкую Фонвизину мысль о недопустимости народного смирения в политике. Подобным подходом руководствовался затем и Карамзин. Циммерман, в частности, писал: «Упование на свои способности есть всегда мысль, возвышающая сердце, без которой человек ничего знаменитого не предпринимает. Лишенный сего упования, мужественнейший повергается в уныние и недействие. <...> Тогда всякий путь к чести затворен для него. <...> От сего весьма низкого о себе мнения становится человек рабом другого». Эту психологическую особенность людей Циммерман считал принадлежностью и народов, также имеющих свои отдельные физиономии. Он обобщал, говоря, что «нация никогда чести своей не потеряет <...> пока любовь к отечеству дает духу высокое, благородное и свободное парение». Своих надо любить более, чем чужих⁹.

Русская мысль, идя своим путем, подчас параллельным, постепенно обрела то же национальное измерение. Фонвизин, изучая за границу, был убежден, что русскому можно всецело любить только свое. Нередко ученый француз,

источники – геральдический портрет 1680-х гг. из Русского музея и гравюра Леонтия Тарасевича (1689 г.).

Исторической достоверности и убедительности каждой фигуры придавалось особое значение (актуальность создания легко узнаваемых образов, удовлетворяющих самым различным вкусам, еще в 1862 г. сформулировал Ф. И. Буслаев применительно к памятнику Тысячелетию России⁴). В связи с этим неизбежно возникает вопрос об иконографических источниках для персонажей допетровского времени: хотя многие исторические источники приводят изображения царей, это либо весьма условные по манере исполнения парсуны, либо гораздо более поздние портреты (частично восходящие к современным изображенным западноевропейским гравюрам или миниатюрам «Титулярника» 1673–1677 гг.). В этом плане наиболее спорным могло быть изображение Михаила Федоровича – представляющиеся наиболее достоверными портреты показывают его в зрелом возрасте, а не «державным отроком».

С наибольшей вероятностью фигуры Сусанина, Пожарского и Минина можно считать своеобразными историческими символами, поскольку при отсутствии портретов к интересующему нас этапу иконография этих исторических деятелей приобрела определенные традиции. Минин и Пожарский обрели яркие образы в известном всем памятнике работы И. П. Мартоса (установлен в 1818 г.); эта же классицистическая линия была продолжена А. В. Логановским (барельефы «Воззвание Минина к нижегородцам» и «Преподобный Дионисий благословляет князя Пожарского и гражданина Минина на освобождение Москвы», созданные в 30-е гг. XIX в.). В Костроме на Сусанинской площади до 1918 г. существовал памятник Ивану Сусанину работы В. И. Демут-Малиновского (открыт в 1851 г.), создающий идеализированный образ «русского мужика». В нем, как и в проекте Адамсона, фигура Сусанина, находящаяся у подножия возносящегося вверх величественного памятника, занимала совершенно исключительное место и в смысловом, и в художественном отношении.

По охвату значительного исторического этапа, количеству фигур и сложности композиции в качестве ближайшей аналогии Романовскому монументу может рассматриваться памятник «Тысячелетие России» в Новгороде (скульпторы М. Микешин, И. Шредер, архитектор В. Гартман; открыт в 1862 г.). Как и на памятнике в Костроме, начало династии Романовых представлено группой Михаила Федоровича, князя Пожарского и Козьмы Минина. Еще один представитель династии – Петр I – символизирует начало Российской империи.

Среди изображенных на горельефе представлены все нецарственные фигуры костромского проекта – Сусанин (единственное сохранившееся монументальное изображение царского времени), Матвеев, Феофан Прокопович, Шереметев и Миних. Но здесь последние не имеют такого значения, как в Романовском памятнике, включаясь в многочисленные группы (что более соответствует их реальной исторической роли).

В связи с большим местом архитектурной составляющей в общей композиции костромского памятника возникает необходимость также ввести ее в соответствующий контекст. Прежде всего, напомним о существовании устойчивой

и Александру III в Москве. Все эти монументы отразили существовавшие религиозно-философские представления о верховной власти и сложившиеся оценки роли отдельных личностей. Важно подчеркнуть, что за исключением двух последних случаев речь идет не о привычной для современного зрителя изолированной фигуре, а о весьма сложной скульптурной группе. Со всей очевидностью возникает необходимость переосмысления и более адекватной оценки произведений.

Прежде всего, отметим противоречивость итогов проведенного в 1911 г. конкурса на проект памятника. Первую премию получил проект А. Л. Сологуба, А. Регельсона, В. Бакста, А. Рухлядева и С. Овсяникова, третью – проект М. Курбатова; оба они представляли собой относительно компактную композицию, в которой центральное место отводилось сидящему на троне Михаилу Федоровичу. Основное отличие состояло не в концепции монумента как таковой, а в решении архитектурной части: первый проект увенчивался поднятым на высокий постамент классическим обелиском утяжеленных пропорций, во втором – фигура на троне помещалась под сень в псевдорусском стиле, напоминающую часовню. Получивший вторую премию проект А. И. Адамсона по сравнению с ними производит впечатление гораздо менее цельной композиции; обилие фигур и невыразительная архитектурная часть затрудняют восприятие целого.

Подчеркнем, что утвержденный в 1912 г. проект Адамсона и архитектора С. А. Власьева имеет ряд отличий от первоначальной версии; изменяется силуэт, приобретая гораздо более стройное шатровое завершение. В этой связи отметим, что высказывалось пожелание объединить обелиск («иглу») как символ вечности первого памятника с многочисленными группами Адамсона¹; последние должны были выполнять роль своего рода «Библии для неграмотных».

Издание, посвященное юбилейным торжествам 1913 г.², детально характеризует утвержденный вариант. Кроме царственных особ предполагалось изобразить умирающего Сусанина, Минина и Пожарского, беседующего с Алексеем Михайловичем костромского вотчинника боярина Матвеева, сподвижников Петра I Феофана Прокоповича, олицетворяющего союз церкви и самодержавия, и костромского вотчинника фельдмаршала Б. П. Шереметева, а также фельдмаршала Миниха.

Если сопоставить это описание со списком заказанных Адамсону фигур согласно «Общей смете по сооружению в гор. Костроме памятника...»³, составленной в начале 1917 г., то обращает на себя внимание, во-первых, появление в этом перечне боярина Морозова (что кажется менее объяснимым, чем присутствие Матвеева), во-вторых, подчеркивание позы царевны Софьи (только для нее сделана пометка «сидящая», хотя фотографии проекта демонстрируют ряд фигур в таком положении), что вполне может иметь определенную семантику. Историки и писатели в XIX в. неоднозначно оценивали ее личность, и подчеркивание изображения царевны сидящей может восприниматься как своеобразная «реабилитация», поскольку изображение восседающего на троне правителя было своего рода каноном. Упомянем здесь же, что для точного воспроизведения облика Софьи Алексеевны были вполне достоверные

по его наблюдению, уравнивал ум и лукавство, что бесчестно для русского. Он писал, что Д'Аламберты и Дидероты – «шарлатаны», только умные, они «народ обманывают на деньги»¹⁰. Фонвизин замечал, что у большинства французской образованной публики, «божество» – это деньги, а «обман почитается... правом разума». Фонвизин, будучи за границей, сообщал эти свои наблюдения в письме к П. И. Панину. Он стал свидетелем подлого поведения ряда «просветителей», унижавшихся перед одним русским знатным лицом в надежде «достать подарки от нашего двора». В итоге почтение Фонвизина к этим ученым людям «совсем истребилось». Именно в этом письме русский наблюдатель написал известные хлесткие слова: «Рассудка француз не имеет...»¹¹.

Порок философии энциклопедистов, по верному наблюдению Фонвизина, состоял в их вере в людскую добродетель «независимо от религии». Писатель заметил, что французские просветители своим поведением опровергают собственную теорию, поскольку, «отрицая бытие Божие», сделали материальный интерес «единым божеством своим», да еще и грызутся друг с другом из-за гонимых. Так что «со стороны практического нравоучения перенимать у французов, кажется, нечего»¹². Грехом русской правительственной элиты было неприятие подобного рода мыслей собственных мудрецов. В лучшем случае эти мнения о самоценности русской самобытности милостиво выслушивались и... засекречивались, как «Записка» Карамзина 1811 г.

Эпохальная победа 1812 г. почти над всем Западом, сплоченным гением Наполеона, всемерно усилила русизм в обществе. Однако верховная власть, используя его для защиты Империи, ставшей главнейшей континентальной державой, так и не перестроилась в народном духе. Наши историки заметили, что до Отечественной войны ни Наполеон, ни российская элита «не знали еще русского народного духа». Да и откуда ей было его узнать, если дети многих аристократов (Нарышкины, Гагарины и т. д.) воспитывались в Петербургском иезуитском пансионе, им навязывалось «чувство вражды к своей родине, своему народу, культуре и вере предков»¹³. Словом, *официальная Россия* не знала своего народа, его духовной силы, слепо доверяясь разного рода немцам.

Космополитический настрой верхов приводил и к игнорированию советов не только своих, но и именитых зарубежных консультантов, подчас рекомендовавших российским верхам не рвать духовную связь с собственным народом. Так, Ф.-Ц. Лагарп написал в 1803 г. примечательное письмо-совет Александру I, своему бывшему воспитаннику. Лагарп призвал царя взять курс на национальное оздоровление правящей элиты, выступив критиком Петра I, у которого, по его словам, не оказалось тех «широких взглядов» и «великой души», которые отличали деяния «деспота» Ивана Грозного. Великий Петр действительно двинул Россию на целые века вперед, но совершил ошибку чрезмерной кадровой ориентации на иностранных слуг. Лагарп писал Александру: «При этом государе нация Ваша действительно была порабощена... Нетерпеливо желая переделать Россию на иностранный лад, Петр I пользовался слишком много иностранцами и не видел, что **нация с резко очерченным характером**, может быть прочным образом переделана только при помощи орудий, извлеченных

из нее самой...». Лагарп советовал идти путем великих мужей прошлого, «**не рабски подражая им**, но относясь к ним с полной независимостью»¹⁴ (выделено мною. – *В. Ш.*). Видим отсюда, что классический манифест Карамзина о необходимости русизма («Записка» 1811 г.) имел не только отечественных, но и иностранных предшественников.

Главным носителем русского политического чувства был круг карамзинистов, еще до 1812 г. проникшихся русизмом, и их наследников, умевших совокупить пушкинскую «хвалу царю», «свободно» слагаемую¹⁵, с всепроникающим чувством народности, не противоречащим передовому европеизму, если тот не противостоит христианству. В. А. Жуковский наряду с Пушкиным, наследуя дух Фонвизина и Карамзина, выступил прямым предшественником славянофилов и почвенников, соединив воедино (задолго до гр. С. С. Уварова) триаду самобытных *русских начал*, стержнем которых был *русский дух*, или чувство *народности*.

Так, Жуковский в своем дневнике 1828 г. печалится немецким креном Николая I. Мысленно он ему советовал: «Русский Государь должен быть русским в своем сердце, если хочет жить в сердце русских... Власть государя не надежна, если она не в сердце его подданных...» Лишь народный, «благотворительный» курс царского правления может быть гарантией крепости монархии. В противном случае неизбежна «ненависть к царю». Он писал: «Быть Русским Государем есть любить Россию, гордиться именем Русского, **желать блага Русским предпочтительно перед другими народами...**» (выделено мною. – *В. Ш.*). Сюжет заканчивается прямым предостережением: «Государь, не уважающий народа своего, не властен сделать ему и добра: без любви к народу дела Государя мертвы: он строит на песке, на минуто, для разрушения»¹⁶.

Жуковский, как и Тютчев, И. В. Киреевский со товарищи, а затем Ю. Ф. Самарин и Достоевский, пытался разорвать порочный союз династии с официальными «казенными консерваторами», охранителями своего статуса, типа остзейца А. Х. Бенкендорфа, сановника М. А. Корфа и т. п. Этот круг деятелей при опоре на царя пресекал свободное развитие русской мысли, что обнаружилось, например, когда за критику засилья остзейцев был закрыт журнал Киреевского «Европеец» и гениальный мыслитель вынужден был замолчать. В апрельском дневнике 1830 г. Жуковский вновь мысленно обращается к царю, отчасти и с иронией по поводу всеильного остзейца: «Если эти доноски могут быть доступны до Вас, то это Ваше и наше несчастье, ибо в таком случае Вы беспрестанно будете осуждать несправедливо и **мы никогда не можем быть правыми**. Поэтому в России один человек добродетельный – это Бенкендорф! <...> И это гибель всего! Презрение ко всему и ко всем укоренится в душе Вашей! **Около Вас будут жить только те, кои живут предательством**»¹⁷ (выделено мною. – *В. Ш.*). Конечно, речь шла о предательстве русского народа и его идеала *свободного царства* во имя космополитически истолкованного охранительства подражателей Западу.

Трагичным для всей нашей дореволюционной истории была победа, одержанная Бенкендорфом в противостоянии элит за влияние на престол. Так, именно он добился в 1832 г. запрета журнала И. В. Киреевского, за которого всту-

⁸ Судоходство по Волге может прекратиться. Аналитический обзор, Интернет-бюллетень. URL: <http://www.minoga.ru/navigation/110.html> (дата обращения: 10.01.2013).

⁹ Интернет-портал «История Буя». URL: <http://admbuy.ru/histori.php> (дата обращения: 10.01.2013).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Шестакова Л. Г.* Унжа // Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Русь, 2006. С. 482.

¹² *Морохин В. Н.* Нижегородские предания и легенды. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971. С. 13–225.

¹³ *Трубе Л. Л.* Наши города: Экономико-географические очерки о городах Горьковской и Арзамасской областей. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1954. С. 204–208.

¹⁴ Исчезнувшими дорогами древней Мещеры и Мерянии. URL: <http://www.erzan.ru/news/ischeznuvshimi-dorogami-drevnej-meshery-i-merjanii> (дата обращения: 10.01.2013).

¹⁵ *Данилов А. В.* Несостоявшиеся проекты XX столетия: Призрачный рельсовый путь. Ярославль: ЯГУ им. П. Г. Демидова, 2006. URL: http://www.adm.yar.ru/zk/project_shumal_st2.html (дата обращения: 10.01.2013).

¹⁶ Коммерческие изыскания ж/д ветвей в районе Северных железных дорог. Ч. 1: Костромская ветвь от г. Костромы до ст. Филино Сев. ж/д. М.: Коммер. служба упр. Северных ж/д., 1914.

¹⁷ *Белихов А. Б.* Потенциал развития железнодорожного сообщения в окрестностях г. Костромы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. № 4. С. 20–22.

¹⁸ Исчезнувшими дорогами древней Мещеры и Мерянии..

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *Толстомятов В. М.* О наилучшем соединении города Костромы непрерывным рельсовым путем с общей сетью железных дорог Империи. Кострома, 1914. 14 с.

О. И. Голованова

г. Кострома

ПАМЯТНИК 300-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Несмотря на то что монумент так и не был воздвигнут, проект памятника 300-летия Романовых вызывает большой интерес в контексте развития монументальной скульптуры второй половины XIX – начала XX в. Долгое время памятники этого периода практически не рассматривались – как по идеологическим причинам, так и в связи с негативной оценкой художественного качества (указанное время оценивалось как кризис в скульптуре). Однако именно в эту эпоху был создан ряд памятников, призванных воплотить идею славы истории и державного могущества России: памятник царю Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину в Костроме, памятник Тысячелетию России в Новгороде, памятники Екатерине II в Петербурге и Екатеринодаре, памятники Александру II

транзитных перевозок по ветке. Тем не менее, Мещерская магистраль сыграла существенную роль в развитии богатых лесом районов левобережья Оки¹⁸.

Мещерская железная дорога была полностью сдана в эксплуатацию в 1901 г. Новая линия основательно пошатнула благосостояние тяжеловозов из близлежащих сел, лишив их объема грузоперевозок, поэтому в течение нескольких лет после постройки дороги на ней велась самая настоящая «партизанская война» с разбором путей и сжиганием деревянных мостов. По железной дороге возили лес, дрова, а также вату и хлопок для ватных фабрик. Позднее (в 1924 г.) участок от станции Тумская до станции Владимир был перешит на широкую колею 1 524 мм¹⁹. По состоянию на январь 2013 г., на данном участке осуществляется регулярное движение пригородных поездов Владимир – Вековка – Тумская.

Участок Тумская – Рязань оставался узкоколейным до своего закрытия. Это была последняя в России узкоколейка, находящаяся в ведении ОАО «Российские Железные Дороги». В 1999 г. движение по участку Тумская – Рязань было прекращено, и началась разборка дороги. Сейчас уже практически ничего не напоминает о существовании железной дороги, которой в 1999 г. исполнилось ровно 100 лет. До 2010 г. еще ходили поезда по последнему участку – от поселка Тума до поселка Голованова Дача – длиной 30 км. Обслуживало маршрут Муромское отделение Горьковской железной дороги²⁰.

Перешивка Мещерской магистрали на широкую колею и строительство моста через Оку в Рязани вместе с восстановлением железной дороги Кострома – Мисково и ее продлении до Вологды по проекту Толстопятова²¹ позволило бы существенно разгрузить задыхающийся от грузо- и пассажиропотока Московский железнодорожный узел, существенно разгрузить железные дороги Москва – Санкт-Петербург, Москва – Ярославль, Москва – Рязань. Реализация проекта позволила бы направить часть пассажирских и основную массу грузовых поездов из северных регионов (Мурманск, Архангельск, Усть-Луга) на юг, в города Поволжья, Южного Урала и в Казахстан через Вологду – Кострому – Иваново – Владимир – Рязань). Новая железнодорожная магистраль могла бы способствовать устойчивому развитию Ивановской и Костромской областей и Центральной России в целом.

Примечания

¹ Интернет-портал «Инфофлот». URL: <http://retro.infoflot.ru> (дата обращения: 10.01.2013).

² Там же.

³ Интернет-портал Правительства Нижегородской области. URL: <http://www.government-nnov.ru> (дата обращения 10.01.2013).

⁴ Интернет-портал «Инфофлот». URL: <http://retro.infoflot.ru> (дата обращения: 10.01.2013).

⁵ Там же.

⁶ Интернет-портал Правительства Нижегородской области. URL: <http://www.government-nnov.ru> (дата обращения: 10.01.2013).

⁷ Интернет-портал «Инфофлот». URL: <http://retro.infoflot.ru> (дата обращения: 10.01.2013).

пился Жуковский¹⁸. Этим был нанесен удар по свободному развитию нашей консервативно-христианской мысли, противостоявшей как элитарному западничеству (англomanии, франко- и пруссолюбию), так и интеллигентски-радикальному западнизму.

Здесь только намечена тема единства нашего наследия по проблеме народности в политике¹⁹. От Фонвизина и Карамзина до Розанова, Л. П. Карсавина, отца Павла Флоренского и т. д. вплоть до современности протянулась единая линия Русской Традиции, поставившей во главу угла стремление к *возрождению* при опоре на самобытные духовные начала *русизма*. Вместе с Пушкиным и Достоевским весь этот круг гениев боролся с *глупым изумлением перед заграницей* и *чужебесием* представителей официальной России и выпестованной ею *интеллигентщины*²⁰. Россия ждет своего часа, который приближали все эти представители *русского воззрения*.

Примечание

¹ Например Ю. С. Пивоваров, не замечая ни Пушкина, ни Достоевского, считает, что в науке нет понятия национального характера и «в каждом народе есть несколько модальных типов личности». Он забыл, что бывает «наука зла», от которой надо отвращаться. См.: <http://ru-nsn.livejournal.com/2428038.html>.

² Цит. по: *Бартенев П. И.* Воспоминания // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. С. 93.

³ Термин русизм, как емкое выражение духа русской народности, аналогичен германизму, полонизму, американизму и т. п. Его применял Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» 1870-х гг.

⁴ *Розанов В. В.* Собрание сочинений: Апокалипсис нашего времени. Вып. 1–10. М., 2000. С. 6–7.

⁵ *Фонвизин Д. И.* Рассуждения о национальном любочестии (из сочинений г. Циммермана) // Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 290 и далее.

⁶ *Карамзин Н. М.* Записка о Древней и Новой России в ее гражданском и политическом отношениях. М., 1991. С. 32.

⁷ Характерна концовка работы М. С. Лунина «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года». Он писал: «На время могут затмить ум русских, но никогда их народное чувство». (*Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 58).

⁸ *Burgdorf W.* Nationales Erwachen der Deutschen nach 1756 <...> // Marco Bellabarba / Reinhardt Stauber (Hg.), Territoriale Identität und politische Kultur in der Frühen Neuzeit. Berlin, 1998. S. 111.

⁹ *Фонвизин Д. И.* Указ. соч. С. 291, 305, 309.

¹⁰ Кстати, похожие характеристики этого рода «просветителям» давал честный Ж.-Ж. Руссо в своей «Исповеди». Неслучайно его любили русские, в частности Н. М. Карамзин, у которого просто изобилуют положительные отзывы о Руссо. Они, в частности, содержится в «Письмах русского путешественника», написанных под впечатлением продолжительного путешествия на Запад, в частности во Францию 1790 г., в которой уже шла революция.

¹¹ *Фонвизин Д. И.* Указ. соч. С. 480–481.

¹² Там же. С. 482.

¹³ *Астапенко М., Левченко В. М. И.* Платов // Герои 1812 года: сб. М., 1987. С. 85. (ЖЗЛ. № 680).

¹⁴ Несколько неизданных писем Фридриха-Цезаря Лагарпа // Старина и Новизна. 1898. Кн. 2. С. 80.

¹⁵ Пушкин А. С. Друзьям // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1964. С. 48.

¹⁶ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 303–304. Это было повторением мысли Карамзина, высказанной в 1792 г. стихами, посвященными Екатерине II. Карамзин писал: «Там трон вовек не потрясется, / Где он любовью бережется...» (*Карамзин Н. М. К милости* // Соч.: в 3 т. М., 1848. Т. 3. С. 15).

¹⁷ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 313.

¹⁸ Гиллельсон М. И. Письма В. А. Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114–124.

¹⁹ Подробнее см.: Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор-История, 2009.

²⁰ Так П. А. Флоренский называл сторонников бездуховного западного интеллектуализма, оторванного от духа народности, укрепленного авторитетом И. Канта (см. книгу П. А. Флоренского 1914 г. «Столп и утверждение Истины...»)

А. Н. Баранов

г. Кострома

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ

Занимая активную гражданскую позицию и выступая сторонниками эволюционного развития общества и государства, а также всех его институтов, представители российской либеральной интеллигенции начала XX века подробно рассмотрели ряд теоретических вопросов, связанных с реформой политической системы государства: проблемы парламентаризма и народовластия, взаимоотношения законодательной и исполнительной ветвей власти, значение и место политических партий в общественно-политической жизни страны, политических и гражданских прав и свобод и их конституционных гарантий и т. п.

Один из идеологов конституционно-демократической партии профессор гражданского права, второй заместитель председателя I Государственной думы Н. А. Гредескул обоснованно полагал, что особенная природа российской интеллигенции вызвана воздействием общественной среды, неблагоприятной для ее развития. Он считал, что если основные исторические процессы в России те же, что и в других странах, то протекают они при своеобразных условиях: «во-первых, огромная равнинная страна, вся вовлеченная в один общий исторический процесс; во-вторых, огромное население, в основу которого, и притом в качестве его руководящей части, заложена славянская (русская) народность»¹. Н. А. Гредескул утверждал, что Россия в историческом плане развивалась гораздо медленнее других стран и все социальные процессы в ней протекали с опозданием, поскольку формы жизни чрезвычайно устойчивы и к их разрешению или замене приступали лишь тогда, когда надобность в этом становилась более чем настоятельной. Русская интеллигенция, которая раньше остального

Однако особая роль в развитии России в целом и Костромской губернии в частности принадлежала железным дорогам. Помимо магистральных дорог широкой колеи (1 524 мм), на многих второстепенных направлениях строились узкоколейные железные дороги с шириной колеи 1 067 и 750 мм. Затем наиболее напряженные и перспективные участки перешивались на широкую колею. Железным дорогам не страшна распутица. Облегченное узкоколейное полотно с шириной колеи 750 мм можно укладывать практически повсеместно, без грубого вмешательства в природную экосистему. Узкоколейный тепловоз или электровоз (были и электрифицированные узкоколейки), по массе и габаритам немногим более гусеничного трактора, мог тянуть до десяти вагонов, груженных лесом, торфом, перевозить более 200 пассажиров со скоростью до 25–30 км/ч¹⁴.

Открытие прямого железнодорожного сообщения с Санкт-Петербургом и Москвой крайне благоприятно сказалось на развитии городов Костромской губернии. За десятилетие после строительства костромского участка Северного Транссиба численность только города Буя выросла более чем вдвое и к 1917 г. уже составила 7 000 человек. Вместе с железной дорогой стала развиваться и промышленность, прежде всего лесная, которая стала основной индустрией района. В 1915 г. был перестроен винокурный завод: на его основе были оборудованы цеха химического завода Виленского товарищества. Железная дорога задала и градостроительные тенденции, поскольку основное развитие города шло вдоль нее. В эти годы общественными и жилыми зданиями активно застраивается центральная часть города (торговые ряды, здания Дворянского собрания, земской больницы, гимназии и др.)¹⁵.

Перспективы экономического развития уездов Костромской губернии во многом связаны и с постройкой железных дорог. В 1913 г. были опубликованы проекты строительства железных дорог инженера путей сообщения В. М. Толстопятова. Новые стальные магистрали должны были соединить Кострому с уездами и соседними регионами. Планировалась прямая железная дорога по левому берегу Волги до Ярославля через Саметь – Гузицыно (ныне – поселок Красный Профинтерн) – Грешнево – Иоркино, железная дорога на Вологду через Мисково – Сандогору – Секшу, а также железные дороги Кострома – Судиславль – Макарьев, Макарьев – Мантурово, Макарьев – Варнавин – Йошкар-Ола¹⁶.

Особый интерес представляет железнодорожная линия Кострома – Вологда, которая вместе с Мещерской железнодорожной магистралью Владимир – Рязань могла бы образовать одну из важнейших магистральных железных дорог России: Рязань – Владимир – Иваново – Нерехта – Кострома – Вологда¹⁷.

Мещерская магистраль (Рязанско-Владимирская узкоколейная железная дорога) начиналась со станции Рязань-Пристань, которая находилась в заречных лугах к северо-востоку от Рязани. Длина основного пути составляла 211 км. Станция Рязань-Пристань (узкой колеи) находилась на левом берегу Оки, а станции Рязань I и Рязань II Уральской ж. д. – на правом, поэтому пассажиры и грузы попадали на Мещерскую ж. д. по плашкоутному мосту через Оку. Железнодорожный мост через Оку в Рязани так и не был построен, что обусловило отсутствие

указывающих на мели и перекаты, а также указывающих фарватер бакенов, возобновляемых в каждую навигацию. На затруднительных перекатах дежурили вспомогательные пароходы, которые помогали караванам проходить трудные участки, обстановка фарватера была усилена указательными судоходными знаками, открыты обстановочные посты и др. Углубление мелей, исправление фарватера проводились властями постоянно. К 1914 г. на реках работало 112 дноуглубительных снарядов, которые в основном строили Воткинский завод на Каме, Сормовский – на Волге и Коломенский – на Оке. Коломенские земснаряды уже тогда имели централизованное управление всеми лебедками, чего не было на снарядах других заводов⁸.

Помимо Волги, в Костромской губернии регулярная навигация осуществлялась по рекам Костроме, Унже и Ветлуге и их притокам. Между Буюм, Костромой, Галичем, Солигаличем по рекам Костроме и Вексе шли на конной тягой малые суда с товаром из Нижнего Новгорода. По реке Костроме до Бую курсировали пароходы «Коммерсант», «Буй», «Вена», «Братья Маметовы», «Кострома». Между Солигаличем и Буюм движение осуществлялось в основном на лодках. Среди судов, курсирующих по реке Костроме, в разных источниках упоминаются также «Золотой Якорь», «Александрия», «Шибриха»⁹.

В августе 1905 г. по реке Костроме в Буй на баржах были доставлены паровозы серии ОВ и ОД, которые стали водить поезда на открывшемся 12-м участке тяги (Буйском участке) Северной железной дороги¹⁰.

Река Унжа, получившая название, вероятно, от мерянского слова «Унжго» – «неприступная»¹¹, протекает по территории Вологодской и Костромской областей. На ней расположены города Кологрив, Мантурово, Макарьев. Навигация по Унже осуществлялась в низкую воду – до Макарьева, в высокую – до Кологрива. О судах, курсировавших по Унже, достоверных сведений нет.

Река Ветлуга (в переводе с лугово-марийского языка означает «река чаек»¹²) протекает по территориям современных Кировской, Костромской и Нижегородской областей и республики Марий Эл. Начало регулярной навигации по Ветлуге началось не позднее 1878 г. Первый пароход назывался «Ёрш». Массовый лесосплав в конце XIX в., а с ним и массовое движение людей привели к быстрому росту речного флота на Ветлуге. Сначала это были тихоходные небольшие пароходы с гребными большими колесами на корме («Иван», принадлежавший варнавинскому купцу Попову и «Елизавета» – военному инженеру Ставицкому). Ветлужский купец Чиркин построил пассажирские пароходы с боковыми гребными колесами: «Петр», «Леонид», «Василий Чиркин» и буксир «Миша». Плавали в это время пассажирские пароходы «Алексей», «Светлана», «Рассвет», «Зинаида», а в 1912 г. появился грузопассажирский пароход «Коммерсант». Все эти суда дожили до советского времени, были национализированы и продолжали выполнять свое назначение. Осенью 1918 г. с парохода «Елизавета» был снят паровой котел, который послужил энергетической основой для первой варнавинской электростанции. Весной много пароходов стало приходить с Волги для транспортировки грузов с Волги на Ветлугу и с Ветлуги на Волгу¹³.

общества понимала необходимость перемен и движения вперед, оказывалась в изоляции. Гредескул писал, что положение интеллигенции «среди страны и народа было поистине сходно с положением греческой Кассандры, которая провидела будущее, но никого не могла убедить в его неизбежном наступлении»². Кроме этой причины, изоляцию интеллигенции, прежде всего духовную, усиливало давление власти. «При первых же попытках необходимого и благотворного воздействия интеллигенции на общественную среду против нее ополчилась власть, опиравшаяся на существующие формы жизни, и тогда начиналось действие “полицейского крена”, с одной стороны, и отчаянная борьба с ним, прежде всего из-за права слова, с другой»³. Но и в этой борьбе, как отмечает Н. А. Гредескул, интеллигенция оставалась одинокой, так как народные массы не понимали, что эта борьба ведется за их интересы и, в первую очередь, за политическое и социальное просвещение.

П. Б. Струве считал, что «интеллигенция как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ (60–70-е гг. XIX в. – А. Б.) и окончательно обнаружила себя в революцию 1905–1907 гг. Идейно же она была подготовлена в замечательную эпоху 40-х гг.». Определяя роль русской интеллигенции, он писал: «Русская демократия – это демократическая интеллигенция»⁴. С его точки зрения, восприятие русскими передовыми умами западноевропейского атеистического социализма является духовным рождением русской интеллигенции, и первым русским интеллигентом он называет Бакунина⁵.

В своей работе «Интеллигенция как социальная группа» член ЦК кадетской партии А. С. Изгоев (А. С. Ланде) подчеркивает, что класс работников умственного труда и интеллигенция – это не одно и то же. Класс умственных работников может подразделяться на множество групп в зависимости от признака, положенного в основу. Для интеллигенции таким признаком, согласно А. С. Изгоеву, является «присущий профессиональной деятельности этих лиц элемент учительства в широком смысле слова»⁶. Он указывает, что необходимым условием выполнения интеллигенцией ее профессиональных обязанностей является свобода. Исходя из этого вся деятельность интеллигенции мотивирована стремлением к наиболее полной свободе. На этом пути ей противостоит бюрократия. «Бюрократия – это группа людей, формально исходящих от Верховной Власти». И, как отмечает Изгоев, бюрократия выступает орудием верховной власти и тех общественных сил, чьи интересы данная власть представляет. В условиях, когда верховная власть номинально независима от каких бы то ни было общественных групп, бюрократия превращается в самодовлеющую силу, главная цель которой – сохранить свое привилегированное положение любой ценой. Изгоев выделяет важную закономерность: чем более подавлены и не развиты общественные группы, тем полнее господство бюрократии.

Исходя из данных положений был сделан вывод об особом значении интеллигенции. «Когда в окружающей жизни мало простора, интеллигенция в силу присущего ей стремления к свободе, становится на самый высший пьедестал, в стране переживают героическую эпоху. Так было во всех странах, везде было

время, когда интеллигенция рождала героев»⁷. Необходимо учитывать, что статья А. С. Изгоева публиковалась в легальном, то есть подцензурном, журнале.

Главным признаком интеллигенции А. С. Изгоев считал деятельность по распространению знаний – «учительство». Согласно этому, она противостоит бюрократии не только потому, что интеллигенция (или ее часть) революционна, но и по самому своему условию существования. Несмотря на то что интеллигенция малочисленна, «теоретична» и «оторвана от жизни», бюрократия ее победить не может, поскольку «... современное общество немислимо без распространения знаний, без интеллигенции»⁸.

Необходимо отметить, что единства в среде отечественных либералов не было по многим вопросам, в том числе и по такой насущной проблеме, как парламентаризм в России. Идеологи конституционно-демократической партии отстаивали идеи парламентаризма, подчеркивая преимущества парламентской монархии перед так называемой конституционной дуалистической монархией, в которой монарх имел значительные прерогативы власти, в том числе назначал правительство и контролировал его деятельность.

Парламентарная монархия, подчеркивал Ф. Ф. Кокошкин, сводит «различия между парламентарным монархическим образом правления и республиканским к незначительному минимуму»⁹. В. М. Гессен основным принципом парламентаризма называл право народного представительства влиять на политику правительства и определять его направление. Данное право, по его мнению, могло быть реализовано в случае зависимости исполнительной власти от законодательной, то есть при ответственности правительства перед парламентом¹⁰.

В парламентарной монархии министерство имеет партийный характер, премьер-министр назначается из числа парламентского большинства и назначает министров из числа своей партии и ее союзников, поэтому в случае конфликта парламента и министерства или в случае крупных просчетов в политике министерство подает в отставку и кризис сравнительно безболезненно преодолевается. П. Н. Милуков отмечал, что «сделать “кабинет” – “кабинетом” партии – значит решить мирным способом задачу борьбы между исполнительной и законодательной властью»¹¹. Лидер кадетов утверждал, что без установления взаимного согласия между исполнительной и законодательной властями невозможна нормальная деятельность российского парламента.

Отношения монарха и народного представительства кадетские идеологи строили на принципе «единой воли короля в парламенте». Монарху, как писал В. Гессен, наряду с палатами принадлежит право законодательной инициативы, он санкционирует принятый парламентом закон, однако «власть монарха заключается не в том, что он отвергает закон ему негодный, а в том, что он своей волей участвует в обращении законопроекта в закон»¹². По мнению автора, парламентаризм усиливает влияние народного представительства на ход законодательных и правительственных дел и подчиняет правительственную исполнительную власть власти законодательной, что, в свою очередь, «является необходимым условием действительного осуществления основного начала демократического строя – начала народного суверенитета»¹³.

В 1899 г. в Петербурге на заводе «Русский дизель» был построен первый в мире двигатель для речных судов, работающий не на керосине, а на тяжелом топливе – нефти. Этот двигатель значительно отличался от двигателя Дизеля, поэтому за рубежом новый двигатель назывался «русским двигателем»⁵.

Строились и расширялись судостроительные, механические заводы в волжских городах. Центром судостроения на Волге стал Нижний Новгород. Старейший и крупнейший в России завод «Красное Сормово» свои первые пароходы «Заря» и «Стрела» спустил на воду в 1851 г. Крупные судостроительные предприятия были открыты в селах Молитовка и Бор. Речной флот послужил толчком к развитию судостроения и судоремонта в Череповце и Рыбинске, Костроме и Гордце, Казани и Симбирске, Самаре, Саратове, Астрахани.

Выдающимся событием в истории судоходства стало появление теплоходов. В 1903 г. нефтепромышленная фирма братьев Нобель построила на Сормовском заводе первый в мире нефтеналивной теплоход «Вандал», а в 1904 г. еще такой же теплоход «Сармат». Поскольку дизельные двигатели на этих теплоходах не имели заднего хода, они были оснащены электрогенераторами и электродвигателями. Таким образом, эти суда были не только первыми теплоходами, но и дизель-электроходами, были винтовыми, имели мощность 360 л. с. и грузоподъемность 750 т. В 1907 г. было освоено производство колесный теплоходов. В этом же году инженер Коломенского завода Р. А. Корейво сконструировал реверсивную муфту, а в 1908 г. на заводе братьев Нобель под руководством инженера К. В. Хачалина был сконструирован первый в мире реверсивный двигатель. Конструкция речных судов постоянно совершенствовалась, увеличивалась их грузоподъемность. Винтовое пассажирское судно «Бородино», построенное на Коломенском заводе в 1911 г., имело мощность 1 200 л. с. В 1915 г. на Сормовском заводе построен первый в мире буксирный теплоход «Москвич» с горизонтальным двигателем, сконструированным инженером Г. В. Тринклером⁶.

К 1913 г. страна располагала крупным речным флотом в составе 4 600 самоходных судов мощностью около 1 млн л. с. и более 24 тыс. барж общей грузоподъемностью 13,5 млн т. Речной флот России в 1913 г. перевез 35 млн т грузов, общий грузооборот его составил 28,8 млрд ткм, в том числе лесные грузы – 57 %, хлебные – 11,2, соль – 2,2, нефтепродукты – 12 и прочие грузы – 17,6%. К 1914 г. на Волге плавало уже 48 больших теплоходов, из них пассажирских и товаропассажирских – 16, грузовых – 12, буксирных – 20 и около 200 небольших судов, оборудованных дизелями⁷.

Для поддержания рек в нормальном судоходном состоянии регулярно предпринимались меры по борьбе с мелководьем. Падение уровня воды из-за эрозии дна, по современным данным, продолжается со скоростью 2 см в год. Обмеление Волги несло большие убытки и неприятности судовладельцам и нижегородским властям, наносило серьезный экономический ущерб. Еще в 1847 г. главноуправляющий путями сообщения граф П. А. Клейнмихель, проехав по Волге от Рыбинска до Нижнего Новгорода, лично убедился в большом вреде, приносимом судоходству обмелением. Были приняты меры по улучшению волжских судоходных путей, в том числе и по установке на опасных участках Волги знаков,

А. Б. Белихов

г. Кострома

РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Речной флот во все времена имел большую экономическую и политическую значимость, соединяя отдаленные города России. И, несмотря на развитие в последние десятилетия скоростных видов транспорта, значение речного флота и в наши дни не уменьшается.

Бассейн Волги занимает огромную площадь – 1 380 кв. километров, охватывая территорию с населением свыше 40 млн человек, живущих в пяти республиках и одиннадцати областях страны¹.

В середине XIX в., в связи с бурным ростом промышленности, интенсивно развивалось судостроительство и судоходство. Промышленный рост сопровождался ростом городов. Пассажирские перевозки речным транспортом на баржах-баркасах и на случайных пароходах уже не удовлетворяли их потребности. Для развития Костромы как города, расположенного на Волге, судоходство имело большое значение.

Первый пароход появился в волжском бассейне в 1817 г. Он был построен на Пожевском железодельном заводе, на реке Каме. Количество судов с каждым годом увеличивалось, и к началу 40-х гг. XIX столетия группа владельцев паровых и непаровых судов решила основать на Волге судоходное общество².

Указом императора Николая I от 7 сентября 1843 г. было образовано пароходное общество «По Волге». В 1853 г. организовалось специальное пассажирское пароходное общество «Самолет». Это общество построило в Бельгии несколько пассажирских пароходов мощностью до 50 л. с.: «Ундина», «Бывалый», «Резвый», «Казань» и др. Сборка их производилась в Твери, где были организованы мастерские³.

В 1850 г. проезд на пароходе общества по маршруту «Нижний Новгород – Астрахань» в I классе стоил 21 руб., а от Нижнего Новгорода до Рыбинска – 4 руб. 75 коп.⁴ (Заработная плата ремесленника в те времена не превышала 40–50 руб., преподавателя гимназии – 100 руб.)

В 70-е гг. XIX в. на Волге возникают новые судоходные компании, пароходы появляются на второстепенных и третьестепенных притоках волжского бассейна – реках Уфе, Вятке, Суре. Основные виды перевозимых грузов – лес, продукты сельского хозяйства, строительные материалы. Первая в мире нефтеналивная шхуна «Зороастр» начала перевозить нефть по Волге в 1878 г.

Для конца XIX столетия характерен интенсивный рост флота на Волге. Если в 1890 г. парового флота насчитывалось 1 015 единиц, то к началу 1900-х гг. его было 1 586, т. е. увеличение за 10 лет составило 60 %. Наблюдался рост флота по всем видам судов: грузовым, пассажирским, паровым и непаровым. В 1901 г. насчитывалось более 5 тыс. судов.

В отличие от кадетов идеологи «Союза 17 октября» (к которым в последние годы все чаще применяют термин «либерал-консерваторы») категорически отвергали принципы парламентаризма. В. И. Герье указывал на важное, по его мнению, различие между конституционной и парламентарной монархией: «в первом случае Верховная власть и правительство находятся в руках государя, во втором случае они принадлежат парламенту». «Парламентарная монархия, – утверждал он, – близко подходит к республике...»¹⁴. Лидер октябристов подчеркивал, что парламентарные монархии «ведут свое начало от революций», а следовательно, авторитет и власть монарха в них изначально подорваны в глазах народа, в то время как в конституционных монархиях конституция добровольно даруется населению «законной традиционной властью», власть монарха здесь сохраняет свой высокий авторитет и рамками конституции ограничивает себя представительными учреждениями.

По мнению В. Петрово-Соловова, монарх должен не только царствовать, но и управлять государством, а следовательно, должен иметь право свободно назначать министров, ответственных только перед ним¹⁵. В этом случае достигается независимость исполнительной власти от законодательной власти парламента, в котором сосредоточивается политическая борьба классов и партий.

Далеко не все октябристские авторы негативно относились к установлению в России конституционного строя. Профессор Московского университета, историк, член ЦК «Союза 17 октября» В. И. Герье писал, что конституция – единственное средство объединения правительства и общества, она позволяет «приспособить правительственную деятельность к культурным потребностям нашего времени и современного человека»¹⁶. В. М. Петрово-Соловова также подчеркивал, что октябристы «стремятся к установлению конституционно-монархического устройства русского государства»¹⁷.

Октябристы связывали парламентаризм с обострением политической борьбы партий и классов. «...Парламентаризм, – утверждал В. И. Герье, – есть передача государственной власти партиям»¹⁸.

Справедливо отмечая закономерность появления партий как выразителей воли и интересов различных групп населения, В. И. Герье, тем не менее, расценивал их как неизбежное зло. Он считал, что партийное размежевание разжигает в обществе классовую рознь и политическую борьбу. «...Партии, – писал В. И. Герье, – большей частью односторонни, ослеплены, несправедливы, упрямы, склонны ставить партийный интерес выше разума и общего блага»¹⁹. Проникая в парламент, партийные депутаты обособляются по фракциям и превращаются из граждан в своеобразных «рабов партийной дисциплины». Обособленность партийных фракций делает возможным работу парламента только на основе сделок и компромиссов фракций друг с другом и фракций с правительством. Данный принцип работы парламента, в глазах автора, несет на себе печать торгашества и сговора «к выгоде сторговавшихся, и в ущерб стране»²⁰.

Из этого В. И. Герье делал вывод, что народное представительство, которое состоит из множества случайных партий и групп, проникнутых враждой друг к другу, и не обладает ни политическими традициями, ни опытом, не может управлять империей. Октябристы отвергали принципы парламентаризма, опасаясь близости конституционной парламентарной монархии к республиканской форме правления.

Основополагающим в октябристской концепции обновления России являлся тезис о том, что инициатива реформ принадлежит государям, и эволюционный путь продвижения Российской империи в направлении ее преобразования в «правовое государство» вполне может быть обеспечен в рамках монархии. Именно монархия как исторически сложившаяся форма власти должна реформировать Россию, а любое другое реформирование окажется пагубным для страны. «Россия, – обосновывал данный тезис профессор В. И. Герье в открытом письме А. И. Гучкову, – по своей исторической формации и преданиям, по своей географической обширности и по своему этнографическому составу, включая в себя народности ей враждебные и народности малокультурные, нуждается в последовательной, твердой внутренней политике, независимо от речей случайных ораторов, от сделок в “кулуарах” и от случайного блока партий...» Ученый-историк особо подчеркивал, что в условиях продолжающейся революции «...всякое партийное правительство только ухудшило бы дело: в руках крайних партий оно повело бы даже невольно к поощрению иллюзий, к еще большему разгару страстей и содействовало бы всеобщему разложению; в руках же искренних либералов оно оказалось бы бессильным или впало бы в противоречие со своими принципами»²¹.

В значительной мере октябристы заявляли о себе как о противниках идеи сохранения неограниченной власти монарха. «Мы убеждены, – говорил член ЦК октябристской партии В. Петрово-Соловово, – что нынешнее самодержавие, составлявшее некогда живую творческую государственную силу, уже исполнило свою историческую миссию, потеряло жизнеспособность и подлежит поэтому полному упразднению, как пережиток старины, мешающий дальнейшему развитию политической, культурной и экономической жизни нашего отечества...»²². Вместе с тем, выступая за упразднение неограниченного самодержавия, октябристы категорически возражали против введения в России парламентского строя, считая его неприемлемым как с исторической, так и с политической точек зрения. В сохранении монархической формы правления они видели залог «связи с прошлым, ручательство в правильном направлении» «государственного корабля, ограждении его от напрасных бурь и шатаний, словом, залог закономерного (органического) развития России из основ ее тысячелетнего прошлого». Показательно, что октябристы, правда, не без колебаний, признали целесообразным сохранить за конституционным монархом титул «самодержавный», видя в этом титуле «историческое достояние» России.

Следует отметить, что исходя из одних и тех же теоретических посылок кадеты и октябристы делали разные выводы. Кадеты стремились именно

музей, кинематограф. Столь активная деятельность стала возможной благодаря усилиям местной интеллигенции, которая не жалела сил, времени и собственных средств для оказания помощи детям. Местный театр ежегодно устраивал благотворительные спектакли в пользу общества. Члены общества вели активную лекторскую деятельность, все средства от которой также поступали в его фонд. Часть доходов шла от аукционов по продаже вещей, специально собранных для этого. Много жертвовали члены общества, помогали губернское и уездное земства, городская дума. Считали своим долгом оказывать материальную помощь обществу и костромские фабриканты. Меценатство соединило инициативу интеллигенции и капиталы предпринимателей: желая изменить мир и человека в этом мире, они предлагали модель переустройства жизни всего общества на основе гуманизма и социальной солидарности⁷.

Провинция, вероятно, еще не знала о таких институтах, как гражданское общество, социальная ответственность, но создавала их. В отличие от политизированной столичной интеллигенции, которая на рубеже XIX–XX вв. объединилась в нигилистическом отрицании и разрушении современного ей мира, провинциальная интеллигенция занималась созидательной общественной деятельностью. Это была своеобразная духовная альтернатива революционному «бесовству». Интеллигенция в провинции занимала духовные, морализаторские, учительские – в целом просветительские позиции. Ее этическое сознание, основанное на соборности, сострадании, совести, было вне политики. Но на самом деле именно ее аполитичность являлась глубоко общественной позицией. Революционная интеллигенция, будь то политические честолюбцы или бескорыстные правдоискатели, допуская утверждение всеобщего счастья и свободы путем насилия, представляется, в свете нравственных установок провинциальной интеллигенции, безнравственной и аморальной. Анализ деятельности общественных организаций Костромской губернии дает возможность предположить о наличии у отечественной интеллигенции более позитивной программы модернизации российского общества на рубеже XIX–XX вв.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3342. Л. 11, 12.

² Там же. Л. 9, 10, 11, 12.

³ См.: Отчет о деятельности Костромского общества образования с 13 ноября 1907 по 1 января 1912 года. Кострома, 1912.

⁴ См.: Отчеты о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912, 1913, 1914 гг.

⁵ См.: Отчеты Костромского общества любителей музыкального и драматического искусств за XIII сезон (1895/1896), за XIX сезон (1901/1902), за XX сезон (1902/1903), за XXI сезон (1903/1904), за XXII сезон (1904/1905).

⁶ См.: Отчеты Костромского общества любителей музыкального и драматического искусств за XIII сезон (1895/1896), за XIX сезон (1901/1902), за XX сезон (1902/1903), за XXI сезон (1903/1904), за XXII сезон (1904/1905).

⁷ См.: Отчеты Костромского общества «Помощь детям» за 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1914.

просвещением. Им были созданы уникальная научная библиотека и музей. Члены организации проводили практические занятия в учебных заведениях Костромы, читали публичные лекции, проводили музейные экскурсии, где знакомили публику с родным краем⁴. Деятельность КНОИМК продолжалась и в советское время.

Огромное значение в просветительской деятельности провинциальной интеллигенции занимали культуртрегерские организации. В качестве целей они декларировали распространение культуры в народе и содействие в развитии народных талантов. В Костроме на рубеже XIX–XX вв. было создано Общество любителей музыкального и драматического искусства, которое устраивало различные вечера, любительские спектакли, концерты, организовывало народные гуляния в городской роще и др.⁵

Особое место в ряду общественных организаций занимали благотворительные общества и общества вспомоществования. Дореволюционная Кострома относилась к городам, чьи православные традиции насчитывали не одно столетие. Православие рассматривало благотворительность как одно из условий спасения души. Это обусловило практику приходской жизни, основанной на взаимопомощи и жертвенности. Как правило, благотворительные организации были адресными, создавались для конкретной помощи и имели определенные цели и задачи. Благотворительность была направлена на самые разнообразные слои населения, но прежде всего – на детей, поэтому в деятельности благотворительных организаций не последнее место занимало просвещение.

В начале XX в. в Костроме возникает общество «Помощь детям», действовавшее вплоть до начала Первой мировой войны⁶. Среди его учредителей – учителя средних учебных заведений, врачи, земские деятели. Члены общества оказывали материальную помощь детям из бедных слоев населения, заботились об организации их досуга. Особое внимание уделялось детям-сиротам и беспризорным детям. Для них был организован приют, где дети из малоимущих семей не только получали еду, одежду, но и обучались несложным практическим занятиям: учились шить, вязать, вышивать. Вскоре члены общества стали преподавать своим воспитанникам общеобразовательные предметы. Медицинскую помощь детям приюта безвозмездно оказывали костромские врачи – члены Костромского общества врачей. Одной из заслуг общества «Помощь детям» стало устройство нескольких детских площадок с качелями, местом для игры в городки и кегли. Так прививались элементарные нормы здорового времяпрепровождения и правила общежития уличным детям и детям рабочих окраин. Зимой по инициативе общества в различных районах Костромы бесплатно функционировали катки, а для малышей – горки. Летом устраивались прогулки и организовывались загородные дачи-колонии для детей фабрично-заводских рабочих. Нередко просто оказывалась материальная помощь нуждающимся многодетным семьям. Члены общества «Помощь детям» озаботились и просвещением своих подопечных. Часто общество устраивало детские чтения, которые были очень популярны среди костромской детворы и собирали до 400 слушателей. Под руководством членов общества дети посещали

через парламент реализовать свою программу экономических и политических реформ, а учреждение парламента в России рассматривалось ими как первый шаг на пути формирования правового государства. В свою очередь октябристы отвергали принципы парламентаризма, опасаясь близости конституционной парламентарной монархии к республиканской форме правления. Политическая программа «Союза 17 октября» содержала требования наследственной конституционной монархии, двухпалатного народного представительства, формируемого на основе цензовых выборов, прямых в городах и двухстепенных в сельской местности. Монарх имел право утверждения и отмены законов, право назначения и смещения министров, которые несли ответственность как перед царем, так и перед народным представительством.

Таким образом, октябристы полагали, что на почве манифеста в России утверждается конституционная монархия и нормальная политическая жизнь, основанная на правовых началах, создаются условия для сотрудничества общества с властью и успешного проведения реформ.

Примечания

¹ Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст., 1909–1910. М., 1991. С. 234.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 237.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). П. Струве. 279. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

⁵ Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. М., 1990. С. 162 (Репринт. изд.).

⁶ Изгоев А. С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 86.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 92.

⁹ Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг., 1907. С. 7.

¹⁰ Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1905. С. 15.

¹¹ Миллюков П. Н. Год борьбы: Публицистическая хроника, 1905–1906. СПб., 1907. С. 287.

¹² Гессен В. М. О правовом государстве. С. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906. С. 10–11.

¹⁵ Петрово-Соловово В. «Союз 17 октября», его задачи и цели, его положение среди других политических партий. М., 1906. С. 7.

¹⁶ Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. СПб., 1906. С. 6.

¹⁷ Петрово-Соловово В. «Союз 17 октября»... С. 7.

¹⁸ Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. С. 26.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Герье В. Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 10–13.

²² Петрово-Соловово В. «Союз 17 октября»... С. 119.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов

г. Кострома

**КОСТРОМСКОЙ ЮВЕЛИРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ:
ОТ МАССОВОГО ПРОИЗВОДСТВА ЮВЕЛИРНОЙ «МЕЛОЧОВКИ»
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ К ТУРИСТИЧЕСКОМУ БРЕНДУ
СОВРЕМЕННОЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Костромская земля обладает весьма богатой историей. Одной из наиболее ярких и широко известных страниц этой истории, без сомнения, является костромской ювелирный промысел, производственные и культурные традиции которого многие поколения костромичей бережно хранят и развивают.

Археологические изыскания свидетельствуют, что предыстория костромского ювелирного производства начинается еще в доромановской России. «В средневековой Костроме занимались ювелирным делом. На местное производство изделий из цветного металла указывают медные шлаки, обнаруженные во время раскопок, инструментарий ювелиров»¹. Из века в век ювелирное производство расширялось и совершенствовалось. Однако именно в период правления Романовых значительно разнообразился ассортимент выпускаемых изделий и число вовлеченных в процесс их производства людей. Начинают формироваться целые династии ювелиров (Ратьковы, Серебряниковы, Сорокины, Чулковы)². Своеобразный расцвет данного промысла наблюдается со второй половины XIX в., когда в целом ряде сел и деревень Костромской губернии развивается крестьянское производство мелких серебряных и медных изделий (Сидоровское, Подольское, Здемирово и целый ряд других сел) и продолжается вплоть до революции 1917 г. Главным центром промысла становится с. Красное-на-Волге. В тот период времени красносельские изделия – небольшие штампованные образки и кресты-тельники; дешевые ювелирные украшения (броши, медальоны, серьги, браслеты, цепи); мелкие серебряные предметы (солонки, стаканчики, подстаканники и т. п.) – широко распространились по всей России как в европейской, так и в азиатской ее части³. Костромские купцы широко и весьма успешно торговали этой ювелирной «мелочовкой» в Москве, Петербурге, Курске, сибирских городах и на Украине, причем и в лавках, и на ярмарках. Подобные костромские изделия встречаются практически во всех крупных монастырях тогдашней Российской империи. Тенденцию бурного развития ювелирного промысла характеризует и открытие в 1904 г. в с. Красном Художественно-ремесленной учебной мастерской золото-серебряного дела. Первые преподаватели, выпускники Строгановского училища принесли сюда опыт работы новых ювелирных фабрик и стиль модерн, в то время наиболее распространенный и востребованный покупателем. В юбилейных торжествах 1913 г., приуроченных к празднованию 300-летия Дома Романовых, ювелирно-металлическому производству был посвящен целый раздел Костромской губернской земской выставки, о месте и значении которого

© Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов, 2013

может быть эффективной для решения болевых проблем современной России. Общественные организации часто становились «генераторами идей». Они первыми замечали проблему, обращали на нее внимание земства, предлагали конкретные формы сотрудничества, формировали общественное мнение.

На рубеже XIX–XX вв. основной сферой приложения общественных интересов стало образование. Русской интеллигенции всегда было свойственно преувеличение роли просвещения и образования в разрешении социально значимых проблем. Просветительская общественная деятельность в Костромской губернии развивалась в нескольких направлениях. Кроме разветвленной сети специализированных просветительских организаций, существовал целый ряд общественных заведений: общественные библиотеки, читальни, курсы, кружки, которые также внесли свою лепту в провинциальное образование и просвещение народа.

Одним из первых обществ, действовавших в области просвещения в Костроме, было Пушкинское общество. Оно возникло в 1899 г. и в качестве задачи провозгласило содействие народному образованию во всей Костромской губернии. Возглавлял общество Ю. А. Спасский, местный дворянин. Общество финансировалось отчасти уездным земством, отчасти существовало на пожертвования членов организации и всех сочувствующих ее деятельности. Несмотря на бюрократические препятствия, которые в достаточной степени чинились местной администрацией любым начинаниям общества, некоторые мероприятия все-таки удалось осуществить. Так, местные газеты писали о литературно-музыкальном вечере, проведенном в читальне А. Н. Островского в феврале 1904 г. и посвященном очередной годовщине освобождения крестьян¹, о вечере памяти декабристов в декабре 1905 г.² Революционные события в стране и политизация деятельности Пушкинского общества привели к его официальному закрытию.

Однако уже вскоре эта ниша общественной деятельности была заполнена: в 1907 г. губернская администрация зарегистрировала устав Костромского общества образования, которое действовало вплоть до 1913 г. У его истоков стояли две выдающиеся личности – А. В. Перелешин и И. В. Шулепников. Среди его членов – педагоги, статисты, врачи, присяжные поверенные. Деятельность общества охватила все возрастные группы населения, содействовала как аудиторному, так и внешкольному образованию. На его счету организация лекций по геометрии, физике, химии, географии, классов по черчению и курсов по иностранному языку, открытие нескольких библиотек, проведение концертов и литературно-музыкальных вечеров, устройство детских мероприятий³.

Почти одновременно с закрытием общества образования, в 1912 г., начало свою деятельность Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК). Его инициаторами стали И. В. Шулепников и В. И. Смирнов – костромские общественные деятели. Как по социальному, так и партийному составу общество было неоднородным. Примечательно, но именно образование и просвещение народа примиряли политических и идейных оппонентов. Помимо декларированной научной деятельности, общество вплотную занялось

О. Ю. Соболева

г. Рыбинск

О. Б. Панкратова

г. Кострома

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Сколь неоспоримо, что для правового государства необходимо гражданское общество, столь безапелляционно политологи, историки, общественные деятели заявляют об отсутствии исторических корней гражданственности у российского народа. Гражданское общество, как сфера неподконтрольная государству, начинает оформляться на Западе. Основой его становится частная собственность. С этих классических позиций невозможно выявить даже зачаточных форм гражданского общества в России. Однако в России главным стержнем консолидации здоровых сил общества, отстаивающих общественные интересы перед государством, а часто вопреки государству, стала не собственность, а идея. Это было не только особенностью, но и достоинством России. Немногим нациям удается преодолеть частнособственнические интересы и взять в качестве общественных идеалов абсолютные ценности. Таким идеалом для российской общественности стало благо народа.

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались всплеском гражданской активности в провинции. Это была эпоха «малых дел» – своеобразного преломления народничества: часть интеллигенции искренне считала, что таким образом она принесет своему народу наибольшую пользу. Огромное количество русской интеллигенции отправилось работать в земские школы, больницы. В провинциальных городах стали возникать общественные организации. Легальные организации стали той формой, которая в наибольшей степени отвечала желанию интеллигенции участвовать в общественной жизни. Им, как правило, удавалось найти индивидуальную нишу общественной деятельности. Это были научные, просветительские, культуртрегерские, благотворительные общества, хотя деление региональных общественных организаций весьма условно, так как в деятельности любой из них присутствовали и просветительские, и филантропические начала. Объединяли они преимущественно местную интеллигенцию: учителей, врачей, служащих, земских деятелей.

Механизм их образования был прост. Возникали они преимущественно вокруг одной-двух ярких неординарных личностей, интересы и политические пристрастия которых предопределяли направления работы общественной организации. Деятельность провинциальных обществ редко выходила за рамки закона. Объясняется это не столько лояльностью русской интеллигенции к власти и закону, сколько твердым убеждением, что только созидательная деятельность

© О. Ю. Соболева, О. Б. Панкратова, 2013

свидетельствует следующая оценка исследователя промысла: «Что же касается количества экспонатов по различным промыслам, то здесь бесспорным лидером является ювелирный промысел (73 экспоната, т. е. 26,4 %)»⁴. Во время посещения Костромы в 1913 г. «депутация красносельских кустарей-серебряников в составе В. Н. Чулкова и И. А. Муромкина поднесла императору Николаю II папку, украшенную серебром, со всеподданейшим адресом. Кроме того, Государю были вручены от кустарей-серебряников Красносельской волости 3000 серебряных образков иконы Феодоровской Божией Матери и шкатулка с мелкими серебряными изделиями. Императрице Александре Федоровне была поднесена шкатулка с чайным прибором, а наследнику-цесаревичу – офицерский пояс серебряный наборной работы. Депутация от Художественно-ремесленной учебной мастерской во главе с заведующим В.М. Анастасьевым вручила наследнику серебряные настольные украшенные эмалью часы и эмалированную чернильницу»⁵. Эти факты свидетельствуют не только о значительном размахе промысла, но и об успешном развитии его художественного начала.

В послереволюционный период наблюдается тенденция определенного «угасания» промысла: прошла волна раскулачивания, сократилось общее число мастеров, сузился ассортиментный ряд выпускаемых изделий, несомненно, снизился их художественный уровень. Лишь после Великой Отечественной войны, когда был создан Красносельский ювелирный завод, а чуть позднее – Костромской ювелирный завод, возрождаются лучшие традиции костромского ювелирного промысла, начинают появляться изделия, выполненные в технике скани, эмальерные работы и др.: промысел вновь становится не только производством, но и искусством. Активное и заинтересованное изучение истории костромского ювелирного промысла послужило импульсом для создания в 1983 г. в здании бывших ремесленных мастерских Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства (ныне филиал Костромского музея-заповедника). Основой коллекции музея, насчитывающей около 4 000 единиц, являются ювелирные изделия известных красносельских мастеров и художников, инструменты и предметы быта кустарей. Особую группу составляют полторы сотни культовых предметов, а наиболее ценные среди них – изделия медного культового литья Красносельской волости середины XIX – начала XX в. Из этих экспонатов составлены постоянно действующие выставки, где посетители могут познакомиться как с историей промысла, так и с достижениями современного красносельского ювелирного искусства. Эти и другие материалы, значительное количество научных и краеведческих трудов послужили основой для формировавшегося в постперестроечное время бренда «Золотое Красноселье», трансформировавшегося в первом десятилетии XXI в. в туристический бренд «Кострома – ювелирная столица России»⁶. В рамках названного туристического бренда достаточно успешно реализуется целый ряд культурно-познавательных, экскурсионных, интерактивных и других программ, предлагаемых туристскими организациями Костромской, Ивановской, Ярославской, Московской и иных близлежащих областей. Ежегодно Кострома

становится центром международного ювелирного фестиваля «Золотое кольцо России», в котором принимают участие свыше 50 ювелирных компаний Костромы, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Якутска, ряда стран ближнего и дальнего зарубежья⁷. Весьма значителен ассортимент полиграфической продукции (альбомов, каталогов), в том числе выпускаемых ювелирными предприятиями⁸. Особое место в этом ряду занимают каталоги тематических ювелирных выставок Музея Фаберже (Германия), которые стали своеобразной изюминкой туристического бренда⁹. Сами выставки проходили в Костроме в 2010 и в 2011 гг. в здании бывшего Дворянского собрания (Костромской музей-заповедник).

В 2012 г. в п. Красное-на-Волге было завершено строительство интерактивного музея ювелирного искусства, где все желающие могут познакомиться с процессом изготовления ювелирных изделий. Каждый посетитель может стать участником разнообразных интерактивных программ, включающих отдельные операции производства ювелирных изделий: процесс протяжки проволоки через фильерную доску с последующим изготовлением с помощью ювелирных инструментов из этой проволоки сувенира. На память можно изготовить на настоящем вырубном ручном прессе 30-х гг. XX в. штампованное изделие – монету с изображением церкви Богоявления (1592 г.) – «визитной карточки» п. Красное-на-Волге. Современная Костромская область занимает первое место в современной России по выпуску золотых и серебряных изделий, что делает ее весьма привлекательной для посещения соответствующей категорией туристов как российских, так и зарубежных. Это, в свою очередь, требует дальнейшей сосредоточенной работы по созданию и развитию ювелирного кластера и в его рамках туристического бренда «Кострома – ювелирная столица России». С этой целью Ювелирным центром «Аметист» было принято решение о создании Музея ювелирного искусства в г. Костроме. Музей должен располагаться в цокольном этаже дома А. Афанасьева, памятнике архитектуры конца XVIII – начала XIX в.¹⁰

Экспозиция нового музея будет условно поделена на 3 зоны: «Купеческая лавка», «Мастерская кустика» и «Зал ювелирной славы». Предполагается, что воссоздание купеческой лавки позволит познакомить посетителей не только с многовековой историей самого ювелирного промысла, но и историей костромских купцов-прасолов. В экспозиции будут представлены атрибуты соответствующего времени: галантерейный прилавок с образцами изделий (нагельные крестики, складни, серьги «калачи» и др.), горка, иные предметы обстановки. Зал «Мастерская кустика» представит посетителю тяготы работы ювелира на рубеже XIX–XX вв., даст представление об ювелирном инструментарии, особенностях технологического процесса того времени и т. д. Значительное место в музее будет выделено залу ювелирной славы, в котором будет представлена не только история развития промысла в XX в. в с его взлетами и падениями, но и представлены работы костромских мастеров-ювелиров советского и постсоветского времени (П. И. Чулкова, И. С. Шедова и целого ряда других). Отдельный модуль будет посвящен Красносель-

что воспоминания их приводят к тем же выводам, как и мои. Быть может, окраска иная, но факты и существо их одни и те же, а фактов ведь ничем не закрасишь»²⁵. «Семейная хроника» Аксакова несомненно обогатила русскую литературу, отмечал писатель, но она же дана в несколько идиллическом ключе. «Во всяком случае, я позволю себе думать, – замечал Михаил Евграфович, – что в ряду прочих материалов, которыми воспользуются будущие историки русской общественности, моя хроника не окажется лишней»²⁶. Прав оказался писатель: без его материалов сегодня нам Россию XIX да и в чем-то XXI в. во всех ее проявлениях не представить, а значит, и не понять. А что насчет субъективности суждений, то почитать необходимо других писателей того времени, и окажется много общего. Тогда-то многое, глядишь, и прояснится.

Примечания

¹ Макашин С. «Сатиры смелый властелин» // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1988. С. 4, 8.

² Как отмечает В. Н. Бочков, в 1848 г. по дороге в ссылку М. Е. Салтыков-Щедрин останавливался в Костроме. Тогда-то он и увидел следы городского сентябрьского пожара 1847 г., впоследствии использовал увиденное в «Истории одного города» [Бочков В. Старая Кострома. Кострома, 1997. С. 12–13].

³ Салтыков-Щедрин М. Е. в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 103.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина // Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. С. 236–237.

⁵ Там же. С. 239, 246, 248, 250.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 55, 76, 137.

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. С. 10–11, 14.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи // Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 124–125, 138, 140.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. С. 21, 233.

¹¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия. С. 290.

¹² Салтыков-Щедрин М. Е. Из «Отголосков» // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. С. 478.

¹³ Там же.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. С. 244–245.

¹⁵ Там же. С. 247–248.

¹⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. С. 398–399.

¹⁷ Там же. С. 235–236.

¹⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия. С. 179–180.

¹⁹ Там же. С. 263.

²⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. С. 142, 260, 264, 453.

²¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Из «Отголосков». С. 483.

²² Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год // Собр. соч.: в 20 т. Т. 13. С. 628–629, 630.

²³ Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. С. 388–389.

²⁶ Там же. С. 389.

дворы – словом, всю помещичью угодю в свои руки забрали. <...> ...В кармане у него грош, на лице звания нет, а тысячным делом орудовать берется. Одно только и держит на уме "...Возьму, разорю и убегу!" И точно, в два-три года все до нитки спустит... А под конец и сам в трубу вылетит! <...> Да кабы не палка – и то давно бы оно врозь пошло. <...> Но ведь нельзя же век свой с палкой жить!» – точно подметил писатель. Палку сократят – опять все врозь пойдет!¹⁵

На запрос губернатора, какой дух в уезде, отвечали, что живут тихо, французам не подражают¹⁶. Французов вспомнили недаром: они, как известно, хотели республику у себя установить. А что это такое? «Соберутся в кучу и галдят. Точь-в-точь у нас на станции ямщики как кидать начнут жребий, кому ехать. Ну, слыханное ли дело без начальства жить!» «Вон у нас Цынский (обер-полицмейстер), – вспоминал один из героев Салтыкова-Щедрина, – только месяц болен был, так студенты Москву чуть с ума не свели! И на улицах, и в театрах чуделесят... <...> Коли который человек с умом – никогда бунтовать не станет»¹⁷. «Разве можно жить в стране, в которой правового порядка нет? Личность – не обеспечена, завтрашний день – неизвестен...»¹⁸. Так вот что волновало людей тогда, в XIX в.!

В продолжение указанного заметим, что и другие вопросы заставляли задуматься о многом. Ну, скажем, «политическая благонадежность обывателей безусловно хороша, чему много способствует неимение в селе школы»¹⁹. Но, бывало, «кто супротивное слово скажет – сейчас» прослышет «сицилистом». «Насчет вина свободно», насчет чтения – строго! В учебном заведении вкус к мышлению был вещь очень мало поощряемая. Насчет сквернословия – то здесь свободно! «Высокое вознаграждение за адвокатскую услугу есть налог на юридическое невежество общества – и ничего более»²⁰. Вдумайтесь во все эти слова... А вот еще один большой вопрос: понизился уровень печати! Все суесловим, острословим, сквернословим, на разговорах зубы съели, и что?²¹ А что наша литература? Значение больших (ежемесячных) журналов упало, а вместо них в роли руководителей общественного мнения выступили ежедневные газеты. Литературная же сила раздробилась и измельчала. Да, газета хороша сию минуту, как горячий блин, остыл и... За редактором подъаремной газеты скрывалась целая фаланга деятелей, из которых каждый обладал особой физиономией. Единственная ее оценка – это успех в публике. Проворство газетчиков росло, подстрекаемое розничной продажей. Поэтому уже не до добросовестного и всестороннего обсуждения насущных вопросов бытия, а только чтоб «подать горячо». Критика их не волновала. Конкуренция росла, поэтому писать надо было так, чтобы небу было жарко²².

И все-таки, как же жить при всем этом? И щедринский персонаж отвечал так: «Нужно голубчик погодить»²³. «Погодить – ну, приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой об чем», больше гулять, в еду удариться надо, письма родным писать, а вечерами засесть в табельку (один из видов игры в карты. – *Н. М.*) или в сибирку (игра в бильярд. – *Н. М.*)²⁴.

«Бытописателей изображаемого мною времени являлось в нашей литературе довольно много, – отмечал Салтыков-Щедрин, – но я могу утверждать смело,

скому училищу художественной обработки металлов, в советское время практически единственной в стране «кузнице кадров» ювелирной промышленности. Работы выпускников займут достойное место в экспозиции музея. В экспозиции музея будут представлены как уникальные вещи того или иного времени, так и «новоделы». В ходе развития Музей ювелирного искусства будет проводить необходимую фондовую (по выявлению и сбору материалов, связанных с историей промысла), исследовательскую (по атрибуции, изучению материалов), информационно-просветительскую и экскурсионно-туристическую (по приему индивидуальных и организованных групп туристов, в том числе школьных) работу. Также планируется периодически организовывать персональные и коллективные выставки современных художников-ювелиров. На взгляд устроителей, открытие подобного музея должно еще более прочно закрепить за Костромой статус «ювелирной столицы России».

Примечания

¹ Археология Костромского края. – Кострома, 1997. С. 7–8.

² См. подробнее: *Тилло А.* Ювелирно-металлический промысел. СПб., 1882. С. 4–7.

³ См. подробнее: *Бузин А. И.* Красносельские художники-ювелиры. Кострома, 1997; *Корбицкий Н. Н.* Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие. Кострома, 1913; *Тилло А. А.* Ювелирно-металлический промысел. СПб., 1882; *Шапошников В.* Красносельские ювелиры. Ярославль, 1968 и др.

⁴ *Сорокин Н. В.* Кустарный отдел Костромской губернской земской выставки 1913 года // Вузовская наука в условиях реформирования российского образования: материалы ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов. Кострома, 1998. Ч. 1. С. 151.

⁵ Костромская сторона. Загадки истории, предания и обычаи: Историко-краеведческое и культурно-просветительское издание. Кострома, 2010. С. 70.

⁶ См. подробнее: *Иванцов Д. С., Рогов И. В., Чугунов Е. А.* Продвижение брендов Костромской области: опыт, проблемы и перспективы // Имидж регионов России в отечественном и зарубежном контексте: в преддверии 1000-летия Ярославля: материалы Международной науч.-практ. конф., г. Ярославль, 21–22 апр. 2009 г. / под ред. Л. С. Леонтьевой, В. Н. Степанова. Ярославль, 2009. С. 136–143.

⁷ См. напр.: Золотое кольцо России: III ювелирный фестиваль, 24–29.06.2003: Офиц. каталог. М., 2003; Золотое кольцо России: VIII ювелирный фестиваль, 19–24.06.2007: Офиц. каталог. М., 2007.; Золотое кольцо России: X ювелирный фестиваль, 25–28.06.2009: Офиц. каталог. Кострома, 2009 и др.

⁸ См. напр.: Кострома – ювелирная столица России: буклет. Б/м, б/г; Край костромской: информационный справочник туриста / автор вступ. ст. Е. А. Чугунов. Б/м, б/г; Красное-на-Волге: буклет. – Б/м, 2009; Красносельская сторона: сб. Красное-на-Волге, 2010; Золотых дел мастера: История Костромского ювелирного завода. Кострома, 2006; Костромской ювелирный завод: каталог эксклюзивных изделий. – Кострома, 2006; Ювелирный художественный промысел // Художественные промыслы Костромской области. Кострома, 2011. С. 254–285 и др.

⁹ *Иванов А. Н.* Искусство Фаберже: каталог выставки / А. Н. Иванов; науч. ред.: С. В. Антошкин, С. И. Никитин. Кострома, 2010; *Иванов А. Н.* Время Фаберже: каталог выставки / А. Н. Иванов; науч. ред. С. В. Антошкин, С. И. Никитин. Кострома, 2011.

¹⁰ Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 1: г. Кострома. Ч. 1. Кострома, 1996. С. 268–269.

Т. И. Нигметзянов

г. Кострома

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЛУСА ДЖУЧИ

Дискуссии о роли Улуса Джучи продолжаются сотни лет и будут продолжаться еще столько же. Это средневековое государство просуществовало более двухсот лет, заложив культурно-историческую основу многих народов Евразии. Сложность исследования истории Улуса Джучи объясняется недостатком и идеологизированностью информации. Проблема уходит в прошлое и восходит к мифологии церковного летописания. Научное осмысление начинается в XIX веке. В 1826 году Академия наук объявила конкурс с премией 100 золотых червонцев на написание истории Улуса Джучи, но желающих не нашлось, и в 1832-м конкурс был продлен. Через три года был подготовлен труд фон Хаммера-Пургштала. Автор представил Улус Джучи как самостоятельный исторический феномен, описав его историю с доступной простотой. Однако комиссия Академии пришла к выводу о недостаточной научной проработанности и отказала в премии. На самом деле свою роль сыграл вненаучный фактор. С одной стороны, отсутствовали серьезные работы отечественных историков, с другой – изучение Золотой Орды совпало с ростом русского национализма и формированием имперской идеологии. Принять предложение о подчинении Руси азиатам, которые еще и превосходили в культурно-историческом развитии, было болезненным процессом. Кроме того, русские историки смотрели на историю Восточной Европы через призму трудов В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, которые пересказывали летописи, некритично восприняв православную концепцию историю Руси¹.

В XIX веке изучение этой проблемы развивалось по трем направлениям. Большинство историков рассматривало ее через призму русской истории. Среди них доминировали историки «государственной школы» историографии – С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милоков. Лейтмотивом стало утверждение С. М. Соловьева, что «татары и татарские отношения» – явление внешнее и малозначимое для истории перехода родовых княжеских отношений в государственные. Это привело к недооценке ключевого значения этого периода для Руси.

Само влияние Золотой Орды на судьбы России историки рассматривали неоднозначно. С одной стороны, отрицательно – как фактор постоянной угрозы (В. О. Ключевский). С другой стороны, эти историки подчеркивали, что политика ордынских правителей позволила возвыситься Москве. Однако в их трудах, несмотря на внимание к русско-ордынским отношениям, нет объективной характеристики Улуса Джучи как высокоразвитого общества с городской культурой, а постоянно постулируется мнение об отсталости, «дикости» татар.

Данная концепция попала на страницы европейских трудов по истории. Так, К. Маркс в работе «Секретная дипломатическая история XVIII века» пытался доказать, что состоянию российского общества, жестокостями царизма,

Кстати, особо из них ценились мастеровые и те, кто лучше знал барские привычки. В престольные праздники деревни гуляли по три дня. В центре села, где стояли палатки, торговали ситцами, платками, нитками, иглками и лакомствами: черносливом, белым изюмом, пряниками медовыми, цареградскими рожками, орехами, мелким крыжовником. Все пели, водили хороводы. В крестьянских избах пили водку да домашнюю брагу⁸. Но и это все быстро проходило! Разрушение постоянно клало свою руку на все окружающее. Время помещичьего благоденствия миновало. Упала оранжерея, заглох сад, перевелся скот, обвалился потолок в доме, проржавела и потекла крыша, стены почернели, птицы и град выбили из окон стекла, постарел и охромел мерин, но ежели эти усадьбы переходили в хозяйские руки, в них начиналась новая жизнь⁹. Хотя чаще бывало так, что все вырубалось, оставались одни пеньки... «Скоро ни гриба, ни ягоды, ни птицы – ничего не будет», – говорили крестьяне. Пережитки прошлого давали себя знать повсюду. Модернизация в Российской империи шла медленно.

Но быт бытом, а что люди, их поступки, жизненные принципы? Менялись ли они в те переломные годы? И об этом мы тоже находим у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как известно, извечно большая тема всех времен и народов: как нажить богатство и как его сохранить.

Вы спросите: как состояния наживаются? Понятно: грош к грошу будет гривенник, а там, глядишь, и целковый появится. Можно и на взятках разбогатеть. «И прежде взятки брали, и теперь берут... И на предбудущее время будут брать! – писал Салтыков-Щедрин, – Потому – люди, а не святые <...> В низших местах берут заседатели, исправники; судьи – этим взятки не крупные дают. В средних местах берут председатели палат; губернаторы – к ним уже с малостью не подходит. А в верхних местах берут сенаторы – там целый куш подавай». Очевидно, непонятно было, что чиновник-взяточник дискредитирует государство. Но рассуждали так: «Не нами это началось, и не нами кончится»¹⁰. Вороват стал народ. «Не воровать в наше время нельзя... потому что это значит не идти рядом с веком. Но надобно воровать по моде, “как принято”, – в этом и весь секрет»¹¹.

«Мы переживаем время, которое, несомненно, представляет самое полное осуществление ликоующего хищничества. Бессовестность, заручившись союзом с невежеством и глупостью, – подчеркивал М. Е. Салтыков-Щедрин, – выбросила на поверхность целую массу людей, которые... возводят насилие на степень единого жизненного регулятора»¹². «...Великодушие, совесть, долг; нынче эти слова окончательно вычеркнуты из лексикона... людей», – писал он. Может, сомневался писатель, это слова отжившего человека, и предлагал читателям разбираться сами, что есть его брюзжание, а что – действительность¹³. «Иной всю жизнь без штанов жил... ан, смотришь, он в трактире чай пьет, поддевку себе из синего сукна сшил! Спросите, откуда у него что проявилось, не даст ответа»¹⁴. «Жрать хочется, а работать не хочется... и ищут, как бы вьюном извернуться, замечает автор. ...Всякий норовит поскорей нажиться». Большой говядиной торгуют, лесами торгуют, везде обман... «...Толкуют, что в русском человеке предприимчивости мало! А если посмотреть на всю нашу русскую жизнь, то как сказать. Арендаторов завелось: земли скупают, мельницы, скотные

время самого важного утреннего бала – в субботу на Масленице. Для девиц-невест это был экзамен. Надевались лучшие наряды: богатый куний салоп, покрытый бледно-лиловым атласом, с большой собольей пелериной, спускавшейся на плечи. Сурьмили брови, для лица делали освежающие маски из творога, одевались, «крутились» по три часа перед зеркалом и ехали на бал... Повезет – найдется достойная партия, а нет – значит, так Богу угодно. И поиски начнутся вновь, когда придет очередная зима. В Чистый понедельник вся процессия начинала двигаться в обратном направлении, но дорога уже размякла, давала себя знать оттепель. Жалея лошадей, чаще шли шагом. Пора в деревню, парники набивать, говорили тогда⁵. Это столица, а что – уездный город? Около девяти часов вечера городская жизнь в России уже затихала. Всеночные кончались, колокольни замирали, опускались сумерки. Слышны были только звуки запираемых железных засовов и болтов. Сквозь закрытые ставни и каменных купеческих домов, и маленьких деревянных домишек доносился тихий говор да мелькали огоньки свечей. Заканчивались вечерние трапезы. И, наконец, все затихало...

Утро. Опять играло солнце на золоченых шпилях церковей. По улицам сновали экипажи самых странных видов и свойств. Все приходило в движение. Соборная площадь постепенно заполнялась народом. Толкались расторопные мещане и подгородные крестьяне. Все хлопотали, суетились. Среди них можно было увидеть вереницу богомольцев и странников. В таких городках на постоялом дворе или в станционном домике все было дореформенное, когда-то имевшее смысл и цель, но давным-давно устаревшее. При этом никогда не обходились без самовара. Скоро появлялась на столе и посильная, правда, зачерствевшая от времени закуска. Ночью же ваши бока, как всегда, щекотали клопы да тараканы⁶. О, провинция!

Описал Салтыков-Щедрин и дворянские усадьбы, в основном средней руки, которые не отличались ни изяществом, ни удобствами. Усадебные дома у них были одноэтажными, продолговатыми, на манер длинных комодов; ни стены, ни крыши не красились, колеблющиеся полы, нештукатуренные стены. Впереди дома был палисадник с акациями и цветами, сзади – незатейливый огород с ягодными кустами и овощами: репой, русскими бобами, сахарным горохом, которые подавались в небогатых домах после обеда в виде десерта. Конечно, были усадьбы и побогаче, с большим штатом прислуги, с парками и садами, фонтанами и гротами, с певчими, с театрами... В летне-осенние месяцы усадьбы превращались в фабрики по переработке ягод, фруктов и овощей. Наливки, настойки, водицы. «Алчность будущего» способствовала росту масштабов заготовок. В свежем виде хозяева употребляли собранное умеренно, стараясь все до последней ягоды переработать и сохранить на зиму. Постоянно шла ревизия погребов и кладовых, уничтожение порченного происходило в исключительных случаях. Когда же все было наварено, насолено, настояно, наквашено, заморожено, навялено, то начиналось, как писал Салтыков-Щедрин, пошехонское раздолье⁷. Недаром говаривали: лето – припасуха, зима – прибируха. Все это и день, а он начинался в пять-шесть часов утра, и ночь делали крепостные.

ужасами крепостничества и политике подавления свободы народов Россия обязана... «татарскому игу». Характерна его фраза, часто повторяемая в отечественной историографии: «Это иго не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татары установили режим систематического террора, разорение и массовые убийства стали обычным явлением». Так замкнулся логический круг: церковно-летописная традиция стала основой для русских историков, те, в свою очередь – фактологической базой для «классиков» марксизма, а они – методологической базой для советской историографии.

Отечественное востоковедение пошло по иному пути. В своих трудах ориенталисты И. Н. Берзин, В. Г. Тизенгаузен, В. В. Бартольд, Г. С. Саблуков обратили внимание на новые источники по истории Улуса Джучи и их критическое изучение. Их труды характеризуются комплексным подходом, стремлением наиболее полно рассмотреть феномен Золотой Орды как единое целое, изучить механизм функционирования государства. Работая в Казанском университете, И. Н. Берзин ввел в оборот восточные источники, в том числе сочинение Рашида ад-Дина, а также собственно золотоордынские памятники. Г. С. Саблуков положил начало изучению внутреннего строя Золотой Орды на основе татарских источников – ярлыков и нумизматики. Особенно следует отметить выдающиеся труды источниковеда, нумизмата и археолога барона В. Г. Тизенгаузена. Многочисленные работы В. В. Бартольда, написанные на обширной источниковой базе, выгодно отличались от трудов других востоковедов. Для него было характерно использование богатого и разнообразного фактического материала первоисточников, прекрасное знание исторической литературы, изучение восточных исторических источников и приемов текстологического анализа².

Наиболее ценным в этом отношении является его капитальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», в котором дается научная разработка вопроса о складывании монгольского государства под властью Чингис-хана и монгольских завоеваний в Средней Азии и Иране, а также истории государств Чингизидов.

Велось изучение темы и в татарской исторической школе. Наиболее концептуальной четкостью и научностью выделяются труды выдающегося татарского ученого Шигабутдина Марджани (1818–1889), который в своих исследованиях, на основе арабских и персидских источников, изучил политическую историю Улуса Джучи, описал правление ханов, их родословную и борьбу за ханский престол. Это, по существу, первый научный труд по истории татарского народа. По его концепции, история татар в эпоху Улуса Джучи является важнейшим этапом в их истории, истоки которого уходят в тюрко-татарские государства прошлого³.

Направление, которое дал Марджани, продолжили его ученики и последователи. Основное внимание татарские историки уделяли политической истории, жизнеописанию ханов Улуса Джучи и других татарских ханств. Особо следует выделить труды Р. Фахретдинова, Х. Атласи, Г. Ахмарова. В теоретическом

плане эти работы лежали в рамках осмысления места Золотой Орды в общетюркской мусульманской истории. Вместе с тем, в этих трудах возродилась и получила научное оформление система взглядов на историю Улуса Джучи как важнейшую и неотъемлемую часть истории татарского народа, времени его самостоятельного развития. В трудах указанных историков проводилась мысль о Золотой Орде как о развитом государстве с богатой историей и культурой, хотя и без некоторой идеализации. К сожалению, такое понимание истории татарского народа было прервано в советский период и сохранилось лишь в эмиграции, в Турции. Здесь оно продолжало развиваться в работах А.-З. Валиди, Г. Батгала, А. Н. Курата. Многие из них имели прекрасную источниковедческую подготовку.

Таким образом, в досоветский период накоплена источниковая и теоретическая основа для возрождения и продолжения научного изучения истории Улуса Джучи на современном этапе.

Примечания

¹ История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи. Казань, 2009, С. 20.

² Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

³ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. Казань, 1999.

А. Д. Шипилов

г. Кострома

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ В XVIII–XX ВВ.

В современном мире четко обозначились две ведущие тенденции общественного развития: глобализация и регионализация. Глобализация, процесс создания мироцелостности, проявляет себя в формировании единого экономического, политического и информационного пространств. Другая тенденция – регионализация, которая обычно ведет к локализму, сохранению культурных различий этносов и других социальных групп, усилению чувства их исключительности, возникновению самодостаточных экономических и политических образований.

Процессы регионализации не обошли стороной ни одну из стран мира. Регионализация оказалась связанной с усилением своеобразия политического или экономического поведения территориальных сообществ внутри страны, их стремлением к культурной автаркии, а иногда и к сепаратизму. Регионализация сопровождается этнокультурной и экономической дифференциацией, часто приводит к политическому дроблению, конфликтам и нестабильности внутри ранее целостных государственных образований.

Дезинтеграционные процессы, запущенные распадом СССР, последующее государственное устройство Российской Федерации с выстраиванием отношений

Благодаря писателю мы достаточно полно можем представить контрасты русской жизни, побывав в приемной губернатора и в крестьянской избе, помещицкой усадьбе и в тюремном остроге¹; понять, о чем тогда переживали люди, над чем задумывались, почему совершали те или иные поступки, каким был морально-нравственный климат в обществе, ведь время-то было непростое.

В своих романах и хрониках, повестях и рассказах, очерках и пьесах, сказках Михаил Евграфович очень ярко нарисовал мир образов и картин русского быта. Он стал со временем не просто бытописателем, спокойно созерцающим происходившее, а глубоко национальным писателем, критикующим и протестующим против произвола, лжи, хищничества, предательства, пустомыслия, переживающим за свою любимую Россию. Родившись в 1826 г. в семье столбового дворянина тогда Тверской губернии, думается, он должен был стать защитником интересов своего сословия. Однако, наблюдая весь ужас крепостного быта с детства, взрослая в стенах Московского дворянского института и Царскосельского лицея, постепенно менял свое отношение к окружающему миру и людям. Безусловно, повлияли и служба в канцелярии Военного министерства, и сближение с петрашевцами, и постоянное чтение, ссылка за вольнодумство в Вятку², поездки по семи губерниям, вице-губернаторство в Рязани и Твери, многолетняя служба в провинции (Туле, Пензе). Сохранились воспоминания современников о Салтыкове-Щедрине как строгом, в высшей степени правдивом и человечном вице-губернаторе, боровшемся в жизни с взяточничеством, злоупотреблениями помещицкой властью³. И перед глазами управляющего местными Казенными палатами, коим он был в 1865–1868 гг., также проходила каждодневная жизнь людей, которую он видел изнутри, без прикрас, становясь невольным свидетелем трагических судеб жертв произвола чиновников и обстоятельств российской действительности 2-й половины XIX в. Все увиденное и стало основой для написания им «Губернских очерков», «Господ Головлевых», «Истории одного города», «Мелочей жизни», «Пошехонской старины» и других его произведений, в которых, казалось, остановилось время и запечатлелась эпоха, сама Россия...

Во все времена многих манила к себе Москва, да и понятно: столица – центр всего и вся. «Игроки находили там клубы, кутилы дневали и ночевали в трактирах и у цыган, – писал М. Е. Салтыков, – богомольные люди радовались обилию церквей; наконец, дворянские дочери сыскивали себе женихов⁴. Многие тогда по особым делам выезжали из деревни в столицу, тем более, что при постоянных климатических условиях, нежели нынче, в половине ноября зима уже устанавливалась окончательно, делались проезжими, разухабистые весной, дороги. Заранее снимали дом или квартиру, в противном случае останавливались на постоялом дворе. И скоро начиналась суета – посещение модных магазинов, закупка материи, заказ платьев, шляпок. Деньги текли рекой! Обширные размеры принимала визитация. Потом, сидя у окна, ждали гостей и ответа. В театр иногда сходить было некогда. За окнами стоял такой мороз, что без смазки ушей, носа и щек гусиным жиром на улицу выходить было рискованно. Так шел день за днем. Наконец-то зима поворачивала на весну. Приближалось

световни войни // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 84–93.

² Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 54; Христов Иван, прот. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 8. С. 47–48.

³ Любенова Л. Указ. соч. С. 85.

⁴ Регионален Державен Военноисторически архив. Ф. 24. Оп. 3. Д. 87. Л. 326; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 55; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2006. С. 206.

⁵ Централен Державен архив (далее – ЦДА). Ф. 173 К. Оп. 3. А. е. 2749. Л. 1, 2, 3, 19; А. е. 1871. Л. 3, 5; Кесева Ц. Указ. соч. С. 37.

⁶ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 96 об.; ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А. е. 65. Л. 26, 26 об., 43, 43 об.; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 59.

⁷ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 234, Л. 245, 245 об.

⁸ Там же. Л. 307.

⁹ Там же. Л. 256, 328; ЦДА. Ф. 791 К. Оп. 1. А. е. 65. Л. 43, 43 об., 101, 101 об.; Регионален Державен архив – Велико Тырново. Ф. 74. Оп. 1. А. е. 319. Л. 65; Ермаков Б., священник. Историческая записка о Пастырско-Богословском училище в монастыре Святого Кирика в Болгарии. 1922–1932 гг. София, 1932. С. 26–27.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 328.

¹¹ Шкаровский М. Указ. соч. С. 57.

¹² ЦДА. Ф. 166 К. Оп. 3. А. е. 224а. Л. 5; Кострюков А. Указ. соч. С. 169.

¹³ ЦДА. Ф. 166 К. Оп. 1. А. е. 782. Л. 207, 261 об.; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Кострюков А. А. Указ. соч. С. 191; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 80–81.

Н. В. Миловидова

г. Кострома

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН КАК ЭНЦИКЛОПЕДИСТ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Россия 2000-х гг. – это страна, живущая в условиях капитализма, социального неравенства, постоянного обострения противоречий, вечного поиска надеждающей перспективы и спасительных духовных ориентиров. Обращение в такой ситуации к опыту прошлого неизбежно. Именно поэтому особый интерес представляет творчество русских писателей-классиков XIX столетия. Наряду с традиционными источниками, их произведения для историков, изучающих Россию в контексте социально-экономической, общественно-политической, повседневной истории, являются богатейшим кладом информации о жизни и быте, нравах в Российской империи, переживавшей тогда самый сложный период в своем развитии. В этом плане не случайно наш выбор пал на М. Е. Салтыкова-Щедрина, так как известно, что жизнь и творчество этого писателя также пришлось на эпоху капитализма, крупнейших исторических сломов и катаклизмов, коренных смен идеологических ценностей и норм, общественно-политических институтов и бытовых обиходов.

© Н. В. Миловидова, 2013

между центром и субъектами, вызвали к жизни вопросы, связанные с региональным измерением политической и социальной жизни нашей страны. Предшествующие централизаторские тенденции советского времени сменились интересом к региональной проблематике, регионализму и регионализации. Идет интенсивное развитие региональных исследований в области политологии, социологии, демографии. Проблематика указанных дисциплин экстраполируется в историю, культурологию, этнологию.

С 1990-х гг. в России началось оформление такой научной дисциплины, как регионоведение (варианты: регионика, регионалистика), попытавшейся комплексно рассмотреть регион (варианты: район, край, место). Основой для нее выступили созданная в середине XX в. в США экономистом У. Айзардом (Изардом) региональная наука (regional science)¹, разработки советских экономистов 1960–1980-х гг. (школа Н. Н. Некрасова)² и экономических географов. Понятие «регион» в новой дисциплине трактуется весьма многозначно, в зависимости от базовой специальности автора (география, экономика, международные отношения, политология)³. Подобная многозначность присутствует и в учебниках по данной дисциплине⁴. Вместе с тем, в понятие региона большинство авторов вкладывают общие черты и характеристики: определенная территория, со специфическими экономической, этнографической, конфессиональной, социокультурной ситуациями, совпадающая/не совпадающая с административным делением. Немаловажным является вопрос об отношениях центра и региона (в формулировке зарубежных ученых – «центр-периферия»).

Отсутствие среди создателей регионоведения ученых-гуманитариев привело к определенному рода перекосам как в проблематике, так и в определении генезиса самой дисциплины. Преимущественное внимание к природно-географическим факторам формирования региона вытеснило на периферию одного из главных акторов – человека, человеческое общество. Произошла своего рода дегуманизация регионоведения. Нацеленность регионоведов на географию привело их к утверждению о зарождении дисциплины (в виде классической региональной теории) в первой половине XIX в. в трудах немецких географов – К. Риттера и И. Г. Тюнена. Что до региональной истории как составной части регионоведения, то ее основания, по мнению некоторых регионоведов, «заложили В. О. Ключевский и граф Н. П. Румянцев в период реформ 1860-х гг.»⁵. Абсурдность последнего утверждения очевидна.

Представляется, что современные регионоведы существенно обедняют историю формирования собственной дисциплины, перечеркивая достижения современного науковедения, придерживаясь, фактически, позитивистской парадигмы. Жесткое разделение знаний на научные и донаучные не позволяют им увидеть истоки регионоведческих исследований еще в Новое время. Именно тогда в ходе развития географии сформировалось направление, которое наряду с описанием экономики уделяло не меньше внимания нравам жителей и истории определенного региона, а не целой страны (труды Л. Гвичардинни, Ф. Сансовино, Дж. Ботеро). Вторая половина XVII в. привела к оформлению такой дисциплины, как государстведение (прежде всего, труды Г. Конринга),

предметом которого были любые факты, относящиеся к государству, – «государственные достопримечательности», влиявшие существенным образом на благополучие страны и народа. В государствоведении не только собирались разнообразные сведения по истории, географии, экономике, статистике, религии, государственному праву и другим наукам, но и делались попытки выстроить их в единую систему с отношениями иерархии между отдельными «достопримечательностями»⁶. Комплексный подход к административным и хозяйственным знаниям, необходимым для функционирования определенного хозяйства (дворцового или государственного), лежал в основе другой дисциплины – камералистики. Таким образом, познание отдельных территорий и учет полученных данных при управлении страной был поставлен в Европе на научную основу уже со второй половины XVII в., в рамках тогдашнего представления о науке.

Комплексное изучение России с позиций науки ведет свой отсчет с эпохи Петра I. Именно тогда в целях рационального использования природных и человеческих ресурсов для решения внешне- и внутривосточных вопросов российское государство встало на путь исследования регионов, дав, таким образом, начало традиции регионоведческих штудий. Отмирание государствоведения в XIX в. привело к игнорированию целостности такого явления, как регионоведческие штудии, которые стали, по традиции позитивистской парадигмы, рассматриваться как история развития отдельных дисциплин (географии, экономики, статистики, истории, этнографии и т. д.). И до последнего времени регионоведческие исследования XVIII – начала XX в. рассматриваются локально, в рамках той или иной академической дисциплины. Это лишает ученых временной перспективы по отношению к предшественникам, ведет к появлению схем, стремящихся свести сложные и неоднозначные явления к ряду устоявшихся стереотипов, приводит к непропорциональному вниманию к отдельным сторонам процесса, обедняет понимание действительных факторов развития регионоведческих изысканий. Рассмотрение регионоведческих исследований в дореволюционной России как единого процесса, как взаимодействия усилий правительства, академической науки и местных любителей позволяет по-новому взглянуть на развитие истории и культуры нашей страны, что и определяет актуальность данной проблемы.

Примечание

¹ *Isard W.* History of regional science and the Regional Science Association International: the beginnings and early history. Berlin; NY.: Springer, 2003; *Boyce D.* A short history of the field of regional science // *Papers in regional science*. 2004. Vol. 83. P. 31–57.

² *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. М.: Экономика, 1975.

³ Подробнее см.: *Орешина М. А.* Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 4–17. См. также: *Орешина М. А.* Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М.: Би., 2000.

⁴ Ср.: Регионоведение: учеб. для вузов / под ред. Т. Г. Морозовой. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1999; Регионоведение: учеб. пособие / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д:

склонности»¹¹. С середины 1920-х гг. становится нормой сослужение болгарских и русских священнослужителей различных степеней. Впервые стали совместно служить литургию русские и болгарские архиереи; это было большим шагом в межцерковном взаимодействии. Архиепископ Серафим (Соболев) неоднократно обращался в Архиерейский синод РПЦЗ по вопросу о совместных богослужениях русских и болгарских священнослужителей и архиереев и сам осуществлял сослужение с иерархами Болгарского экзархата, несмотря на несогласие Константинопольской патриархии¹². Таким образом, РПЦЗ оказалась в числе трех церквей, установивших евхаристическое общение с Болгарским экзархатом. Возможно, именно поэтому после 1934 г., когда СССР установил дипломатические отношения с Болгарией, местная церковь постаралась создать русской диаспоре необходимые условия для выживания. Так, советское посольство потребовало передать ему имущество храма Свт. Николая – бывшей российской посольской церкви, а сам храм закрыть. Советские дипломаты считали его белогвардейским центром. Храм был закрыт, но вскоре его передали Софийской митрополии при условии, что там не будут служить русские священнослужители из числа эмигрантов. Фактически русская диаспора лишилась своего центрального храма. Однако Болгарская церковь смогла найти компромиссное решение. Она выполнила требование советской стороны о недопущении служения в посольском храме русских эмигрантов, однако взамен русской общине передали в пользование другой храм Свт. Николая – на ул. Царя Калояна в центре Софии¹³.

После начала Второй мировой войны архиепископ Серафим (Соболев) от имени русской церковной диаспоры в Болгарии начал переговоры с Московским патриархатом о восстановлении канонического общения. 30 октября 1945 г. в соответствии с указом патриарха Алексия I в юрисдикцию РПЦ были приняты семь русских общин на территории Болгарии, архиепископ Серафим был назначен управляющим данными приходами и подчинялся непосредственно патриарху¹⁴. В это же время при активном участии Московского патриархата с Болгарской церкви была снята схизма, и отношения между РПЦ и БПЦ начали складываться как отношения равных автокефальных церквей.

Таким образом, сложившиеся к началу XX в. связи РПЦ и Болгарского экзархата сыграли значительную роль в судьбе русской эмиграции в Болгарии. В то же время контакты с русским духовенством были очень важны для закрепления автокефалии Болгарского экзархата. В результате после Второй мировой войны положение обеих сторон существенно изменилось: с Болгарской церкви было снято отлучение и болгары перестали считаться раскольниками, а русская церковная диаспора вернулась в состав Московского патриархата.

Примечания

¹ См.: *Кострюков А. А.* Архиепископ Серафим (Соболев). Жизнь, служение, идеология. М., 2011; *Шкаровский М. В.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; *Кесева Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы. М., 2008; *Любенова Л.* Някои аспекти на българо-руските църковни отношения в периода между двете

запрет на совместные богослужения и евхаристическое общение с болгарским духовенством. Так, митрополит Антоний (Храповицкий), перед рукоположением кандидатов в священники из болгар требовал отказа от схизмы³. Однако в целом РПЦ была одним из первых и основных союзников Болгарского экзархата. После 1917 г. ситуация изменилась. Во-первых, прервалось традиционное взаимодействие РПЦ и Болгарского экзархата. Во-вторых, на территории Болгарии обосновалось много русских эмигрантов (их численность в 20-е гг. XX в. составляла около 34–40 тыс. чел.)⁴. В тяжелых моральных и материальных условиях центром притяжения для эмигрантов стала Русская православная церковь за границей. Церковных деятелей в составе русской диаспоры было не так уж много, но среди них известные личности, например архиепископ Дамиан (Говоров), протопресвитер Г. Шавельский. Возглавил русскую церковную диаспору архиепископ Серафим (Соболев).

Для Болгарской церкви контакты с духовенством, принадлежавшим к иной автокефальной церкви, были очень важны, так как способствовали преодолению схизмы. Поэтому Болгарский экзархат активно поддерживал русскую церковную диаспору: участвовал в деятельности Русско-болгарского благотворительного комитета и других гуманитарных организаций, содействовал размещению и снабжению беженцев, устройству их на работу⁵. С разрешения Болгарского церковного управления на территории Болгарии открылось старейшее в Европе духовное учебное заведение для эмиграции – Русское пастырско-богословское училище. Оно расположилось в монастыре Св. Кирика и Иулитты в Пловдивской митрополии. За время существования училища (1923–1938) его окончили около 50 чел., 25 из них (19 русских и 6 болгар) были рукоположены в священный сан⁶. Интересным является вопрос о статусе учеников данного учебного заведения. Официально его выпускники не имели права служить на приходах Болгарской церкви⁷. Тем не менее, как отмечал архиепископ Дамиан (Говоров) в отчете о деятельности училища за 1929–1930 гг., лица, «фактически окончившие курс в училище и рукоположенные во священники начальником училища, принимаются на приходскую службу, и им предоставляется право на жалованье второго разряда»⁸. Выпускники училища имели возможность поступать на богословский факультет Софийского государственного университета, работать преподавателями в болгарских учебных заведениях⁹. Кроме того, те, кто остался служить в монастыре Св. Кирика и Иулитты, по просьбе митрополии совершали службы в соседних деревнях, а священнослужители училища в большие праздники командировались в русские колонии. Наконец, вновь рукоположенные из болгар иногда присылались в училище для богослужебной практики¹⁰.

Болгарский синод выступил одним из инициаторов приема на службу русских священнослужителей и устройства их на работу в духовные учебные заведения. По церковному законодательству, постоянно служить в болгарских храмах могли лишь священники, перешедшие в болгарскую юрисдикцию. Однако, как отмечал протопресвитер Ст. Цанков, русские священники могли служить на приходах, оставаясь подчиненными РПЦ, «по братской церковной

Феникс, 2002; *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: учеб. М.: Гардарики, 2003; Основы регионоведения: учебник / под ред. И. Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007 и др.

⁵ Основы регионоведения: учебник / под ред. И. Н. Барыгина. С. 53.

⁶ См.: *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 13–14.

А. П. Богомаз

г. Тверь

ЖЕНЩИНА-ПРЕСТУПНИЦА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Со второй половины XIX в. на страницах периодической печати, в специализированных юридических изданиях, в художественной литературе появляется женский вопрос и женской преступности как его части. Толчком к этому обсуждению послужили Великие реформы и разгоревшийся в этот же период спор о женском образовании. Распространение последнего и, как следствие, расширение возможностей самостоятельного обеспечения себя через труд (квалифицированный и неквалифицированный) привели к интенсивному проникновению женщин в публичную сферу через положительные девиации (появление высококвалифицированных женщин-медиков, учителей, юристов, служащих) и отрицательные (рост женской преступности, нищенства, проституции).

Во время массовой экспансии во внесемейную сферу у самих женщин появляется повышенный интерес к себе, своим правам и обязанностям, который вылился в женское движение. Можно сделать предположение, что общественное мнение во всем многообразии его проявлений влияло на мотивы и поведение женщин, совершивших противоправное деяние, а также на меры пресечения и предотвращения такой активности.

В отношении женщины-преступницы в рассматриваемый период не было сформировано единого мнения в обществе. Условно все общество того периода можно разделить на образованное и необразованное. Образованную часть, вслед за современниками, можно объединить в два лагеря: высшие сферы, куда входили высшие чиновники, многочисленные представители светского общества, консервативно настроенные юристы; среднее сословие, состоявшее из профессиональных служителей Фемиды и либерально/радикально настроенных групп¹. Отдельно стоит выделить мнение необразованной части общества, крестьянства.

Выявить основные тенденции, царившие среди образованной части общества, возможно по разным группам источников: периодической печати, юридическим изданиям, мемуарам. Сложнее выделить мнение необразованной части общества, из которой вышло большинство преступниц. Сведения об их отношении к обвиняемой и ее деянию можно получить из показаний

свидетелей в уголовных делах, делах губернского жандармского управления, врачебного отделения, частично из мемуаров образованной части общества, этнографических исследований, народного фольклора и художественной литературы.

Рассмотрим основные точки зрения образованной части общества и их влияние на женщину-преступницу и ее противоправные поступки.

Наиболее активно в высших сферах общества обсуждались меры пресечения и профилактика преступления, без выделения полов. Мнение сводилось к тому, что преступление – это нравственная деградация человека, после совершения которого преступник не может надеяться на «воскресение», так как совершает свой проступок не из-за предрасположенности, не из-за несправедливости общества, а по собственному выбору и желанию, нарушив Божьи заповеди. Ситуация с женщинами усугублялась такими обстоятельствами, как незаконная любовная связь (мотив, приписываемый всем категориям преступниц – от В. Засулич² до рядовой детоубийцы³), что безусловно отягощало вину и показывало нравственную несостоятельность женщин.

Пути предотвращения преступных деяний – ужесточение мер наказания (тюрьма, каторга, ссылка) и публичность наказания, ведущая к общественному порицанию и позору. Первый тезис особенно ярко доказывают случаи, описанные судебным следователем Д. А. Скульским. Девушка, совершившая детоубийство в состоянии аффекта из-за тяжелых родов и ужасных условий, пошла по статье преднамеренное убийство⁴. Второе же дело касалось вдовы без вести пропавшего, решившей повторно вступить в брак, окончанием стала каторга для новобрачных в связи с чудесным появлением мужа⁵.

Примером использования публичности для пропедевтики преступлений служат широкие обсуждения введения телесных наказаний без различия пола для политических преступников, с целью перепозиционирования их роли революционеров и мучеников в «провинившихся школьников»⁶, что особенно должно было ударить по природной стыдливости женщин. Второй путь использования общественного мнения для борьбы с антиправительственной деятельностью – явная клевета и искажение фактов, характерное для уголовных дел⁷, и в особенности для политических⁸.

Иначе видело ситуацию «среднее сословие», которое часто сочувствовало преступницам, видя причины их противоправной активности в порочности общества, в котором женщина лишена прав и обременена обязанностями. Активно эту точку зрения транслировали либеральные служители закона и прогрессивная часть общества, в первую очередь выдающиеся русские писатели⁹. В своих произведениях они показывают мотивы преступниц, обстоятельства совершения их греховных деяний, характеризуют восприятие преступления и преступницы, а также ее наказания окружающими, ею самой. Писатели отражают общество, подверженное модернизационными процессами, где рушатся старые системы ценностей и стратегии поведения и только-только нарождаются новые, показывают метания и искания своих героинь. Пути предотвращения преступности в женской среде они

Н. А. Титова

г. Тверь

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Взаимодействие Русской православной церкви (РПЦ) с другими поместными церквами является одной из актуальных проблем в современной исторической науке. Изучение данной темы позволяет по-новому осмыслить межгосударственные политические и культурные связи, глубже понять процессы внутреннего развития этих стран и роль национального самосознания в их исторических судьбах.

К числу недостаточно изученных аспектов данной темы относится проблема русско-болгарских церковных связей, сложившихся к началу XX в., их влияния на существование русской церковной диаспоры в Болгарии в 1919–1945 гг. и на жизнь Болгарской церкви. В историографии они освещены фрагментарно, в части вопросов, связанных с восприятием русскими архиереями греко-болгарской схизмы и отношением к русским эмигрантам болгарского духовенства¹. Без должного внимания исследователей до сих пор остаются вопросы, связанные с подготовкой кадров русского духовенства в Болгарии, со служением русских священников в Болгарской церкви.

После завоевания турками в конце XIV в., Болгария потеряла как политическую, так и церковную независимость. В 60-е гг. XIX в. начался процесс отделения Болгарской епархии от Константинопольской патриархии. В 1870 г. султан Абдул Азис даровал Болгарской церкви особую духовную юрисдикцию, вследствие чего она получила статус экзархата. Греческая церковь не признала этого решения, и на соборе 1872 г. Болгарский экзархат был признан схизматической, то есть раскольничьей, церковью. Это грозило болгарам фактической изоляцией в христианском мире. Отношение РПЦ к данному событию было неоднозначным. С одной стороны, характер русско-болгарских церковных связей и внешнеполитические цели Российской империи привели к тому, что русские иерархи отказались признать Болгарскую церковь схизматической, считая правомерным стремление болгар к независимости от Константинополя. Синод РПЦ по-прежнему обеспечивал Болгарскую церковь богослужебными одеждами и книгами, болгары обучались в русских духовных школах, некоторые русские архиереи снабжали Болгарский экзархат святым миром. В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были случаи сослужения болгар и русских, а после войны на территории Болгарии появились русские храмы-памятники и монастыри. Освящение посольского храма в Софии происходило с участием болгарских священнослужителей, несмотря на протест Константинопольского патриархата². С другой стороны, учитывая давние дружественные связи РПЦ с Константинопольским патриархатом и церковные каноны, РПЦ была вынуждена ограничить каноническое общение с Болгарским экзархатом. Для русских священнослужителей это означало официальный

по «поновлению» возглавил жалованный иконописец Иван Паисеин. По смете 1643 г. предполагалось этот заказ отдать 60-ти иконописцам, в том числе 8 знаменщикам². Для исполнения заказа со всей страны собрали искусных иконописцев. Тогда же царь Михаил Федорович приказал все расходы оплатить деньгами из Поместного и Печатного приказов, золотые червонцы для выделки листового золота повелел взять из приказа Казенного дворца. После 1643 г. лучшие иконописцы были переданы в подчинение Оружейного приказа и перешли под его контроль.

На протяжении XVI – начала XVII в. русские государи не имели и не стремились иметь при дворе художников-живописцев – портретистов, пейзажистов. В 1620–1630-х гг. ситуация меняется. Об этом свидетельствуют указы царя Михаила Федоровича иностранцам, отправляющим на родину, – о наборе за границей ремесленников и художников для службы в царских мастерских.

Причины столь большого интереса русского двора к европейской живописи и причины возникновения живописного дела в Оружейной палате к середине XVII в. коренятся в сложнейших культурных процессах, происходящих в России в тот период. В XVII столетии возросла власть и величие русского самодержца, пышность и роскошь царского двора. Царя в России стали считать «вторым после Бога самовладцем и Божьим наместником». Появилось стремление увековечить царскую персону в произведениях искусства.

Складывался новый этикет, возникла необходимость в новом убранстве царского дворца, княжеских и боярских палат. Для этого требовались иные, нежели иконописцы, мастера. Поэтому в 1643 г. по указу царя Михаила Федоровича в штате Оружейной палаты появилась новая должность – «живописец», и на это место был взят художник, владевший техникой масляной живописи, умевший писать портреты – иноземец из Ругоды (Нарвы), немец Иоанн Детерс (Детерсон)³.

Формирование абсолютизма, нового мировоззрения, более тесное знакомство с культурой Запада, выход Русского государства на европейскую арену – все это породило интерес русского общества к европейской живописи, побудило первых Романовых приглашать на постоянную службу в Оружейную палату не только лучших российских иконописцев, но и иноземных живописцев, которые, передавая свои знания русским ученикам, стояли у истоков живописи Нового времени.

Примечания

¹ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. 2. М., 1910. С. 232, 233, 261, 221, 201, 172, 73.

² Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2. С. 393, 400, 413.

³ Павленко А. А. Организация живописного дела в Москве во второй половине XVII – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

видят в наделении женщин правами, повышении нравственности в обществе, через совершенствование его членов («совесть общественного мнения»¹⁰) и законодательства.

Женщины также высказывали свое мнение по разрешению женского вопроса и женской преступности на страницах периодических изданий. Феминистки считали женскую преступность протестной реакцией простых женщин на консервативные устои общества¹¹. Основа женской противоправной активности виделась в бесправном положении женщин в России: в детстве она раба родителей, от этой зависимости ее освобождает новая – замужество, от нее – смерть¹². Переломить ситуацию может только ломка стереотипов воспитания, доступ женщин к образованию и экономической самостоятельности. Таким образом, среднее сословие плотно связывало тему женщины-преступницы и женщины-жертвы обстоятельств современной ей жизни.

Особое отношение было к женщине-преступнице и преступлению в не-образованной среде, в первую очередь среди крестьянства. С одной стороны, крестьянство относилось ко многим преступлениям по букве закона достаточно равнодушно; с другой стороны, в народе передавались сведения о тяжелой арестантской доле. Народная мудрость гласит: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Ф. М. Достоевский писал о том, что простой народ «никогда не корит арестанта за его преступление, как бы ужасно оно ни было, и прощает ему все за понесенное им наказание и вообще несчастье»¹³. В мемуарах Д. А. Скульский упоминает, что крестьянские присяжные часто выносили снисходительный приговор даже тем, кто был виновен, чтобы спасти их от ужасов тюрьмы¹⁴. Свидетели высказывали версии, смягчающие или полностью отменяющие преступление: брат обвиняемой в детоубийстве говорит о том, что слышал от матери, что его сестра отправила ребенка на воспитание в Москву¹⁵.

В то же время примеры из практики окружных судов говорят о том, что деревенский мир с большой охотой участвовал в раскрытии преступлений, в том числе и собственными силами. Так, в реке близ деревни нашли труп ребенка, после этого происшествия всей деревней выясняли, кто из баб недавно был на сносях. По итогам «деревенского следствия» оказалось, что одна из замужних баб, живущая со свекром и свекровью, в отсутствие мужа нагуляла ребенка. Характеризуя взаимодействие деревенских обывателей с официальными властями, стоит отметить, что все, в том числе и родственники подозреваемой, сообщали все, что имело отношение к делу, но прямых обвинений не высказывали. Дистанцирование от преступления было еще одной тенденцией в отношении крестьян к преступлению, каждый стремился показать свою непричастность, занять позицию стороннего наблюдателя¹⁶.

Крестьянское отношение к преступнице формировалось на основе обычая. Для крестьянских девушек не так важно было мнение образованного общества, как мнение своей общины. Ради того, чтобы скрыть бесчестье, она идет на детоубийство; чтобы соседки не судачили о том, что муж охладел к ней, она может по совету местной ведуньи подложить какой-нибудь порошок

и ненароком отравить супруга; следуя традиции и мнению общины – «муж и жена одна сатана», она может стать соучастницей преступления мужа. Особое звучание в народной среде получила тема женщины-преступницы и женщины-жертвы. Дело в том, что обычное право отличалось от письменного. Получалось, что муж, который бьет свою жену, не делает ничего предосудительного, жена же, оказывающая сопротивление мужу, не права.

Таким образом, при осуждении самого факта преступления отношение к преступнице было в целом сочувственным. Общественное мнение в этот период становится мощным рычагом власти в обществе, который пытаются использовать в своих интересах люди, придерживающиеся различных взглядов. Образованная часть общества, которая являлась сторонницей реформ, стремилась использовать его для модернизации и совершенствования общества, консервативная общественность – как средство сохранения существующих порядков и мировоззрения. Инициатива частных лиц, связанная с этой проблемой, и общественное мнение оказались действенной силой, которая привлекла внимание власти к разрешению этой проблемы, что выразилось в законотворчестве.

Примечания

- ¹ Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Избранное. М., 1989. С. 317.
- ² Там же. С. 317.
- ³ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961, 3034, 2959, 2982, 3054, 3034, 3507; Ф. 466. Оп. 1. Д. 279, 301, 343, 66385, 66426.
- ⁴ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 3 об.
- ⁵ Там же. Д. 901. Л. 12.
- ⁶ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 296.
- ⁷ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 2.
- ⁸ Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2007. С. 157.
- ⁹ Крестовский В. В. Петербургские трущобы: книга о сытых и голодных: в 2 т. Л., 1990; Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 4. Л., 1972. С. 279; Толстой Л. Н. Крейцера соната // Повести и рассказы. М., 1980. С. 170–237.
- ¹⁰ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 197.
- ¹¹ Е. Л. Новости по женскому делу // Отечественные записки. 1870. № 1. С. 182.
- ¹² Цебрикова М. Гуманный защитник женских прав (по поводу романа г. Писемского «Люди сороковых годов») // Отечественные записки. 1870. № 2. С. 209.
- ¹³ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Т. 2. С. 79.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 2.
- ¹⁵ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2959.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961.

А. А. Павленко

Москва

РОМАНОВЫ И ЦАРСКИЕ ИЗОГРАФЫ XVII ВЕКА

Царские изографы XVII века – иконописцы и живописцы Оружейной палаты – являлись придворными художниками, работавшими по заказу Романовых и представителей царского двора. В жалованные царские изографы по царскому указу брали только самых лучших иконописцев России. Иноземных живописцев из сопредельных стран приглашали в Оружейную палату для работ над парсунами и обучения русских учеников новой технике масляной живописи. Царские изографы создали обширный круг произведений первоклассного искусства. Школа царских изографов, верных и древнерусским традициям, и осваивавших новые пути в живописи, подготовила переход от средневекового искусства к искусству Нового времени.

По обычаю московских правителей, первые цари дома Романовых считали иконописание делом государственной важности, способствовали появлению и развитию живописного дела в стране, принимали на себя роль первых меценатов искусства, ревниво контролируя эти области.

Тесная связь с современной им действительностью – одна из особенностей искусства царских изографов. Только что заключено Деулинское перемирие, возвращен из плена отец царя Михаила митрополит Филарет, «поставленный» вскоре патриархом, и тут же начаты работы по восстановлению сожженной в 1612 г. поляками столицы. Украшаются росписями московские дворцы и церкви, создаются иконы и иконостасы. Эти заказы выполняют царские изографы. В 1614 г. производится роспись паперти Благовещенского собора, в 1617–1619 гг. на средства царской и патриаршей казны построена церковь Входа в Иерусалим в Спасо-Преображенском монастыре Ярославля (с приделом Михаила Маленина – патрона царя Михаила).

Для выполнения многочисленных заказов в 1621 г. при Дворце создается особый Иконный приказ (существовал до 1638 г.) с Иконной палатой, которая с 1637 г. находилась под управлением близкого родственника царицы – окольничего В. И. Стрешнева. Как следует из царского указа от 5 января 1628 г. о выдаче жалованья иконописцам, в Иконной палате тогда работали 4 жалованных иконописца – Иван Паисеин, Назарий Истомино, Осип Поспеев, Федор Фирсов, а также один знаменщик – Леонтий Тимофеев. В 1620–1630-х гг. в Иконной палате числилось также еще 4 мастера-иконописца – Федор Савин, Бажен Савин, Иван Сподоба, Федор Осипов Поспеев. В 1642 г. там появляются жалованные иконописцы – Борис Паисеин, Марк Матвеев и Степан Увфимьев¹.

В 1642–1643 гг. при Дворце был учрежден специальный приказ, ведавший росписями Успенского собора Московского Кремля, или приказ «сборного иконного окладного дела». Его по царскому указу создали в связи с проведением капитального ремонта кремлевских соборов. Все работы

